

28 Октября.

УНИВЕРСИТЕТСКІЯ ИЗВѢСТІЯ.

Годъ XXXI. № 10—ОКТАБРЬ. 1891 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

Часть II—неофициальная.

- I. Рецензія римскаго гражданскаго права у современныхъ народовъ и его прямое значеніе для Россіи. Вступительная лекція, читан. 12 сент. 1891 г. — Приватъ-доц. П. Соколовскаго . . . . . 1—10
- II. Коринескій архитектурный орденъ. — Приватъ-доцента Г. Павлуцкаго . 101—158
- III. Исторія Кіевской земли отъ смерти Ярослава до конца XIV-го столѣтія. Сочиненіе, удостоенное золотой медали. — Студ. М. Грушевскаго . . . . . 421—466
- IV. О разводѣ по римскому праву въ связи съ исто-

рическими формами римскаго брака. — Проф. Д. Казакцева. . . . . 1—136

V. Теорія функцій комплекснаго переменнаго. — Проф. П. Покровскаго . 1—84

Критика и библиографія.

VI. Конецъ язычества. По поводу книги Гастона Буасье. — Проф. Ю. Кулаковскаго . . . . . 65—82

Прибавленія.

- I. Объявленія объ изданіи журналовъ и газетъ. . . 1—XI
- II. Таблица метеорологическихъ наблюденій за май 1891 г.

К І Е В Ъ.
1891.

И

121

206
1949

УНИВЕРСИТЕТСКІЯ

ИЗВѢСТІЯ.

ГОДЪ ТРИДЦАТЬ ПЕРВЫЙ.

№ 10—ОКТАБРЬ.

КІЕВЪ.

Типографія Императорскаго Университета Св. Владиміра.

В. І. Завадзкаго Большая-Васильковская улица, д. № 29—31.

1891.

△
P Slav 392.10
✓

51*17

Печатано по опредѣленію Совѣта Университета Св. Владимира.
Ректоръ *Θ. Фортинскій.*

THE LIBRARY OF CONGRESS
DUPLICATE

Digitized by Google

СОДЕРЖАНІЕ.

Часть II—неофициальная.

- I. Рецепція римскаго гражданскаго права у современ-
ныхъ народовъ и его прямое значеніе для Россіи.
Вступительная лекція, читанная 12 сентября 1891 г.
—Привать-доцента **П. Соколовскаго** . . . . . 1—10
- II. Коринескій архитектурный орденъ.—Привать-доцента
Г. Павлуцкаго . . . . . 101—158
- III. Исторія Кіевской земли отъ смерти Ярослава до
конца XIV-го столѣтія. Сочиненіе, удостоенное золо-
той медали.—Студента **Ш. Грушевскаго**. . . . . 421—466
- IV. О разводѣ по римскому праву въ связи съ истори-
ческими формами римскаго брака.—Проф. **Л. Казан-
цева** . . . . . 1—136
- V. Теорія функцій комплекснаго переменнаго.—Проф.
П. Покровскаго . . . . . 1—34

Критика и библиографія.

- VI. Конецъ язычества. По поводу книги Гастона Буасье.
—Проф. **Ю. Кулаковскаго** . . . . . 65—82

П р и б а в л е н і я.

- I. Объявленія объ изданіи журналовъ и газетъ . . . . . 1—XI
- II. Таблица метеорологическихъ наблюденій за май 1891
годъ.
-

Реценція римскаго гражданскаго права у современныхъ народовъ и его прямое значеніе для Россіи.

Вступительная лекція, читанная 12 сент. 1891 г. приватъ-доцентомъ П. Соколовскимъ.

Однимъ изъ главныхъ предметовъ нашего университетскаго преподаванія на юридическомъ факультетѣ считается „Римское право“. Мы изучаемъ государственное устройство, гражданское право народа, политическое могущество котораго уничтожено навсегда. Его домашніе очаги лежатъ въ развалинахъ, языкъ его называется мертвымъ.

Въ наше время особенно часто встрѣчаются рѣзкія нападки на классицизмъ и на его образовательное и воспитательное значеніе.

Даже сторонники и защитники классицизма ограничиваются обыкновенно одними указаніями на его благотворное вліяніе въ области эстетики и философіи.

Но этимъ далеко не исчерпывается все его значеніе. Онъ приобрѣлъ громадное вліяніе на всю нашу практическую жизнь тѣмъ, что у него учились всѣ новыя культурныя націи сложному искусству законодательства.

Трудно сказать, какой части того богатаго наслѣдства, которое намъ оставилъ древній греко-латинскій міръ, принадлежитъ преимущество: великимъ ли мыслямъ ихъ философовъ, высокимъ ли, понинѣ не осуществленнымъ идеаламъ ихъ художниковъ, или ихъ остроумному, глубокомысленному правовѣдѣнію.

Греція предъ нами является вѣчною родиною высшей красоты и блестящихъ идей. Энергичное и дѣятельное латинское племя, отличающееся всегда трезвымъ разсудкомъ и изумительно практическимъ духомъ, представило намъ въ своихъ законахъ не менѣе драгоценныя плоды своего генія.

Выдающеюся чертою римскаго характера является трезвый, но вмѣстѣ съ тѣмъ дальновидный эгоизмъ. Возникновеніе римской общины изъ мелкихъ началъ и ея постепенное развитіе дали каждому гражданину полную возможность понять зависимость между его личными интересами и общимъ благомъ.

Тѣсная связь между государственными учрежденіями и частнымъ бытомъ гражданина, которою характеризуется вообще древній міръ, достигла высшаго развитія въ Римѣ, гдѣ каждому частному лицу было извѣстно, какую долю своей личной свободы, своихъ собственныхъ выгодъ оно должно приносить въ жертву общему благу. Эгоизмъ Римлянина находился подъ строгою дисциплиною его обязанностей по отношенію къ государству.

Такой характеръ всего населенія представлялъ собою основаніе той грозной военной силы, того замѣчательнаго внутренняго порядка, благодаря которымъ латинское племя покорило себѣ почти весь тогда извѣстный міръ.

Нерѣдко Римлянамъ ставится въ упрекъ, что они были чужды всякаго сильнаго индивидуализма, что ихъ жизнь не могла породить истинно даровитыхъ, геніальныхъ типовъ, которыхъ въ такомъ изобиліи создала разнообразная, талантливая природа Эллиновъ.

Правда, что строгая организація общественной и государственной жизни въ Римѣ требовала отъ каждого гражданина опредѣленнаго образа дѣйствій, одинаковаго отсутствія опредѣленныхъ недостатковъ и наличности извѣстныхъ преимуществъ. Но именно эта строгая дисциплина влекла за собою ту изумительную выдержку характера, то величавое и гордое самообладаніе, которое заслуживало справедливо общаго удивленія и уваженія уже у древнихъ народовъ.

Если поэтому греческій классицизмъ отличается живостью и геніальностью, то римскій воодушевляетъ насъ не менѣе своею возвышенностью и цѣльностью. Нигдѣ мы въ исторіи римской республики не встрѣтимъ подобныхъ проявленій жалкаго и близорукаго тщеславія и смѣшной мелочности, которыя насъ такъ часто отталкиваютъ при изученіи жизни греческой общины. Мы можемъ справедливо сравнивать греческую націю съ граціозною и изящною, но нѣсколько капризною женщиною, а римскій народъ съ строгимъ, энергичнымъ мужчиною, хорошо понимающимъ цѣль своей жизни и неустанно стремящимся къ ея достиженію.

Во всѣхъ результатахъ греческой культуры мы замѣчаемъ сильное отраженіе дѣятельности отдѣльныхъ гениальныхъ лицъ; иначе въ Римѣ. Все, что здѣсь достигается, является успѣхомъ всего народа и не носитъ на себѣ отпечатка индивидуальной силы. Тоже самое мы наблюдаемъ въ постепенномъ развитіи римскаго законодательства и правовѣдѣнія. Кто положилъ фундаментъ этому грандіозному зданію, никому не извѣстно. Оно является дѣломъ духа всего народа и лучшимъ доказательствомъ изумительной организаціи римской жизни. Мы не знаемъ именъ тѣхъ преторовъ, которые своими указами создали матеріалы для кодификаціи римскаго гражданского права, и тѣхъ судей, которые своими рѣшеніями развивали общіе взгляды эдиктовъ до послѣднихъ тонкостей. Всѣ они являются лишь представителями энергіи, послѣдовательности и строгой справедливости, свойственныхъ духу всего римскаго народа.

Богатые законодательные матеріалы, накопившіеся въ указахъ преторовъ и высшихъ республиканскихъ магистратовъ вообще, нашли тщательную разработку и остроумное толкованіе при первыхъ римскихъ императорахъ. Правовѣдѣніе и наука вообще стали процвѣтать во время упадка республиканскаго духа и строгихъ нравовъ въ Римѣ. Лучшіе люди, преисполненные любви въ свободѣ и независимости, не нашедши въ глубоко испорченномъ обществѣ и при разложеніи республиканскихъ учрежденій никакого внутренняго удовлетворенія, сосредоточили весь свой интересъ, все свое стараніе исключительно на научныхъ занятіяхъ, а главнымъ образомъ на философскихъ и юридическихъ изслѣдованіяхъ. Это было время процвѣтанія стоической философіи и цивилистики. При первыхъ римскихъ императорахъ въ смутное и кровавое время ихъ царствованія, не смотря на постоянныя междоусобныя войны и внутреннія распри, были положены фундаменты тѣхъ глубокомысленныхъ ученій, которыя и нынѣ доставляютъ неисчерпаемые матеріалы и самыя плодотворныя идеи законодателямъ и судьямъ почти всѣхъ образованныхъ государствъ.

Занятія правовѣдѣніемъ получили тогда болѣе индивидуальный характеръ. Выступаютъ на первый планъ такіе гениальные юристы, какъ младшій Цельвій, Юліанъ, Папиніанъ, корифеи нашей науки, до высоты которыхъ никто еще не дошелъ.

Ихъ ученые труды составляютъ фундаментъ и главную часть кодификаціи Юстиніана, и все, что мы теперь еще знаемъ изъ древ-

няго классическаго гражданскаго права, намъ извѣстно по ихъ сочиненіямъ и глубокимъ толкованіямъ.

Въ 530 году славянинъ Управда, занимавшій подъ именемъ Юстиніана византійскій престоль, взялся за составленіе своего знаменитаго уложенія, отличающагося полнотою и многосторонностью собранныхъ матеріаловъ. Редакторы имѣли подъ рукою не только массу самыхъ разнообразныхъ законовъ и судебныхъ рѣшеній, но и самую богатую и драгоцѣнную литературу юристовъ классиковъ.

Весь сводъ Юстиніана *corpus juris civilis* состоитъ изъ 4 частей. Первая *Digestae* или *Pandectae* была обнародована въ 533 году. Въ 534 году вышла вторая дополнительная часть, такъ наз. *Codex*, и кромѣ того третья часть, содержащая цѣлый рядъ отдѣльныхъ новыхъ законовъ подъ названіемъ *Novellae*. Четвертую часть составляютъ Институціи, т. е. краткій очеркъ всего содержанія съ спеціальною цѣлью облегчить изученіе уложенія.

Этотъ сводъ вступилъ въ законную силу какъ гражданское право Византійской имперіи.

Въ 476 году, т. е. еще до обнародованія Юстиніанова кодекса, союзъ Германскихъ племенъ подъ начальствомъ Одоакра разрушилъ западную Римскую имперію. Завоеватели во внутреннемъ устройствѣ покоренной ими страны ничего не измѣнили. Хорошо понимавши значеніе высокой римской культуры, они всячески старались отстаивать существовавшіе въ Италиі порядки. Благодаря сему и гражданское право осталось непривосновеннымъ до тѣхъ поръ, пока полководцы Юстиніана Велисарій и Нарзесъ не уничтожили могущество Готовъ и присоединили Италію къ Византійской имперіи. За тѣмъ послѣдовало обнародованіе *corpus juris* и въ Италиі. Съ этихъ поръ уложеніе Юстиніана сохранило свою законную силу и въ Византіи и въ Италиі безпрерывно. Даже великое переселеніе народовъ не могло окончательно уничтожить его значенія. Не смотря на всѣ бури, на всѣ нападенія дикихъ народовъ, свирѣпствовавшихъ въ Италиі, продолжали здѣсь существовать школы и кружки, такъ наз. *studia*, въ которыхъ занимались изученіемъ классическаго правовѣдѣнія. Конечно, о процвѣтаніи римскаго права, о его распространеніи по другимъ странамъ тогда не могло быть рѣчи; оно, можно сказать, еле существовало при тогдашнихъ весьма затруднительныхъ обстоятельствахъ и при упадкѣ культуры вообще.

Все это значительно измѣнилось, когда въ 1088 году въ сѣверной Италіи въ Болонѣ, благодаря стараніямъ Маркграфини Тосканской Матильды, былъ учрежденъ первый университетъ. Главное его значеніе состояло въ томъ, чтобы собрать и обработать богатые остатки древней римской культуры. Въ числѣ первыхъ преподавателей института былъ знаменитый Ирнерій, одинъ изъ лучшихъ знатоковъ римскаго права вообще. Вслѣдствіе его вліянія въ Болонѣ стали заниматься спеціально изученіемъ законодательства Юстиніана, причемъ главная цѣль состояла въ толкованіи отдѣльныхъ статей и въ сличеніи тѣхъ изъ нихъ, которыя имѣли нѣкоторую связь между собою. Свои мысли по поводу прочитаннаго итальянскіе ученые приписывали къ самому тексту закона въ видѣ примѣчаній, такъ наз. глоссы. Такимъ образомъ былъ составленъ *corpus juris glossatum*, т. е. полное собраніе законовъ Юстиніана съ объяснительными примѣчаніями Болонскихъ профессоровъ. Послѣ Ирнерія слѣдовали еще цѣлый рядъ глоссаторовъ. Знаменитѣйшій изъ нихъ Акурсіи составилъ самыя лучшія и полныя глоссы, которыя и повнынѣ доставляютъ намъ богатые, необходимые матеріалы для изученія права.

Естественно было распространеніе славы Болонской академіи и въ другихъ странахъ. Стали пріѣзжать сюда молодые ученые для усовершенствованія своего образованія изъ Франціи, Германіи, Англіи. Особенно значительно было число учившихся здѣсь нѣмцевъ и французовъ, и когда три года тому назадъ праздновали восьмисотлѣтній юбилей Болонскаго университета, главнымъ образомъ Германія и Франція спѣшили отдать дань благодарности маститой *alma mater*, имѣвшей столь важное и благотворное вліяніе на развитіе юридической науки.

Болонскіе студенты, вернувшіеся на родину, привозили изъ Италіи глубокое уваженіе къ поражающему своимъ богатствомъ, своею полнотою законодательству Юстиніана, съ которымъ они познакомились болѣе или менѣе основательно, подъ руководствомъ Болонскихъ профессоровъ. Не мудрено, что они дома старались вездѣ примѣнять пріобрѣтенныя за границею познанія.

Хотя между законодательствомъ Юстиніана и дѣйствовавшимъ тогда въ Германіи и Франціи обычнымъ правомъ не было почти ничего общаго, учившіеся въ Болонѣ романисты тѣмъ не менѣе нашли

на родинѣ почву для ихъ стремленій уже нѣсколько приготовленную. Церковь, находившаяся въ тѣсной связи съ Римомъ и съ римскою культурою, уже давно успѣла водворить въ своихъ владѣнiяхъ римское гражданское право. Ученые монахи, познакомившись съ полнотою и послѣдовательностью кодификаціи Юстиніана, издавна занимались ея изученіемъ, стараясь вмѣстѣ съ тѣмъ провести ея постановленія въ жизни. Осуществилось правило: „ecclesia vivit lege romana“.

Сверхъ того стремленія романистовъ нашли полное сочувствіе городского и торговаго сословія. Скучное содержаніе германскаго обычнаго права далеко не удовлетворяло справедливымъ требованіямъ жизни промышленной и торговой. Признавая главнымъ, почти единственнымъ имуществомъ только недвижимость, германскіе и французскіе законы оставляли безъ всякаго вниманія разнообразныя имущественныя интересы промышленнаго населенія.

Рѣшеніе процесса въ коммерческомъ мірѣ зависѣло отъ случайностей, отъ произвола судей, лишенныхъ уже по своему недостаточному образованію всякой возможности рѣшить сложные и разнообразныя споры, возникавшіе вслѣдствіе заключенія торговыхъ сдѣлокъ и договоровъ. Легко поэтому понять, съ какимъ восторгомъ встрѣчали въ торговыхъ городахъ воспитанныхъ въ итальянской школѣ юристовъ. Въ число необразованныхъ присяжныхъ шеффеновъ, изъ которыхъ въ началѣ среднихъ вѣковъ состоялъ судъ во Франціи и Германіи, попадали все чаще и чаще юристы по призванію. Благодаря ихъ вліянію, въ судахъ стали примѣнять вмѣсто стараго обычнаго права прямо сводъ Юстиніана. Авторитетъ суда придавалъ иностраннымъ правовымъ источникамъ силу закона.

Это явленіе далеко не такъ исключительно, какъ это могло бы казаться. У насъ въ Россіи и на нашихъ глазахъ совершаются часто подобныя факты. Случается, что Правительствующій Сенатъ полагаетъ въ основаніе своихъ рѣшеній постановленія иностранныхъ законодательствъ, если наши законы не даютъ на подлежащій вопросъ положительнаго отвѣта.

Наконецъ, рецепціи римскаго права сильно способствовало стремленіе правительства во Франціи и Германіи сосредоточить въ своихъ рукахъ всю судебную власть. Добивались упраздненія стараго народнаго суда шеффеновъ, стараясь замѣнить его новыми правительственными судами. Всѣ члены этихъ трибуналовъ навначались

прямо правителемъ страны изъ числа ученыхъ юристовъ романистовъ. Прямимъ послѣдствіемъ этихъ мѣръ было исключительное примѣненіе одного только римскаго права во всѣхъ судахъ Франціи и Германіи. Разумѣется, всѣ эти реформы не прошли безъ сильнаго даже ожесточеннаго сопротивленія со стороны консервативныхъ слоевъ общества. Насколько сочувственно встрѣчали рецепцію римскаго права въ городахъ и въ торговыхъ центрахъ, на столько-же враждебно относилось къ ней деревенское населеніе, а именно, дворянство и крестьянство. Окончательное устраненіе шеффеновъ отъ всякаго участія въ правосудіи поставило массу народа въ полную зависимость отъ королевскаго суда. Латинскій языкъ, латинскіе термины, которые воцарились въ новыхъ судахъ, ему были непонятны. Надменное обращеніе королевскихъ судей съ тяжущимися оскорбляло и возмущало самолюбіе публики. Говорили въ народѣ, что слѣдовало бы всѣхъ этихъ ученыхъ юристовъ закутать въ ихъ рясы и отправить такимъ образомъ за Альпы, въ благословенную Италію, отсюда они привезли свои волшебныя формулы и другія безнравственныя хитрости. Нельзя сказать, чтобы эти возраженія были лишены всякаго основанія. Рецепція римскаго права явилась не какъ теплый майскій дождь,—какъ страшная гроза она обрушилась стихійною силою надъ Германією и Францією, смывла многія изъ древнихъ испытанныхъ учреждений и на многія повліяла неблагопріятно, передѣлавъ ихъ на римскій ладъ и лишивъ ихъ этимъ своего, соотвѣтствующаго возрѣніямъ народа, характера. Таково напр. было вліяніе романистовъ на залоговое право, которому только въ нашемъ столѣтіи удалось возвратитъ свое прежнее, сообразное съ практическими требованіями жизни, значеніе.

Тѣмъ не менѣе слѣдуетъ сказать, что только благодаря рецепціи римскаго права Франція и Германія добились полнаго, дающаго отвѣты на всѣ вопросы законодательства. Съ другой стороны, народъ только теперь сталъ ясно понимать значеніе своего древняго общаго права, только теперь сталъ отдавать себѣ отчетъ о достоинствѣ своихъ первобытныхъ законовъ. Результатомъ этой борьбы между приверженцами и противниками рецепціи явилось то обстоятельство, что классическій храмъ Юстиніанова права не могъ сохранить въ сѣверныхъ государствахъ чистоту своего строгаго стиля.

Французы и Нѣмцы, убѣдившись, что въ ихъ климатѣ нельзя

жить безъ простуды подъ изящными арками классическаго портика, построили перегородки, поставили печки и устроились вообще по своему. Въ составъ гражданскаго права входили мало по малу многочисленныя, чисто германскіе взгляды, многія постановленія значительно измѣнялись подъ вліяніемъ мѣстныхъ обычаевъ. Такимъ образомъ постепенно выработалось такъ называемое общее гражданское право *gemeines Civilrecht*,—*usus modernus pandectarum*.

Но таковой ходъ вещей привелъ въ одному весьма существенному недостатку.

Общее гражданское право не было нигдѣ записано и, хотя главный его составъ былъ прямо заимствованъ изъ кодификацій Юстиніана, но тѣмъ не менѣе оно имѣло много постановленій, которыя не встрѣчались въ римскомъ правѣ.

Для устраненія этого неудобства, въ нѣкоторыхъ Европейскихъ государствахъ приступили къ кодификаціоннымъ работамъ. Первая начала Пруссія своимъ *Allgemeines Landrecht* въ 1794 году, слѣдовала Франція со своимъ *code civil* 1804, который потомъ былъ обнародованъ въ значительной части западной Германіи, въ Царствѣ Польскомъ и т. д. Въ 1811 году вышло Австрійское уложеніе. Всѣ эти законодательства основываются цѣликомъ на римскомъ правѣ, которое, по справедливому замѣчанію, сдѣлалось, какъ и христіанство, истинно культурнымъ элементомъ новѣйшаго міра.

Такимъ образомъ, рецепція римскаго права имѣла двойное значеніе.

Въ нѣкоторыхъ странахъ это право, какъ *usus modernus pandectarum*, продолжало считаться дѣйствующимъ закономъ. Таково было его значеніе въ большей части Германіи, въ Голштиніи, Шлезвигѣ, Ганноверѣ, Гессенѣ, Ольденбургѣ, въ Баварскомъ и Вюртембергскомъ королевствѣ и до 1863 года въ нашемъ Балтійскомъ краѣ.

Въ другихъ же государствахъ оно составило фундаментъ и главную часть новыхъ кодификацій.

Послѣ низверженія могущества Наполеона и окончанія разорившихъ Европу безконечныхъ войнъ воскресла вездѣ новая общественная и научная жизнь, воспріянула и Германія. Тогда у нѣмецкихъ юристовъ явилась мысль увѣнчать великое дѣло освобожденія отечества составленіемъ одного общаго германскаго уложенія. Особенно выдѣлился своимъ энтузіазмомъ Гейдельбергскій профессоръ

Thibaut. Онъ горячо заступился за эту идею въ своей брошюрѣ: „О необходимости общаго гражданскаго права для Германіи“. — „Ueber die Nothwendigkeit eines allgemeinen bürgerlichen Rechts für Deutschland“. Противъ этого всеобщаго увлеченія раздался голосъ энергичнаго протеста молодаго тогда еще ученаго, но пріобрѣвшаго впоследствии громадную славу, Fr. Carl. Savigny. Въ своемъ знаменитомъ сочиненіи: „О призваніи нашего времени относительно законодательства и правовѣднія“ — „Vom Beruf unserer Zeit für Gesetzgebung und Rechtswissenschaft“, — онъ доказалъ, что народъ и его руководители въ дѣлѣ законодательства, германскіе юристы далеко еще не созрѣли для подобнаго громаднаго предпріятія и, что въ народѣ нѣтъ такихъ плодотворныхъ идей, которыя могли бы служить основаніемъ и руководящей нитью для законодательства. Напротивъ того, по словамъ Savigny, методъ римскихъ юристовъ не оставляетъ намъ желать ничего лучшаго; теорія и практика сливаются въ одно цѣлое, теорія ихъ совершенствуется до непосредственнаго примѣненія въ жизни, а практика облагораживается научною разработкою. Подчиняясь этому совершенству римскаго правовѣднія, при чтеніи сочиненій древнихъ авторовъ, мы должны до той степени проникать въ ихъ духъ, чтобы усвоить себѣ ихъ пріемы юридическаго мышленія. Только слѣдуя по ихъ стопамъ, мы можемъ начать свою творческую дѣятельность и такимъ образомъ продолжать ихъ прерванную работу въ томъ же духѣ.

Этому правильному пониманію основной идеи римскихъ юристовъ намъ мѣшаетъ *usus modernus pandectarum*. Поэтому Savigny требуетъ восстановленія въ нашемъ воображеніи храма классическаго права въ его настоящемъ стилѣ и устраненія прибавокъ, сдѣланныхъ позднѣйшими архитекторами уже подъ вліяніемъ обычнаго права. Въ силу этого необходимо, по его мнѣнію, познакомиться основательно съ исторіею права, надо разсматривать каждое юридическое понятіе исторически.

Въ самомъ дѣлѣ, Savigny удалось устранить въ своихъ соотечественникахъ всякую мысль о составленіи новаго уложенія и создать такъ наз. историческую школу права, талантливые послѣдователи которой такъ высоко подняли юридическую науку въ Германіи. Между ними первое мѣсто занимаютъ Puchta, Jhering, Keller, Vangerov, Windscheid. Но слова Savigny и для нашего брата русскаго

юриста должны имѣть большое значеніе. Наша страна положительно страдаетъ отъ неполной и несистематичной кодификаціи гражданскаго права.

Рецепція римско-византійскаго права совершилась и у насъ до извѣстной степени, благодаря вліянію греческаго православнаго духовенства въ области семейственнаго и наслѣдственнаго права. Но за то наше залоговое право, наше право договоровъ и обязательствъ, играющее столь важную роль въ практической жизни, страдаетъ такими недостатками, что оно далеко не удовлетворяетъ нуждамъ и потребностямъ народа. Какъ у другихъ націй, такъ и у насъ обычное право не можетъ наполнить этихъ пробѣловъ. Приходится искать помощи извнѣ. И дѣйствительно, это положеніе дѣлъ теперь принято во вниманіе нашимъ правительствомъ.

Съ 1881 года работаетъ комиссія по составленію новаго гражданскаго уложенія. Судя по всѣмъ, намъ пока извѣстнымъ даннымъ, система нашего новаго уложенія будетъ основываться на римскихъ началахъ, особенно въ области обязательственнаго права. Для нашего поколѣнія поэтому римское право не должно представить одинъ только археологическій интересъ. Мы будемъ изучать его не для того, чтобы блеснуть техническимъ словомъ передъ судьей и поставить въ затруднительное положеніе неопытнаго противника; для насъ римское гражданское право должно имѣть огромное практическое значеніе. Да будетъ оно *caput et fundamentum* нашихъ университетскихъ занятій, ибо на немъ могутъ основываться многія законоположенія нашего будущаго гражданскаго кодекса.

Нашему поколѣнію юристовъ суждено будетъ проводить идеи новаго законодательства въ жизни.

Предметъ нашихъ занятій весьма обширенъ, онъ требуетъ много труда и напряженнаго вниманія. Часто онъ Вамъ покажется сухимъ, но по мѣрѣ того, какъ Вы его станете изучать, возрастетъ ваша любовь, ваша симпатія къ нему, и я твердо увѣренъ въ томъ, что мы такимъ образомъ, помогая другъ другу общими стараніями, достигнемъ нашей цѣли сдѣлаться полезными дѣателями, серьезными труженниками въ честь и славу нашего отечества.

КОРИНΘСΚΙЙ АРХИТЕКТУРΝЫЙ ОРДЕНЪ.

Tertium vero (genus), quod Corinthium dicitur, virginalis habet gracilitatis imitationem, quod virgines propter aetatis teneritatem gracilioribus membris figuratae effectus recipiunt in ornatu venustiores.

(Vitr. Lib. IV, cap. 1, § 8).

IV.

Памятники коринѳскаго ордена.

Изложить исторію начальнаго періода коринѳскаго ордена не только трудно, но и совершенно невозможно, такъ какъ самыя ранніе изъ дошедшихъ до насъ коринѳскихъ памятниковъ не восходятъ по своей древности выше V вѣка до Р. Х. Необходимо, однако, допустить, что коринѳскій орденъ существовалъ въ Греціи задолго до эпохи высшаго расцвѣта искусства. Иначе оставалось бы непонятнымъ, какимъ образомъ коринѳскій стиль разомъ могъ получить то значеніе, какимъ пользовался онъ уже въ самомъ началѣ IV вѣка, составивъ, по свидѣтельству Павзанія, украшеніе одного изъ великолѣпныхъ храмовъ Пелопоннеса, храма Аѳины въ Тегеѣ. Этотъ храмъ былъ сооруженъ Скопасомъ въ ранній періодъ его художественнаго творчества. Въ архитектурномъ отношеніи храмъ въ Тегеѣ замѣчательнъ тѣмъ, что въ немъ были употреблены колонны всѣхъ трехъ орденовъ¹⁾. Упот-

¹⁾ Paus. VIII, 45, 4: Τεγεαταις δὲ Ἀθηνᾶς τῆς Ἀλέας τὸ ἱερόν τὸ ἀρχαῖον ἐποίησεν Ἄλεος· χρόνῳ δὲ ὑστερον κατασκευάσαντο οἱ Τεγεᾶται τῇ θεῷ ναὸν μέγαν τε καὶ θεᾶς ἄξιον. ἐκεῖνο μὲν δὴ πῦρ ἤφάνισεν ἐπιπερηθὲν ἐξαίφνης, Διοφάντου παρ' Ἀθηναίους ἀρχοντας, δευτέρῳ δὲ ἔπει τῆς ἔκτης καὶ ἐνενηκοστῆς Ὀλυμπιάδος, ἣν Εὐπόλεμος Ἠλεῖος ἐνίκα στάδιον. Ὁ δὲ ναὸς ὁ ἐφ' ἡμῶν πολὺ δὴ τι τῶν ναῶν, ὅσοι Πελοποννησίους εἰσὶν, ἐς κατασκευὴν προέχει τὴν ἄλλην καὶ ἐς μέγεθος. ὁ μὲν δὴ πρῶτός ἐστιν αὐτῷ κόσμος τῶν κίωνων Δωρίος, ὁ δὲ ἐπὶ τούτῳ Κορίνθιος· ἐστήκασι δὲ καὶ ἐκτός τοῦ ναοῦ κίονες ἐργασίας τῆς Ἴωνων. Ἀρχιτέκτονα δὲ ἐπονθανόμην Σκόπαν αὐτοῦ γενέσθαι τὸν Πάριον, ὃς καὶ ἀγάλματα πολλαχοῦ τῆς ἀρχαίας Ἑλλάδος, τὰ δὲ καὶ περὶ Ἴωνίαν τε καὶ Καρίαν ἐποίησε.—Археологическія розысканія, произведенныя на мѣстѣ

ребленіе коринѣскихъ колоннъ совмѣстно съ колоннами другихъ греческихъ стилей въ храмѣ, превосходящемъ своими размѣрами и великолѣпіемъ всѣ другія постройки Пелопоннеса, свидѣтельствуешь о томъ, что коринѣскій стиль въ ту пору пользовался въ греческой архитектурѣ значеніемъ, которое могло установиться только въ продолженіе долгаго періода. Слѣдовательно, уже гораздо раньше въ Греціи существовали постройки въ которыхъ былъ примѣненъ коринѣскій орденъ. Весьма вѣроятно также, что въ древнѣйшее время, когда главный характеръ греческой архитектуры составляли прочность и массивность зданія, коринѣскія колонны, вслѣдствіе своей легкости и граціозности, не имѣли большаго распространенія и употреблялись для небольшихъ сооружений. Этимъ объясняется отсутствіе древнѣйшихъ коринѣскихъ памятниковъ и недостаточность нашихъ свѣдѣній о начальномъ періодѣ коринѣскаго зодчества. Коринѣскій стиль выдвинулся на первый планъ только тогда, когда дорическій орденъ достигъ своего упадка, а іоническій—своего полнаго развитія.

Древнѣйшій архитектурный памятникъ, въ которомъ мы встрѣчаемъ коринѣскую колонну, это—храмъ Аполлона Эпикурія въ Аркадіи¹⁾. Храмъ этотъ расположенъ на склонѣ горы Котиліи, въ семи верстахъ отъ нынѣшняго селенія Павлицы или древней Фигалии. Пригородъ, возлѣ котораго былъ расположенъ храмъ, въ древности носилъ названіе Βᾶσσα (лощина). Въ настоящее время туземцы зовутъ эту мѣстность οἱ στῦλοι (колоннада). Живописность мѣстоположенія придаетъ развалинамъ храма особенную привлекательность. Съ той вы-

---

храма въ Тегеѣ нѣмецкими учеными, обнаружили самыя незначительныя остатки его, собранныя теперь въ Аеннахъ. Эти остатки показали, что дорическія колонны находились не внутри храма, какъ говоритъ Павзаній, а составляли наружную колоннаду его. Коринѣскія колонны, отъ которыхъ не уцѣлѣло никакихъ слѣдовъ, вѣроятно, поддерживали потолокъ въ предхрамїи, πρόναος, и въ заднемъ отдѣленіи храма, ὀπισθόδομος, а іоническія находились внутри цѣлы. См. Sybel, Weltgeschichte der Kunst. Marburg. 1888. S. 232. Baumeister's Denkmäler des klassisch. Altertums. S. 275. Durm, Handbuch der Architektur. Darmstadt 1881. I Bd. S. 188.

¹⁾ При описаніи этого храма мы пользовались слѣд. работами: Louis de Ronchaud, Phidias sa vie et ses ouvrages. Paris 1861 (Седьмую главу своего сочиненія авторъ посвящаетъ описанію фигалійскаго храма и его скульптуръ, исполненныхъ, по его мнѣнію, учениками Фидіа); Phigalia, статья Baumeister'a въ изданныхъ имъ Denkmäler der klassisch. Altertums; Laloux, L'architecture Grecque. Paris, 1888, p. 157 слѣд.; Reber, Geschichte der Baukunst im Alterthum. Leipzig. 1866. Zweite Lieferung. S. 301 слѣд.

соты, на которой находится храм¹⁾, взору открываются равнина Стеникляръ, гора Истома и синяя даль Мессенскаго залива съ одной стороны, а съ другой—глазъ обозрѣваетъ равнину и заливъ Кипариссія. Остатки храма сдѣлались извѣстны только въ концѣ прошлаго столѣтія. Въ 1812 году общество англійскихъ и нѣмецкихъ ученыхъ и архитекторовъ, соединившихся для археологическихъ розысканій на почвѣ древней Элады, послѣ блистательнаго открытія фронтоновыхъ группъ храма Аѳины на островѣ Эгинѣ²⁾, изслѣдовало развалины храма въ Бассахъ. Произведенныя здѣсь раскопки доставили важныя археологическія находки: были открыты значительныя обломки барельефовъ, украшавшихъ внутренній фривъ целлы, и одна коринѣская колонна, одиноко стоявшая въ глубинѣ храма. Въ 1814 году найденныя скульптурныя изображенія были проданы въ Англію и въ настоящее время составляютъ собственность Британскаго музея.

По свидѣтельству Павзанія, храмъ Аполлона Эпикурія послѣ тегейскаго былъ самымъ великолѣпнымъ въ Пелопоннесѣ, какъ по красотѣ и гармоніи пропорцій, такъ и по матеріалу (τοῦ λίθου τε ἐς κάλλος καὶ τῆς ἀρμονίας ἕνεκα)³⁾. Храмъ выстроенъ изъ мѣстнаго известковаго камня съ мелкимъ зерномъ и мраморными жилками; только для фриза и метоповъ употребленъ паросскаго мрамора.

О времени построенія храма Павзаній говоритъ такъ: „Названіе Эпикурія (цѣлебнаго) дано Аполлону потому, что онъ оказалъ жителямъ помощь во время заразительной болѣзни, точно также какъ у аѳинянъ по тому же самому поводу онъ получилъ прозвище Ἀλεξίκακος (отвратитель бѣдствія). Избавленіе фигалійцевъ отъ заразы произошло именно во время пелопоннесской войны, что подтверждаютъ оба прозвища Аполлона, имѣющія почти одинаковое значеніе, и то, что архитекторомъ фигалійскаго храма былъ Иктинъ, современникъ

¹⁾ Почти 1020 метровъ надъ уровнемъ моря.

²⁾ Объ эгинскихъ скульптурахъ см. статью Леонгьева, подъ заглавіемъ „Эгинскіе мраморы Мюнхенской галлереи“, въ *Прописеяхъ* (1851 г., кн. I, стр. 59 и слѣд.).

³⁾ Paus. VIII, 41, 7: Περιέχεται δὲ ἡ Φιγαλία ὄρεσιν, ἐν ἀριστερᾷ μὲν ὑπὸ τοῦ καλοῦμένου Κωτίλιου, τὰ δὲ ἐς δεξιὰν ἕτερον προβεβλημένον ἐστὶν αὐτῆς ὄρος τὸ Ἐλάτιον. ἀπέχει δὲ τῆς πόλεως ἐς τεσσαράκοντα τὸ Κωτίλιον μάλιστα σταδίου· ἐν δὲ [τῷ] αὐτῷ χωρίῳ τέ ἐστι καλούμενον Βᾶσσα· καὶ ὁ ναὸς τοῦ Ἀπόλλωνος τοῦ Ἐπικουρίου, λίθου καὶ αὐτὸς καὶ ὁ ὄροφος. Ναῶν δὲ ὅσαι Πελοποννησίους εἰσὶ, μετὰ γε τὸν ἐν Τεγέᾳ, προτιμῶτο οὗτος ἂν τοῦ λίθου τε ἐς κάλλος καὶ τῆς ἀρμονίας ἕνεκα.

Перикла, строитель аѳинскаго Партегона¹⁾. Такимъ образомъ, Павзаній полагаетъ, что храмъ былъ сооруженъ во время Пелопоннеской войны. Это мнѣніе раздѣляется и нѣкоторыми изъ новѣйшихъ ученыхъ, какъ напр. Ленорманомъ²⁾. Напротивъ, Отффридъ Мюллеръ не признаетъ вѣрности этого извѣстія; сопоставленіе нѣкоторыхъ данныхъ приводитъ Мюллера въ заключенію, что сооруженіе фигалійскаго храма должно быть отнесено къ эпохѣ болѣе древней³⁾. Павзаній сообщаетъ, что архитекторомъ храма былъ Иктинъ, строитель Партегона. Существуютъ основанія, по которымъ можно предположить, что Иктинъ былъ аѳинянинъ; въ этомъ убѣждаетъ насъ прежде всего обширная дѣятельность его въ Аѳинахъ, затѣмъ самое построеніе фигалійскаго храма, гдѣ на барельефахъ фриза были представлены любимыя темы аттическаго ваянія,—битва аѳинянъ съ кентаврами на свадьбѣ Перитоя, царя Лапитовъ, и сраженіе Тезея съ Амазонками. Изъ Оукидида же мы знаемъ, что жители Аркадіи во время Пелопоннеской войны были союзниками лакедемонянъ въ борьбѣ противъ аѳинянъ⁴⁾. Едвали, поѣтому, Иктинъ могъ тогда принять на себя постройку фигалійскаго храма. Далѣе свидѣтельство Павзанія о моровой язвѣ, постигшей Аркадію, теряетъ свое значеніе, если сравнить его съ противоположнымъ ему свидѣтельствомъ Оукидида. Этотъ историкъ говоритъ, что зараза почти не коснулась областей Пелопоннеса и что только одна Аттика испытала на себѣ ея опустошительное дѣйствіе⁵⁾. Всѣ эти данныя сильно располагаютъ противъ мнѣнія Павзанія и заставляютъ согласиться съ Мюллеромъ. Участіе Иктина въ построеніи фигалійскаго храма, какъ справедливо замѣчаетъ Роншо, могло находиться въ связи съ пребываніемъ Фидія въ Олимпіи.

¹⁾ Paus. VIII, 41, 8: τὸ δὲ ὄνομα ἐγένετο τῆ 'Απόλλωνι ἐπικουρήσαντι ἐπὶ νόσῳ λοιμώδει, καθότι καὶ παρ' Ἀθηναίοις ἐπωνυμίαν ἔλαβεν Ἀλεξίκακος ἀποτρέψας καὶ τούτοις τὴν νόσον. ἔπαυσε δὲ ὑπὸ τὸν [τῶν] Πελοποννησίων καὶ Ἀθηναίων πόλεμον καὶ τοὺς Φιγαλέας, καὶ οὐκ ἐν ἐτέρῳ καιρῷ· μαρτύρια δὲ αἱ τε ἐπικλήσεις ἀμφοτέραι τοῦ Ἀπόλλωνος ἐοικὸς τι ὑποσημαίνουσαι, καὶ Ἰκτίνος ὁ ἀρχιτέκτων τοῦ ἐν Φιγαλίᾳ ναοῦ γεγονῶς τῇ ἡλικίᾳ κατὰ Περικλέα καὶ Ἀθηναίοις τὸν Παρθενῶνα καλούμενον κατασκευάσας.

²⁾ Мнѣніе Ленормана приводитъ Роншо, Phidias sa vie et ses ouvrages, p. 352.

³⁾ Ronchaud, Phidias, p. 350.

⁴⁾ Thucyd. II, 9, 2, V, 57, 2.

⁵⁾ Thucyd. II, 54, 5: ἐσβεβληκότων δὲ τῶν Πελοποννησίων ἡ νόσος ἤρξατο εὐθύς. καὶ ἐς μὲν Πελοπόννησον οὐκ ἐσήλθεν, ὅ τι ἄξιον καὶ εἰπεῖν, ἐπενειματο δὲ Ἀθήνας μὲν μάλιστα, ἔπειτα δὲ καὶ τῶν ἄλλων χωρίων τὰ πολυανθρωπότατα. ταῦτα μὲν τὰ κατὰ τὴν νόσον γεγόμενα.

Съ прекращеніемъ работъ въ Партедонѣ въ 438 году, Фидій, какъ извѣстно, отправился въ Элиду вмѣстѣ съ нѣкоторыми изъ своихъ учениковъ для исполненія хризелефантинной статуи Зевса въ Олимпіи ¹⁾. Въ это же время Иктинъ могъ взять на себя сооруженіе фигалійскаго храма. Аггическіе сюжеты пластическихъ украшеній храма указываютъ, повидимому, на то, что Иктинъ воспользовался сотрудничествомъ одного изъ учениковъ Фидія, находившихся въ Олимпіи, для исполненія картоновъ, по которымъ затѣмъ мѣстные художники изваяли барельефы фриза ²⁾. Очень вѣроятно, такимъ образомъ, что храмъ въ Бассахъ былъ сооруженъ не задолго до 435 года который принесъ уже роковую вѣсть о началѣ военныхъ дѣйствій при Сиботахъ ³⁾.

Ни одинъ изъ храмовъ древней Эллады не представляетъ столько своеобразія въ архитектурѣ и декоративныхъ частяхъ, какъ храмъ Аполлона въ Бассахъ. Планъ храма мы прилагаемъ на рис. 38. По формѣ храмъ Аполлона можно назвать периптеральнымъ гексастильнымъ храмомъ. Основаніе храма образуетъ удлинненный четырехугольникъ, 125 англійскихъ футовъ въ длину и 48 въ ширину. Цѣлое зданіе окружено колоннадой дорическаго ордена, по 6 колоннъ съ фронта и по 15 по бокамъ, всего 38; кромѣ того, оба портика имѣютъ по

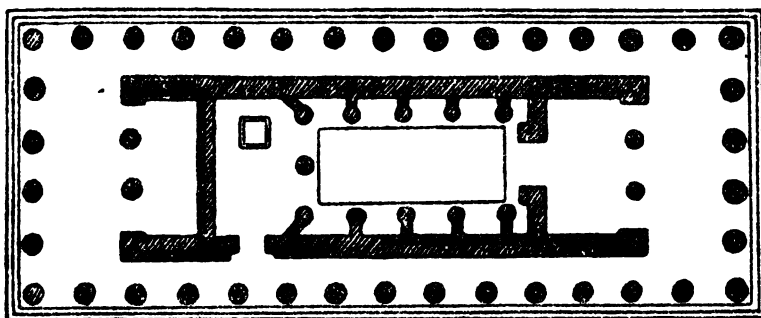

Рис. 38.—Планъ храма Аполлона въ Бассахъ
близъ Фигаліи.

двѣ колонны между антами. Въ настоящее время на мѣстѣ сохранилось только 36 колоннъ, соединенныхъ архитравами ⁴⁾. Внутренность

¹⁾ См. Collignon, Phidias. Paris, 1836, p. 96 и слѣд.

²⁾ Если не самъ Иктинъ исполнилъ эти картоны; въ этомъ предположеніи нѣтъ ничего невѣроятнаго, если взять во вниманіе широкую разносторонность талантовъ греческихъ художниковъ вообще.

³⁾ Thucyd. I, 45 и слѣд.

⁴⁾ Изображеніе развалинъ храма приложено у Laloux, L'Architecture grecque. Paris, 1886. Fig. 131.

храма или святилище (cella) украшена двумя рядами іоническихъ колоннъ, приставленныхъ къ стѣннымъ выступамъ или контрфорсамъ, образующимъ родъ углубленныхъ нишей; каждый рядъ содержитъ въ себѣ по пяти колоннъ; два послѣдніе контрфорса соединяются со стѣнами въ косомъ направленіи. Капители этихъ колоннъ ¹⁾ исполнены въ стилѣ, подражающемъ древнему и называемомъ архаистическимъ. Форма ихъ значительно уклоняется отъ обыкновенной формы іонической капители. Прежде всего она имѣетъ три одинаковыя стороны, т. е. каждая сторона капители украшена завитками. Эта форма впоследствии была принята въ римской архитектурѣ; образцы ея въ изобиліи встрѣчаются въ Помпеяхъ. Затѣмъ завитки соединены не прямой линіей, но дугообразной, по образцу протоіоническихъ капителей на барельефѣ Птеріума въ Малой Азіи ²⁾. Капители лишены абака, который по мнѣнію Лоде, могъ быть изъ бронзы. База колоннъ также своеобразна; они не походятъ ни на аттическую, ни на іоническую базу, и содержатъ въ себѣ какъ бы зачатки іоническаго вида; внѣшность ея составляютъ: два желоба (τρόχλοι), изъ которыхъ одинъ очень низкій, а другой очень высокій, и небольшой полукруглый валъ (torus). Основаніе базы очень расширено въ стороны и значительно превышаетъ двойную длину нижняго діаметра колонны. Между послѣдними контрфорсами, посреди целлы, стояла помянутая коринфская колонна, ограничивая собой пространство, надъ которымъ находилось большое отверстіе для свѣта, устроенное въ потолкѣ. Надъ архитравомъ внутреннихъ колоннъ былъ расположенъ на протяженіи 30 метровъ фризъ, украшенный скульптурами. Скульптуры эти принадлежатъ къ числу замѣчательныхъ памятниковъ античнаго искусства, дошедшихъ до нашего времени. Сюжетомъ ихъ служатъ темы, заимствованныя изъ національныхъ легендъ Аттики. Прямо противъ входа, посрединѣ южной стороны представленъ Аполлонъ, ѣдущій на колесницѣ, заложеной оленями и управляемой Артемидой. Слева и справа вдоль стѣнъ идутъ живыя и сложныя композиціи; на восточной и сѣверной сторонахъ целлы изображена битва амазонокъ съ

¹⁾ См. изображеніе капители у Mauch'a, Die architektonisch. Ordnungen der Griechen und Römer. Taf. 26.

²⁾ Изображеніе барельефа см. у Texier, Description de l'Asie Mineure. I vol. pl. 7.), и Chipiez, Histoire critique des origines et de la formation des ordres grecs, на стр. 130.

Тезеємъ и аѳинянами; на западной и частью южной стѣнахъ представлена битва кентавровъ съ лапитами на свадьбѣ Перитоя, царя лапитовъ, въ которой также участвовалъ Тезей и аѳинскіе юноши. Мы приведемъ относящееся къ этимъ памятникамъ античной скульптуры сужденіе Любке, котораго красивыя и мастерскія характеристики произведеній искусства до сихъ поръ не утратили своего важнаго значенія. Вотъ что говоритъ онъ о фризѣ фигалійскаго храма въ своей *Исторіи пластики*: „Объ названныя битвы были любимую темою тогдашняго греческаго искусства, какъ мы это можемъ заключить изъ частаго повторенія ихъ на памятникахъ; но нигдѣ эта тема не была разработана съ такимъ избыткомъ фантазіи, съ такою гениальною изобрѣтательностью и съ такимъ полнымъ огнемъ одушевленіемъ, какъ на фризѣ, который мы описываемъ. Композиція сочинена въ такомъ бѣшеномъ темпѣ, который неудержимо увлекаетъ все за собою. Одна страстная, истребительная жажда битвы охватила сражающихся и однихъ сучила въ дикую, рукопашную схватку, а другихъ нещадно повергла на землю..... Художникъ, изваявшій эти фризы, обладалъ такою глубиною и силою изобрѣтательности, что съ удивительною легкостью могъ разнообразить свою главную тему постоянно новыми мотивами и изумлять зрителя смѣлыми и неожиданными связками..... Какъ неудивительно описываемые нами фризы по раскрывающейся въ нихъ силѣ изобрѣтательности,—исполненіе ихъ оказывается неудовлетворительнымъ: оно неровно, не свободно отъ ошибокъ противъ изящества и вѣрности натурѣ, отчасти поверхностно декоративно, отчасти нѣсколько ремесленно. Нагое тѣло работано вообще прекрасно, хотя нѣсколько жестко и слишкомъ высокимъ рельефомъ, но часто руки очень велики и тяжелы, нижняя часть ногъ слишкомъ коротка, а верхняя несоразвѣрно длинна;—эта послѣдняя ошибка можетъ быть, впрочемъ, умышенная, и сдѣлана для того, чтобы нѣсколько ослабить слишкомъ сильный ракурсъ, въ которомъ фигуры представлялись зрителю, имѣвшему фризы почти у себя надъ головой, такъ какъ небольшое пространство храма не позволяло ему разсматривать ихъ на достаточномъ разстояніи. Кромѣ того, многія движенія, вслѣдствіе необычайной ихъ живости, вышли слишкомъ рѣзки, порывисты, вообще преувеличены. Женскія фигуры особенно неизящны: онѣ слишкомъ плотны, тяжелы, даже неуклюжи“¹⁾).

¹⁾ Любке, *Исторія пластики*. Перев. В. Чаева. Москва, 1870, стр. 127 слѣд.

Значительная разница въ художественномъ отношеніи, существующая между фигалійскимъ фризомъ и скульптурами Партефона, заставила нѣкоторыхъ ученыхъ склониться къ предположенію, что аѳинскіе художники не участвовали въ созданіи скульптуръ фигалійскаго храма и что созданіе это всецѣло принадлежало пелопоннескимъ ваятелямъ. Къ числу этихъ ученыхъ принадлежатъ Любке, Овербекъ и другіе. Задачи нашего изслѣдованія не позволяютъ намъ подробно касаться этого спорнаго вопроса. Мы позволимъ себѣ только указать здѣсь на нѣкоторые новые факты, замѣченные нами при сравненіи фигалійскихъ памятниковъ съ скульптурами Партефона. Эти факты, на которые до сихъ поръ не было обращено вовсе вниманія, не позволяютъ, какъ намъ кажется, сомнѣваться въ томъ, что сочиненіе этой сложной картины принадлежитъ одному изъ аѳинскихъ скульпторовъ. На участіе здѣсь аѳинскихъ художниковъ указываютъ, кромѣ самихъ сюжетовъ, нѣкоторыя частности исполненія. Таковы прежде всего типъ лошадей, на которыхъ сражаются амазонки. Этотъ типъ служитъ повтореніемъ типа, созданнаго Фидіемъ. Голова одного изъ коней, съ котораго падаетъ амазонка, увлекаемая аѳинскимъ воиномъ, очень близко напоминаетъ голову коня Селены восточнаго фронтона Партефона ¹⁾. Эта голова, сохраняющаяся вмѣстѣ съ другими обломками изваяній Партефона въ Британскомъ музеѣ, въ Лондонѣ, представляетъ одно изъ наиболѣе мастерскихъ созданій греческаго рѣзца. Коротко остриженная грива, выпуклые глаза, широко раздутые ноздри, очертаніе рта, полного огня, выраженіе энергіи и силы въ каждой линіи контура,—таковы особенности типа лошади, который созданъ былъ Фидіемъ и усвоенъ всей аттической школой V вѣка ²⁾. Мы встрѣчаемъ его на фризѣ Партефона, на извѣстной стелѣ Дексилея, найденной въ некрополѣ Керамика въ Аѳинахъ ³⁾, на барельефѣ, представляющемъ всадника, изъ villa Albani въ Римѣ, на рельефѣ галикарнасскаго мавзолея и на фигалійскомъ фризѣ. Далѣе, центральная фигура восточной стороны фигалійскаго фриза, представляющая Тезея, схватившаго одной рукой за головной уборъ падающей съ коня амазонки,

¹⁾ См. прекрасное изображеніе головы коня Селены у Collignon'a, Phidias. Paris, 1886, на стр. 49.

²⁾ Maxime Collignon, Phidias. Paris, 1886, p. 50.

³⁾ Изображеніе стелы Дексилея см. у Пьера Пари, Древняя скульптура. Перев. и изд. редакціи „Вѣстника изящныхъ искусствъ“. С.-Петербургъ, 1889, рис. 124.

а другую закинувшего за голову, прямо скопирована съ центральной фигуры западнаго фронтона Партеона т. е. съ фигуры Посейдона. Изъ многочисленныхъ статуй, которыя украшали западный фронтонъ Партеона въ настоящее время существуетъ только двѣ обезображенныхъ фигуры и нѣсколько фрагментовъ, значеніе которыхъ трудно опредѣлить. Однако, расположеніе фигуръ на этомъ фронтонѣ мы знаемъ по рисункамъ французскаго живописца Жака Каррея, который посѣтилъ Аѳины въ 1674 году и срисовалъ въ своемъ альбомѣ существовавшія еще тогда статуи ¹⁾. Положеніе нагаго тѣла Посейдона, его рукъ и ногъ, и всѣ движенія бога на рисункѣ Каррея совершенно такія же, какія мы видимъ у Тезея на фигалійскомъ фризѣ. Вся разница между этими двумя фигурами состоитъ въ томъ, что Посейдонъ представленъ съ бородой, а Тезей имѣетъ лицо юноши. Поэтому-то, фигура Тезея, по нашему мнѣнію, самая лучшая изъ всѣхъ скульптуръ фигалійскаго фриза. Подлѣ Тезея изображена фигура амазонки, положеніе которой напоминаетъ Аѳину западнаго фронтона Партеона, также стоявшую подлѣ своего соперника, бога морей. Только складки длиннаго платья Аѳины отличаютъ ее отъ фигуры амазонки, одежду которой составляетъ короткій шерстяной хитонъ, доходящій до колѣнъ. Слѣва и справа отъ Тезея и амазонки представлены кони амазонокъ, отчасти въ положеніи, которое соотвѣтствуетъ композиціи западнаго фронтона Партеона, гдѣ подлѣ Аѳины и Посейдона также находились колесницы съ конями ²⁾.—Эти заимствованія съ скульптуръ Партеона могутъ служить достаточнымъ основаніемъ для того, чтобы приписать сочиненіе фигалійскаго фриза аѳинскому скульптору; исполненіе же описываемыхъ нами памятниковъ могло, конечно, принадлежать мѣстнымъ пелопоннесскимъ ваятелямъ и мраморщикамъ.

За исключеніемъ фриза, украшавшаго внутренность целлы, храмъ не имѣлъ, повидимому, никакихъ наружныхъ пластическихъ украшеній. Хотя метопы были изъ паросскаго мрамора, но на нихъ не замѣтно никакихъ слѣдовъ изваяній. Не найдено также никакихъ остатковъ

¹⁾ Рисунки Каррея сохраняются нынѣ въ Парижской національной библиотекѣ. Они помѣщены въ изданіи *Vaumeister's Denkmäler d. klassisch. Altert. Tafel. XXXII.*

²⁾ См. объясненіе композиціи западнаго фронтона Партеона у *Collignon'a, Phidias. Paris, 1866, p. 51 слѣд., Ronchaud, Phidias, sa vie et ses ouvrages, Paris, 1861, p. 276, и въ нашей статьѣ: Фидій. Киевъ, 1890, стр. 39 и слѣд.*

фронтонныхъ группъ, хотя глубина фронтоновъ допускала помѣщеніе здѣсь статуй.

Въ строительномъ отношеніи храмъ Аполлона въ Бассахъ также представляетъ нѣсколько весьма замѣчательныхъ особенностей. Первая характеристическая особенность, отличающая фигалійскій храмъ въ ряду другихъ греческихъ храмовъ, состоитъ въ томъ, что онъ обращенъ своимъ главнымъ фасадомъ на сѣверъ, тогда какъ вообще греческіе храмы строились на востокъ. Далѣе, въ построеніи храма явно нарушена соразмѣрность между длиной и шириной зданія; длина фигалійскаго храма на два колонныхъ пролета больше длины большинства греческихъ храмовъ¹⁾. Наконецъ, третья особенность храма та, что въ немъ совершенно не было задняго притвора, называвшагося по-гречески *ὀπισθόδομος*. Въ этомъ отдѣленіи храма обыкновенно хранилась священная утварь и другіе драгоценности, принадлежащіи храму. Въ фигалійскомъ храмѣ на мѣстѣ притвора находилось второе святилище, отдѣленное отъ перваго коринтскою колонною; въ восточной стѣнѣ его существовала входная дверь, которая вела наружу²⁾. Существованіе этой двери, заслуживающее большаго вниманія, послужило Михаэлису основаніемъ для весьма важныхъ и остроумныхъ соображеній, объясняющихъ своеобразность архитектуры фигалійскаго храма. Эти соображенія изложены имъ въ небольшой замѣткѣ: *Zum Tempel von Bassae*, помѣщенной въ *Archäologische Zeitung* 1876 года³⁾. Объясненіе Михаэлиса принялъ и Ваумеистеръ въ статьѣ: *Phigalia* въ изданныхъ имъ *Denkmäler d. klassisch. Altertums*. Разсужденія этихъ ученыхъ таковы.—

Дверь, существующая въ восточной стѣнѣ целлы, даетъ весьма значительную вѣроятность предположенію, что на мѣстѣ храма, соо-

¹⁾ Отступленіе строителя фигалійскаго храма отъ обыкновеннаго правила могутъ показать слѣдующіе примѣры: храмъ Тезея въ Афинахъ имѣетъ по 6 колоннъ на фронтахъ и по 18 на длинныхъ сторонахъ, храмъ Зевса въ Олимпіи—6 и 13, храмъ Зевса въ Немеѣ—6×13, храмъ Афины на о. Эгинѣ—6×12, храмъ Афины въ Суніумѣ—6×12, Метроонъ въ Олимпіи—6×11. См. планы греческихъ храмовъ у Laloux, *L'architecture grecque*. Paris, 1888, и у Reber'a, *Geschichte der Baukunst im Alterthum*. Leipz. 1866. Zweite Lieferung.

²⁾ Существованіе двери въ боковой стѣнѣ храма настолько необыкновенно, что французская экспедиція въ Морею (1829 г.) совершенно отрицаетъ его, однако оно подтверждается единогласнымъ свидѣтельствомъ всѣхъ участниковъ раскопокъ 1812 года.

³⁾ *Archäologische Zeitung* 1876. S. 161 и 162.

руженнаго Иѣтиномъ, существовало болѣе древнее святилище, посвященное Аполлону Цѣлебному (*'Επιχοῦρος*); устройство его было таково, что статуя божества была обращена лицомъ, по общепринятому обыкновенію, на востокъ. При сооруженіи новаго храма жителя Фигаліи, естественно, могли имѣть желаніе удержать неприкосновеннымъ первоначальное мѣсто своей святыни и такимъ образомъ доставили геніальному аѣнинскому архитектору случай создать одну изъ наиболѣе оригинальныхъ въ отношеніи плана построекъ Греціи. Древняя целла осталась на своемъ мѣстѣ и образовала въ новой постройкѣ южное отдѣленіе съ выходомъ на востокъ; въ глубинѣ ея находилась и статуя божества, которую могъ видѣть всякій, кто входилъ чрезъ эту дверь. Увеличить целлу по направленіи къ востоку препятствовали архитектору условія мѣстности: круто спускающійся склонъ горы требовалъ для этого значительныхъ земляныхъ работъ. Поэтому Иктинъ припелъ къ мысли увеличить зданіе по направленію къ сѣверу, и отъ этого длина храма сдѣлалась несоразмѣрною сравнительно съ шириной. Новая целла получила величину, обычную въ эпоху расцвѣта греческаго искусства, по вмѣстѣ съ прежнимъ святилищемъ фигалійскій храмъ сдѣлался длиннѣе и удачно напоминалъ древнія греческія религиозныя сооруженія, примѣромъ которыхъ служитъ Герайонъ въ Олимпіи (около 1000 г. до Р. Х.). Съ этимъ послѣднимъ фигалійскій храмъ имѣетъ еще то общее, что главная целла его раздѣлена посредствомъ контрфорсовъ на нѣсколько нишъ или часовинокъ, изъ которыхъ каждая заключала въ себѣ какую нибудь священную статую или какое нибудь религиозное приношеніе¹⁾.

Объясненіе Михаэлиса и Баумейстера тѣмъ болѣе заслуживаетъ вѣроятія, что статуя Аполлона не могла быть помѣщена въ новой целлѣ. Объ этой статуѣ мы можемъ судить по небольшимъ мраморнымъ фрагментамъ ногъ и рукъ, найденнымъ именно въ той части храма, которую Михаэлисъ называетъ древней целлой²⁾. Эти фрагменты показываютъ, что статуя была колоссальной величины и, слѣдовательно, не могла быть помѣщена въ первой целлѣ, такъ какъ закрыла бы значительную часть фриза³⁾. Принимая гипотезу Миха-

¹⁾ О храмѣ Геры въ Олимпіи см. Boetticher, Olympia. Berlin, 1888. S. 190—201.

²⁾ Ronchaud, Phidias sa vie et ses ouvrages. Paris, 1861. P. 355.

³⁾ Съ этимъ согласуется извѣстіе Павзанія, который сообщаетъ намъ, что первоначально статуя Аполлона въ фигалійскомъ храмѣ была бронзовая и имѣла въ вышину

элиса, легко можно объяснить и существованіе въ храмѣ одной коринтской колонны. Колонна эта не обусловлена никакою конструктивною необходимостью¹⁾; сверхъ того, база ея совершенно не гармонируетъ съ базами іоническихъ колоннъ, украшавшихъ внутренность храма. Поэтому, нельзя не согласиться съ предположеніемъ, высказаннымъ уже Шипье²⁾, что колонна эта сначала принадлежала древнему святилищу Аполлона; въ новомъ храмѣ она была помѣщена изъ-за религиозныхъ побужденій, подобно той дубовой колоннѣ, которая, по словамъ Павзанія³⁾, служила украшеніемъ опистодома одного изъ древнѣйшихъ храмовъ Эллады, храма Геры въ Олимпіи⁴⁾.

Капитель коринтской колонны фигалійскаго храма сохранилась весьма неудовлетворительно, поэтому не допускаетъ совершенно достовѣрнаго объясненія. Края листьевъ, окружающихъ нижнюю часть капители, настолько повреждены, что трудно угадать ихъ первоначальную форму; утеряны также угловыя волоты вмѣстѣ съ верхними

12 футовъ. Эту статую фигалійцы принесли въ даръ жителямъ города Мегалополя, вѣроятно, во время его основанія Эпаминондомъ въ 371 году. Paus. VIII, 30, 3: ἔστι δὲ πρὸ τοῦ τεμένους τούτου χαλκοῦν ἄγαλμα Ἀπόλλωνος θεᾶς ἄξιον, μέγεθος μὲν ἐς πόδας δώδεκα, ἐκομίσθη δὲ ἐκ τῆς Φιγαλέων συντέλεια ἐς κόσμον τῇ Μεγάλῃ πόλει. Τὸ δὲ χωρίον ἔνθα τὸ ἄγαλμα ἴδρυτο ἐξ ἀρχῆς ὑπὸ Φιγαλέων, ὀνομάζεται Βᾶσσαί· τῷ θεῷ δὲ ἡ ἐπίκλησις ἠκολούθηκε μὲν ἐκ τῆς Φιγαλέων, ἐφ' ὅτῳ δὲ ὄνομα ἔσχεν Ἐπικούριος, δηλώσει μοι τὰ ἐς Φιγαλέας τοῦ λόγου. Новая статуя Аполлона въ фигалійскомъ храмѣ, такой же величины, какъ и прежняя, вѣроятно, была акролитная (составная), т. е. была сдѣлана изъ дерева и обложена золотомъ, за исключеніемъ головы, рукъ и ногъ, изваянныхъ изъ мрамора. Этимъ объясняется то, что до насъ уцѣлѣли только незначительные мраморные фрагменты статуи.

¹⁾ Waumeister, Phigalia (Denkmäler d. klassisch. Altert. S. 1321).

²⁾ Chipiez, Histoire critique des origines et de la formation des ordres grecs, p. 298.

³⁾ Paus. V, 16, 1: Λείπεται δὲ τὸ μετὰ τοῦτο ἡμῖν τῆς τε Ἦρας ὁ ναὸς καὶ ὀπίσσω ἐστὶν ἐν τῷ ναῷ πρέποντα ἐς συγγραφὴν. λέγεται δὲ ὑπὸ Ἠλείων ὡς Σχιλλοῦντιοι τῶν ἐν τῇ Τριφυλίᾳ πόλεων εἰσὶν οἱ κατασκευασάμενοι τὸν ναὸν ὀκτὼ μάλιστα ἔτεσιν ὑστερον ἢ τὴν βασιλείαν τὴν ἐν Ἠλίδι ἐκτήσατο Ὀξυλος. Ἔργασια μὲν δὴ ἐστὶ τοῦ ναοῦ Δωρίος, κίονες δὲ περὶ πάντα ἐστῆρασιν αὐτόν. ἐν δὲ τῷ ὀπισθοδόμῳ δρυὸς ὁ ἕτερος τῶν κίωνων ἐστὶ.

⁴⁾ Раскопки, произведенныя въ Олимпіи, показали, что первоначально храмъ Геры былъ весь изъ дерева; деревянныя колонны храма, вслѣдствіе сырой почвы Олимпіи, съ теченіемъ времени подверглись порчѣ и были замѣнены каменными, помѣщенными на первоначальномъ фундаментѣ. Кромѣ того, тогда какъ были найдены отдѣльныя архитектурныя части всѣхъ другихъ зданій Олимпіи, хотя и въ фрагментахъ, въ Гераيونѣ сохранились только колонны; отъ антаблемента же, который во все время существованія храма былъ деревяннымъ, не уцѣлѣло никакихъ слѣдовъ. См. Boetticher, Olympia. Berlin 1883, pp. 190—201.

частями большихъ листьевъ. Хорошимъ сохраненіемъ отличаются только внутренніе завитки съ пальметами ¹⁾. Нашъ рис. 39 представляетъ капитель фигаіійскаго храма въ реставраціи англійскаго архитектора Довальдсона ²⁾. Несмотря, однако, на дурное сохраненіе капители, не-

Рис. 39.—Капитель храма Аполлона Эпикурія въ Бассахъ близъ Фигаііи.

трудно убѣдиться, что здѣсь мы имѣемъ дѣло съ памятникомъ коринтскаго зодчества, относящимся къ тому времени, когда исполнитель обладалъ робкой техникой и несложными инструментами. Нѣкоторыя детали капители исполнены даже прямо при посредствѣ живописи, слѣды которой сохранились еще и теперь; другія воспроизведены рѣзцомъ, но имѣютъ незначительный рельефъ надъ поверхностью корзины. Растительныя формы, очевидно, не играли еще тогда той роли въ украшеніи капители, какую онѣ получили впослѣдствіи. Вообще мы полагаемъ, что фигаіійская капитель представляетъ только дальнѣйшій шагъ въ развитіи древнѣйшей декоративной композиціи, которая первоначально составилаь изъ случайнаго соединенія двухъ элементовъ,—калатоса съ вѣнкомъ листьевъ и финикійскаго цвѣточнаго букета; листья, заимствованные съ образцовъ египетской архитектуры, не получили, такимъ образомъ, никакой органической связи съ мотивомъ завитковъ и пальметъ. Этотъ случайный характеръ соединенія листьевъ и завитковъ удержался и въ фигаіійской капители; главный успѣхъ здѣсь заключается, можетъ быть, въ томъ, что кромѣ

¹⁾ Lohde-Mauch, Die architektonisch. Ordnungen der Griechen und Römer. S. 60.

²⁾ Рисунокъ заимствованъ нами у Reber'a, Geschichte der Baukunst im Alterthum. Zweite Lieferung. Fig. 196.

нижняго ряда листьевъ въ композицію входятъ большіе лопастые листья, поддерживающіе угловыя волюты; этихъ листьевъ навѣрно не было въ первоначальной системѣ украшенія коринтской капители, такъ какъ источники ея не содержатъ въ себѣ этой декоративной подробности; появленіе ея было удачнымъ средствомъ установить хотя незначительную связь между нижнимъ вѣнкомъ листьевъ и верхними завитками. Листья, украшающіе нижнюю часть фигалійской капители, весьма невелики, что также составляетъ признакъ древности. Подобную особенность мы встрѣчаемъ въ капители, которая была найдена французской экспедиціей въ Коронѣ, въ Мессеніи, и воспроизведена у Шипье¹⁾. Эта капитель, также древняго происхожденія, есть образецъ перваго типа коринтской капители.—Средніе завитки и пальметы фигалійской капители составляютъ главное украшеніе центральной части калатоса; съ обѣихъ сторонъ пальметъ воспроизведены живописью тростниковыя листья,—орнаментальный мотивъ, порожденный подражаніемъ Египту и неудачно заимствованный съ памятниковъ перваго типа коринтской капители, для того чтобы декорировать свободное пространство калатоса. Абакъ фигалійской капители довольно массивенъ; онъ имѣетъ вогнутыя стороны и скошенные углы. Края абака сохраняютъ остатки меандра, исполненнаго красками.

База фигалійской колонны представляетъ довольно странное сочетаніе деталей. Верхняя часть ея состоитъ изъ большаго гладкаго барабана, надъ которымъ прямо начинаются ложки ствола колонны; нижнюю часть составляютъ желобъ и три обратныхъ кимы. Плинта база не имѣетъ вовсе²⁾.

Несомнѣнное сходство съ капителью фигалійскаго храма въ отношеніи стилиа и пріемовъ исполненія представляетъ коринтская капитель, найденная въ Эпидаврѣ (рис. 40). Она принадлежала сооруженной, по преданію, Поликлетомъ круглой постройкѣ, *Θόλος*, наружное украшеніе которой составляли дорическія колонны, а внутреннее—коринтскія³⁾. Мы встрѣчаемъ здѣсь тотъ же тяжелый и сухой об-

¹⁾ Chipiez, Histoire critique des origines et de la formation des ordres grecs. Fig. CXLII.

²⁾ См. изображеніе базы у Mauch'a, Die architektonisch. Ordnungen d. Griechen u. Römer. Taf. 40.

³⁾ Sybel, Weltgeschichte der Kunst. S. 202. Здѣсь приложено изображеніе капители, Fig. 181; это изображеніе мы воспроизводимъ на нашемъ рис. 40.

цій типъ капители, отличающійся несложностью своихъ украшеній. Однако капитель Эпидавра — произведеніе нѣсколько позднѣйшаго времени, какъ о томъ можно судить по нѣкоторымъ преобразованіямъ, которымъ подвергся первоначальный типъ. Капитель эта показываетъ нѣкоторыя новыя стремленія въ орнаментаціи; вмѣсто большихъ листьевъ, поддерживающихъ угловые завитки, мы находимъ здѣсь два ряда акантовыхъ листьевъ, окружающихъ валагосъ. Листья сохраняютъ черты архаизма и первобытнаго несовершенства, но все-же отличаются большею жизненностью, нежели совершенно сухо исполненные

Рис. 40.—Капитель, найденная въ Эпидаврѣ.

завитки. Угловыя волюты капители, также какъ и на предшествующемъ образцѣ, лишены лѣпки и исполнены простымъ очеркомъ; линіи завитковъ обозначены только простой, очень мало углубленной чертой. Такой несложный способъ воспроизведенія наблюдается обыкновенно въ начальныя эпохи искусства. Отъ завитковъ свѣшиваются внизъ колокольчики, соответствующіе каплямъ или развѣвающимся лентамъ финикійскаго букета (ср. рис. 10, 13, 14, 25 и 26). Внутреннія волюты капители, помѣщенныя выше вслѣдствіе прибавленія втораго ряда акантовыхъ листьевъ, поддерживаютъ вмѣсто пальметы круглый цвѣтокъ.

До насъ не дошло никакихъ монументальныхъ произведеній коринтскаго ордена, которыя бы объясняли намъ дальнѣйшіе шаги въ развитіи коринтской капители; а такія произведенія, навѣрно, существовали: въ числу ихъ принадлежалъ и названный уже храмъ Аѳины въ Тегеѣ,

извѣстный намъ только потому, что о немъ упоминаетъ Павзаній. Вслѣдъ за этими немногочисленными памятниками древней поры коринтскаго зодчества намъ слѣдуетъ приступить къ описанію коринтскихъ памятниковъ IV вѣка, которые являются передъ нами уже достигшими значительнаго совершенства въ исполненіи. Мы начнемъ исчисленіе памятниковъ этой эпохи съ коринтскихъ колоннъ, которыя находились въ цѣлѣ храма Аполлона Дидимейскаго близъ Милета.

Храмъ Аполлона Дидимея, находившійся при мѣстечкѣ Дидимахъ, въ 180 стадіяхъ къ югу отъ Милета, принадлежалъ къ числу памятниковъ послѣдняго періода процвѣтанія іоническаго стиля въ малоазіатскихъ областяхъ Греціи¹⁾. Въ IV ст. вѣшнія и внутреннія условія жизни²⁾ въ особенности благопріятствовали въ Малой Азій развитію архитектуры. Художникъ, имя котораго связано съ этимъ малоазіатскимъ архитектурнымъ движеніемъ, Пиеій³⁾, довелъ іоническій стиль до высокой степени совершенства, придавъ ему величіе, каковаго онъ прежде не имѣлъ. По разносторонности таланта Пиеій превосходилъ всѣхъ прочихъ художниковъ своей школы; не было, кажется, ни одной отрасли искусства, которой бы онъ не обогатилъ значительными произведеніями. Пиеій былъ архитекторомъ, скульпторомъ⁴⁾ и, вѣроятно, также живописцемъ. Онъ оставилъ послѣ себя сочиненія

¹⁾ Въ числѣ ученыхъ работъ, посвященныхъ описанію храма Аполлона Дидимея, несомнѣнно, первое мѣсто принадлежитъ великолѣпно изданному сочиненію Texier: *Description de l'Asie Mineure*. Paris, 1849. Deuxième Volume, p. 316—325. Въ новѣйшее время трудъ по части археологическихъ розысканій на мѣстѣ храма и его реставраціи исполненъ былъ французскимъ ученымъ Rayet совместно съ Albert'омъ Thomas. Исслѣдованія Рае, отличающіяся большою ученостью и полнотою, изложены въ статьѣ: *Le temple d'Apollon Didyméen*, сначала помѣщенной въ *Gazette des Beaux-Arts* (Avril, Juillet, Septembre 1876), а затѣмъ вошедшей въ общее собраніе археологическихъ этюдовъ Рае, изданныхъ Рейнахомъ подъ заглавіемъ: *Études d'archéologie et d'art par Olivier Rayet, réunies et publiées par Salomon Reinach*. Paris, 1888, p. 102—169.

²⁾ Таковы: вѣшній миръ, спокойное политическое положеніе іоническихъ городовъ, подъ властью влстителей Каріи (*reguli Cariae*, по выраженію Плинія), развитіе торговли и увеличеніе богатствъ.

³⁾ Во многихъ мѣстахъ Витрувія это имя читается различно: Pythius, Pytheus, Phileos, Phiteus, Phyteus. Плиній (*Hist. Nat.* XXXVI, 31) называетъ его: Pythis. По мнѣнію Брунна и Рае (*Études d'archéologie et d'art*, примѣч. 1 на стр. 105), греческое имя было: Πόθιος.

⁴⁾ Какъ скульпторъ Пиеій прославился исполненіемъ колоссальной мраморной квадриги, которая возвышалась вмѣстѣ съ статуей Мавзола на вершинѣ Мавзолея. *Plin. Hist. Nat.* XXXVI, 31.

объ архитектурѣ, которыми пользовался Витрувій при составленіи своего трактата ¹⁾. Въ области водчества Пиеій снискалъ себѣ славу сооружеиіемъ двухъ великолѣпныхъ іоническихъ памятниковъ,—Мавзолея въ Галикарнасѣ (354—351 года до Р. Х.) ²⁾, и храма Аѳины Полиады въ Приенѣ (335 г.) ³⁾. Оба эти зданія въ теченіи долгаго времени считались шедеврами и вдохновляли древнихъ архитекторовъ ⁴⁾.

¹⁾ Vitruv. Lib. VII, praef. § 12: de fano Minervae, quod est Prienae Ionicum, (edidit volumen) Phileos... de Mausoleo Satyrus et Phiteus. Въ началѣ своего сочиненія Витрувій дѣлаетъ даже возраженія противъ нѣкоторыхъ положеній, высказанныхъ Пиеіемъ; онъ говоритъ (lib. I, cap. 1, § 12): Ideoque de veteribus architectis Pythius, qui Prienae aedem Minervae nobiliter est architectatus, ait in suis commentariis, architectum omnibus artibus et doctrinis plus oportere posse facere, quam qui singulas res suis industriis et exercitationibus ad summam claritatem perduxerunt. Id autem re non expeditur... (Слѣдуютъ возраженія)... Igitur in hac re Pythius errasse videtur.

²⁾ Какъ видно изъ Витрувіа (Lib. VII, praef. § 12), архитекторами Мавзолея были Пиеій и Сатиръ. Мавзолей былъ сооруженъ карійской царицей Артемизіей въ память ея супруга Мавзола, умершаго въ 353 г. до Р. Х. Вѣроятно, что постройка памятника была начата еще при жизни царя; окончательная же отдѣлка послѣдовала, какъ сообщаетъ Плиній, только послѣ смерти Артемизіи, въ 351 г. Скульптурныя украшенія памятника были исполнены аттическими ваятелями, въ числѣ которыхъ находился Скопасъ. Plin. Hist. Nat. XXXVI, 30: Scopas habuit aemulos eadem aetate Bryaxim et Timotheum et Leocharen, de quibus simul dicendum est, quoniam pariter caelavere Mausoleum. sepulchrum. hoc est ab uxore Artemisia factum Mausolo Cariae regulo, qui obiit olympiadis CVII. anno secundo. opus id ut esset inter septem miracula hi maxime fecere artifices. patet ab austro et septentrione centenos sexagenos ternos pedes, brevius a frontibus, toto circumitu pedes CCCCXXXX, attollitur in altitudinem XXXX cubitis, cingitur columnis triginta sex. pteron vocavere circumitum. ab oriente caelavit Scopas, a septentrione Bryaxia, a meridie Timotheus, ab occasu Leochares, priusque quam peragerent regina obiit. non tamen recesserunt nisi absoluto iam, id gloriae ipsorum artisque monumentum iudicantes, hodieque certant manus. accessit et quintus artifex. namque supra pteron pyramis altitudinem inferiorem aequat, viginti quattuor gradibus in metae cacumen se contrahens. in summo est quadriga marmorea quam fecit Pythis. haec adiecta centum quadraginta pedum altitudine totum opus includit.—О галикарнасскомъ Мавзолеѣ см. Texier, Description de l'Asie Mineure. Troisième Volume, p. 121—132.

³⁾ Vitruv. Lib. I, cap. 1, § 12: Pythius, qui Prienae aedem Minervae nobiliter est architectatus...

⁴⁾ Вотъ съ какой похвалой о галикарнасскомъ Мавзолеѣ говорятъ Павзаній и Лукіанъ. Paus. VIII, 16, 4: Τάφους δὲ ἀξίους θαύματος ἐπιστάμενος πολλοὺς δοῦν ἐξ αὐτῶν ἐπιμνησθήσομαι, τοῦ τε ἐν Ἀλικαρνασῶν καὶ ἐν τῇ Ἑβραίων. ὁ μὲν δὲ ἐν Ἀλικαρνασῶν Μουσώλφ βασιλεύσαντι Ἀλικαρνασέων πεποιήται, μέγεθος δὲ οὕτω δὴ τί ἐστι μέγας καὶ ἐς κατασκευὴν περιβλεπτός τὴν πᾶσαν, ὥστε καὶ Ῥωμαῖοι μεγάλως δὴ τι αὐτὸν θαυμάζοντες τὰ παρὰ σφίσι ἐπιφανῆ μνήματα Μουσώλεια ὀνομάζουσιν. Luc. Dial. mort. Dial. XXIV: Ἐν Ἀλικαρνασῶν μνῆμα παμμέγεθες ἔχω ἐπιχείμενον, ἥλικον οὐκ ἄλλος νεκρὸς ἄλλ' οὐδὲ οὕτως ἐς κάλλος ἐξηρακῆμένον, ἵππων καὶ ἀνδρῶν ἐς τὸ ἀκριβεστατον εἰκασμένον λίθου τοῦ καλλίστου, οἶον οὐδὲ νεῶν εὐροί τις ἂν ῥαδίως. Ср. Texier, Description de l'Asie Mineure. III vol., p. 126.

Когда жители Эфеса предприняли вновь построить храм Артемиды (350—334 г.), сожженный Геростратомъ, то строитель его, Динократь, точно слѣдовалъ законамъ, которыя начертаны были Пиеіемъ. По этимъ же самымъ законамъ Пеоній изъ Эфеса и Дафнисъ изъ Милета ¹⁾ соорудили самый грандіозный и великолѣпный изъ всѣхъ малоазіатскихъ храмовъ, храмъ Аполлона въ Дидимахъ. Этотъ храмъ былъ послѣднимъ и самымъ величественнымъ твореніемъ школы Пиеія. Витрувій помѣщаетъ его въ числѣ четырехъ наиболѣе славныхъ архитектурныхъ памятниковъ Греціи.

Nam quatuor locis sunt aedium sacrarum marmoreis operibus ornatae dispositiones, e quibus proprie de his nominationes clarissima fama nominantur ²⁾).

Таковы были, кромѣ храма въ Дидимахъ, храмъ Артемиды въ Эфесѣ, храмъ Деметры и Коры въ Элевзинѣ и храмъ Зевса въ Олимпіи. Эти зданія, говоритъ Витрувій, заслужили удивленіе даже среди сонма боговъ.

Quorum excellentiae prudentesque cogitationum apparatus suspectus habent in deorum sessimonio ³⁾).

Но не только благодаря своей архитектурѣ храмъ Аполлона Дидимея пользовался извѣстностью: большое уваженіе къ нему снискалъ находившійся въ немъ оракулъ, существовавшій, по преданію, еще до переселенія іонянъ въ Малую Азію ⁴⁾. На мѣстѣ храма была земля-

¹⁾ Имена этихъ архитекторовъ называетъ намъ Витрувій: *Vitr. Lib. VII, praef. § 16: Primumque aedes Ephesi Dianae Ionico genere a Chersiphrono Gnosio et filio eius Metagene est instituta; quam postea Demetrius ipsius Dianae servus et Paeonius Ephesius dicuntur perfecisse. Mileti Apollini item Ionicis symmetriis idem Paeonius Daphnisque Milesius instituerunt.* Деметрій и Пеоній, окончившіе храмъ Артемиды въ Эфесѣ (до Геростратова пожара), жили въ концѣ V или въ началѣ IV вѣка до Р. X. (между 90 и 100 олимпіадой по Мюллеру, *Handbuch der Archaeologie der Kunst*, p. 57); слѣдовательно, тотъ же (idem) Пеоній не могъ принимать участіе въ построеніи Дидимейскаго храма во второй половинѣ IV вѣка. Весьма возможно, поэтому, что Пеоній, архитекторъ храма въ Дидимахъ, только принадлежалъ къ семейству художниковъ изъ Эфеса, въ которомъ имя *Пеоній*, по древнегреческимъ обычаямъ, чередовалось съ какимъ нибудь другимъ именемъ, и былъ внукомъ архитектора, строившаго вмѣстѣ съ Деметріемъ храмъ Артемиды, сожженный Геростратомъ въ 356 г. до Р. X.

²⁾ *Vitr. Lib. VII, praef. § 16.*

³⁾ *Vitr. Lib. VII, praef. § 16.*

⁴⁾ *Paus. VII, 2, 6: Τὸ δὲ ἱερὸν τὸ ἐν Διδύμοις τοῦ Ἀπόλλωνος καὶ τὸ μαντεῖόν ἐστιν ἀρχαιότερον ἢ κατὰ τὴν Ἴώνων ἐποικήσιν.*

ная трещина, надъ которой построенъ былъ *ἄδουον* храма; при храмѣ находился также священный источникъ, вода котораго имѣла свойство сообщать пророческое вдохновеніе. Жрица, подъ влияніемъ дѣйствія воды и испареній, поднимавшихся изъ трещины, давала прорицанія, которыя сообщались затѣмъ вопрошавшему жрецами. По своему значенію, оракулъ храма въ Дидимахъ уступалъ только оракулу въ Дельфахъ. Какъ и этотъ послѣдній, онъ обладалъ богатствами, отовсюду жертвуемыми за благопріятныя предсказанія. Извѣстны драгоцѣнности, пожертвованныя въ Дидимейскій и Дельфійскій храмы лидійскимъ царемъ Крезомъ¹⁾; также египетскій фараонъ Нехао, послѣ побѣдъ, одержанныхъ въ Сириі, принесъ въ даръ храму одежду, въ которой имъ совершены были эти подвиги²⁾. Дидимейскимъ храмомъ и оракуломъ наслѣдственно владѣлъ жреческій родъ Бранхидовъ, ведшій свое происхожденіе отъ Бранха, миѳическаго любимца Аполлона. Поэтому, самый храмъ былъ извѣстенъ гораздо болѣе подъ названіемъ: „Храма Бранхидовъ, τὸ ἱερόν τὸ ἐν Βραγχίδαῖς“ или просто „Бранхидовъ, οἱ Βραγχίδαῖς“, нежели „храма Аполлона Дидимея“³⁾.

Древній храмъ Бранхидовъ, время сооруженія котораго намъ совершенно неизвѣстно, былъ сожженъ персами въ 494 г. при усмиреніи возстанія малоазійскихъ грековъ. Впослѣдствіи Ксерксъ снова сжегъ возобновленный храмъ, сокровища котораго добровольно выдали ему Бранхиды. Сами Бранхиды, опасаясь мести грековъ, переселились во внутреннюю Азію и поселились въ Согдіанѣ, гдѣ потомки ихъ были впослѣдствіи умерщвлены Александромъ Македонскимъ.

Отъ этого перваго храма Дидимея, который, весьма вѣроятно, былъ дорическаго ордена, не сохранилось никакихъ слѣдовъ. Найдены только въ 1859 г. Ньютономъ десять колоссальныхъ мраморныхъ статуй древнѣйшаго, архаическаго стиля, которыя, подобно египетскимъ сфинксамъ, украшали съ обѣихъ сторонъ священную дорогу, ведущую отъ гавани Милета, Паворма, въ храму Аполлона. Въ настоящее

¹⁾ Herod. I, 92: τὰ ἐν Βραγχίδησι τοῖσι Μιλησίων ἀναθήματα Κροίσω, ὡς ἐγὼ πυνθάνομαι, ἴσα τε σταθμὸν καὶ ὁμοῖα τοῖσι ἐν Δελφοῖσι. О подаркахъ же Креза дельфійскому храму см. Herod. I, 51.

²⁾ Herod. II, 159: Συρίοισι περὶ ὃ Νεχῶς συμβαλὼν ἐν Μαγδόλῳ ἐνίκησε, μετὰ δὲ τὴν μάχην Κάδουτιν πόλιν τῆς Συρίας εὐδασαν μεγάλην εἴλε. ἐν τῇ δὲ ἐσθῆτι ἔτυχε ταῦτα κατεργασάμενος, ἀνέθηκε τῷ Ἀπόλλωνι πέμψας ἐς Βραγχίδασι τοὺς Μιλησίων.

³⁾ Такія названія, напр., постоянно даетъ храму Геродотъ.

время онѣ хранятся въ Ликійской залѣ Британскаго музея въ Лондонѣ. Въ какое время былъ сооруженъ новый храмъ Аполлона Дидимея, положительно опредѣлить трудно. К. О. Мюллеръ относитъ сооруженіе храма ко времени послѣ 71 олимпіады ¹⁾, что совершенно невѣроятно, если принять въ соображеніе замѣчательное сходство архитектуры храма съ архитектурой галикарнасскаго Мавзолея, храма Аѳины въ Приенѣ и храма Артемиды въ Эфесѣ ²⁾, зданій, несомнѣнно, принадлежащихъ второй половинѣ IV вѣка. По мнѣнію Тексье ³⁾, храмъ сооруженъ былъ въ эпоху царствованія Александра Македонскаго. Райе относитъ постройку храма ко времени около 334 года до Р. Х. Слѣдующія обстоятельства, по его мнѣнію, дѣлаютъ построеніе храма послѣ этого времени совершенно невозможнымъ:—

1) Въ 334 году Селевкъ, одинъ изъ предводителей фаланги арміи Александра, обратился къ оракулу возстановленнаго уже храма за совѣтомъ.

2) Въ томъ же году Александръ взялъ приступомъ Милетъ; многіе кварталы города сдѣлались жертвой пламени и большая часть жителей уведена въ рабство. Послѣ такого разгрома милетяне не скоро могли бы приступити къ постройкѣ столь колоссальнаго храма.

3) Существуетъ извѣстіе, что Селевкъ, сдѣлавшись правителемъ послѣ смерти Александра, возвратилъ храму колоссальную статую Аполлона, увезенную персами въ Эббатану. Было несогласно съ греческими религиозными обычаями помѣщать статую божества въ храмѣ неоконченномъ; слѣдовательно въ то время храмъ былъ уже выстроенъ. Весьма вѣроятно, что Селевкъ, умершій въ 281 году, сдѣлалъ этотъ даръ храму въ началѣ своего правленія, а не въ концѣ. Сообщая намъ это извѣстіе, древніе ничего не говорятъ о пожертвованіяхъ Селевва на построеніе храма, что было бы, еслибы храмъ еще строился въ царствованіе этого правителя.

¹⁾ К. О. Müller, Handbuch der Archaeologie der Kunst. Dritte Aufl. S. 97.

²⁾ Rayet (Études d'archéologie et d'art, p. 143): Comme il était naturel de s'y attendre, l'ordre du Didyméon ressemble beaucoup à celui du Mausolée d'Halicarnasse et du temple de Priène; il ressemble encore davantage à celui de l'Artémision d'Éphèse. N'était la légère différence des proportions, il serait difficile de distinguer un morceau provenant de l'un de ces édifices du morceau correspondant dans l'autre.

³⁾ Texier, Description de l'Asie Mineure. II vol., p. 321.

4) Наконецъ, среди продолжительныхъ междоусобныхъ войнъ, которыя вели полководцы Александра, ни одинъ изъ городовъ Малой Азіи не могъ предпринять сооруженіе великолѣпнаго храма, какимъ былъ храмъ Аполлона Дидимея¹⁾.

Все это даетъ значительную вѣроятность предположенію, что храмъ сооруженъ былъ послѣ построенія галикарнасскаго Мавзолея, между 350 и 334 годомъ до Р. Х. Храмъ представляетъ образецъ ионической архитектуры, современной храмамъ Аѣины въ Приенѣ и Артемиды въ Эфесѣ²⁾.

Въ настоящее время великолѣпный нѣкогда храмъ превратился въ безформенную грудю развалинъ, поросшую густой зеленью, среди хижинъ греческой деревни. На мѣстѣ сохранилось только три колонны, изъ которыхъ двѣ соединены архитравомъ. Полагаютъ, что храмъ былъ разрушенъ землетрясеніемъ, между V вѣкомъ по Р. Х., когда императоръ Юліанъ еще обращался за совѣтомъ къ оракулу храма предъ отправленіемъ въ походъ противъ персовъ, и 1672 годомъ, когда храмъ, уже совершенно поврежденный, былъ изслѣдованъ и срисованъ англійскими путешественниками Спономъ и Уелеромъ (Wheler)³⁾. Своими размѣрами храмъ Аполлона Дидимея превосходилъ всѣ другіе храмы древней Эллады (Μεγίστου νεῶν τῶν πάντων—Страбонъ). По новѣйшимъ измѣреніямъ, произведеннымъ Райе⁴⁾, длина храма достигаетъ 108,55 метровъ или 353 греческихъ футовъ, а ширина 49,78 метровъ или 162 футовъ. Все зданіе построено изъ сѣраго мрамора. Колонны имѣютъ въ діаметрѣ при основаніи около 2 метровъ и 19,40 метровъ или 63 фута въ вышину (вмѣстѣ съ основаніемъ и капителями). Слѣдовательно колонны храма были выше, нежели колонны храма Юпитера Статора въ Римѣ и храма Зевса въ Аѣинахъ; онѣ превосходятъ на одну треть высоту колоннъ церкви Madeleine въ Парижѣ. Вся же вышина храма, отъ почвы до вершины кровли, была болѣе 31 метра. Такая величина храма, по словамъ Страбона, была причиной того, что милетяне оставили храмъ непо-

¹⁾ Rayet, *Études d'archéologie et d'art*, pp. 115—120.

²⁾ Для знакомства съ архитектурой храма Аѣины въ Приенѣ важны чертежи, изданные у Мауха, *Die architektonisch. Ordnungen der Griechen und Römer*. Taf. 29.

³⁾ Texier, *Descript. de l'Asie Min.* II vol., p. 323.

⁴⁾ Rayet, *Études d'archéologie et d'art*, p. 142.

крытымъ кровлей¹⁾. Это извѣстіе Страбона нужно понимать, конечно, въ томъ смыслѣ, что храмъ былъ гипетральный. Павзаній также называетъ храмъ неоконченнымъ, οὐκ ἐξεργασμένος; но это касается уже деталей отдѣлки. Одна изъ уцѣлѣвшихъ до нашего времени колоннъ, дѣйствительно, необдѣлана; барабаны ея ствола не каннелированы, также капитель осталась неоконченной. Эта колонна показываетъ, что вполне окончательной отдѣлки храмъ не получилъ, именно, можетъ быть, вслѣдствіе разгрома, причиненнаго Милету Александромъ.

По формѣ храмъ Аполлона Дидимея можно назвать диптеральнымъ декастильнымъ храмомъ; иначе говоря, колоннада вокругъ всего храма состояла изъ двойнаго ряда колоннъ, по 10 колоннъ на узкихъ и по 21 на длинныхъ сторонахъ зданія; сверхъ того, 12 колоннъ были расположены въ три ряда въ восточномъ портикѣ между антами. Всего храмъ заключалъ въ себѣ 120 колоннъ іоническаго стила. Расстоянія между колоннами были невелики, что придавало всему зданію характеръ устойчивости и несокрушимой прочности. Въ базисахъ колоннъ восточнаго фасада храма замѣчается большое разнообразіе; эти десять базисъ украшены скульптурными орнаментами и изображеніями, причемъ одна половина фасада представляетъ пять различныхъ типовъ, которые симметрично повторяются затѣмъ въ другой половинѣ. Всѣ базисы храма покоятся на квадратныхъ плитахъ, назначеніе которыхъ главнымъ образомъ состояло въ томъ, чтобы предохранить украшенія базисъ отъ порчи проходящихъ. Капители колоннъ очень изящны и отличаются тонкимъ исполненіемъ.

Храмъ Аполлона Дидимея не принадлежалъ къ числу обыкновенныхъ религиозныхъ храмовъ, назначенныхъ для ежедневнаго богослуженія; это былъ оракулъ, μαντεῖον, и съ этимъ согласовалось его

¹⁾ Strabo, Lib. XIV, cap. 1 (édit. Didot, p. 542): Μετὰ δὲ τὸ Ποσειδῖον τὸ Μιλήσιον ἐξῆς ἐστὶ τὸ μαντεῖον τοῦ Διδυμῆως Ἀπόλλωνος τὸ ἐν Βραγχίαις, ἀναβάντι ὅσον ὀκτωκαίδεκα σταδίων· ἐνεπρήσθη δ' ὑπὸ Ξέρξου, καθάπερ καὶ τὰ ἄλλα ἱερά πλην τοῦ ἐν Ἐφέσῃ· οἱ δὲ Βραγχῖδαι τοὺς θησαυροὺς τοῦ θεοῦ παραδόντες τῷ Πέρσῃ φεύγοντι συναπῆραν, τοῦ μὴ τίσαι δίκας τῆς ἱεροσουλίας καὶ τῆς προδοσίας. ὕστερον δ' οἱ Μιλήσιοι μέγιστον νεῶν τῶν πάντων κατεσκεύασαν, διέμενε δὲ χωρὶς ὀροφῆς διὰ τὸ μέγεθος· κόμης γούνη κατοικίαν ὁ τοῦ σηκοῦ περιβόλος δέδεκται καὶ ἄλλος ἐντός τε καὶ ἐκτός πολυτελής· ἄλλοι δὲ σηκοὶ τὸ μαντεῖον καὶ τὰ ἱερά συνεχούσιν. ἐνταῦθα δὲ μυθεύεται τὰ περὶ τὸν Βράγχον καὶ τὸν ἔρωτα τοῦ Ἀπόλλωνος. κεικόσμηται δ' ἀναθήμασι τῶν ἀρχαίων τεχνῶν πολυτελέστατα· ἐντεῦθεν δ' ἐπὶ τὴν πόλιν οὐ πολλὴ ὁδὸς ἐστίν, οὐδὲ πλοῦς.

внутреннее устройство. Успѣхъ археологическихъ поисковъ Райе доставилъ возможность довольно вѣрно опредѣлить главное устройство внутреннихъ частей храма. Первое, что останавливаетъ на себѣ вниманіе, это отсутствіе въ немъ задняго портика (posticum). Напротивъ передній или восточный портикъ отличается довольно значительными размѣрами. Очевидно, онъ служилъ мѣстомъ, гдѣ собирались набожные поклонники Аполлона. Изъ восточнаго портика большая бронзовая дверь вела не прямо въ целлу, но въ прямоугольный покой или комнату, такъ называемой *οἶκος*, гдѣ ожидали отвѣта обращающіеся за прорицаніемъ. Слева и справа въ этомъ покоѣ находились двѣ мраморныя лѣстницы, которыя вели на чердакъ, расположенный надъ портикомъ; здѣсь хранились сокровища храма и дары, пожертвованныя частными лицами, государствами и иноземными царями, вазы, домашняя утварь и различныя одежды, назначенныя для жертвоприношеній и празднествъ. Изъ покоя меньшая дверь вела въ целлу или внутреннее святилище (*ἄδυτον*), которое было доступно только пророчицѣ и жрецамъ. Эта часть храма не имѣла пола; помостъ изъ каменныхъ плитъ шелъ лишь вдоль стѣнъ, въ видѣ троттоара. Земляной полъ адита былъ углубленъ на три метра ниже пола покоя, такъ что пророчица сходила сюда по ступенямъ особо устроенной для этого небольшой лѣстницы, остатки которой открыты Райе. Въ адитѣ находились: земная разсѣлина (*χάσμα*), такъ называемое средоточіе земли, *ὀμφαλὸς τῆς γῆς*, или каменная глыба въ формѣ усѣченнаго конуса ¹⁾, и древнее лавровое дерево. Въ глубинѣ этого святилища былъ устроенъ высокій эдикулъ, въ которомъ помѣщалась колоссальная бронзовая статуя Аполлона, изваянная древнѣйшимъ сибіонскимъ мастеромъ Канахомъ ²⁾. Отъ этого эдикуля уцѣлѣли фрагменты архитрава и великолѣпной угловой капители въ формѣ корзины. Калатосъ

¹⁾ Этотъ *ὀμφαλὸς* былъ связанъ съ древнимъ сказаніемъ: Зевсъ, желая опредѣлить средоточіе земли (которая представлялась грекамъ плоскою), послѣлъ съ противоположныхъ концовъ ея двухъ орловъ, которые встрѣтились именно въ этомъ мѣстѣ 'Ομφαλὸς существовалъ и въ Дельфійскомъ храмѣ Аполлона. В. В. Латышевъ, Очеркъ греческихъ древностей С.-Петербурга. 1889. Ч. II. Стр. 193.

²⁾ Бронзовая статуя Аполлона Дидимея, колоссальныхъ размѣровъ, была главнымъ произведеніемъ Канаха. Она извѣстна намъ по милетскимъ монетамъ архаической эпохи и бронзовымъ копіямъ позднѣйшаго времени. Огромное количество небольшихъ статуэтокъ изъ бронзы, представлявшихъ Аполлона Дидимейскаго, были продаваемы набожнымъ поклонникамъ бога и обращающимся къ оракулу, подобно тому, какъ въ Эфесѣ продава-

украшають изображенія женской фігуры съ крыльями, головою поддерживающею абакъ. Ноги и платье ея легко и незамѣтно переходятъ въ листья аканта, а продолженіемъ распростертыхъ рукъ служатъ вѣтви съ листьями и завитками, на углахъ оканчивающіяся въ видѣ пальметъ ¹⁾. Композиція этой капители—одно изъ великолѣпнѣйшихъ созданій древняго искусства; ни одинъ памятникъ античной пластики не представляетъ, кажется, столь свободного и красиваго сочетанія человѣческаго тѣла съ растительными формами.

Стѣны целлы были украшены пилястрами, капители которыхъ также весьма своеобразны; онѣ имѣютъ видъ корзины, которой слегка вогнутые бока вверху оканчиваются вертикальными завитками. Эта форма близко напоминаетъ капитель Пестума, изображенную нами на рис. 8, а также капители на Терѣ. Очевидно, что форма всѣхъ этихъ капителей происходитъ отъ одного и того же источника. Лицевыя стороны дидимейскихъ капителей отличаются изящной и нѣжной орнаментацией, представляющей смѣшеніе восточныхъ мотивовъ ²⁾. По срединѣ находится цвѣтокъ, состоящій изъ соединенія стеблей, завитковъ и пальметы съ акантовыми листьями,—нѣсколько измѣненная форма того орнамента, который мы уже встрѣчали на антефиксѣ аѳинскихъ Пропилей и въ увѣнчаніяхъ греческихъ стелъ (см. рис. 23 и 24). По сторонамъ цвѣтка помѣщены грифы въ гераль-

лись фигурки Дианы. Нѣкоторыя изъ этихъ статуэтокъ сохранились до настоящаго времени и находятся въ европейскихъ коллекціяхъ. Таковы: бронзовый Аполлонъ Пайна—Найта (Raune-Knight), найденный въ Этруріи и хранящійся въ Британскомъ музеѣ, Аполлонъ Стренгфорта (того же музея) и драгоценный бронзовый Аполлонъ Лувра въ Парижѣ или Аполлонъ Пьомбино. Эти копіи позволяютъ составить довольно точное представление о произведеніи пелопоннесскаго скульптора. Какъ на монетахъ, такъ и въ бронзовыхъ статуэткахъ богъ представленъ нагимъ, спокойно стоящимъ и немного выставившимъ впередъ лѣвую ногу; въ одной рукѣ онъ держитъ молодого оленя, а въ другой лукъ. Волосы его спускаются съ головы на спину и на плечи длинными кудрями, какъ у архаическихъ статуй. Точнымъ повтореніемъ Аполлона Дидимея было другое произведение Канаха, изваянное изъ кедроваго дерева; это Аполлонъ Исменійскій въ Фивахъ (см. Paus. IX, 10, 2). Texier, Description de l'Asie Mineure. Vol. 2, p. 321; Rayet, Études d'archéologie et d'art, pp. 160—169; Ch. Diehl, Excursions archéologiques en Grèce. Paris, 1890, p. 200 и слѣд.; Пьеръ Пари, Древняя скульптура (Перев. и издан. редакція „Вѣстника изящныхъ искусствъ“). С.-Петербург. 1889. Стр. 164 и слѣд.

¹⁾ Изображеніе капители см. у Texier, Description de l'Asie Mineure. Vol. II, pl. 141,—и у Rayet, Études d'archéologie et d'art, на стр. 109.

²⁾ Относящіеся сюда рисунки см. у Texier (l'Asie Mineure), Rayet (Études), но особенно у Mauch'a, Die architektonisch. Ordnungen d. Griechen u. Römer. Taf. 32.

дической позѣ. Боковыя части капителей украшены тѣмъ же финикійскимъ орнаментомъ, но безъ пальметы и со множествомъ стеблей и завитковъ, расходящихся въ разныя стороны. Другія капители дидимейскихъ пилястровъ декорированы только растительнымъ орнаментомъ,—финикійскимъ цвѣточнымъ букетомъ, выходящимъ изъ акантовыхъ листьевъ; орнаментъ принялъ здѣсь совершенно другой видъ, но основная форма его та-же, что и на предыдущихъ капителяхъ; великолѣпные стебли красиво извиваются на право и на лѣво отъ пальметы, образуя множество завитковъ. Между пилястрами на стѣнахъ святилища былъ расположенъ узкій фризъ, называвшійся у грековъ *ἐπιχώρις*; онъ представлялъ повторяющіяся изображенія грифоновъ, обращенныхъ другъ къ другу головой и раздѣленныхъ лирой Аполлона.

Въ этой же части храма, т. е. въ целлѣ, у двери, которая вела въ отдѣленіе, называемое *οἶκος*, по обѣимъ сторонамъ находились двѣ коринскія полуколонны. Капители ихъ, въ настоящее время не существующія, были срисованы въ XVIII вѣкѣ англійскимъ археологомъ Ричардомъ Чандлеромъ, посланнымъ въ Грецію Лондонскимъ обществомъ Дилетантовъ. Райе во время своихъ раскопокъ на этомъ мѣстѣ нашелъ только фрагменты стержней колоннъ. На рис. 41 мы представляемъ изображеніе одной изъ этихъ капителей.

Рис. 41.—Капитель храма Аполлона Дидимея близъ Милета.

Въ коринскихъ капителяхъ храма Аполлона Дидимея замѣчается уже значительный успѣхъ сравнительно съ капителями Фигалии

и Эпидавра. Видно, что коринфское водчество сдѣлало уже большіе шаги впередъ съ той ранней эпохи, къ которой относятся помянутые памятники. Капители храма Аполлона Дидемея воспроизводятъ тѣ-же основные элементы, которые мы уже встрѣчали въ капителяхъ Фигалии и Эпидавра; но эти элементы являются теперь почти совершенно свободными отъ первоначальнаго архаизма. Завитки и пальмета не составляютъ болѣе главной части въ декорации капители; важную роль играютъ здѣсь листья аканта. Декорация капители гораздо полнѣе и почти совершенно закрываетъ ядро капители, калатосъ. Нѣжные и сочные, исполненные высокимъ рельефомъ, акантовые листья отличаются своеобразной красотой и мастерствомъ исполненія; очень тонкіе и гибкіе, съ острыми зубчиками, словно вырѣзанные изъ жести, они отворочены своими верхними частями далеко отъ калатоса. Листья расположены такимъ образомъ, что отдѣляются небольшими промежутками, открывающими болѣе высокіе листья втораго ряда. Четыре изъ нихъ красиво и легко поддерживаютъ угловыя волюты, которыя исполнены уже не условно, подобно предшествовавшимъ образцамъ; своими инструментами скульпторъ выдолбилъ свободное пространство между линіями спирали, во многихъ мѣстахъ почти насквозь, съ цѣлью сдѣлать завитки болѣе отчетливыми и рельефными. Среднія волюты играютъ весьма скромную роль въ украшеніи капители; онѣ весьма не велики и граціозно поддерживаютъ широкую пальмету, подпирающую абакъ. Эти волюты не производятъ болѣе впечатлѣніе холодной проволочной правильности и однообразія; въ ихъ рисунокѣ произошло значительное измѣненіе отъ того, что онѣ вынуждаютъ теперь изъ небольшихъ красивыхъ стеблей; эта особенность придаетъ имъ болѣе свободы и гибкости. Абакъ капители имѣетъ вогнутыя стороны и острые углы; украшеніемъ его служитъ яйцеобразный орнаментъ. Астрегаль украшенъ ниткой перловъ или растительныхъ зеренъ.

Подъ развалинами храма Аполлона Дидемея была найдена еще одна небольшая капитель, высотой въ 41 сантиметръ. Описание и воспроизведеніе ея даны у Мауха: *Die architektonischen Ordnungen der Griechen und Römer* ¹⁾, откуда заимствовано и прилагаемое нами изображеніе капители на рис. 42. Она принадлежитъ къ числу памятниковъ перваго типа коринфской капители. Орнаментацию ея состав-

¹⁾ Mauch-Lohde, Die architektonisch. Ordnungen d. Griechen und Römer. Taf. 40.

ляютъ восемь авантовыхъ листьевъ, очень поврежденныхъ, надъ которыми поднимаются вверхъ узкіе и длинныя листья водянаго характера, расположенныя на поверхности калатоса въ видѣ отдѣльныхъ пальметъ. Стороны абака капители немного вогнуты внутрь. Въ какомъ мѣстѣ храма находилась эта капитель, входила ли она въ составъ

Рис. 42.--Капитель, найденная подъ развалинами храма Аполлона Дидимея близъ Милета.

постройки, или стояла отдѣльно, можетъ быть, какъ посвященный даръ, рѣшить невозможно. Во всякомъ случаѣ капитель эта обнаруживаетъ формы и декорацію, въ общемъ родственныя другимъ капителямъ храма Аполлона Дидимея. Особенно листья пальметъ весьма близки къ листьямъ пальметъ вышеописанныхъ капителей. Рисунокъ ихъ совершенно такой же, какъ и рисунокъ пальметъ на капители эдикулы и на коринтскихъ капителяхъ колоннъ, находившихся при входѣ въ целлу; этотъ рисунокъ повторяется затѣмъ и въ капителяхъ пилластровъ. Также число авантовыхъ листьевъ этой капители соответствуетъ числу листьевъ на капителяхъ дверныхъ полуколоннъ. На нашемъ рисункѣ авантовые листья капители представлены въ реставраціи Мауха. Но эта реставрація, условная, взявшая за образецъ капители позднѣйшаго времени, какъ напр. Башни вѣтровъ въ Афинахъ, по нашему мнѣнію, неправильная; эти листья, навѣрно, походили на листья капители, изображенной нами на рис. 41. Такимъ образомъ, едвали можно сомнѣваться въ томъ, что эта капитель современна другимъ капителямъ храма Аполлона Дидимея, иначе говоря, современна постройкѣ самаго зданія.

Коринтскія капители колоннъ и пилястровъ храма Аполлона Дидимея достаточно показываютъ, какую роль стали играть элементы коринтскаго зодчества въ украшеніи архитектурныхъ памятниковъ. Храмъ Аполлона Дидимея не служитъ въ этомъ случаѣ единственнымъ примѣромъ; напротивъ, различныя мѣстности Греціи въ это время обнаруживаютъ влеченіе къ новымъ архитектурнымъ формамъ. Времени Александра принадлежитъ небольшая круглая постройка въ Олимпіи, такъ называемый Филиппейонъ (Φιλίππειον), сокровищница (θησαυρός) или ἱερῶν, посвященный Филиппу ¹⁾. Такъ описываетъ Павзаній этотъ античный памятникъ архитектуры: „Внутри Альтиса въ Олимпіи находится Метроонъ (святилище Матери боговъ), и тутъ же круглая постройка, называемая Филиппейонъ. На вершинѣ его кровли бронзовое украшеніе, похожее видомъ на маковую головку, служитъ связью потолочныхъ балокъ. Это зданіе, находящееся слѣва отъ выхода при Пританіи, построено изъ обожженныхъ кирпичей; вокругъ идутъ колонны; воздвигнуто оно Филиппомъ послѣ пораженія Элады при Херонеѣ. Внутри его находятся статуи Филиппа, Александра и Аминта, отца Филиппова. Эти статуи, также какъ и статуи Олимпіады и Эвридики, исполнены Леохаресомъ изъ слоновой кости и золота“ ²⁾.

Извѣстіе Павзанія о сооруженіи постройки Филиппомъ въ новѣйшее время было встрѣчено большими сомнѣніями. Послѣ Херонейской побѣды (338 г.) Филиппъ жилъ недолго; онъ умеръ въ 336 г. Но еще важнѣе то, что Филиппъ находился въ неладахъ съ своимъ семействомъ и даже вступилъ въ бракъ съ Клеопатрой, сестрой Атала, причѣмъ прежняя его жена Олимпіада и сынъ Александръ покинули дворъ. Невозможно, поэтому, предположить, чтобы статуя Олимпіады могла быть помѣщена въ зданіи, еслибы его соорудилъ

¹⁾ О Филиппейонѣ см. Boetticher, Olympia, das Fest und seine Stätte. Berlin. 1883. S. 351 слѣд; статью А. Frasch'a „Olympia“ въ Baumeisters Denkmäler d. klass. Altertums, S. 1104; и Laloux, L'architecture grecque, p. 177.

²⁾ Paus. V, 20, 9: ἔστι δὲ ἐν τῷ τῆς Ἄλτεις τῷ Μητρῶν, καὶ οἶκημα περιφερὲς ὀνομαζόμενον Φιλίππειον· ἐπὶ κορυφῇ δὲ ἔστι τοῦ Φιλίππειου μήκων χαλκῆ σύνδεσμος ταῖς δοκοῖς. τοῦτο τὸ οἶκημα ἔστι μὲν κατὰ τὴν ἔξοδον τὴν κατὰ τὸ Πρωτανεῖον ἐν ἀριστερᾷ, πεποιηται δὲ ὀπτῆς πλίνθου, κίονες δὲ περὶ αὐτὸ ἐστήρασι· Φιλίππῳ δὲ ἐποιήθη μετὰ τὸ ἐν Χαίρωνείᾳ τὴν Ἑλλάδα ὀλισθεῖν. κείνται δὲ αὐτόθι Φιλίππος τε καὶ Ἀλέξανδρος, σὺν δὲ αὐτοῖς Ἀμόντας ὁ Φιλίππου πατήρ. ἔργα δὲ ἔστι καὶ ταῦτα Λεωχάρους ἐλέφαντος καὶ χρυσοῦ, καθὰ καὶ τῆς Ὀλυμπιάδος καὶ Εὐροδίκης εἰσὶν αἱ εἰκόνες.

Филиппъ. Такимъ образомъ гораздо болѣе вѣроятно, что святилище было выстроено Александромъ въ честь его отца Филиппа ¹⁾.

Въ настоящее время Филиппейонъ совершенно разрушенъ; на мѣстѣ сохранился только фундаментъ изъ пороса. Во время раскопокъ германской ученой экспедиціи было найдено множество фрагментовъ этого зданія, частью разсѣянныхъ вокругъ, частью употребленныхъ на другія постройки; такимъ образомъ были открыты: мраморныя ступени, стержни колоннъ, базы и капители, нѣкоторыя части антаблемента, кассеты портика, фрагменты мраморной сими, кровельныя черепицы и проч. ²⁾. Всѣ эти фрагменты позволяютъ возстановить зданіе почти совершенно. Это была периптеральная круглая постройка, возвышавшаяся на мраморномъ основаніи, состоявшемъ изъ трехъ ступеней. Въ діаметрѣ она имѣла 15,25 метровъ. Окружавшій ее портикъ составляли 18 іоническихъ колоннъ съ аттическими базами; матеріаломъ портика служилъ поросъ. Архитравъ и узкій фризъ состоятъ изъ одной каменной плиты. Карнизъ украшенъ іоническими зубцами; мраморную симу украшаютъ антефиксы въ видѣ пальметъ и львиныя маски, служившія для стока дождевой воды. Подолокъ портика состоялъ изъ выдолбленныхъ каменныхъ кассетовъ, на которыхъ не замѣтно никакой рѣзьбы; очевидно, ихъ украшала живопись, какъ и многія другія части зданія, вообще лишеннаго пластическихъ украшеній; однако нивакихъ слѣдовъ живописи до насъ не сохранилось. Кровля, имѣвшая форму купола, состояла изъ мраморныхъ черепицъ; на верху купола въ мѣстѣ соединенія кровельныхъ стропилъ находилось бронзовое украшеніе въ видѣ маковой головки. Внутренность святилища была украшена двѣнадцатью коринтскими полуколоннами. Стволы ихъ выдѣланы непосредственно

¹⁾ Flasch, Olympia въ Baumeister's Denkmäler d. klass. Altert. S. 1104.

²⁾ Результаты раскопокъ въ Олимпіи опубликованы въ великолѣпномъ изданіи: *Die Ausgrabungen zu Olympia*. 5 vol. Berlin, 1876—1881. Это—пять томовъ фотографій, плановъ и чертежей in fol., снабженныхъ объяснительнымъ текстомъ, составленнымъ руководителями раскопокъ, Курциусомъ, Адлеромъ, Треемъ и Дерпфелдомъ. Для знакомства съ архитектурой и настоящимъ видомъ Филиппейона важны снимки и чертежи, изданные въ III томѣ на таблицахъ III и XXXV. Въ 1882 году въ Берлинѣ вышелъ отдѣльный томъ: *Die Funde von Olympia*, также in fol., содержащій въ себѣ избранные олимпійскіе памятники изъ *Ausgrabungen* съ нѣкоторыми дополненіями. На табл. XXXVII этого тома представлено изображеніе архитектурныхъ частей Филиппейона, въ томъ числѣ и коринтской капители.

изъ стѣнныхъ виадровъ; слѣдовательно, сообщеніе Павзанія, что всѣ стѣны святилища были изъ кирпичей, не вполне справедливо и можетъ быть принято только съ ограниченіемъ. Капители полуколоннъ (см. рис. 50) напоминаютъ отчасти капитель Эпидавра, особенно въ композиціи двухъ рядовъ листьевъ, которые окружаютъ нижнюю часть калатоса, хотя исполненіе этихъ капителей, конечно, гораздо выше исполненія эпидаврской капители; изваявшій ихъ художникъ обнаруживаетъ съ одной стороны еще значительное несовершенство техники и робость работы, а съ другой свободу въ употребленіи тѣхъ техническихъ средствъ, которыя находились въ его распоряженіи, и стремленіе къ изобрѣтательности. Акантовые листья исполнены съ большею смѣлостью, нежели листья капители Эпидавра; въ нихъ больше гибкости, лѣпки и вообще больше искусства. Угловые завитки вытекаютъ изъ длинныхъ и узкихъ стеблей, на подобіе внутреннихъ завитковъ дидимейскихъ капителей. Что до внутреннихъ волютъ и пальметъ, то капители Филиппейона не имѣютъ ихъ вовсе. Средняя часть калатоса, между угловыми завитками, украшена двумя рядами акантовыхъ листьевъ, рельефъ которыхъ весьма незначителенъ; листья очень простаго рисунка, гладкіе, безъ зубьевъ и прорѣзовъ; верхніе ихъ кончики немного заворочены наружу. Двое изъ этихъ листьевъ помѣщены подъ угловыми завитками. Въ фактѣ отсутствія внутреннихъ волютъ и пальметъ мы усматриваемъ вліяніе перваго типа коринтской капители; такое вліяніе весьма естественно: капители Филиппейона, какъ и дидимейскія капители, принадлежатъ тому времени, когда не были еще установлены опредѣленные формы для коринтской капители втораго типа и въ орнаментациі ея замѣчаются постоянныя колебанія.

Въ Афинахъ во второй половинѣ IV вѣка также замѣтно значительное движеніе въ пользу коринтскаго зодчества. Дорическая и іоническая архитектура достигла здѣсь высшаго развитія своей красоты еще въ V ст. въ рядѣ великолѣпныхъ памятниковъ. Партеонъ и Эрехтейонъ, безспорно, лучшіе и самые драгоцѣнные образцы дорическаго и іоническаго орденовъ, которыми обладала Греція. Эти великіе памятники, до сихъ поръ составляющіе предметъ удивленія, были послѣднимъ актомъ творчества аѣнскихъ зодчихъ въ этой области архитектуры. Наступило теперь время для коринтскаго ордена, до той поры робко проявлявшаго свое существованіе, заявить о сво-

емъ свободномъ ростѣ и процвѣтаніи. Одинъ изъ самыхъ важныхъ памятниковъ коринѣскаго ордена въ Греціи, хорагическій памятникъ Лизикрата, принадлежитъ этой эпохѣ.

Въ Аѣинахъ отъ зданія Пританея до театра Діониса тянулась улица, носившая названіе улицы Треножниковъ (Τρίποδες). Она отличалась множествомъ небольшихъ построекъ, сооруженныхъ на частныя средства (большею частью въ IV вѣкѣ), которыхъ кровли украшали хорагическія побѣдныя награды и посвячительные дары: бронзовые треножники; внутри же нерѣдко скрывались замѣчательныя произведенія искусства, какъ знаменитый Сатиръ Праксителя и творенія другихъ мастеровъ¹⁾. Въ IV вѣкѣ это было любимое мѣсто прогулки для аѣинскихъ гражданъ. Теперь отъ этой улицы не сохранилось никакихъ слѣдовъ; одинъ лишь уцѣлѣвшій памятникъ показываетъ ея прежнее направленіе; надпись на мраморномъ архитравѣ памятника гласитъ, что онъ былъ выстроенъ Лизикратомъ, бывшимъ херегомъ, при архонтѣ Эвенетѣ, т. е. въ 335—334 гг. до Р. X.—

Λυσικράτης Λυσιδείδου Κικονεύς ἐχορήγει
Ἀχαμαντίς παίδων ἐνίκα Θεῶν ἤυλει
Λυσιάδας Ἀθηναῖος ἐδίδασκε Εὐαίνετος ἤρχε.

Хорегъ былъ гражданинъ, принявшій на себя обязанность устроить хоры для драматическихъ представленій²⁾. Хорегія принадлежала къ числу такъ называемыхъ *круговыхъ* повинностей, возлагаемыхъ на аѣинское населеніе. Первое учрежденіе ея, кажется, относится ко времени Клизеена. Главныя заботы о театральныхъ представленіяхъ лежали прежде всего на самомъ государствѣ; также значительная часть ихъ падала на арендатора театра (θεατρῶνης или θεατροπόλης); но попеченіе о хорѣ исключительно принадлежало начальнику хора, хорегу, избираемому по очереди изъ каждой филы. Изъ всѣхъ хореговъ архонтъ назначалъ по одному для каждаго поэта, допущен-

¹⁾ Paus. I, 20, 1: Ἔστι δὲ ὁδὸς ἀπὸ τοῦ Πρυτανείου καλουμένη Τρίποδες· ἀφ' οὗ καλοῦσι τὸ χωρίον, ναοὶ θεῶν ἐς τοῦτο μεγάλοι καὶ σφισιν ἐφεστῆκασι τρίποδες, χαλκοὶ μὲν, μνήμης δὲ ἄξια μάλιστα περιέχοντες εἰργασμένα. Σάτυρος γάρ ἐστιν, ἐφ' ᾧ Πραξιτέλην λέγεται φρονῆσαι μέγα.

²⁾ Albert Müller, Lehrbuch der Griech. Bühnenalterthümer. Freib. 1886 (2-е отд. 3-го тома новаго изданія К. F. Hermann's Lehrbuch d. Griech. Antiquitäten), § 22 на стр. 330 и дал.; В. В. Латышевъ, Очеркъ греческихъ древностей. С.-Петербургъ, 1889, Ч. 2-я, стр. 299.

наго въ состязанію. Обязанности хорега состояли въ наборѣ необходимаго количества пѣвцовъ или хоревтовъ, содержаніи ихъ во время упражненій и уплатѣ имъ жалованья. Для представленій хорегъ долженъ былъ приготовить хоревтамъ богатые костюмы и маски, а также самъ являлся въ роскошномъ праздничномъ платьѣ и съ вѣнкомъ на головѣ. Хорегъ, признанный побѣдителемъ, получалъ почетную награду: вѣнокъ и треножникъ, который онъ потомъ ставилъ на колоннѣ или нарочно для этого построенномъ небольшомъ зданіи вблизи театра на склонѣ горы, надъ самымъ верхнимъ рядомъ сидѣній, или же въ улицѣ Треножниковъ. Къ числу такихъ почетныхъ хорагическихкихъ памятниковъ принадлежитъ и памятникъ, выстроенный Лизикратомъ въ 334 году, въ коринтскомъ стилѣ¹⁾. На таблицѣ I мы даемъ фототипическій снимокъ этого зданія въ его теперешнемъ видѣ; онъ воспроизведенъ нами по рисунку съ фотографіи, приложенному въ сочиненію Зибеля: *Weltgeschichte der Kunst*²⁾. Памятникъ Лизикрата возвышается на четырехугольномъ пьедесталѣ изъ известковаго камня и представляетъ небольшое круглое зданіе изъ бѣлаго пантелійскаго мрамора, немного болѣе десяти метровъ въ вышину и около трехъ въ діаметрѣ. Высота пьедестала—3,86 метра; онъ оканчивается вверху карнизомъ изъ сѣраго гиметскаго мрамора. Самое зданіе памятника имѣетъ форму близкую къ формѣ круглаго псевдопериптеральнаго храма, лишеннаго, впрочемъ, двери. Оно украшено шестью монолитными колоннами, которыя почти до половины своей толщины вдѣланы въ стѣны; колонны каннелированы и опираются на аттичскія базы. Платформа или *κρηπίδωρα*, на которой стоитъ зданіе,—круглая и составлена изъ трехъ уступовъ или ступеней. Нижнія двѣ ступени—прямоугольныя, безъ всякой профилировки; верхняя же ступень или собственно стилобатъ имѣетъ особенную наружность; она состоитъ изъ отлива или желоба (*τρόχιλος*) и полукруглаго вала (*τογος*). Стѣны зданія, между колоннами, состояли изъ шести частей, каждая изъ цѣльнаго мрамора; изъ нихъ въ настоящее время только одна сохранилась неповрежденною, три тругія сильно испор-

¹⁾ О памятникѣ Лизикрата см. слѣд. работы: статью Julius'a, *Lysikratesdenkmal* въ *Denkmäler d. klass. Altert. Baumeister'a*; Durm, *Handbuch der Architektur*, p. 206; Harrison and Verrall, *Mythology and monuments of ancient Athens*, London, 1890, p. 244 слѣд.

²⁾ Sybel, *Weltgeschichte der Kunst*, Fig. 192.

Скульптура С. В. Кузнецова, Киев.

Хорагическій памятникъ Лизикрата

въ Афинахъ.

Digitized by Google

ченъ, а двѣ совершенно исчезли; на ихъ мѣсто поставлены теперь новыя изъ кирпича. Архитравъ и фризъ также состоятъ изъ одной мраморной плиты; фризъ украшенъ барельефомъ, нѣсколько юмористическаго содержанія; барельефъ представляетъ превращеніе тирренскихъ морскихъ разбойниковъ въ дельфиновъ Діонисомъ, который наказываетъ ихъ за то, что они осмѣлились увезти его въ плѣнъ¹⁾. Карнизъ украшенъ іоническими зубцами и симой, состоящей изъ вѣнка красивыхъ антефиксовъ. Крыша имѣетъ видъ плоскаго купола; она сдѣлана изъ одной мраморной плиты, наружная сторона которой украшена чешуями на подобіе черепицъ. По краямъ ея, выше антефиксовъ, идетъ орнаментъ „морской волны“, какъ символическое изображеніе водяной поверхности. Куполъ оканчивается великолѣпнымъ пластическимъ украшеніемъ, сдѣланнымъ изъ мрамора и представляющимъ огромный букетъ, который, то суживаясь, то расширяясь, роскошно поднимается вверхъ; онъ образуетъ чашку авантовыхъ листьевъ, изъ которой въ горизонтальномъ направленіи выникають стебли со множествомъ завитковъ и, распространяясь на три стороны, образуютъ какъ бы ручки чашки²⁾. На верхней поверхности этого букета сохранились отверстія, — три четырехугольныя на ручкахъ, а четвертое, круглое и самое большое, въ центрѣ. Букетъ покрывался трехугольнымъ абакомъ, который до нашего времени не уцѣлѣлъ, но былъ срисованъ въ XVII ст. англійскими путешественниками Спеномъ и Уелеромъ. Стебли и завитки извиваются также по самой крышѣ въ трехъ направленіяхъ отъ букета; на ихъ верхней поверхности, также какъ и на крышѣ между ними, сохранились круглыя дыры для прикрѣпленія металлическихъ частей памятника. Очевидно, что всѣ эти украшенія служили основаніемъ для бронзоваго треножника, побѣдной награды Лизикрата, которая и была причиной сооруженія памятника. Были здѣсь, вѣроятно, и другія металлическія украшенія; однако совершенно достовѣрная реставрація ихъ невозможна. Ганзенъ³⁾ и Маухъ⁴⁾ полагають,

¹⁾ Содержаніе барельефа находится, вѣроятно, въ связи съ содержаніемъ хоровъ, которыми Лизикратъ побѣдилъ на состязаніи. О барельефѣ Лизикратова памятника см. Любке, *Исторія пластики*, стр. 145.

²⁾ См. изображеніе букета у Маухъ'a, *Die architektonisch. Ordnungen d. Griechen u. Römer*; онъ воспроизведенъ на цѣломъ листѣ, Taf. 38. См. также у Маухъа табл. 36 и 37, гдѣ представлены изображенія другихъ украшеній кровли памятника Лизикрата.

³⁾ Julius, *Lysikratesdenkmal*, въ *Denkmäler d. klass. Altert. Baumeister'a*, S. 840.

⁴⁾ См. реставрацію Лизикратова памятника, исполненную Маухомъ: Маухъ-Lohde, *Die architektonisch. Ordnungen d. Griechen u. Römer*, Taf. 1.

что букетъ служилъ подставкой для треножника; что же до круглыхъ отверстій въ кровлѣ, то надъ ними они помѣщаютъ частью бронзовыхъ сатировъ, частью дельфиновъ. По мнѣнію Лоде ¹⁾, на трехугольномъ абаѣ букета былъ утвержденъ только λείψος или котелокъ треножника, ножки котораго стояли на самой крышѣ, между извивающимися по ней стеблями; самые же стебли поддерживали бронзовыхъ дельфиновъ. Мнѣніе Лоде, только съ нѣкоторымъ измѣненіемъ, раздѣляется Зибелемъ ²⁾ и Дурмомъ ³⁾, которые принимаютъ, что ножки треножника покоились на кровельныхъ стебляхъ, тогда какъ букетъ поддерживалъ металлическій котелокъ. Вообще для рѣшенія этого вопроса очень мало данныхъ, и привести его къ полной ясности невозможно, хотя, по нашему мнѣнію, реставрація Зибеля самая вѣроятная и удовлетворительная изъ всѣхъ.

Хорагическій памятникъ Лизикрата -- одно изъ самыхъ красивыхъ произведеній аттической архитектуры. Въ первый разъ мы встрѣчаемъ здѣсь коринскія колонны какъ украшеніе наружной части постройки. Авантовая орнаментация памятника, въ сожалѣнію, значительно теперь поврежденная, принадлежитъ къ числу наиболѣе изящныхъ и великолѣпныхъ композицій античной декораціи. Но особенно заслуживаютъ вниманія капители памятника какъ по своей красотѣ, такъ и потому, что онѣ представляютъ новую ступень въ развитіи коринскаго зодчества (рис. 43).

Не подлежитъ сомнѣнію, что общія родственныя черты связываютъ эти капители съ коринскими капителями другихъ памятниковъ, особенно храма Аполлона Дидимея близъ Милета. Однако и типъ капители, который мы изучили при описаніи храма Аполлона Дидимея, подвергся здѣсь дальнѣйшему преобразованію. Прежде всего капители Лизикратова памятника отличаются легкими и очень стройными, даже нѣсколько вытянутыми пропорціями. Въ сравненіи съ капителями, отдаленными по времени, каковы капители Фигалии и Эпидавра, эта особенность представляетъ даже весьма замѣтную разницу. Высота помянутыхъ древнихъ капителей почти равнялась ихъ ши-

¹⁾ Mauch-Lohde, Die architektonisch. Ordnungen d. Griechen. u. Römer, на стр. 59 объясненіе табл. 35--38.

²⁾ Sybel, Weltgeschichte der Kunst. S. 233.

³⁾ Durm, Handbuch d. Architektur. S. 206.

ринѣ, что придавало имъ тяжелый и неуклюжій видъ. Далѣе, волюты Лизикратовой капители, какъ угловыя, такъ и среднія, не выходятъ болѣе, каждая отдѣльно, изъ вѣнка листьевъ, окружающихъ калатосъ, какъ это мы видимъ на Дидимейской и другихъ, болѣе древнихъ капителейъ; завитки вытекаютъ теперь попарно изъ того специально для этой цѣли созданнаго орнамента, который повсюду фигурируетъ на римскихъ капителяхъ и у Витрувія называется *cauliculus*. Первые

Рис. 43.—Капитель памятника Лизикрата въ Афинахъ.

зачатки его мы уже встрѣчали въ тонкихъ стебелькахъ среднихъ завитковъ на капителяхъ Дидимейскихъ полуколоннъ. Болѣе смѣло онъ былъ начертанъ скульпторомъ, исполнившимъ капители Дидимейскихъ пиластровъ. Теперь же это—совершенно разившійся широкій стебель или, скорѣе, не вполнѣ развернувшійся листъ аканта, выходящій изъ корзины по красиво изогнутой линіи, а не вертикально, какъ завитки Дидимейскихъ капителей. Этотъ стебель или орнаментъ, *cauliculus*, окончательно связалъ завитки съ остальными декоративными формами капители,—авантовыми листьями, и придавъ такимъ образомъ общее единство всей композиціи.—Нижній рядъ листьевъ Лизикратовой капители имѣетъ весьма незначительную высоту и напоминаетъ листья фигаіійской капители; эти листья—тростниковые, а не акантовые; эта особенность капители, свидѣтельствующая о свободной фантазіи исполнителя, находится въ связи съ особенностями стержня колонны, каннелюры котораго заканчиваются вверху немного отвороченными внизъ лепестками тростниковыхъ листьевъ. Второй

рядъ (*folium medium* у Витрувія) состоитъ изъ восьми высокихъ листьевъ аканта своеобразнаго рисунка, широкіе края которыхъ красиво драпируютъ корзину; круглыя головки цвѣтовъ въ видѣ розетокъ, словно головки гвоздей, припиливаютъ ихъ къ калатосу. Въ срединѣ капители мы находимъ двойной рядъ завитковъ, причемъ верхніе, очень маленькіе завитки поддерживаютъ наклоненную впередъ пальмету, которая перекрываетъ абакъ во всю его высоту. Въ настоящее время капители не имѣютъ астрагала; но сохранившіеся желобки или выемки на капителяхъ показываютъ, что астрагалъ былъ металлическій. Среди всей этой декораціи Лизикратовой капители калатосъ ея сдѣлался почти совершенно невидимъ.

Такимъ образомъ, капители хорагическаго памятника Лизикрата еще болѣе, нежели Дидимейскія капители, приблизились къ тому типу, который былъ принятъ за образецъ Витрувіемъ при описаніи строительныхъ законовъ коринтской архитектуры. Греческимъ зодчимъ оставалось сдѣлать только одинъ послѣдній шагъ, чтобы довести коринтскую капитель до того состоянія, въ какомъ она является намъ въ римскихъ памятникахъ. Этотъ шагъ принадлежитъ архитектору, соорудившему во II вѣкѣ до Р. X. храмъ Зевса Олимпійскаго въ Аѣннахъ.

Въ расположенной къ востоку отъ аѣинскаго акрополя части города, названной впоследствии Андрианополемъ (*Ἀδριανόπολις*) въ честь императора Адріана, вблизи источника Каллирое, находился этотъ колоссальный храмъ Зевса Олимпійскаго или такъ называемый Олимпейонъ¹⁾. Площадь священнаго перибола храма лежала на склонѣ небольшого холма, по направленію къ юго-востоку, и потому съ этой стороны была поднята посредствомъ террасы, состоящей изъ квадровъ известковаго камня, и укрѣплена контрфорсами. Съ древнѣйшихъ временъ это мѣсто служило центромъ поклоненія олимпійскому Зевсу. По преданію, еще Девкаліонъ, гробницу котораго впоследствии показывали вблизи храма, выстроилъ здѣсь святилище²⁾; существовала

¹⁾ Описание храма Зевса Олимпійскаго въ Аѣннахъ см. у Milchhöfer'a въ статьѣ *Topographie von Athen* въ *Denkmäler des klassisch. Altertums* Baumeister'a; Harrison and Verrall, *Mythology and monuments of ancient Athens*. London, 1890, p. 189 и слѣд.; у Дурма, *Handbuch der Architektur*. I Bd. S. 206. Планъ храма воспроизведенъ у Laloux, *L'architecture grecque*. Paris 1887. Fig. 256. Относящіяся къ его наружной архитектурѣ прекрасныя чертежи см. у Мауха, *Die architektonisch. Ordnungen der Griechen und Römer*. Taf. 42.

²⁾ Paus. I, 18, 8: τοῦ δὲ Ὀλυμπίου Διὸς Δευκαλίωνα οἰκοδομησαὶ λέγουσι τὸ ἀρχαῖον

здѣсь и трещина, величиною въ локоть, въ которую стекла вода послѣ потопа, въ ознаменованіе чего ежегодно сюда бросали шеничную муку смѣшанную съ медомъ¹⁾. Начало постройки храма отнесено историческимъ свидѣтельствомъ во второй половинѣ VI ст. до Р. X. Основателемъ его считается Пизистратъ, который возложилъ сооруженіе храма на четырехъ архитекторовъ: Антистата, Каллесхра, Антимахида и Порина. Однако въ ту пору была возведена только нижняя часть храма; наступившія послѣ смерти Пизистрата политическія неурядицы приостановили его дальнѣйшее сооруженіе, и храмъ оставался въ запустѣніи очень долгое время. Къ возобновленію постройки было приступлено не ранѣе, какъ черезъ 350 лѣтъ послѣ ея основанія. Сирійскій царь Антиохъ IV Эпифанъ (175—164 гг. до Р. X.) поручилъ постройку храма римлянину, архитектору Коссутію. Тогда возведены были „величественная целла, окружающая ее двойная колоннада, архитравы и другія архитектурныя украшенія съ величайшимъ искусствомъ и опытностью“.—

Namque Athenis Antistates et Callaeschros et Antimachides et Porinos architecti Pisistrato, aedem Iovi Olympio facienti, fundamenta constituerunt: post mortem autem eius propter interpellationem reipublicae incepta reliquerunt. Itaque circiter annis quadringentis post Antiochus rex cum in id opus impensam esset pollicitus, cellae magnitudinem et columnarum circa dipteron collocationem, epistyliorumque et ceterorum ornamentorum ad symmetriam distributionem magna solertia scientiaque summa civis Romanus Cossutius nobiliter est architectatus.

(Vitr. Lib. VII, praef. § 15).

Смерть Антиоха снова приостановила окончаніе работъ. Въ I вѣкѣ до Р. X. во время войны римлянъ съ Митридатомъ, царемъ понтійскимъ, Аѳины, соединившіеся съ непріятелями римлянъ, сдѣлались жертвой опустошенія и грабежа²⁾. Сулла отплатилъ за невѣрность гражданъ,

ἱερὸν, σημεῖον ἀποφαίνοντες ὡς Δευκαλίων Ἀθήνησιν ᾤκησε τάφον τοῦ ναοῦ τοῦ νῦν οὐ πολὺ ἀφεστηκότα.

¹⁾ Paus. I, 18, 7: ἐνταῦθα ὅσον ἐς πῆχυν τὸ ἔδαφος διέστηκε, καὶ λέγουσι μετὰ τὴν ἐπομβρίαν τὴν ἐπὶ Δευκαλίωνος συμβῆσαν ὑπορροῆναι ταύτη τὸ ὕδωρ, ἐσβάλλουσι τε ἐς αὐτὸ ἀνὰ πᾶν ἔτος ἄλφιτα πυρῶν μέλιτι μάζαντες.

²⁾ Paus. I, 20, 4—7.

взявши нѣсколько колоннъ изъ храма Зевса Олимпійскаго для украшенія Капитолія ¹⁾. Съ тѣхъ поръ храмъ подвергся новому запустѣнію ²⁾, и только императоръ Адрианъ окончилъ зданіе спустя 650 лѣтъ послѣ его основанія ³⁾. Павзаній, посѣтившій вскорѣ послѣ того Аѣины, удивлялся множеству художественныхъ произведеній, которыми былъ наполненъ периболь храма, имѣвшій четыре стадіа въ окружности. Все это были большею частью статуи Адриана, принесенныя въ даръ греческими городами и колоніями. Колоссальная статуя императора посвященная аѣинянами, возвышалась позади храма. На одной колоннѣ находилась статуя Исократы; также обращала на себя вниманіе посѣтителей группа изъ фригійскаго мрамора, изображавшая персовъ, поддерживавшихъ бронзовый треножникъ. Кромѣ многочисленныхъ даровъ, статуй и бронзовыхъ треножниковъ, въ храмовой оградѣ стояли еще два меньшіе храма Кронуса и Реи, и Земли съ именемъ 'Ολυμπίας; во время Павзанія эти храмы считались уже древностью (ἔστι δὲ ἀρχαῖα ἐν τῷ περιβόλῳ). Времени Адриана принадлежала и колоссальная статуя Зевса изъ золота и слоновой кости, находившаяся внутри цѣлы храма; она представляла копію съ великаго произведенія Фидія въ Олимпіи ⁴⁾. Изображенія ея сохранились на аѣинскихъ монетахъ того времени.

¹⁾ Plin. Nat. Hist. XXXVI, 45: sic est inchoatum Athenis templum Iovis Olympii, ex quo Sulla Capitolinis aedibus advexerat columnas. Весьма вѣроятно, что Сулла взялъ еще не употребленныя въ дѣло колонны, приготовленныя для внутренности храма.

²⁾ Светоній въ биографіи Августа сообщаетъ о желаніи дружественныхъ и союзныхъ римлянамъ царей окончить храмъ Зевса и посвятить его „Генію Августа“; но это желаніе, повидимому, не было приведено въ исполненіе. Sueton. *August.* LX: Reges amici atque socii, et singuli in suo quisque regno, caesareae urbes condiderunt; et cuncti simul, aedem Iovis olympici, Athenis antiquitus inchoatum, perficere communi sumptu destinaverunt, Genioque eius dedicare.

³⁾ Paus. I, 18, 6: ... τοῦ Διὸς τοῦ 'Ολυμπίου—'Αδριανὸς ὁ 'Ρωμαίων βασιλεὺς τὸν τε ναὸν ἀνέθηκε καὶ τὸ ἄγαλμα θεᾶς ἄξιον.

⁴⁾ Paus. I, 18, 6: Πρὶν δὲ ἐς τὸ ἱερόν ἰέναι τοῦ Διὸς τοῦ 'Ολυμπίου—'Αδριανὸς ὁ 'Ρωμαίων βασιλεὺς τὸν τε ναὸν ἀνέθηκε καὶ τὸ ἄγαλμα θεᾶς ἄξιον, οὗ μεγέθει μὲν, ὅτι μὴ 'Ροδίοις καὶ 'Ρωμαίοις εἰσὶν οἱ κολοσσοί, τὰ λοιπὰ ἀγάλματα ὁμοίως ἀπολείπεται, πεποίηται δὲ ἐκ τε ἐλέφαντος καὶ χρυσοῦ, καὶ ἔχει τέχνης εὖ πρὸς τὸ μέγεθος ὀρῶσιν—ἐνταῦθα εἰκόνες 'Αδριανοῦ δύο μὲν εἰσι Θεαίου λίθου, δύο δὲ Αἰγυπτίου· χαλκαὶ δὲ ἐστᾶσι πρὸ τῶν κίωνων ἄς 'Αθηναῖοι καλοῦσιν ἀποίκους πόλεις. ὁ μὲν δὴ πᾶς περίβολος σταδίων μάλιστα τεσσάρων ἐστίν, ἀνδριάντων δὲ πλήρης· ἀπὸ γὰρ πόλεως ἐκάστης εἰκὼν 'Αδριανοῦ βασιλέως ἀνάκειται, καὶ σφᾶς ὑπερεβάλλοντο 'Αθηναῖοι τὸν κολοσσὸν ἀναθέντες ὄπισθε τοῦ ναοῦ θεᾶς ἄξιον. Ἔστι δὲ ἀρχαία ἐν τῷ περιβόλῳ Ζεὺς χαλκοῦς καὶ ναὸς Κρόνου καὶ 'Ρέας καὶ τέμενος Γῆς ἐπὶ κλησὶν 'Ολυμ-

Время разрушенія Олимпейона неизвѣстно. Въ настоящее время на мѣстѣ сохранилось только 15 колоннъ, изъ которыхъ 13 соединены архитравами; одна колонна лежитъ разбитая, опрокинута землетрясеніемъ 1852 года. Храмъ Зевса представляетъ образецъ декастильнаго диптера въ коринтскомъ стилѣ. Матеріаль, изъ котораго построенъ храмъ,—бѣлый мраморъ. По новѣйшимъ измѣреніямъ, онъ простирался въ длину вмѣстѣ съ колоннадой больше чѣмъ на 120 метровъ; въ ширину же храмъ имѣлъ слишкомъ 54 метра. Двойная колоннада окружала целлу храма со всѣхъ четырехъ сторонъ; каждый рядъ ея заключалъ въ себѣ по 10 колоннъ на узкихъ и по 20 на длинныхъ сторонахъ зданія. За этой внѣшней колоннадой съ обѣихъ фронтовъ, восточнаго и западнаго, была еще внутренняя; именно, съ каждой стороны передъ портиками (*pronaos* и *posticum*) стояло по 6 колоннъ, и по 4 между антами въ портикахъ¹⁾. Вся колоннада храма состояла изъ 124 колоннъ. Высота колоннъ съ базами и капителями достигаетъ 20,16 метровъ; нижній діаметръ ихъ равенъ 2 метрамъ; разстоянія между колоннами невелики, вслѣдствіе величины зданія, и не превышаютъ 3 метровъ. Высота архитравовъ—2,25 метра.

Итакъ, наружная архитектура храма, его колонны съ базами и капителями, архитравы и карнизы, исполнены Коссутиемъ. Витрувій называетъ Коссутія только *римскимъ гражданиномъ*, *civis Romanus*; это былъ, несомнѣнно, архитекторъ, воспитанный на преданіяхъ эллинской архитектурной школы, и созданный имъ памятникъ есть произведеніе греческаго зодчества²⁾. Антаблементъ храма представ-

---

πίας... Καίται δὲ ἐπὶ κίονος Ἰσοκράτους ἀνδριάς... καίται δὲ καὶ λίθου Φρουγίου Πέρσαι χαλκοῦν τρίποδα ἀνέχοντες, θεὰς ἀξιοὶ καὶ αὐτοὶ καὶ ὁ τρίπους.

¹⁾ См. планъ храма у Laloux, *L'architecture grecque*, fig. 256, и у Harrison and Verrall, *Mythology and monuments of ancient Athens*, fig. 2 на стр. 189.

²⁾ Самъ Витрувій излагаетъ о немъ въ связи съ другими эллинскими храмами и считаетъ его однимъ изъ самыхъ великолѣпныхъ памятниковъ греческой архитектуры. Однако многіе изъ новѣйшихъ ученыхъ совершенно неосновательно называютъ храмъ Зевса памятникомъ римскаго времени, сооруженнымъ подъ римскимъ архитектурнымъ вліяніемъ. Такъ Лоде пишетъ: „Die Architektur, von der unsere Tafel Details mittheilt, ist mehr römisch denn griechisch... das Kranzgesimse zeigt keine Zahnchnitte zur Unterstützung der Hängeplatte, sondern weit ausladende Geisonfüsse nach dem Profil von Balkenköpfen zwischen denen sich an der Unterfläche der Hängeplatte Cassetten mit herabhängenden Rosetten befinden. Alles dies sind Neuerungen, die wir gewiss dem römischen Einfluss zuzuschreiben haben (Объяснительный текстъ Lohde къ 42-ой таблицѣ Mauch's

ляетъ нѣсколько тяжелыя, но благородныя формы, отличающіяся строгой, чисто эллинской простотой. Онъ не имѣетъ никакихъ пластическихъ украшеній: вмѣсто іоническихъ зубцовъ мы впервые встрѣчаемъ здѣсь консоли самой простой, первоначальной формы въ видѣ гладкихъ прямоугольныхъ выступовъ; между ними на нижней поверхности карниза размѣщены кассеты, украшенные розетками; архитравъ состоитъ изъ двухъ частей (*fascia*); фризъ—гладкій, съ отливомъ въ нижней части. Базы колоннъ аттическихія, но съ прибавленіемъ плинта. Созданная Коссутиемъ капитель (см. рис. 44) представляетъ весьма близкое родство съ капителью Лизикратова памятника. Эта послѣдняя,

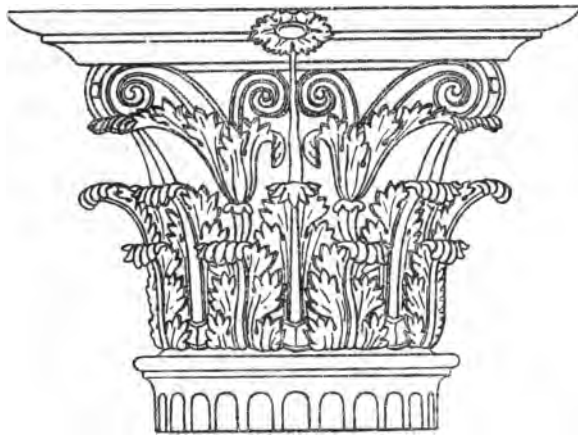

Рис. 44.—Капитель храма Зевса Олимпійскаго въ Аѳинахъ.

хотя и отличается большою своеобразностью въ отношеніи рисунка акантовыхъ листьевъ и въ отношеніи нѣкоторыхъ формъ, однако обнаруживаетъ такіе же стремленія и приемы, какъ и капитель храма Зевса; иными словами, она содержитъ въ себѣ, такъ сказать, въ

Die architektonisch. Ordnungen der Griechen und Römer). Эти замѣчанія Лоде есть результатъ полнаго непониманія и незнанія историческаго развитія коринтскаго ордена. При всемъ нашемъ желаніи мы не можемъ, основываясь на древнихъ текстахъ, отнести построеніе *всего храма* ко времени Адриана. Напротивъ, изъ приведенныхъ нами историческихъ свидѣтельствъ мы съ полнымъ правомъ можемъ заключить, что Адриану принадлежитъ окончательная и, можетъ быть даже, только внутренняя отдѣлка храма. Какіе же римскіе памятники во время Коссутія могли оказать вліяніе на сооруженіе храма? Мы такихъ памятниковъ совершенно не знаемъ. Въ ту пору самый Римъ только-что сталъ испытывать на себѣ вліяніе греческаго искусства.

эскизѣ всѣ тѣ характеристическія черты, которыми отличается композиція капители, описанной Витрувіемъ. Только въ воспроизведеніи листьевъ свободная фантазія художника допустила тамъ отступленіе отъ приѣма, который былъ уже установленъ въ коринѣскомъ зодствѣ. Замѣна акантовыхъ листьевъ тростниковыми и слишкомъ незначительная высота ихъ придали Лизикратовой капители оригинальный характеръ, выдѣляющій ее на первый взглядъ изъ ряда другихъ коринѣскихъ памятниковъ. Въ приѣмѣ воспроизведенія акантовыхъ листьевъ коринѣское зодчество вступило уже на вѣрный путь при исполненіи капителей Филиппейона и Дидимейскихъ капителей; тамъ не были только выработаны правила для расположенія завитковъ, которые еще не получили надлежащей связи съ вѣнкомъ акантовыхъ листьевъ. Эта связь была достигнута въ каптеляхъ памятника Лизикрата, тогда какъ при воспроизведеніи листьевъ этихъ капителей художникъ, увлеченный фантазіей, снова отступилъ отъ истины. Въ каптеляхъ Зевсова храма тотъ и другой элементы декораціи достигли наконецъ своего полного развитія, роста и гармоніи. Два ряда красивыхъ акантовыхъ листьевъ окружаютъ нижнюю часть капители; листья расположены также, какъ и на каптеляхъ Филиппейона и Дидимейскихъ капителей, съ промежутками. Великолѣпные стебли (cauliculi), вполнѣ развитой формы, поддерживаютъ выходящіе изъ нихъ попарно завитки, какъ и на Лизикратовой капители; внутреннія волуы (helices) подходятъ почти подъ самый абакъ, украшенный вмѣсто пальметы круглымъ цвѣткомъ. Абакъ имѣетъ вогнутыя стороны и очень острые, сильно выдающіеся углы.

Въ справедливости нашего сужденія о мѣстѣ, которое занимаетъ капитель Зевсова храма въ историческомъ развитіи коринѣскаго ордена, убѣждаетъ насъ простота ея композиціи; украшенія этой капители лишены того чрезмѣрнаго бѣгатства, даже, можно сказать, той вычурности, которою отличаются римскія капители. Она тяжела въ пропорціяхъ, но чрезвычайно благородна; это—греко-коринѣская капитель, достигшая своей полной зрѣлости. Что еще отличаетъ ее отъ римскихъ памятниковъ, это—форма абака съ острыми углами и неустановившіяся правила относительно величины акантовыхъ листьевъ. На римскихъ памятникахъ абакъ имѣетъ всегда скошенные углы; что же касается расположенія листьевъ, то римскіе архитекторы въ этомъ случаѣ слѣдовали предписаніямъ Витрувія: на

капителяхъ римскихъ памятниковъ листья втораго ряда всегда вдвое больше листьевъ перваго ряда, такъ что надъ первымъ рядомъ авантовыхъ листьевъ листья втораго ряда возвышаются еще настолько, сколько пространства капители занимаетъ первый рядъ. Вслѣдствіе этого римская капитель дѣйствительно оказывается раздѣленною на три равныя части, какъ говоритъ Витрувій. Коссутій, исполнившій капитель Зевсова храма, еще не слѣдовалъ такимъ правиламъ, выработаннымъ лишь впоследствии римскими зодчими; онъ воспроизвелъ листья своей капители такимъ же образомъ, какъ и скульпторъ, изваявшій капители храма Аполлона Дидимея, гдѣ листья втораго ряда только немногимъ превышаютъ величину листьевъ перваго ряда.

Изъ всего изложеннаго нами ясно, что коринѣская капитель храма олимпійскаго Зевса въ Аѣинахъ по всей справедливости можетъ считаться образцомъ, по которому вскорѣ были созданы капители великолѣпныхъ построекъ Рима, обзору которыхъ мы посвящаемъ слѣдующую главу нашей работы.

Теперь мы должны дать описаніе небольшой постройки, принадлежащей I вѣку до Р. X. и сооруженной въ Аѣинахъ какимъ-то Андроникомъ изъ Кирры, въ Сиріи (*Andronicus Cynrhestes*). Это — такъ называемая Башня вѣтровъ, находящаяся не далеко отъ новаго рынка, на сѣверо-восточной сторонѣ отъ акрополя¹⁾. Долгое время это зданіе какъ снаружи, такъ и внутри, почти до половины было засыпано землей; только англійскіе археологи *Stuart* и *Revett* расчистили и первые изслѣдовали его. Башня вѣтровъ была извѣстна Варрону (*De re rust.* III, 5, 17) и Витрувію. Послѣдній сообщаетъ о ней слѣдующее: „Нѣкоторымъ казалось, что существуетъ четыре вѣтра... Но тѣ, которые изслѣдовали это болѣе старательно, утверждали, что ихъ — восемь, и именно главнымъ образомъ Андроникъ изъ Кирры, который даже соорудилъ какъ образецъ въ Аѣинахъ осмиугольную мраморную башню; на каждой изъ сторонъ этого осмиугольнаго

¹⁾ О Башнѣ вѣтровъ см. статью *J. Matz'a: Windeturm* въ *Baumeister's Denkmäler d. klass. Alterthums; Durm, Handbuch der Architektur. I Bd. p. 206; Mauch-Lohde, Die architektonisch. Ordnungen d. Griechen u. Römer. Taf. 41 u. 61.* На русскомъ языкѣ описаніе Башни вѣтровъ см. въ приложеніи къ Краткому очерку греческихъ древностей К. Ѡ. Страшкевича (Кіевъ, 1874): Аѣины въ отношеніи мѣстности и важнѣйшихъ памятниковъ искусства, стр. 35. (Здѣсь описаны также Памятникъ Лизикрата и храмъ Зевса Олимпійскаго).

зданія онъ помѣстилъ исполненныя рельефомъ изображенія вѣтровъ,—каждаго противъ той стороны, откуда онъ дуетъ. На верху этой башни онъ сдѣлалъ мраморный конусъ и на немъ помѣстилъ мѣднаго Тритона, въ правой рукѣ протягивающаго тонкій жезлъ. Тритонъ былъ устроенъ такимъ образомъ, что вращался по направлению вѣтра и всегда останавливался противъ его дуновенія, указывая своимъ протянутымъ жезломъ на фигуру дующаго вѣтра. Въ барельефахъ же были изображены: между Соланомъ (Апеліотомъ, Ἀπλιώτης)¹⁾ и Австромъ (Нотомъ, Νότος) на юго-восточной сторонѣ Эвръ (Еѳросъ), между Австромъ и Фавоніемъ (Зефиромъ, Ζέφυρος) на юго-западной сторонѣ Аѳрикъ (Липсъ, Λίψ), между Фавоніемъ и Септентріономъ (Бореемъ, Βαρέας) Кавръ (Скиронъ, Σκίρων) (котораго многіе называютъ Коромъ) (сѣверо-западъ), между Септентріономъ и Соланомъ Аввилонъ (Καίμας) (сѣверо-востокъ). Такимъ образомъ на Башнѣ являются выраженными число, названіе и направленіе отдѣльныхъ вѣтровъ²⁾. Башня вѣтровъ (см. рис. 45)³⁾ построена изъ бѣлаго пентелійскаго мрамора; въ вышину она имѣетъ 12,20 метровъ, въ діаметрѣ —7,95 метровъ. Планъ постройки представляетъ правильный осмиугольникъ, одна сторона котораго оканчивается полукруглымъ выступомъ. Башня имѣетъ двое дверей, одну сѣверо-западную, другую сѣверо-восточную; онѣ устроены въ боковыхъ сторонахъ зданія противъ полукруглой пристройки. Передъ каждою дверью находится портикъ, состоящій изъ двухъ колоннъ, поддерживающихъ антаблементъ и двускатную кровлю съ фронтономъ. Порттики сохранились

1) Надъ каждымъ изображеніемъ вѣтра на Башнѣ начертаны греческія названія См. J. Matz, Windeturm въ Denkmäler Baumeister'a, Fig. 2370.

2) Vitr. Lib. I, cap. 6, § 4: Nonnullis placuit esse ventos quatuor... Sed qui diligentius perquisiverunt, tradiderunt eos esse octo, maxime quidem Andronicus Cyrrhestes, qui etiam exemplum collocavit Athenis, turrin marmoream octogonon, et in singulis lateribus octogoni singulorum ventorum imagines exsculptas contra suos cuiusque designavit, supraque eam turrin metam marmoream perfecit, et insuper Tritonem aereum collocavit, dextra manu virgam porrigentem: et ita est machinatus, uti vento circumageretur, et semper contra flatum consisteret, supraque imaginem flantis venti indicem virgam teneret. Itaque sunt collocati inter Solanum et Austrum ab oriente hiberno Euris, inter Austrum et Favonium ab occidente hiberno Africus, inter Favonium et Septentrionem Caurus (quem plures vocant Corum), inter Septentrionem et Solanum Aquilo. Hoc modo videtur esse expressum, uti capiatur numerus et nomina et partes, unde flatus ventorum certi spirent.

3) Нашъ рисунокъ 45, представляющій Башню вѣтровъ въ возобновленномъ видѣ, заимствованъ у Matz'a, Windeturm въ Baumeister's Denkmäler, Fig. 2366.

не вполне удовлетворительно; отъ сѣверо-восточнаго уцѣлѣла только одна колонна. Верхнюю часть Башни украшаетъ широкій фризъ, покрытый рельефными изображеніями восьми вѣтровъ. Надъ фризомъ идетъ карнизъ, мало выступающій наружу, дабы не препятствовать солнечнымъ лучамъ освѣщать стрѣлки часовъ, находившіяся на поверностяхъ стѣнъ. Объ устройствѣ солнечныхъ часовъ свидѣльст-

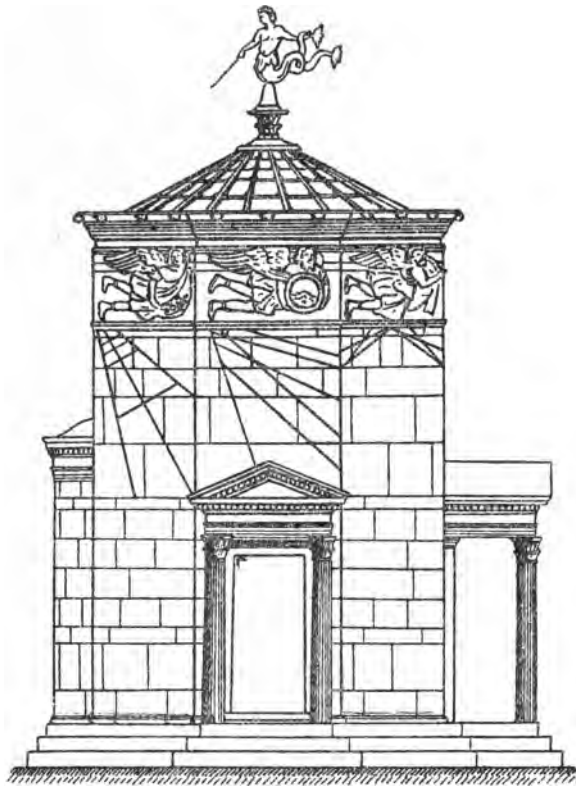

Рис. 45.— Башня вѣтровъ въ Аѳинахъ.

вуютъ сохранившіеся еще слѣды линій, проведенныхъ на стѣнахъ. Кровля Башни имѣетъ пирамидальную форму; она состоитъ изъ 24 каменныхъ стропилъ, сходящихся въ видѣ радіусовъ вокругъ круглаго отверстія на верху крыши; на нихъ утверждены мраморныя плиты, расположенныя на подобіе черепиць. Круглое отверстіе на крышѣ закрывалось мраморнымъ украшеніемъ, которое теперь не существуетъ, но было срисовано Стюартомъ; оно представляло коринѳскую капитель съ конусообразной надставкой на верху, на которой находилась фигура бронзоваго Тритона, вращавшагося по направленію

вѣтра. Капитель имѣла такую же форму, какъ и капители портиковъ.

Внутри Башни стѣны украшены въ нижней части двумя карнизами, изъ которыхъ нижній (почти на два метра отъ мраморнаго пола), очень выдающійся, вѣроятно, служилъ для помѣщенія какихъ нибудь предметовъ. Поверхность стѣнъ между карнизами не отдѣлана и, можетъ быть, предназначалась для росписной штукатурки. Вверху стѣны оканчиваются круглымъ куполомъ, поддерживаемымъ восьмью дорическими колонками, помѣщенными на стѣнномъ выступѣ въ углахъ постройки. Узкія отверстія подъ самой кровлей позволяютъ проникать внутрь Башни лучамъ свѣта. Внутренность Башни служила для помѣщенія водяныхъ часовъ, которые, вѣроятно, были устроены такимъ образомъ, что посѣтитель, входившій въ одну дверь и выходяшій въ другую, проходилъ мимо ихъ. Существованіе часовъ доказываютъ уцѣлѣвшіе желобки и отверстія для трубъ, устроенныя въ полу, а также круглая нижняя пристройка съ южной стороны Башни, содержащая въ себѣ водяной резервуаръ.

Въ исторіи коринескаго зодчества Башня вѣтровъ это—одинъ изъ самыхъ интересныхъ памятниковъ. Мы встрѣчаемъ здѣсь великолѣпный примѣръ коринеской капители перваго типа (рис. 46), кото-

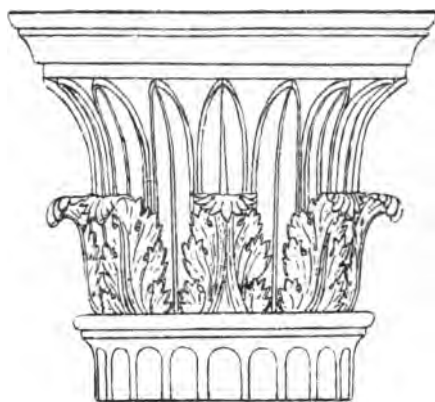

Рис. 46.—Капитель Башни вѣтровъ въ Афинахъ.

рый почти всецѣло былъ заимствованъ греками изъ Египта. Этотъ типъ гораздо древнѣе втораго типа коринеской капители, для котораго онъ служитъ основой и гдѣ связывается съ мотивомъ завитковъ и пальметъ чисто случайнымъ образомъ. Къ сожалѣнію, образцовъ этого типа капители мы имѣемъ очень немного и прослѣдить его по-

степенное развитіе весьма трудно, даже почти невозможно. Самый древній относящійся сюда памятникъ, это капитель, найденная французской экспедиціей въ Коронѣ, въ Мессеніи ¹⁾. Капитель эта вполне архаична; она тяжела и неграціозна; исполненіе ея грубо и неискусно. Внизу капитель окружаетъ рядъ очень низкихъ акантовыхъ листьевъ, почти не отдѣляющихся отъ калатоса; верхняя часть украшена широкими тростниковыми листьями съ острыми концами. Листья воспроизведены простымъ очеркомъ. Вторая капитель этого типа найдена подъ развалинами храма Аполлона Дидимея; описаніе и изображеніе ея мы представили выше. Исполненіе этой капители, безъ сомнѣнія, гораздо болѣе искусно и старательно, и представляетъ большой шагъ впередъ въ сравненіи съ капителью изъ Корона; однако украшающія ея пальметы—мотивъ не подходящій для декораціи коринтской капители, не имѣющей завитковъ; онъ дѣлаетъ ее, по крайней мѣрѣ на нашъ взглядъ, не вполне красивой. Только въ послѣднее время Греціи мы находимъ капители этого типа, полныя граціи и изящества. Таковы капители Башни вѣтровъ и театра Діониса въ Афинахъ ²⁾. Эти произведенія коринтскаго зодчества отличаются уже чистотой стиля и совершенствомъ въ обработкѣ формъ. Это были шедевры архитектуры, которые вдохновляли архитекторовъ послѣдующей эпохи или прямо копировались на безчисленномъ множествѣ римскихъ и азіатскихъ памятниковъ. На таблицѣ II мы предлагаемъ рисунокъ капители изъ известковаго камня, находящейся во второй залѣ Латеранскаго музея въ Римѣ ³⁾. Капитель эта точно воспроизводитъ капитель Башни вѣтровъ. Происхожденіе ея намъ неизвѣстно; собранные вокругъ нея памятники считаются происходящими съ форума Траяна ⁴⁾. Очень можетъ быть даже, что она завезена въ Римъ изъ Греціи. Мы знаемъ о похищеніи Суллою нѣкоторыхъ колоннъ храма Зевса для украшенія Капитолія. Въ послѣднее время римской рес-

¹⁾ Collignon, Manuel d'archéologie grecque. Paris, 1884, p. 61; Chipiez, Histoire critique des origines et de la formation des ordres grecs. Paris, 1876, pp. 296 и 301; здѣсь приложено изображеніе капители, Fig. CXLII.

²⁾ Одна изъ капителей, найденныхъ подъ развалинами театра Діониса, изображена у Дурма, Handbuch der Architektur. I Bd., на таблицѣ къ стр. 198.

³⁾ Капитель эта, кажется, не была издана нигдѣ; мы воспроизводимъ ее по фотографіи.

⁴⁾ *Baedeker*, Italie centrale et Rome.

Табл. II.

Съёмочная С. В. Кузьменко, Львов.

Коринтская капитель.

Изъ античнаго собранія Латеранскаго музея въ Римѣ.

публики и въ императорскую эпоху въ Римѣ было воздвигнуто не мало великолѣпныхъ зданій, украшенія которыхъ взяты большею частью изъ греческихъ городовъ Европы и Азии. Плиній въ послѣднихъ книгахъ своей *Естественной Исторіи* описалъ намъ много примѣровъ грабежа художественныхъ произведеній, который римляне систематически производили повсюду, куда только проникали ихъ легіоны.

Башня вѣтровъ заканчиваетъ собою рядъ собственно греческихъ архитектурныхъ памятниковъ. Со включеніемъ Греціи въ составъ обширной македонской монархіи, Аѣины перестали быть центромъ искусства; художественная дѣятельность сосредоточилась преимущественно въ Александріи при дворѣ Птолемеевъ, въ Антиохіи у Селеввидовъ и въ Пергамѣ. Въ городахъ собственной Греціи архитектурныя произведенія дѣлались все болѣе и болѣе рѣдкими. Лучшіе художники покидали Элладу и переселялись въ тѣ страны, гдѣ для нихъ предстояло болѣе широкое и выгодное поприще. Особенно блистала постройками Александрія. Птоломей Сотеръ украсилъ свою резиденцію великолѣпными зданіями. Знаменитый александрійскій музей былъ выстроенъ въ послѣдніе годы его царствованія. Коринѣскія колонны съ капителями изъ золоченной бронзы частью украшали обширныя портики музея ¹⁾. Также Птоломей IV Филопаторъ (220—204 гг. до Р. Х.) соорудилъ Нильскій корабль—дворецъ, такъ называемый *Θαλαμηγός*, главный покой котораго украшали коринѣскія колонны изъ кипарисоваго дерева съ капителями изъ золота и слоновой кости ²⁾. Со

¹⁾ Aphthonius, *Progymnasmata* (a Rodolpho Agricola et Iohanne Maria Catanaeo, Latinate donata), Amsterodami, 1657. *Descriptio arcis Alexandriae*, p. 321: Aula in medio est, columnis undique sussulta: eam porticus excipiunt, et eae quoque aequalibus distinctae columnis, ita in medio dispositis, ut neutram in partem sint nihil quicquam deflexae. Unaquaeque autem porticus ad transversam alteram finitur; et duplex est columna ad utramque porticum divisa, ut illac quidem desinat, hac vero rursus incipiat. Addita autem porticibus introrsum armaria, quibus libri receduntur; eaque semper, si cui vacet, aut libeat legere aliquid, patent, totamque velut urbem ad philosophiae cultum adhortantur. Alia item loca sunt, ad venerationem Deorum vetustorum instituta. Tectum porticum auro distinctum, vertices columnarum aere fabricati, auroque superne inclusi.

²⁾ Athen. *Dipnosoph.* Lib. V, 204, d: κατεσκευασεν δ' ὁ Φιλοπάτωρ καὶ ποτάμιον πλοῖον, τὴν θαλαμηγὸν καλούμενην, τὸ μῆκος ἔχουσαν ἡμισταδίου, τὸ δὲ εὖρος ἢ πλατότατον λ' πηχῶν· τὸ δὲ ὕψος σὺν τῷ τῆς σκηνῆς ἀναστήματι· μικρὸν ἀπέδει τεσσαράκοντα πηχῶν... τῶν δὲ κίωνων τὰ μὲν σώματα ἦν κυπαρίσσινα, αἱ δὲ κεφαλαὶ Κορινθιοურγεῖς, ἐλέφαντι καὶ χρυσῷ

времени римскаго владычества греческіе художники начинают переселяться въ Римъ и переносить въ него свое творчество. Однако въ эпоху господства Рима архитектурная дѣятельность представляется нѣсколько оживленнѣе въ самой Греціи. Нѣкоторые римскіе правители не оставляли заботъ объ украшеніи Греціи памятниками архитектуры. Особенно въ этомъ отношеніи много сдѣлалъ для Эллады императоръ Адрианъ; онъ возстановилъ Дельфы, соорудилъ нѣсколько храмовъ, гимназію, бібліотеку и окончилъ построеніе великолѣпнаго храма Зевса Олимпійскаго. Такимъ образомъ, до насъ сохранилось не мало памятниковъ коринѣскаго зодчества, принадлежащихъ римскому времени, въ городахъ собственной Греціи, Малой Азіи и Македоніи. Въ этихъ памятникахъ замѣтны еще среди новыхъ, римскихъ элементовъ слѣды преданій древнегреческаго строительнаго искусства какъ въ планѣ построекъ, такъ и въ ихъ формахъ и способѣ сооруженія¹⁾. Таковы памятники Аѣинъ, Элевзина, Салониковъ, Лабранды и другихъ мѣстностей. Изъ этихъ коринѣскихъ памятниковъ, относящихся къ римской эпохѣ, мы опишемъ вкратцѣ лишь самые важные.

Древнѣйшимъ изъ нихъ слѣдуетъ, можетъ быть, считать внутренній порталъ (*vestibulum*) или малыя пропилеи въ Элевзинѣ²⁾. Элевзинъ, одна изъ древнѣйшихъ мѣстностей Аттики, издревле былъ знаменитъ своимъ культомъ Деметры, храмъ которой былъ сооруженъ здѣсь по планамъ архитектора Иктина въ эпоху Перикла³⁾. Священ-

διακεκοσμημέναι. τὸ δὲ ἐπιστόλιον ἐκ χρυσοῦ τὸ ὅλον.—Ср. Sybel, Weltgeschichte der Kunst. S. 305; Durm, Handbuch d. Architektur. S. 210.

¹⁾ Hauser, Styl-Lehre d. architektonisch. Formen d. Alterthums. S. 69.

²⁾ См. Durm, Handbuch d. Architektur. I Bd., S. 209; Mauch-Lohde, Die architektonisch. Ordnungen d. Griechen u. Römer. Taf. 39 u. S. 59.

³⁾ Vitruv. Lib. VII, praef. § 16: Eleusine Cereris et Proserpinae cellam immani magnitudine Ictinus Dorico more sine exterioribus columnis ad laxamentum usus sacrificio-rum pertexit. Иктину принадлежала только разработка плана храма Деметры; по свидѣтельству Плутарха, элевзинскій храмъ мистерій началъ строить Коребъ; онъ поставилъ нижній рядъ колоннъ и соединилъ ихъ архитравомъ; послѣ его смерти Метагенъ Ксипетійскій продолжалъ постройку; ему принадлежитъ сооруженіе фриза и верхняго ряда колоннъ. Наконецъ, Ксеноклъ Холаргійскій возвелъ потолокъ и крышу храма. Plut. Pericl. XIII: τὸ δ' ἐν Ἐλευσίνι τευεστήριον ἤρξατο μὲν Κόροιβος οἰκοδομεῖν, καὶ τοὺς ἐπ' ἑδαφους κίονας ἔθηκεν οὗτος καὶ τοῖς ἐπιστολίοις ἐπέλευξεν· ἀποθανόντος δὲ τούτου Μεταγένης ὁ Ξεπέτιος τὸ διάζωμα καὶ τοὺς ἄνω κίονας ἐπέστησε· τὸ δ' ὅπαῖον ἐπὶ τοῦ ἀνακτόρου Ξενοκλῆς ὁ Χολαργεὺς ἐχορόφωσε.

ный округъ храма былъ окруженъ двойнымъ рядомъ стѣнъ и заключалъ въ себѣ два перибола. Доступъ въ наружный периболь открывали большія пропилеи, сооруженныя по образцу аѳинскихъ, по мнѣнію Julius'a въ александрійское время ¹⁾, а по мнѣнію Дурма, во II вѣкѣ по Р. X. ²⁾. Во внутренней периболь вели малыя пропилеи, выстроенныя изъ бѣлаго пентелійскаго мрамора частью въ іоническомъ, частью въ коринескомъ стилѣ. Онѣ образуютъ сѣни, ограниченныя съ боковъ двумя параллельными стѣнами, украшенными съ внутренней стороны іоническими полуколоннами. Съ обѣихъ сторонъ главнаго входа (2,84 метра шириной) находятся анты съ коринескими капителями весьма своеобразнаго характера. Надъ рядомъ авантовыхъ листьевъ на углахъ капителей вмѣсто волютъ помѣщены крылатыя фигуры грифозъ; средняя часть калатоса декорирована орнаментомъ, состоящимъ изъ сплетенія стеблей и завитковъ, розетокъ и ягодъ; въ центрѣ, вмѣсто пальметы, изображенъ цвѣтокъ лотоса. Эти капители, найденныя въ землѣ, очень повреждены; фигуры грифозъ отчасти уничтожены, и хорошо сохранились только ихъ крылья. Передъ антами находились колонны съ каннелированными стволами, служившія, по мнѣнію Лоде, подставками для треножниковъ. Впослѣдствіи были найдены капители, принадлежащія этимъ колоннамъ; капители совершенно такія же, какъ и капители антъ ³⁾.

Время сооруженія элевзинскаго vestibula съ точностью опредѣлить невозможно. Лоде полагаетъ, что коринескія капители его имѣютъ большое сходство съ декоративными частями Лизикратова памятника, и поэтому относятъ сооруженіе vestibula ко времени, предшествовавшему построенію стой или двѣнадцати-колоннаго дорическаго простиля храма Деметры, который, какъ извѣстно, былъ воздвигнутъ архитекторомъ Филономъ по приказанію Деметріа Фалерея около 318 года до

¹⁾ Julius, *Eleusis* въ Baumeist r's Denkmäler d. klass. Altertums. S. 476.

²⁾ Однако, не разумѣли ли уже Цицеронъ большія пропилеи въ Элевзинѣ, когда говорилъ: Me tamen de Academiae проπύλας iubes cogitare, cum iam Appius de Eleusine non cogitet? (ad Atticum VI, 6). Ср. Reber, Geschichte der Baukunst im Alterthum. Zweite Lieferung. S. 30.

³⁾ См. изображенія капителей антъ и колоннъ у Sibel'a, Weltgeschichte der Kunst, Fig. 250; у Дурма, Handbuch der Architektur. I Bd., на стр. 201,—и у Mauch'a, Die architektonisch. Ordnungen d. Griechen u. Römer. Taf. 39, Fig. 1 и 2. Капитель колонны въ гипсовомъ слѣпкѣ находится въ Берлинскомъ музеѣ.

Р. X.¹⁾ Совершенно другой взгляд выставленъ Дурмомъ, который отрицаетъ какое бы то ни было сходство между орнаментациею капителей и декоративными украшеніями кровли памятника Лизикрата; по его мнѣнію, въ этой тяжелой и сухой орнаментациі нѣтъ вовсе чистоты греческаго стиля, она скорѣе напоминаетъ украшенія стола, найденнаго въ домѣ Корн. Руфа въ Помпеяхъ. Поэтому Дурмъ принимаетъ мнѣніе Ленормана, который на основаніи открытыхъ надписей, изслѣдованныхъ Henzen'омъ, приписываетъ построеніе вестибуля римскому цензору Аппію Клавдію Пульхру въ 48 году до Р. X. Мы съ своей стороны также укажемъ на одинъ памятникъ, навѣрно, римской эпохи, находящійся теперь въ Дрезденскомъ музеѣ, съ которымъ элевзинскія капители имѣютъ значительное сходство въ орнаментациі. Это—мраморный постаментъ для канделябра или треножника, украшенный рельефами. Изображеніе его представлено у Ваумеістера въ *Denkmäler d. klass. Altertums* на стр. 463 Fig. 511²⁾. Среднюю часть постамента украшаютъ сюжеты, относящіеся къ мѣоу о похищеніи дельфійскаго треножника Геракломъ³⁾. Рельефы исполнены въ архаическомъ стилѣ; иначе говоря, скульпторъ, изваявшій ихъ, подражалъ какому нибудь древнему произведенію. Верхнюю и нижнюю части памятника покрываютъ орнаменты, состоящіе изъ завитковъ, стеблей и пальметъ. Нижняя орнаментациа въ особенности напоминаетъ элевзинскія капители; углы украшаются фигурами крылатыхъ сатировъ; крылья ихъ весьма похожи на крылья грифоновъ; средину занимаетъ замысловатое украшеніе, состоящее изъ фигуры сатира, вазы, оканчивающейся внизу въ видѣ пальметы, и завитковъ въ формѣ буквы S; на право и на лѣво поле заполняютъ розетки, цвѣты и стебли съ завитками. Вся композиціа очень несвободна, неестественна и слишкомъ придуманна; однако напоминаетъ композицію элевзинскихъ капителей. Вообще дрезденскій памятникъ относится къ коринтскимъ капителямъ Элевзина точно также, какъ эти послѣдніе относятся къ памятнику Лизикрата. Элевзинскія капители по сочиненію и

¹⁾ Vitruv. Lib. VII, praef. § 16: Eleusine Cereris et Proserpinae cellam immani magnitudine Ictinus Dorico more sine exterioribus columnis ad laxamentum usus sacrificiorum pertexit. Eam autem postea, cum Demetrius Phalereus Athenis rerum potiretur, Philon, ante templum in fronte columnis constitutis, prostylon fecit: ita aucto vestibulo laxamentum initiantibus operique summam adiecit auctoritatem.

²⁾ См. изображеніе постамента также у Зибеля, *Weltgeschichte der Kunst*. F. 290.

³⁾ См. Любке, *Исторія пластики*, стр. 90.

исполненію стоять неизмѣримо выше дрезденскаго постамента и отчасти, дѣйствительно, напоминаютъ украшенія кровли Лизикратова памятника; сходство заключается главнымъ образомъ въ манерѣ исполненія стеблей и въ розеткахъ; однако другія особенности орнаментаціи капителей и вообще вся композиція и стиль ея весьма далеки отъ декораціи памятника Лизикрата; они свидѣтельствуютъ уже о значительномъ упадкѣ вкуса и не позволяютъ отнести элевзинскій вестибуль къ одному и тому же времени съ памятникомъ Лизикрата. Элевзинскія капители слишкомъ ясно обличаютъ рѣзецъ исполнителя позднѣйшей эпохи.

Первое значительное произведеніе коринфскаго зодчества римской эпохи въ Аѳинахъ — надгробный памятникъ изъ бѣлаго пентелійскаго мрамора, находящійся на холмѣ Музея (Μουσείου), почти подлѣ бывшей городской стѣны. Это — мавзолей, сооруженный во время императора Траяна въ честь Филопаппа, внука Антиоха IV, царя Коммагены ¹⁾. На пилястрѣ памятника сохранилась слѣдующая надпись: C(aius) Iulius. C(aia) F(ilius) Fab. Antiochus. Philopappos. Cos. Frater. Arvalis. Electus. Inter. Praetorios. ab. Imp. Caesare. Nerva. Traiano. Optimo. Germanico. Dacico. Титуль Траяна, названнаго въ надписи D a c i c u s, даетъ возможность болѣе или менѣе точной датировки памятника; на основаніи надписи можно заключить, что мавзолей былъ сооруженъ послѣ похода Траяна противъ Даковъ, между 102 и 108 гг. по Р. X. Въ настоящее время отъ Мавзолея сохранились незначительные остатки; они представляютъ фасадъ въ формѣ вогнутаго отрѣзка круга. Нижняя часть памятника сдѣлана изъ известковаго камня и состоитъ изъ пяти уступовъ. Надъ нею возвышаются цоколь и фризъ, украшенный рельефными изображеніями, значительно теперь поврежденными; барельефъ представляетъ торжественное шествіе Филопаппа въ консульскомъ званіи, возсѣдающаго на евадригѣ, въ сопровожденіи ликторовъ; композиція рельефа напоминаетъ

¹⁾ Павзаній, не называя Филопаппа, говоритъ о мавзолеѣ, какъ о памятникѣ, построенномъ *сирійцу* (Коммагена — сѣверная часть Сиріи). Paus. I, 25, 7: ἔστι δὲ ἐν τῷ τοῦ περιβόλου τοῦ ἀρχαίου τὸ Μουσεῖον, ἀπαντικρὺ τῆς ἀκροπόλεως λόφος... ὕστερον δὲ καὶ μνήμα αὐτοῦ ἀνδρὶ φηροδομήθῃ Σύρφ. — О памятникѣ Филопаппа см. J. E. Harrison and M. de G. Verral, *Mythology and Monuments of ancient Athens*. London 1890, p. 477. Durm, *Handbuch der Architectur*. I Bd. pp. 207—208. Milchhöfer, *Topographie von Athen*, въ *Denkmäler d. klass. Altertums Baumeister's*, p. 159.

композицію барельефовъ арки Тита въ Римѣ. Надъ фризомъ слѣдуетъ карнизъ. Наконецъ, верхняя и самая главная часть памятника украшена четырьмя пилястрами, между которыми устроены три ниши, средняя круглая, а боковыя четырехугольныя; изъ нихъ сохранилось только двѣ; въ крайней лѣвой находятся обломки статуи Филопаппа; подлѣ нея существовала греческая надпись: Βασιλεὺς Ἀντίοχος Φιλόπαππος Βασιλέως Ἐπιφάνους τοῦ Ἀντίοχου. Гладкіе пилястры, обрамленные только небольшими багетами и украшенные коринтскими капителями втораго типа, поддерживаютъ антаблементъ, состоящій изъ архитрава, фриза и карниза. Архитектурныя формы памятника отличаются чрезвычайной простотой и лишены декоративныхъ украшеній. Именно эта умѣренность въ употребленіи орнаментальной пластики снаружи зданій составляетъ характерную черту греческой архитектуры, тогда какъ любившіе богатое убранство римляне императорскаго времени покрывали свои зданія чрезмѣрнымъ количествомъ орнаментовъ.

Къ числу замѣчательныхъ произведеній греко-коринтскаго зодчества, относящихся къ римской эпохѣ, принадлежатъ хорошо сохранившіеся ворота Адріана въ Аѣннахъ, воздвигнутыя въ честь этого императора невдалекѣ отъ храма Зевса Олимпійскаго¹⁾. Эти ворота отдѣляли древнѣйшій городъ, основанный, по преданію, Тезеємъ, отъ новаго, выстроеннаго большею частью Адріаномъ. На фризѣ памятника начертаны надписи; съ западной стороны, обращенной къ акрополю,—

αἴθ' εἰς Ἀθήνας Θεσέως ἢ πρὶν πόλις,

съ восточной стороны, въ направленіи къ Олимпейону—

αἴθ' εἰς Ἀδριανοῦ καὶ οὐχὶ Θεσέως πόλις.

Ворота выстроены изъ бѣлаго пентелійскаго мрамора и представляютъ постройку, состоящую изъ столбовъ и арки шириной въ 6,20 метровъ (см. рис. 47)²⁾. Къ столбамъ съ обѣихъ сторонъ свободно были приставлены коринтскія колонны, помѣщенныя на особыхъ пьедесталахъ; колонны въ настоящее время не существуютъ; сохранились только фрагменты пьедесталовъ и выдающійся въ видѣ выступа надъ колоннами антаблементъ. Углы столбовъ обдѣланы въ видѣ мало вы-

¹⁾ О воротахъ Адріана см. Milchhöfer, Topographie von Athen, въ Baumeister's Denkmäler d. klass. Altertums, p. 1393; Durm, Handbuch d. Architektur. I Bd., S. 208.

²⁾ Предлагаемый нами рисунокъ воротъ Адріана въ ихъ настоящемъ состояніи заимствованъ у Laloux, L'architecture grecque. Paris, 1888. Fig. 259.

ступающих гладких пилястровъ съ аттическими базами и коринфскими капителями. Такіе же пилястры меньшихъ размѣровъ поддерживаютъ архивольтъ или выступъ арки. Капители этихъ пилястровъ весьма своеобразны; авантовые листья украшаютъ только ихъ углы, служа поддержкой угловымъ завиткамъ; средину же калатоса, непосредственно надъ астрагаломъ, занимаетъ яйцеобразный орнаментъ, подобный тому, который часто украшаетъ эхинъ іонической капители.

Рис. 47.—Ворота Адриана въ Аеннахъ.

Лицевая сторона стѣны надъ цоколемъ между пилястрами обдѣлана декоративно, въ видѣ продолговатыхъ прямоугольныхъ плитъ, отдѣляющихся одна отъ другой углубленіями (фальцами). Этотъ техническій приѣмъ, изобрѣтенный въ александрійское время, былъ художественно разработанъ римлянами. Пилястры поддерживаютъ антабаментъ, карнизъ котораго украшенъ зубцами.

Верхній ярусъ постройки или аттикъ состоитъ изъ трехъ, расчлененныхъ колоннами, частей; средняя, увѣнчанная фронтономъ, была закрыта тонкой мраморной плитою, которую, можетъ быть, покрывали рельефныя изображенія или надписи; боковыя части были открыты ¹⁾.

¹⁾ Изображенная на нашемъ рисункѣ часть стѣны между боковыми колоннами съ лѣвой стороны, можетъ быть, принадлежить къ остаткамъ византійской церкви, которая нѣкогда была пристроена къ воротамъ. Это обстоятельство, вѣроятно, дало поводъ Дурму утверждать, что боковыя части аттика также были закрыты стѣнами.

Двѣ среднія колонны прислонены къ антамъ, украшеннымъ гладкими филевками. Карнизъ антаблемента и фронтоновъ также, какъ и въ нижней части постройки, украшаютъ іоническіе зубцы.—Эта часть памятника производитъ прекрасное впечатлѣніе красотой своихъ линій, благородствомъ формъ и изяществомъ пропорцій.

Ворота Адріана показываютъ намъ введеніе римскихъ элементовъ въ греческую архитектуру; эти элементы—употребленіе арки, колонныхъ пьедесталовъ, и образованіе выступовъ антаблемента надъ колоннами. Послѣднее было, впрочемъ, необходимо, воль скоро колонны, стоя вплоть передъ стѣной или выступая изъ нея только наполовину, перестали играть роль подпоръ и сдѣлались чисто декоративнымъ украшеніемъ.

Коринская капитель воротъ Адріана, изображеніе которой мы помѣщаемъ на рис. 48¹⁾, представляетъ дальнѣйшее усовершенствованіе типа, принадлежащаго капители храма олимпійскаго Зевса. Формы ея тѣ же, но пропорціи болѣе граціозны; капитель сдѣлалась выше и получила стройный видъ; абакъ не имѣетъ слишкомъ острыхъ угловъ; акантовымъ листьямъ втораго ряда придана надлежащая величина. Вообще архитектурныя формы постройки показываютъ, что строителемъ ея былъ греческій архитекторъ хорошей школы, основательно изучившій особенности римскаго зодчества и употреблявшій ихъ умѣренно и умѣло. Ворота Адріана—это произведеніе изящное и оригинальное, носящее на себѣ печать частью національнаго, греческаго, частью новаго, римскаго характера.

Рис. 48.—Капитель воротъ Адріана въ Аѳинахъ.

Ко времени Адріана также относятся остатки сооруженія, которые носятъ названіе стои Адріана, но скорѣе могутъ быть признаны за развалины гимназіи, выстроенной этимъ императоромъ²⁾.

¹⁾ Рисунокъ капители заимствованъ у Mauch'a, Die architektonischen Ordnungen der Griechen und Römer. Nachtrag. Berl. 1890. Taf. XX.

²⁾ Milchhöfer, Topographie von Athen, въ Baumeister's Denkmäler d. klass. Altertums, p. 169. Durm, Handbuch der Architektur. I Bd., p. 209. Harrison and Verrall, Mythology and monuments of ancient Athens, p. 195 (здѣсь приложены планъ и изображеніе сохранившихся остатковъ гимназіи).

Они находятся на нынѣшней Эоловой улицѣ, между акрополемъ и Ахарнскими воротами, недалеко отъ Башни вѣтровъ. Какъ показываютъ фрагменты стѣны и уцѣлѣвшій въ нѣкоторыхъ мѣстахъ фундаментъ, это былъ большой периболъ въ формѣ продолговатаго прямоугольника, имѣвшій въ длину 122 метра, а въ ширину около 80. Здѣсь находились обширные портики, зала для библиотеки съ вызолоченнымъ потолкомъ, украшенная лѣпными работами изъ алебаstra и картинами, а также храмы Зевса и Геры и всѣхъ боговъ¹⁾. Главный входъ въ периболъ находился на западной сторонѣ, обращенной къ Керамику, и представлялъ наружный портикъ, поддерживаемый колоннами. Отъ него уцѣлѣли одна коннелированная колонна и анта. Сохранилась также стѣна, примыкавшая къ портику; она украшена семью коринтскими колоннами съ гладкими стержнями, надъ которыми возвышается антаблементъ; стержни колоннъ сдѣланы изъ цѣльнаго, пестраго мрамора, а капители и базы ихъ изъ бѣлаго пентелійскаго. Въ архитектурномъ отношеніи, этотъ памятникъ исполненъ въ благородномъ, простомъ стилѣ и своими особенностями очень напоминаетъ ворота Адриана.

Къ эпохѣ Траяна или Адриана можно, кажется, отнести развалины античнаго зданія въ Салоникахъ, извѣстныя подъ названіемъ *Incantada*²⁾. Назначеніе этого зданія опредѣлить невозможно. Развалины состоятъ изъ пяти коринтскихъ колоннъ, надъ которыми возвышается антаблементъ; надъ нимъ слѣдуетъ небольшой аттикъ и пять столбовъ, связанныхъ архитравами. Съ обѣихъ сторонъ къ столбамъ приставлены красиво исполненныя въ высокомъ рельефѣ фигуры въ натуральную величину, изображающія Діониса, Ариадну, Леду, Ганимеда и другія мифологическія божества. Отъ этихъ статуй разва-

¹⁾ Paus. I, 18, 9: 'Αδριανὸς δὲ κατεσκευάσατο μὲν καὶ ἄλλα Ἀθηναίσις, καὶ τὸν Ἦρα καὶ Διὸς Πανελληνίου καὶ θεοῖς τοῖς πᾶσιν ἱερὸν κοινόν· τὰ δὲ ἐπιφανέστατα ἑκατὸν εἰσι κίονες· Φρυγίου λίθου πεποίηται καὶ ταῖς στοαῖς κατὰ τὰ αὐτὰ οἱ τοῖχοι. καὶ οἶκημα ἐνταυθὰ ἐστὶν ὀρόφῳ τε ἐπιχρῶσθαι καὶ ἀλαβάστρῳ λίθῳ, πρὸς δὲ ἀγάλμασι κεκοσμημένον καὶ γραφαῖς· κατὰκειται δὲ ἐς αὐτὸ βιβλία. καὶ γυμνάσιόν ἐστιν ἐπώνυμον Ἀδριανοῦ· κίονες δὲ καὶ ἐνταυθα ἑκατὸν λιθοτομίας τῆς Λιβύων.

²⁾ Объ этомъ зданіи см. Durm, Handbuch der Architektur. I Bd. S. 208; Mauch-Lohde, Die architektonischen Ordnungen der Griechen und Römer. Nachtrag. Achte Auflage. Berlin 1890. Taf. XX, p. 5. См. также изображеніе сохранившихся развалинъ у Hauser'a, Styl-Lehre der architektonisch. Formen d. Alterthums. Fig. 154.

лины получили испанское названіе *Incantada* ¹⁾). Матеріаль, изъ котораго было построено зданіе,—бѣлый пентелійскій мраморъ; только гладкіе и монолитные стволы колоннъ сдѣланы изъ зеленовато-бѣлаго мрамора съ сѣрыми пятнами. Изображенная на рисункѣ 49 капитель этихъ колоннъ представляетъ нѣкоторое сходство съ капителью воротъ Адріана въ Афинахъ. Абакъ ея тонкій; верхніе кончики ака-

Рис. 49. — Капитель античнаго зданія въ Салоникахъ.

товыхъ листьевъ значительно отступаютъ отъ калатоса; угловыя волюты наполовину вошли въ абакъ. Фризъ памятника (см. рис. 36) отличается своеобразнымъ волнистымъ профилемъ и украшенъ плоскими бороздами, напоминающими ложки колонны ²⁾). Карнизъ украшаютъ ионическіе зубцы.

Изъ остальныхъ коринтскихъ памятниковъ, относящихся къ римской эпохѣ, опишемъ храмъ Зевса въ Лабрандѣ въ Малой Азіи ³⁾. По формѣ это периптеральный гексастильный храмъ или небольшой прямоугольникъ (около 30 метровъ въ длину) съ двумя портиками о двухъ колоннахъ, окруженный колоннадой ⁴⁾.

Матеріаломъ храма служитъ бѣлый мраморъ. Внѣшняя колоннада состоитъ изъ 30 колоннъ; восточную и западную стороны его украшаютъ 6 колоннъ, а сѣверную и южную—11. Въ настоящее время на мѣстѣ стоятъ только 16 колоннъ, соединенныхъ архитравами и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ фризомъ. Кровля храма и цела разрушены. Храмъ, повидимому, не былъ вполнѣ оконченъ; колонны южной стороны остались не каннелированными. Антаблементъ храма лишенъ пластическихъ украшеній (см. рис. 35), тогда какъ базы украшены богатой орнаментацией ⁵⁾. Ложки колоннъ въ нѣкоторыхъ

¹⁾ Лаз *Incantadas*—волшебныя фигуры. Такое названіе развалинамъ дали поселившіеся здѣсь испанскіе іудеи. У грековъ онѣ называются *Γοῦτεια*, что также означаетъ волшебство. Народное представленіе считаетъ эту постройку галереей, которая соединяла два дворца Александра, и объясняетъ ея происхожденіе колдовствомъ.

²⁾ Характеристику фриза мы уже представили на стр. 85 и 86 нашей работы.

³⁾ Durm, *Handbuch der Architektur*. I Bd. S. 209.

⁴⁾ Планъ храма см. у Durm'a, *Handbuch d. Architektur*. I Bd., на стр. 209; планъ этотъ чисто греческій.

⁵⁾ См. изображеніе базъ храма въ Лабрандѣ у Durm'a, *Handbuch der Architektur*. I Bd., на стр. 196.

мѣстахъ прерываются таблицами надписей; на нихъ начертаны имена благотворителей, на счетъ которыхъ были сооружены колонны. Одну изъ такихъ надписей приводитъ Дурмъ; она гласитъ; „Леонъ Коинтосъ, сынъ Леона, посвятилъ по общанію, какъ увѣнчанный вѣнкомъ (Στεφανοφόρος), эту колонну вмѣстѣ съ базой и капителью“¹⁾.

Всѣ описанные нами коринѣскіе памятники римской эпохи въ Греціи въ архитектурномъ отношеніи представляютъ типъ близко родственныи, исключая нѣкоторыя чисто римскія особенности, типу древнихъ греческихъ сооружений. Главная характеристическая черта этихъ памятниковъ,—простота формъ и умѣренность въ употребленіи декоративныхъ украшеній,—приближаетъ ихъ гораздо болѣе къ твореніямъ эллинскаго зодчества, нежели къ памятникамъ великолѣпной римской архитектуры. Хотя мы не видимъ въ нихъ красоты лучшихъ произведеній коринѣскаго ордена, однако за ними необходимо признать самостоятельное положеніе въ ряду коринѣскихъ памятниковъ, такъ какъ, сохраняя древнюю простоту, они приносятъ нѣкоторыя новыя формы, которыя, можетъ быть, воспроизводились не разъ и прежними греческими архитекторами, но должны были особенно нравиться въ это позднѣйшее время.

¹⁾ Durm, Handbuch der Architektur. I Bd. S. 196.

ИСТОРИЯ КІЕВСКОЙ ЗЕМЛИ

ОТЪ СМЕРТИ ЯРОСЛАВА ДО КОНЦА XIV СТОЛѢТІЯ.

ОПЫТЪ ИЗСЛѢДОВАНІЯ.

VI.

Кіевская земля отъ монгольскаго нашествія до конца XIV в.

Кончилися віки! зідля сухое огонь поідае—
Хай поідае!...

„Співець Митуса“ І. Галки (Костомарова).

Начиная съ монгольскаго нашествія, въ теченіе по крайней мѣрѣ лѣтъ полуторасти, Кіевщина, можно сказать почти безъ преувеличенія, составляетъ въ исторіи пустое мѣсто. Скудость извѣстій, которая начинается съ прекращеніемъ мѣстной, кіевской лѣтописи, достигаетъ въ этотъ періодъ чрезвычайной степени. Случайныя упоминанія лѣтописей сѣверныхъ и западныхъ, нѣсколько мѣстъ изъ документовъ, нѣсколько гораздо позже записанныхъ извѣстій легендарнаго характера—вотъ наши источники! Извѣстія первыхъ двухъ категорій кратки, малосодержательны, въ большинствѣ лишь упоминаютъ о Кіевѣ, такъ что могутъ констатировать только его существованіе (таково въ особенности большинство извѣстій церковно-историческаго характера); весьма немногія проливаютъ какой-нибудь свѣтъ на положеніе земли, и такія раздѣлены между собою большими промежутками. Извѣстія третьей категоріи приняли наслоенія легенды и позднѣйшихъ домысловъ, и почти невозможно выдѣлить въ нихъ историческую, достовѣрную основу. Если собрать и свести самымъ тщательнымъ образомъ всѣ эти данныя, въ результатѣ получится очень немного; окажутся огромныя прорѣхи во внѣшней исторіи земли, не говоря уже о внутренней, и составитъ сколько-нибудь отчетливое представленіе о жизни Кіевщины за это время невозможно. А

это тѣмъ болѣе досадно, что рассматриваемый нами послѣ-монгольскій періодъ—промежутокъ, переходное время отъ того княжеско-дружиннаго государственнаго строя, который мы видимъ здѣсь въ до-монгольское время, къ тому весьма отличному демократическому общинному укладу, который съ полною опредѣленностью даетъ себя замѣтить лишь съ XVI в. Прослѣдить посредствующіе моменты, переходной процессъ отъ одного уклада къ другому—составляетъ задачу высокой научной важности, вещь необходимую для пониманія народной исторіи. Чтобы осуществить эту задачу хотя въ нѣкоторой степени въ настоящее время, найти связь между отрывочными извѣстіями источниковъ, соединить эти *disiecta membra* хоть въ сколько-нибудь органическое цѣлое, приходится дать широкую роль гипотетическому элементу, прибѣгнуть къ заключеніямъ отъ предшествующаго и послѣдующаго, къ аналогическимъ явленіямъ въ жизни сосѣднихъ земель, приходится подвергнуть инвизиціонной пыткѣ небогатыя извѣстія источниковъ, чтобы извлечь изъ нихъ возможно болѣе. Конечно, при этомъ представляются серьезныя неудобства: кромѣ того, что изложеніе загромождается экскурсами и получаетъ мелочной характеръ, представляется опасность впасть въ субъективизмъ, лишиться изслѣдованіе основательности; тѣмъ не менѣе, по моему мнѣнію, въ данныхъ условіяхъ единственно такой путь и можетъ привести къ успѣху въ изученіи, такъ какъ обыкновенно неудачная гипотеза ведетъ за собою болѣе основательную и правдоподобную.

Въ историческомъ изложеніи я остановился на томъ моментѣ, когда монголы вторично появились на восточно-европейской равнинѣ. Разрушивъ болгарское царство, зимою 1237—8 г. они напали и опустошили Рязанскую и Суздальскую волости и чрезъ область вятичей прошли въ половецкія степи. Здѣсь оставались они съ годъ, воюя половецвъ, затѣмъ отдѣльные отряды монголовъ были разсланы для завоеванія сосѣднихъ земель. Одинъ изъ такихъ отрядовъ разорилъ Переяславль и взялъ Черниговъ; вѣроятно, во время этого похода ханъ Менгу, двоюродный братъ Батюя, пришелъ „сглядать града Кыева“; по словамъ лѣтописи, онъ остановился у „града Пѣсочнаго“, удивлялся красотѣ и величинѣ города и послалъ пословъ къ киевлянамъ и Михаилу Всеволодовичу, занимавшему въ то вре-

ма кіевскій столъ, предлагая сдаться и обѣщая пощадку — „хотя и прельстити“. Слухи о татарскихъ жестокостяхъ, доходившіе до кіевлянъ, какъ видно, напугали ихъ, такъ что сдаться населеніе не согласилось. Послѣ того нужно было ожидать татарскаго нашествія. Михаилъ не отважился встрѣтить его—онъ бѣжалъ съ семьею въ Угры ¹⁾; Ярославъ Ингваревичъ, сидѣвшій тогда, кажется, въ Межибожьѣ ²⁾, захватилъ на пути его жену, бояръ и занялъ, пользуясь этимъ случаемъ, сосѣдній Каменецъ; княгиня Михайлова была освобождена по ходатайству Данила, а о Каменцѣ лѣтопись умалчиваетъ ³⁾. Кіевъ и въ ожиданіи татарскаго нашествія составлялъ лакомую добычу и не остался безъ хозина; сначала въ немъ сѣлъ, при вѣсти объ отъѣздѣ Михаила, Ростиславъ Мстиславичъ, изъ рода князей смоленскихъ, внукъ одного изъ Ростиславичей—кого именно, рѣшить трудно; большинство сводовъ называютъ его внукомъ Давыда Ростиславича ⁴⁾. Вѣроятно, онъ сидѣлъ въ одномъ изъ кіевскихъ пригородовъ; кіевскій столъ онъ, можетъ быть, занялъ по приглашенію

¹⁾ Никон. л. (II с. 115—116) развиваетъ и украшаетъ слова Волн. л.: „Менгукакъ“, раздраженный мужественнымъ отвѣтомъ Михаила, призываетъ его съ намѣреніемъ убить; Михаилъ избиваетъ татарскихъ пословъ и бѣжитъ въ Угры, татары гонятся за нимъ, но не могутъ догнать. Подробность объ убіеніи татарскихъ пословъ Михаиломъ находится и въ нѣкоторыхъ другихъ сводахъ: Воскр. I с. 144, Густин. с. 339, Тверск. с. 374; подробность эта мало вѣроятна и заимствована составителями сводовъ, кажется, изъ житія Михаила, а въ житіе она внесена при позднѣйшей передѣлкѣ его, въ XV в., въ болѣе же ранней редакціи отсутствуетъ, срав. краткую редакцію—у Макарія V с. 417 и распространенную—въ Воскр. I с. 153; см. Ключевскогого: Древне-русск. житія святыхъ с. 127.

²⁾ Ипат. с. 502, ср. Андріяшева Ист. Вол. зем. с. 170—171.

³⁾ Въ лѣтописи: „и городъ Каменѣць взя“; г. Андріяшевъ (I. с.) понимаетъ это такъ, что Ярославъ только ограбилъ городъ; дѣйствительно, для Межибожья это будетъ чрезполосное владѣніе, но такъ какъ мы вообще плохо знаемъ тогдашнее распредѣленіе волостей, то едва ли слѣдуетъ уклоняться отъ ближайшаго смысла лѣтописнаго извѣстія. Извѣстіе объ Ярославѣ попало и въ сѣверные своды, такъ какъ Ярославъ Ингваревичъ по недоразумѣнію былъ принятъ за Ярослава Всеволодовича—Лавр. с. 446, Никон. II с. 114—115; ср. Арцубашева I, 2 пр. 2284, Соловьева III пр. 177, Экземплярскаго: Князья Сѣверной Руси I с. 17.

⁴⁾ Ростиславъ названъ внукомъ Давыда въ Густ. (с. 339), Никон. (II с. 116), Тверск. (с. 374) и въ трехъ спискахъ Воскресенской (I с. 144), также въ Синописцѣ (с. 86); только въ одномъ спискѣ Воскресенской лѣтописи (Арх. III)—внукомъ Романа Карамзинъ (IV с. 9), Арцубашевъ (I, 2 пр. 2286), Соловьевъ (III с. 167) считали его внукомъ Давыда; Погодинъ предпочитаетъ видѣть въ немъ сына Мстислава Романовича—„такъ какъ и отецъ его владѣлъ Кіевомъ“ (Исслѣд. VI с. 362)—это, дѣйствительно, довольно вѣскій аргументъ. Во всякомъ случаѣ, думаю, князь этотъ явился не изъ какой-нибудь смоленской, а болѣе близкой, кіевской волости.

самого населенія, которое вообще такъ не любило оставаться въ подобныя моменты безъ князя. Затѣмъ явился въ Кіевъ Данииль, схватилъ этого Ростислава и оставилъ волость за собою, но самъ въ Кіевѣ не остался (ему зачѣмъ-то нужно было ѣхать къ угорскому королю), а посадилъ здѣсь тысяцкимъ боярина Дмитра ¹⁾.

Осенью слѣдующаго 1240 г. Батый двинулся со своею ордою на западъ; первый ударъ палъ на Кіевъ. Приблизительно въ концѣ ноября Батый перешелъ за Днѣпръ и со всею ордою, со стадами и кибитками, обступилъ городъ ²⁾; жители, вѣроятно, сами покинули нижній городъ и затворились на „горѣ“, въ верхнемъ городѣ—по крайней мѣрѣ о защитѣ нижняго города лѣтопись не говоритъ. Многолюдство татарскаго табора производило сильное впечатлѣніе на населеніе: по словамъ южной лѣтописи, въ которыхъ слышится, несомнѣнно, голосъ очевидца, „бѣ исполнена земля Руская ратныхъ“, отъ шума татарскаго табора—„отъ гласа скрипанія телѣгъ его, множества ревенія вельблудъ его, и рѣзанія отъ гласа стадъ конь его“—жители Кіева не могли слышать человѣческаго голоса. Тѣмъ не менѣе о сдачѣ не думали. Батый приступилъ къ городу съ юга, у Лядскихъ воротъ, и стѣннобитными машинами началъ разбивать городскія стѣны; послѣ нѣсколькихъ сутокъ непрерывной работы стѣны были пробиты; жители упорно продолжали отбиваться на остаткахъ укрѣпленій: „и ту бѣаше видѣти ломъ копѣйны и щитомъ сбѣпаніе, стрѣлы омрачиша свѣтъ“; между другими раненъ былъ и воевода Дмитро. Кіевляне отступили наконецъ за послѣдній оплотъ: на холмѣ вокругъ Десятинной церкви было выстроено наскоро укрѣпленіе. Татары, отдохнувъ день и ночь, напали на это послѣднее укрѣпленіе, снова началась „брань велика“; населеніе съ наиболѣе дорогимъ изъ имущества укрылось въ Десятинную церковь, но хоры не выдержали тяжести, и стѣны рухнули—„и прѣять бысть сѣце градъ воими“. Взятіе произошло, по общепринятому свидѣтельству Суздальской лѣтописи, 6 декабря, по свидѣтельству нѣкоторыхъ сѣверныхъ сводовъ—19 ноября ³⁾. Что сталося затѣмъ съ Кіевомъ, Волин-

¹⁾ Ипат. с. 520—521, Густин. с. 339.

²⁾ Въ Ипат. спискѣ—„остолпи“—т. е. окружилъ палисадомъ, въ Хлѣби. и Погод. „оступи“.

³⁾ Лавр. с. 447; отсюда дата была заимствована во многіе своды—Густин., Софійск., IV Новгор., Воскр., Тверск., Никон. Другая дата, правдоподобно новгородскаго промс-

ская лѣтопись, такъ живо розказывающая объ осадѣ его, не говорить, прибавляеть только, что Дмитро былъ схваченъ татарами, но Батый даровалъ ему жизнь, „мужства ради его“, и приблизилъ къ себѣ. Затѣмъ „Батюю взявшю градъ Кіевъ и слышавъшу ему о Данилѣ, яко въ Угрѣхъ есть, поиде самъ Володимерю“. Лѣтопись упоминаеть, что по пути онъ взялъ Колодаженъ, Каменець, Изяславль; первый онъ добылъ хитростію, подманивъ населеніе на сдачу, а взять силою не могъ; жители его были затѣмъ избиты; Кременець и Даниловъ Батый обошелъ: „видивъ же, яко невозможно прияти ему“, и направилъ ко Владиміру. Очевидно, онъ торопился: хотѣлъ покончить съ Волынью и Галичемъ до возвращенія Данила, находившагося тогда въ Венгріи, захватывалъ, что можно было захватить на ходу, по дорогѣ, останавливался только у значительнѣйшихъ городовъ и спѣшилъ дальше на западъ ¹⁾).

Я упоминаю о бѣгствѣ Михаила въ Угры подъ вліяніемъ той паники, какую тогда наводила повсюду вѣсть о татарахъ. Нѣсколько лѣтъ скитался онъ по чужимъ землямъ, испытывая разныя злочкиненія. Въ Угріи онъ не нашель такого приѣма, на какой рассчитывалъ; быть можетъ, вслѣдствіе неудачъ постигшихъ его (Галичъ предъ тѣмъ былъ также отнятъ у Ростислава Даниломъ), угорскій король отказалъ Ростиславу въ рукѣ дочери и „погна его“. Михаилъ удалился въ Польшу, затѣмъ, не найдя, вѣроятно, и здѣсь привѣта, за-

---

хожденія, сохранилась въ 1 Псковск. (с. 179), Супрасл. (с. 32), лѣт. Авраамки (с. 51): „придоша Татарове къ Кіеву, сентября 5, и стояша 10 недѣль и 4 дни, и едва взяша и, ноябрю въ 19, въ поведѣльникъ“. Трудно объяснить себѣ происхождение этой разницы въ датировкѣ. Подробности, сообщаемая Псковской и др. лѣтописями о продолжительности осады сходятся съ показаніемъ Плато Карпини (et cum diu obsidessent, illam serperunt—Собраніе путешествій къ татарамъ с. 152). Волынская лѣтопись не даетъ прямого свидѣтельства объ этомъ, но подробности, сообщаемыя ею, скорѣе указываютъ на непродолжительность осады (приде Батый Кіеву... и остолпи, постави же пороки городу... порокомъ же беспрестани бьющимъ день и ночь, выбиша стѣны).

¹⁾ Ипат. с. 522—523, Густин. с. 339. Обзорніе другихъ редакцій сказанія см. у Бестужева-Рюмина: О составѣ рус. лѣт. с. 115—116. Въ Густин. подробность, замѣтованная, по всей вѣроятности, изъ Стрыйковскаго (I р. 229) — что у Батия было 600 тыс. войска; любопытно, что и западные путешественники также исчисляють Батиево войско въ 600 т. (см. Собраніе путешествій къ татарамъ с. 47); эту подробность Карамзинъ указываетъ и въ Миней (IV пр. 16), но я не могъ найти ея ни въ Минейхъ Макарія, ни въ новѣйшемъ изданіи Миней св. Дмитрія.

взявъ сношенія съ Даниломъ, винился и влялся отложить всякую вражду. Примиреніе состоялось, былъ заключенъ договоръ, по которому Кіевъ предоставлялся по прежнему Михаилу, Ростиславъ получалъ Луцкъ, и оба, конечно, отрекались отъ всякихъ притязаній на Галичъ. Но Михаилъ, „за страхъ татарскій“, не рѣшался возвратиться въ Кіевъ; Данилъ съ братомъ доставляли ему содержаніе, выручили его жену, захваченную Ярославомъ Ингваревичемъ. Въ это время пришла вѣсть о новомъ походѣ Батые и взятіи Кіева; эта вѣсть такъ напугала Михаила, что онъ снова уѣхалъ съ сыномъ въ Польшу, а когда татары подошли ближе,—въ Силезію, но тутъ „узрѣвши нѣмци, яко товара много есть“, ограбили его, и онъ вернулся снова въ Польшу. Сюда же пріѣхали и галицкіе Романовичи съ семьями. Метавшіеся въ паническомъ страхѣ князья не составляли исключенія въ этомъ отношеніи: множество рускаго населенія также бѣжало на западъ въ страхѣ предъ татарами¹⁾. Когда Батыевы полчища ушли далѣе на западъ, въ Силезію и Венгрію, Михаилъ отправился обратно въ свои волости. Отношенія его къ Данилу уже успѣли охладѣть—лѣтописецъ, преданный послѣдному, отмѣчаетъ, что Михаилъ прошелъ чрезъ землю Данила, не извѣстивъ его, не пославъ въ нему посла, и коритъ Михаила за неблагодарность. Тѣмъ не менѣе Кіевъ остался за Михаиломъ, и онъ поселился въ немъ, на днѣпровскомъ островѣ, гдѣ у него, вѣроятно, былъ загородный дворецъ. Ростиславъ отправился въ Черниговъ, но вскорѣ опять вмѣшивається въ галицкія дѣла и, опираясь на бояръ, заводитъ борьбу съ Даниломъ²⁾.

Въ это время (1243 г.) возвращался Батый изъ своего похода; какъ извѣстно, онъ получилъ отпоръ въ Моравіи и повернулъ обратно. Это движеніе его, повидимому, не было такъ грозно, какъ первое; лѣтопись сообщаетъ только, что онъ повоевалъ область Западнаго Буга, о какихъ-либо опустошеніяхъ Кіевской земли или другихъ волостей не упоминается. Батый откочевалъ затѣмъ въ приволжскія степи. По приглашенію его, какъ говорятъ нѣкоторые своды, или по собственной иніціативѣ, явился въ Орду немедленно Ярославъ Всеволодовичъ суздальскій съ изъявленіемъ покорности; по словамъ Суздальской лѣтописи, Батый повелѣлъ ему быть старѣйшимъ „всемъ

²⁾ Ипат. с. 523.

⁴⁾ Ипат. с. 521—522, 524, Густ. с. 340.

княземъ в Рускомъ языкѣ“; вромѣ Суздальской волости за Ярославомъ былъ, какъ видно, утверженъ и Кієвъ. Михаила въ Кієвѣ въ то время, кажется, не было; около этого времени онъ отправився въ Угры, прослышавъ, что угорскій король видаєть наконецъ свою дочь за Ростислава, но и король и Ростиславъ приняли его очень сухо, „чести ему не створиста“, и онъ поѣхалъ назадъ—уже въ Черниговъ. Въ Кієвъ Ярославъ самъ не поѣхалъ; какъ онъ распорядився съ нимъ въ данный моментъ, мы не знаємъ; въ 1245 г. Кієвъ „обдержалъ“ бояриня Ярослава Дмитро Ейковичъ ¹⁾. Такимъ образомъ, если не раньше, то теперъ, въ 1243 г., Кієвская земля формально пришла въ подчиненіе татарамъ, сдѣлалась улусомъ татарскаго царя.

Остановимся здѣсь нѣсколько, чтобы сдѣлать оцѣнку тѣхъ результатовъ, того значенія, которое имѣло для Кієвской земли монгольское нашествіе; вопросъ этотъ имѣетъ существенную важность для исторіи Кієвской земли и требуетъ болѣе обстоятельнаго изложенія, такъ какъ относительно его высказывались самыя противоположныя мнѣнія, и еще недавно онъ послужилъ предметомъ весьма оживленной полемики. Болѣе распространенное и до недавняго времени господствовавшее мнѣніе таково, что Кієвъ во время татарскаго нашествія подвергся конечному разоренію, населеніе было избито, Кієв-

¹⁾ Лавр. с. 447 (Тверск. с. 385, Ник. II с. 129), Ипат. с. 528, 535, Густ. с. 340. Зубрицкій считалъ Дмитра Ейковича намѣстникомъ не Ярослава Всеволодича, а Ярослава Ингваревича, который получилъ Кієвъ во владѣніе отъ Данила; онъ основывался на словахъ Ипатск. л. подъ 1250 г. (въ описаніи поѣздки Данила къ хану): „Данилови... обладавшу Рускою землею, Кієвомъ и Володимеромъ и Галичемъ“ и полагалъ, что Данилъ владѣлъ Кієвомъ до этого времени и отказался отъ него, признавъ власть хана (Ист. Гал.-Рус. княж. III с. 153 и 157). Мнѣніе Зубрицкаго принялъ и Шараневичъ (ор. с. с. 92—3 и 104). Дѣйствительно, въ Ипат. л. Дмитро названъ просто намѣстникомъ Ярослава, безъ отчества; тѣмъ не менѣе предположеніе Зубрицкаго не можетъ быть принято; какъ справедливо указалъ Н. П. Дашкевичъ, передача ханомъ Кієва по смерти Ярослава его сыну Александру показываєть, что Ярославъ владѣлъ Кієвомъ; при томъ мало вѣроятно, чтобы Ярославъ Ингваревичъ, получивъ Кієвъ, не сѣлъ здѣсь самъ, а посадилъ намѣстника (Данилъ Галицкій с. 63). Въ Густин. говорится, что ханъ поставилъ Ярослава „княземъ старѣшимъ всей Московской земли и надъ Кієвомъ“, и ниже Дмитро названъ воеводою Ярослава Всеволодича Московскаго: если это, можетъ быть, и домыслъ, то во всякомъ случаѣ удачный. Что до приведенныхъ словъ Ипат. л. о Данилѣ, то не даромъ здѣсь поставлено прошедшее время.

ская земля совершенно упала, обезлюдѣла, по мнѣнію крайнихъ сторонниковъ этого воззрѣнія—обратилась на долгое время чуть не въ пустыню, такъ какъ населеніе ея частью было истреблено, частью выселилось. Противники этого воззрѣнія утверждаютъ, что монгольское нашествіе вовсе не было такимъ чрезвычайно-губительнымъ и не измѣнило столь рѣшительнымъ образомъ судьбы Кіевской земли¹⁾. Не претендуя на полное и окончательное разрѣшеніе этого, вообще очень темнаго и сложнаго вопроса, я постараюсь дать посильное разсмотрѣніе его.

Вопросъ распадается на двѣ части—о судьбѣ самаго города Кіева и о судьбѣ Кіевской земли. Какъ упомянуто выше, Волинская лѣтопись, подробно рассказывая объ оборонѣ Кіева, о дальнѣйшей судьбѣ города и земли не говоритъ ничего. Тѣ, которые полагаютъ, что Кіевъ, подобно другимъ городамъ, подвергся поголовному избіенію жителей, совершенному разоренію и запустѣнію, въ этомъ смыслѣ толкуютъ нѣкоторыя подробности лѣтописнаго рассказа. Такъ, изъ словъ лѣтописи „Дмитрѣя же изведоша язвена и не убиша его, мужства ради его“ выводятъ, что Дмитро былъ исключеніемъ, а все прочее населеніе было поголовно избито²⁾. Выводъ этотъ однако не особенно убѣдителенъ: лѣтописецъ могъ упомянуть о судьбѣ Дмитра безотносительно къ судьбѣ остальнаго населенія—ему, какъ главному защитнику, конечно, смерть угрожала въ особенности, независимо отъ того, было ли избито остальное населеніе или нѣтъ³⁾. Не ли-

¹⁾ Вопросъ этотъ породилъ, какъ извѣстно, значительную литературу; исторія его—собственно со стороны филологической—и библиографія изложены въ статьѣ г. Пяттипа: „Споръ южанъ и сѣверянъ о малорусскомъ языкѣ“, Вѣстникъ Европы 1886, VI; библиографическія указанія даны также въ „Лекціяхъ по исторіи русскаго языка“ г. Соболевскаго с. 37, 201—203. Я примыкаю ко второму изъ указанныхъ воззрѣній, которое наиболѣе полное выраженіе получило въ трудахъ Максимовича (О мнимои запустѣніи Украины), Котляревскаго (Были ли малоруссы исконными обитателями Полянской земли или пришли въ XIV в. изъ-за Карпатъ) и В. Б. Антоновича (Кіевъ, его судьба и значеніе). Противоположное воззрѣніе со всею рѣзкостью и обстоятельностью было высказано въ работѣ проф. Соболевскаго: Къ вопросу объ историческихъ судьбахъ Кіева. Проф. Владимірскій-Будановъ въ своемъ изслѣдованіи „Населеніе Юго-Запад. Россіи отъ полов. XIII до полов. XV в.“ (Архивъ Ю.-З. Р. VII, I) держится средняго направленія.

²⁾ Соболевскій: Къ вопросу объ ист. судьбахъ Кіева, Унив. Изв. 1885. VIII с. 283, Владимірскій-Будановъ: Насел. Ю.-Зап. Россіи с. 14.

³⁾ Укажемъ на свидѣтельство П. Карпини, что татары никогда не щадятъ знатныхъ людей (Собр. путеш. къ татарамъ с. 181).

шено значенія, что сказаніе Волынской лѣтописи, говорящее объ избіеніи жителей Пронска, Рязани, Владиміра на Клязьмѣ, Козельска, Переяславля, Колодяжна, Владиміра Волынскаго, подробно разсказывая объ оборонѣ Кіева, ничего не говоритъ объ избіеніи жителей и разореніи этого города. И во всякомъ случаѣ не слѣдуетъ забывать, что граждане, засѣвшіе въ городѣ, вовсе не обозначаютъ еще непременно всего городского населенія, которое могло укрыться, и укрылось, вѣроятно, въ значительной части внѣ города, въ лѣсахъ и разныхъ труппахъ, особенно послѣ того, какъ стало извѣстно, напри- мѣръ, избіеніе жителей Переяславля ¹⁾.

Другая подробность относится къ Михаилу: по возвращеніи своемъ изъ Польши, Михаилъ „иде въ Кіевъ и живаше подъ Киевомъ во островѣ“; отсюда заключаютъ, что Кіевъ подвергся совершенному разоренію, такъ что Михаилу въ городѣ негдѣ было жить ²⁾. Но отчего не предположить, какъ предположили мы выше, что у Михаила былъ тамъ на островѣ загородный дворецъ? Вѣдь жилъ же подъ Вышгородомъ на островѣ Всеволодъ Ольговичъ, имѣлъ за Днѣпромъ дворецъ Юрій Мономаховичъ ³⁾; для князей непопулярныхъ у кіевскаго населенія удобнѣе было жить за предѣлами города ⁴⁾. Любопытно опять-таки, что Волынская лѣтопись нѣсколько разъ говоря о Кіевѣ непосредственно послѣ монгольскаго нашествія, сообщая о немъ тѣ или другія подробности (какъ въ приведенномъ извѣстіи о возвращеніи Михаила, затѣмъ при описаніи путешествія Данила въ Орду), ни словомъ не обмолвилась о какомъ-либо запустѣніи въ родѣ того, какъ говоритъ она, напри- мѣръ, о Владимірѣ Волынскомъ. Во всѣхъ этихъ случаяхъ предпо- лагать только лишь умолчаніе едва ли возможно.

Вполнѣ опредѣленно говоритъ о полномъ опустошеніи Кіева Суздальская лѣтопись: „взяша Кыевъ Татарове, и святую Софью разграбиша, и монастыри всѣ, и иконы, и кресты честныя и вся узорочья церковная взяша, а люди отъ мала и до велика вся убиша мечемъ“ ⁵⁾. Но категоричность этого извѣстія не дѣлаетъ его вполнѣ

¹⁾ Ср. Костомарова Русск. ист. въ жизнеоп. I с. 135.

²⁾ Соболевскій ор. с. с. 284, Будановъ ор. с. с. 16.

³⁾ Ипат. с. 229, 336. Максимовичъ отождествлялъ островъ, на которомъ жилъ Михаилъ, съ вышгородскимъ островомъ, гдѣ жилъ нѣкогда Всеволодъ (Собр. сочин. II с. 258).

⁴⁾ Могла быть для этого еще иная, специальная причина—о ней будетъ рѣчь ниже.

⁵⁾ Лавр. с. 447.

убѣдительнымъ для насъ; сѣверный лѣтописецъ записалъ это извѣстіе по слухамъ, слухи могли быть преувеличенныя, и затѣмъ мы не знаемъ еще, на сколько точно онъ передалъ намъ ихъ. У лѣтописца были готовыя, шаблонныя формы, въ которыя онъ одѣвалъ свои извѣстія, мало заботясь о томъ, насколько соотвѣтствовали онѣ дѣйствительности; возьмемъ, на примѣръ, извѣстіе той же лѣтописи о разореніи Кіева 1203-го г.; вотъ какъ описывается оно: „не токмо одно Подолье взяша и пожгоша, ино Гору взяша, и митрополью Святую Софью разграбиша, и Десятинную Святую Богородицю разграбиша и монастыри всѣ... чернцы и черницы старыя иссекоша, и попы старыя, и слѣпыя и хромыя и слухыя и трудоватыя, та вся иссекоша, а что чернцовъ уныхъ и черницъ унѣхъ, и поповъ и попадей, и Кияны, и дщери ихъ и сыны ихъ, то все ведоша иноплеменици в вежи к собѣ“¹⁾. Если принять это извѣстіе серьезно, то мы и въ данномъ случаѣ должны будемъ констатировать совершенное разореніе и запустѣніе Кіева: одни побиты, остальные взяты въ плѣнъ; но, конечно, и въ этомъ случаѣ мы имѣемъ фразы, готовыя фразы, въ которыя лѣтописецъ уложилъ дошедшій до него слухъ о кіевскомъ разореніи²⁾. Подобными же страшными словами описываетъ лѣтописецъ разореніе Кіева въ 1169 г. („не бысть помилованія никому же ниоткуда же, крестьяномъ убиваемомъ, другимъ взяемымъ“) ³⁾, и однако какого-нибудь дѣйствительнаго запустѣнія Кіева на дѣлѣ не произошло ни въ 1169, ни въ 1202 г. Не болѣе значенія само по себѣ имѣетъ и вышеприведенное свидѣтельство о татарскомъ разореніи, особенно если сопоставить его съ упорнымъ молчаніемъ относительно этого предмета Волынской лѣтописи и нѣкоторыми другими фактами. Кіевъ не подвергся совершенному разоренію, ибо до насъ

¹⁾ Лавр. с. 397—8, по спискамъ Кенигсбергскому и Академическому.

²⁾ Эти же фразы находимъ въ описаніяхъ разоренія Владиміра и Суздаля—Лавр. с. 440—441, 490. Какъ вообще легко относились къ подобнымъ фразамъ лѣтописцы, примѣръ представляетъ хотя бы составитель Густинскаго свода; при описаніи Батнева вѣшествія онъ пользовался, несомнѣнно, Суздальскою лѣтописью, но у него дѣло съ кіевскимъ разореніемъ представляется уже нѣсколько иначе: „изсѣкше людей безъ числа, а прочіихъ связанныхъ въ плѣнъ поведоша, а градъ Кіевъ огнемъ и монастырѣмъ всѣмъ запалиша“—конечно, и это фразы, не имѣющія серьезнаго значенія (см. у проф. Владимірскаго-Буданова о плѣнныхъ с. 14).

³⁾ Ипат. с. 373.

сохранились въ цѣлости нѣкоторыя древнія сооруженія, какъ Софійскій соборъ, Михайловскій монастырь; разореніе Печерскаго монастыря, относимое къ нашествію Батяя Синописомъ, съ большимъ вѣроятіемъ должно быть отнесено ко времени болѣе позднему, вѣроятнѣе всего — къ нападенію Эдигея ¹⁾; о Выдубицкомъ монастырѣ говорится въ Волинской лѣтописи въ ряду событій 1245 г., безъ всякихъ намековъ на его разореніе. Что Кіевъ не вполнѣ запустѣлъ, показываетъ тотъ фактъ, что здѣсь поселился Михаилъ непосредственно по возвращеніи, что здѣсь сидѣлъ намѣстникъ Ярослава ²⁾ (о немъ впрочемъ рѣчь будетъ ниже); между тѣмъ о возстановленіи Кіева, о созываніи жителей — какъ то рассказывается, на примѣръ, о Владимірѣ на Клязьмѣ ³⁾, нѣтъ никакихъ извѣстій, да и нѣкому собственно было объ этомъ заботиться. Въ описаніи путешествія Плано Карпини (февраль 1246 г.) Кіевъ является, несомнѣнно, значительнымъ городомъ, съ боярами (nobiles) и тысяцкимъ, не чета, на примѣръ, Каневу. Если далѣе тотъ же авторъ, рассказывая о татарскихъ завоеваніяхъ, говоритъ, что татары „обложили Кіевъ, митрополию русскую, и взявъ послѣ долгой осады, побили жителей города“, то сопоставляя это извѣстіе съ собственнымъ рассказомъ путешественника о Кіевѣ и приведенными выше соображеніями, придется это свидѣтельство объ избіеніи кіевлянъ тоже нѣсколько ограничить ⁴⁾.

¹⁾ Синописисъ с. 87—89. Что Печерскій монастырь разоренъ былъ и запустѣлъ уже послѣ монгольскаго нашествія, это дѣлается очевиднымъ при сопоставленіи извѣстій объ окупѣ, наложенномъ на него въ 1399 г. Темиръ Кутлукъ, о разореніи Кіева и Печерскаго монастыря Эдигеемъ въ 1416 г. и о возстановленіи обители Семеномъ Олельковичемъ въ 1470 г., см. Густин. л. подъ этими годами.

²⁾ Ср. у проф. Владимірскаго-Буданова с. 18.

³⁾ Воскр. I с. 143.

⁴⁾ Собрание путеш. с. 152—4: *iverunt contra Russiam et fecerunt magnam stragem in terra Russiae, civitates et castra destruxerunt, et homines occiderunt: etiam Kiiviam (Kaoniam), quae est Metropolis Russiae, obsederunt et cum diu obsidessent illam ceperunt, et occiderunt homines civitatis. Inde procedentes pugnando destruxerunt totam Russiam.* Затѣмъ въ одной изъ редакцій путешествія (у Винцентія Бовезскаго) читается слѣдующее дополненіе къ этому мѣсту: *unde quando per illam terram ibamus, innumerabilia capita et ossa hominum mortuorum, iacentia super campum, inveniebamus. Fuerat enim urbs valde magna et populosa, nunc quasi ad nihilum est redacta: vix enim domus ibi remanserunt ducentae, quarum etiam habitatores tenentur in maxima servitute.* Къ сожалѣнію, мѣстность неизвѣстна, въ какомъ отношеніи стоятъ подобныя дополненія къ основному тексту; безъ этого пользоваться ими нельзя съ увѣренностью; очевидно съ основнымъ текстомъ эта трагедія не вяжется (*Kiiviam—Russia—urbs*); быть можетъ, *urbs*, о которомъ идетъ рѣчь, не есть вовсе Кіевъ, къ которому обыкновенно относятъ эти слова.

Подводя итогъ вышесказанному, я нахожу, что мы не имѣемъ твердыхъ, положительныхъ основаній для того, чтобы предполагать поголовное избіеніе и совершенное разореніе, запустѣніе Кіева. Въ ряду другихъ разореній, болѣе или менѣе опустошительныхъ, постигавшихъ Кіевъ, какъ разоренія 1169, 1202, 1416, 1482 гг., и пожаръ 1240 г. повредилъ благосостоянію, торговлѣ города, уменьшилъ его населеніе, можетъ быть—и въ большей степени, чѣмъ другіе, но фатальнаго значенія приписывать ему мы не въ правѣ. Лыбощинно, что по поводу разоренія 1416 г. (Эдигея) лѣтописецъ замѣчаетъ: „оттолѣ Кіевъ погуби красоту свою и даже доселѣ не можетъ быть таковъ“¹⁾—вотъ когда еще существовала она, кіевская „красота“!

Но допустимъ даже самое худшее: что Кіевъ подвергся сильнѣйшему разоренію, что уцѣлѣвшіе жители и прихожіе люди возобновили его въ весьма жалкомъ видѣ, и подобное,—въ сущности это не такъ важно, гораздо важнѣе вторая половина вопроса—о запустѣніи Кіевщины. Историческихъ основаній это положеніе имѣетъ уже такъ мало, что едва ли и явилось бы когда-нибудь, если бы не давали къ тому толчковъ соображенія совершенно постороннія. Превращали Кіевскую землю въ пустыню съ двумя различными цѣлями: одни—чтобы заселить ее вмѣстѣ съ Волынью и правобережную Украиную польскими колонистами и превратить въ *zdobucze p̄luga polskiego*, другіе—чтобы населить ее колонистами галицкими и волынскими и объяснить такимъ образомъ появленіе здѣсь малорусскаго языка, задатковъ котораго въ древнѣйшій періодъ тутъ будто бы не существовало. Писатели первой категоріи собственно и не считаютъ нужнымъ нисходить до историческихъ доказательствъ, и потому я не буду на нихъ останавливаться²⁾. Что касается второго направленія, то оно впервые, какъ извѣстно, со всею рѣзкостью и опредѣленностью проявилось у Погодина. Исходя изъ положенія, выставленнаго Срезневскимъ, Лавровскимъ, что въ произведеніяхъ древней южнорусской письменности нѣтъ слѣдовъ малорусскаго языка, покойный рѣшилъ, что Кіевская область или, по крайней мѣрѣ, область полянъ первоначально была населена великоруссами, которые во время татарскаго

¹⁾ Густин. с. 354.

²⁾ Опроверженіе этихъ взглядовъ см. у М. А. Максимовича, Собр. сочин. т. I с. 249 сл., М. Ф. Владимірскаго-Буданова Населеніе с. 2—4.

нашествія выселились на сѣверо-востокъ, а ихъ мѣсто заняли малороссы, пришедшіе изъ Карпатъ или Галиціи и Волини ¹⁾. Въ подтвержденіи того онъ ссылался на отсутствіе великовняжескаго эпоса у малороссовъ и великорусскіе будто бы характеры древнихъ князей. Статья его вызвала оживленную полемику; Максимовичъ и Котляревскій представили вѣскія возраженія противъ его гипотезы: первый подвергъ критикѣ историческіе и филологическіе доводы Погодина, второй—остальныя доказательства его: объ эпосѣ, княжихъ характерахъ ²⁾. Погодинъ былъ диллетантъ въ филологіи, и поэтому не трудно было отвергнуть его филологическіе доводы; но въ недавнее время его гипотезу воскресилъ проф. Соболевскій уже во всеоружіи филологическихъ знаній. Въ своихъ „Очеркахъ изъ исторіи русскаго языка“ (1884 г.), обозрѣвъ памятники „галицко-волинскаго нарѣчія“, „второе было предкомъ современнаго малорусскаго языка“ ³⁾, этотъ ученый пришелъ къ выводу, что памятники, имѣющіе особенности малорусскія, не имѣютъ никакого отношенія ни къ Києву, ни къ ближайшимъ къ Києву мѣстамъ, что кіевскіе памятники не имѣютъ малорусскихъ особенностей, и что древній кіевскій говоръ принадлежалъ къ числу говоровъ великорусскихъ ⁴⁾. Въ своемъ рефератѣ, читанномъ въ Обществѣ Нестора, проф. Соболевскій ставитъ гранью въ этомъ отношеніи конецъ XV в. и полагаетъ, что малорусскій языкъ былъ принесенъ въ Кіевскую область и въ Задніпровье приблизительно въ XV в. съ запада, изъ Подолиі, Волини и Галича, колонистами, ассимилировавшими остатки стараго кіевскаго населенія ⁵⁾. Въ связи

¹⁾ Соответственно этому Погодинъ объясняетъ тождество ц.-славянскаго языка и великорусскаго тѣмъ, что великоруссы жили и около Солуны. Статья Погодина помѣщена въ VII т. его Изслѣдованій с. 410—442.

²⁾ Критикѣ историческихъ доводовъ Погодина Максимовичъ посвятилъ прекрасную статью „О мнимомъ запустѣніи Украины“ (въ I т. Собр. сочин. с. 131 сл.), а филологическимъ доказательствамъ—Филологическія, Отвѣтныя и Новыя письма къ Погодину (въ III т. Собр. сочин. с. 183 сл.); объ этой полемикѣ см. также въ Очеркѣ звуковой исторіи малорусскаго нарѣчія П. И. Житецкаго, с. 5 сл.). Статья Котляревскаго издана въ I т. Собранія сочиненій с. 624 сл., а первоначально въ Основѣ 1862 кн. IX. См. также Н. П. Дашкевича Къ вопросу о происхожд. русск. былинъ—въ Чтен. Общ. Нестора III с. 54 сл.

³⁾ Очерки с. 68.

⁴⁾ Ibidem.

⁵⁾ Чтенія въ Обществѣ Нестора кн. II с. 215—216.

съ этими положеніями онъ доказываетъ, что нашествіе Батяя весьма сильно отразилось на состояніи Кіевской земли, населеніе послѣдней было весьма сильно разрѣжено и разрѣжалось впоследствии, благодаря татарскимъ погромамъ и притѣсненіямъ, что и дало возможность западнымъ колонистамъ ассимилировать кіевлянъ ¹⁾. Филологическая теорія проф. Соболевскаго вызвала возраженія со стороны многихъ, въ томъ числѣ со стороны такого компетентнаго и безпристрастнаго въ данномъ дѣлѣ судьи, какъ академикъ Ягичъ ²⁾. Сущность этихъ возраженій сводится къ тому, что выводъ проф. Соболевскаго сдѣланъ поспѣшно, въ галицко-волинской группѣ нѣкоторые памятники отнесены довольно произвольно ³⁾, что достовѣрныхъ кіевскихъ памятниковъ мы имѣемъ пока слишкомъ мало, чтобы на нихъ строить твердые выводы (въ послѣднемъ своемъ трудѣ проф. Соболевскій признаетъ авторитетными лишь четыре памятника для XI и XII вв. ⁴⁾), да и въ этихъ памятникахъ на самомъ дѣлѣ есть нѣкоторыя особенности говора, хотя въ маломъ количествѣ; малочисленность послѣднихъ вовсе не можетъ служить какимъ-либо доказательствомъ, такъ какъ вообще присутствіе элементовъ живаго языка въ древнихъ памятникахъ всегда болѣе или менѣе случайно, а къ памятникамъ кіевскимъ нужно относиться съ особенною осторожностью,

¹⁾ Къ вопросу объ историческихъ судьбахъ Кіева с. 288, ср. Лекціи по ист. рус. яз. с. 199.

²⁾ Возраженія на рефератъ проф. Соболевскаго въ тѣхъ же Чтеніяхъ кн. II с. 216—217, 219—227. Академикъ Ягичъ представилъ свои возраженія сначала въ сочиненіи „Четыре критико-палеографическія статьи (1884 г.) с. 98 сл. (здѣсь между прочимъ онъ указалъ, что несомнѣнно-малорусскія особенности находятся въ Рязанской кормчей 1284 г., списанной съ оригинала, присланнаго изъ Кіева м. Максимомъ), затѣмъ въ „Критическихъ замѣткахъ по исторіи русскаго языка“ (1889 г.) с. 11 сл. На первую книгу проф. Соболевскій возражалъ въ Журналѣ Мин. Нар. Пр. 1885 кн. II; по поводу Кормчей онъ замѣтилъ здѣсь, что она могла быть списана въ Галичѣ или на Волини, хотя прислана изъ Кіева. Въ отвѣтѣ своемъ на „Критическія замѣтки“ (Русск. филол. вѣстникъ 1889, IV с. 292 сл.) проф. Соболевскій вопроса о кіевскомъ говорѣ не касался.

³⁾ См. с. 68 его „Очерковъ“, гдѣ онъ мотивируетъ отнесеніе этихъ памятниковъ въ одну группу; еще произвольнѣе предложеніе (Журн. М. Н. П. 1885. II с. 356)—къ источникамъ кіевскаго говора отнести тѣ памятники XII—XIII в., которые не имѣютъ въ своемъ правописаніи ни новгородскихъ, ни галицко-волинскихъ особенностей.

⁴⁾ Лекціи по исторіи русскаго языка с. 36; да и изъ этихъ четырехъ памятниковъ въ чтеніямъ Тріоди проф. Соболевскій относится весьма скептически и считаетъ ихъ въ большинствѣ описками (Ж. М. Н. П. 1885. II с. 356). Четыре или пять памятниковъ насчитываетъ проф. Соболевскій и для времени послѣ Батыева нашествія (Лекціи с. 199).

таке ж якъ среди его населенія всегда было особенно много людей прихожихъ, сѣверноруссовъ; наконецъ современное т. н. украинское нарѣчіе нельзя производить отъ галицкаго, оно представляетъ самостоятельный типъ малорусскаго языка ¹⁾). Подъ вліянiемъ этихъ возраженій проф. Соболевскій сдѣлалъ нѣкоторыя уступки и смягчилъ свои положенія въ новѣйшемъ своемъ трудѣ—„Лекціяхъ по исторіи русскаго языка“: такъ онъ призналъ нѣкоторыя особенности за кievскимъ говоромъ, согласился, что памятники XIV и XV вв. не могутъ служить доказательствомъ существованія въ это время великорусскаго говора въ Кіевѣ ²⁾), но въ принципѣ отъ своей „гипотезы“ ³⁾ не отказался.

Я счелъ нужнымъ остановиться на этомъ чисто филологическомъ вопросѣ потому, что положеніе проф. Соболевскаго, будь оно дѣйствительно доказано, могло бы послужить обратнымъ доказательствомъ для гипотезы о заупустѣннiи Кіевской земли, разрѣшеннiи населенія и т. п. Перейдемъ теперь къ историческимъ фактамъ. Относительно заупустѣннiи Кіевщины въ Батыево нашествіе современные лѣтописи не даютъ никакихъ извѣстій или даже намековъ. Изъ Волынской лѣтописи мы узнаемъ только, что послѣ взятія Кіева Батый, узнавъ объ отсутствіи Данила, направился далѣе на западъ, на Колодя-

¹⁾ Соображенія объ историческомъ процессѣ созданія этого нарѣчія см. въ вышеупомянутомъ трудѣ П. И. Житецкаго, въ заключительной (IV) главѣ.

²⁾ Лекціи с. 36, 199 (сравни возраженія Н. П. Дашкевича противъ первоначальныхъ положеній проф. Соболевскаго въ Читеніяхъ с. 223—224).

³⁾ Таковою призналъ свое мнѣніе авторъ въ упомянутой статьѣ въ Ж. М. Н. П. (с. 349, 357). Замѣчу еще по поводу одной подробности: однимъ изъ доказательствъ великоруссизма полявъ проф. Соболевскій выставляетъ прозвища на *ша*: Мьстиша, Пушьша, Святоша, Ратьша, Володша (Ипат. с. 34, 92, 177, 229, 346), которыя встрѣчаются въ древнихъ лѣтописяхъ и, по его мнѣнію, несвойственны малороссамъ. Дѣлать какіе-либо выводы, основываясь на именахъ бояръ и дружинниковъ, очень рисковано: между ними всегда бывало множество людей прихожихъ, сохранявшихъ, конечно, и свои имена; изъ приводимыхъ проф. Соболевскимъ именъ два даже не имѣютъ никакого отношенія къ Кіевской землѣ: Святоша Давидовичъ—князь изъ черниговскаго дома, Володша—изъ половецкаго; Ратьша, несомнѣнно, былъ челоуѣкъ прихожій. Въ рендантѣ къ приводимымъ проф. Соболевскимъ именамъ можно указать на Ратьшу или Рачъшу „добраго, вѣрнаго слугу“ Владиміра Васильковича (Ипат. с. 600—подъ 1288 г.) на Волыни, гдѣ и проф. Соболевскій не предполагаетъ великороссовъ. Что до полянскихъ великороссовъ—они встрѣчаются еще у Д. И. Иловайскаго, см. его Размысканія о началѣ Руси с. 294, ср. Ист. Рос. I, 2 с. 520 (болѣе осторожно).

жень, Каменецъ, Изяславль¹⁾. Если проф. Соболевскій находитъ возможнымъ утверждать, что Батыева орда „разорила всѣ города Кіевской области, такъ что нѣкоторые изъ нихъ, главнымъ образомъ въ южной ея части, послѣ Батяи или совсѣмъ, или долго не возобновлялись“²⁾,—это, конечно, его дѣло.

Въ подтвержденіе мнѣнія о запустѣніи Кіевщины ссылаются на свидѣтельства Плано Карпини и сказанія о мученической кончинѣ св. князя Михаила. Первый, рассказывая о своемъ путешествіи отъ Василька Романовича въ Даниловъ и оттуда въ Кіевъ, говоритъ, что путешественники постоянно опасались набѣговъ литовцевъ, особенно нападавшихъ на тѣ мѣста, по которымъ путешественники ѣхали, русскихъ же они не боялись, благодаря проводнику, „къ тому же большая часть (maxima pars) ихъ была побита или уведена въ плѣнъ татарами“³⁾. Но очевидно, что эти слова (они поставлены предъ прибытіемъ путешественника изъ Владиміра въ Даниловъ—городъ, находившійся гдѣ-то въ центрѣ Волини) относятся собственно къ Волини, на которую дѣлали нападенія литовцы, или, по самой крайней мѣрѣ, могутъ быть относимы къ Кіевской землѣ никакъ не болѣе, какъ и къ Волинской⁴⁾.

Въ сказаніи о св. Михаилѣ описывается состояніе Руси во время монгольскаго нашествія; свидѣтельство его, что жители, затворившіеся въ городахъ, погибли, а изъ тѣхъ, которые спасались по разнымъ трущобамъ, „мало тѣхъ остася“, а третьи, что бѣжали въ дальніея траны, по минованіи опасности возвратились⁵⁾—это свидѣтельство

¹⁾ Ипат. с. 523.

²⁾ Къ вопросу объ ист. судьб. Кіева с. 284—285.

³⁾ Собраніе путешествій с. 8—10.

⁴⁾ Извѣстіе о множествѣ костей и череповъ, которое находится въ томъ же вариантѣ путешествія, что говоритъ о жалкомъ состояніи Кіева (Собр. путеш. с. 155), должно бытъ также относимо къ Руси вообще (totam Russiam).

⁵⁾ Я позволю себѣ привести этотъ отрывокъ: В лѣто 6746 бысть нахождение поганыхъ Татаръ на землю христьянскую гнѣвомъ Божиимъ за умноженіе грѣхъ ради. Ови убо затворяхуса въ градѣхъ; Михаилу же бѣжавшу во Угры; нини же бѣжаша въ земли дальнии, нини же кряххуса въ пещерахъ и въ пропастьхъ земныхъ, а иже въ градѣхъ затворишася, ти исповѣданіемъ и со слезами Богу молящеся, тако отъ поганыхъ немилостиво избени быша; а нини же кряххуса въ горахъ и въ пещерахъ, и въ пропастьхъ, и въ лѣсѣхъ—мало отъ тѣхъ остася. Тѣхже нѣ по колницѣхъ времяннѣхъ осадиша въ градѣхъ изочтоша я в число и начаша на нихъ дань имати Татарове. Слышавше же се, иже

относятъ спеціально къ Кіевской землѣ и въ немъ усматриваютъ новое доказательство кіевского запустѣнія. Но во-первыхъ, въ житіи идетъ рѣчь не о Кіевщинѣ, а вообще о „землѣ крестьянской“; во вторыхъ—нужно замѣтить, что свидѣтельство это вообще не имѣетъ большой цѣны; все житіе это, древнее въ своей основѣ, и, несомнѣнно, точное относительно самаго факта мученичества св. Михаила ¹⁾, написано однако съ большою дозою риторики; авторъ или не имѣлъ обстоятельныхъ свѣдѣній о событіяхъ, предшествовавшихъ кончинѣ св. Михаила или не желалъ останавливаться на нихъ: онъ, напри- мѣръ, не останавливается на странствованіяхъ Михаила, не объ- ясняетъ, какъ онъ очутился въ Черниговѣ потомъ и проч., и пред- почитаетъ обходиться общими фразами. Что авторъ сказанія былъ кіевлянинъ, на это никакихъ указаній нѣтъ, напротивъ—въ авторѣ съ гораздо большею вѣроятностію, судя по общему тону сказанія, нужно видѣть сѣвернаго книжника, и слѣдовательно никакъ нельзя поручиться, что картина всеобщаго бѣгства и истребленія списана непременно съ Кіевской земли, а не написана безотносительно къ определенной мѣстности; что авторы житій обыкновенно мало забо- тились о точности въ изображеніи условій времени и мѣста, въ ко- торыхъ проходила жизнь того или другого святого—фактъ слишкомъ извѣстный ²⁾.

бяхъ ся разбѣгли на чужи земли, и возвратишася князи, и вси людие на свои земли, что ихъ избылося. Начаша ихъ (т. е. князей) звати татарове нужею глаголюще: не подобаетъ жити на земли канови и батневъ, не поклонившеся имъ“. Древнѣйшая рукопись этого сказанія—XIV в.; проф. Ключевскій, на котораго ссылается проф. Соболевскій (къ вопросу с. 283—4) замѣчаетъ вскользь, что оно „написано вѣроятно вскорѣ по смерти князя Ми- хаила“ (Древнерусскія житія святыхъ с. 146); древнее сказаніе затѣмъ было передѣлано въ XV в. Пахоміемъ Логоецомъ. Я не нашелъ указаній, въ какомъ отношеніи къ дре- внему сказанію стоитъ житіе, включенное въ Воскресенскій сводъ, которымъ пользуются обыкновенно въ данномъ вопросѣ ученые (въ томъ числѣ и проф. Соболевскій); по сви- дѣтельству проф. Ключевского (ор. с. с. 147), подробность объ избіеніи Батневыхъ пословъ, находящаяся въ Воскрес. лѣтоп., была внесена Пахоміемъ; съ другой стороны, здѣсь отсутствуетъ ирение Михаила съ Елдегомъ о вѣрѣ, прибавленное Пахоміемъ. Вышепри- веденная тирада взята изъ житія, напечатаннаго въ прилож. къ Ист. рус. церкви м. Ма- варія (V с. 417) по рукописи XIV—XV в.

¹⁾ Это обнаруживается изъ сопоставленія житія съ разсказомъ Плано Карпини (с. 85 и 87); Елдега, фигурирующий въ житіи, упоминается и у него—на с. 19.

²⁾ Какъ на примѣры риторики, укажу на то, что татары раздаютъ князьямъ во- лости для того, чтобы совратить ихъ, Михаилъ отправляется къ Батю съ намѣреніемъ

Такимъ образомъ эти два источника не даютъ твердыхъ, основательныхъ данныхъ для суждений о судьбѣ Кіевской земли. Но если бы даже, оставивъ въ сторонѣ все вышесказанное о качествахъ и значеніи сообщаемыхъ ими извѣстій, принять эти послѣднія и приурочить къ Кіевской землѣ,—все-таки и съ помощью ихъ обратитъ Кіевщину въ пустыню трудно. Первое извѣстіе, если его распространить и на Кіевскую землю, будетъ говорить, что послѣдняя, какъ и Волынь, подверглась разоренію и лишилась большей части (*maxima pars*) населенія; второе, если опять-таки приурочить его къ Кіевщинѣ, сообщитъ намъ, что часть жителей, затворившаяся въ городахъ, была истреблена ¹⁾, а тѣ, которые укрывались въ разныхъ труппахъ или бѣжали въ дальнія страны—тѣ спаслись, одни цѣликомъ, другіе—отчасти, и по минованіи опасности возвращались „на свои земли“. Изъ этихъ извѣстій нельзя вывести какого-нибудь такого особеннаго заустѣнія, которое бы выдѣляло Кіевщину изъ ряда остальныхъ земель; такъ же населеніе избивалось и разбѣгалось и въ сѣверо-восточныхъ областяхъ, при томъ неоднократно, и на Волыни, и если тѣмъ не менѣе мы вслѣдъ за тѣмъ видимъ эти страны населенными, города возстановленными, жизнь—вернувшюся въ прежнее русло, то почему во всемъ этомъ мы должны отказать Кіевщинѣ? Проф. Соболевскій говоритъ: „во всякомъ случаѣ Кіевщина была разорена гораздо болѣе, чѣмъ земли Рязанская и Ростовская. Многочисленные лѣса этихъ послѣднихъ, разбросанность поселеній, безъ сомнѣнія, способствовала тому, что татары не оказались въ состояніи истребить или увести въ плѣнъ большей части жителей; вслѣдствіе чего, тотчасъ по уходѣ татаръ, мы видимъ въ Ростовскомъ удѣлѣ такую жизнь, какой и много времени послѣ не было въ Кіевѣ“ ²⁾. Но въ Кіевской

„обличити прелесть его, ея же лститъ крстьяни“ (с. 418 у м. Макарія, ср. Ключевскаго *op. s. c.* 147), что татары предлагали боярину Феодору за отступничество княженіе Михаила (с. 420). Невѣроятно указаніе, что еще до возвращенія св. Михаила жители были переписаны. Даже подробность о жителяхъ, укрывавшихся въ горахъ, пещерахъ и пропастяхъ, быть можетъ, навѣяна не дѣйствительною жизнью, а какимъ-нибудь текстомъ, въ родѣ Евр. 11, 38: „въ пустыняхъ ситающеса и въ горахъ и въ вертепахъ и въ пропастяхъ земныхъ“.

¹⁾ Максимовичъ (О мнимомъ заустѣніи с. 138) полагаетъ, что это извѣстіе относится преимущественно къ городскому населенію.

²⁾ Къ вопросу и *op. s. c.* 285.

землѣ также не было недостатка въ лѣсахъ, какъ о томъ было говорено въ своемъ мѣстѣ, въ частности—и на полянской территоріи было довольно и лѣсовъ, и пещеръ, и всякихъ трупобъ, а населеніе въ тѣ времена съ большою легкостію передвигалось на значительныя пространства (вспомнимъ хотя бы жителей Юрьева, которые, улучивъ удобный моментъ, поголовно перебѣжали къ Киеву въ 1095 г., спасаясь отъ половцевъ) ¹⁾. Нашествіе Батые произошло не внезапно какъ-нибудь, до киевлянъ задолго доходили слухи о всѣхъ ужасахъ этого нашествия, объ избіеніи городскаго населенія; осадѣ Киева предшествовали переговоры съ татарами, слѣдовательно населеніе даже и южныхъ, менѣе защищенныхъ мѣстностей имѣло возможность заблаговременно удалиться въ недоступныя мѣста, бѣжать даже въ сосѣднія земли (вспомнимъ бѣгство русскаго населенія въ Венгрію) ²⁾, съ тѣмъ чтобы снова возвратиться, когда пройдетъ гроза, на свои пепелища. Если бы у мѣстнаго населенія не было этого тяготѣнія къ своей родинѣ, къ насиженнымъ мѣстамъ, этой устойчивости, удивляющей историка ³⁾, наконецъ этой привычки къ періодическимъ опустошеніямъ, созданной исторіей земли, то, конечно, Киевская земля еще до монгольскаго нашествия, на глазахъ исторіи, нѣсколько разъ обратилась бы въ пустыню. Обозрѣвая исторію ея на протяженіи двухъ предшествующихъ столѣтій, мы видѣли, какою тревожною жизнью жила она, какимъ невздамъ подвергалась; эти невзгоды, конечно, отражались на ея благосостояніи, тормозили экономическое развитіе, успѣхи торговли, уменьшали естественный приростъ населенія, заставляли, быть можетъ, нѣкоторый процентъ его выселяться въ болѣе спокойныя страны, но чрезвычайнаго, рѣшительнаго вліянія на состояніе страны, на разрѣженіе, обѣднѣніе населенія не имѣли. Иноземная торговля, особенно чувствительная къ подобнаго рода передрагамъ, не прекращалась, какъ мы видѣли выше, вплоть до самаго монгольскаго нашествия. А что не произошло запустѣнія страны, это можетъ показать извѣстіе Суздальской лѣтописи, что по народной молвѣ, положимъ, значительно и преувеличенной, въ Калкской битвѣ „Кыянъ одинѣхъ изгибло 10 тысячъ“ ⁴⁾. Почему же монгольское на-

¹⁾ Ипат. с. 159.

²⁾ Ср. у М. Ф. Владимірскаго-Буданова *op. c.* с. 20.

³⁾ М. Ф. Владимірскій-Будановъ *op. c.* с. 11.

⁴⁾ Лавр. с. 424.

шестіе произвело бы на это стойкое, выросшее въ грозѣ, во всякихъ передрыгахъ населеніе такое сильное дѣйствіе, такой панической страхъ, заставило его развѣяться, между тѣмъ какъ не развѣялось непривычное къ подобнымъ погромамъ населеніе сѣверо-восточныхъ областей? Прибавимъ еще, что въ Кіевской землѣ произошло то, чего не было на сѣверо-востокѣ, именно, что нѣкоторыя области добровольно подчинились татарамъ, стали къ нимъ въ непосредственную зависимость и были пощажены; это ясно засвидѣтельствовано относительно южной и западной части земли, но можетъ и даже должно быть предположено, какъ мы постараемся доказать ниже, и относительно восточной ея части.

Если предположить, что Кіевская земля во время монгольскаго нашествія и въ послѣдующее господство татаръ заустѣла, то какимъ бы образомъ она могла быть заселена? Какъ мы можемъ предположить сюда переселеніе народныхъ массъ изъ сосѣднихъ земель, разъ признаемъ, что до водворенія литовской власти условія жизни здѣсь были невыносимы до крайности, заставили туземцевъ выселиться чуть не поголовно? Между тѣмъ въ XV в., предъ страшнымъ нашествіемъ Менгли-Гирея (1482 г.) Кіевщина была достаточно населена, это можно констатировать. Предположить, что это населеніе составилось изъ прихожихъ людей за время литовскаго управленія, трудно: татарская гроза продолжалась и послѣ водворенія литовской власти; Погодинъ, Соболевскій приводятъ сюда колонистовъ съ запада, но если при этомъ имѣютъ въ виду позднѣйшее движеніе малорусскаго населенія на востокъ, то упускаютъ изъ виду, что это передвиженіе было вынуждено утвержденіемъ помѣщичьей власти и повинностей, чего мы не имѣемъ никакого права предполагать на Волини ни въ XIV, ни въ XV в. До конца XVI в. мы не имѣемъ никакихъ указаній на движеніе народныхъ массъ въ Украину; волинскіе помѣщики середины XVI в. жалуются, напротивъ, что крестьяне ихъ бѣгаютъ въ Польшу ¹⁾; изслѣдованія прозвищъ кіевскаго населенія, произведенныя проф. В. Б. Антоновичемъ и М. Ф. Владимірскимъ-Будановымъ по даннымъ половины XVI в., обнаружили весьма небольшое

¹⁾ Памятники изд. Кіевск. археограф. комис. т. IV, 2 с. 49, Źródła dziejowe t. VI p. 24, 116.

количество колонистовъ изъ западно-русскихъ земель, больше было ихъ изъ Сѣверщины и Бѣлоруссіи ¹⁾, а что бѣлорусская стихія не имѣла преобладанія надъ туземнымъ элементомъ, за это можетъ поручиться украинское нарѣчіе, чуждое бѣлорусскаго вліянія. Итакъ необходимо предположить въ Кіевщинѣ, въ частности въ землѣ полянъ, существованіе значительнаго туземнаго ядра, пережившаго и нашествіе Батяи, и послѣдующія передраги, отодвигавшагося въ сѣверную полосу, въ лѣса, въ тяжелыя години и возвращавшагося на югъ по минованіи ихъ, ядра, въ которое постепенно подмѣшивались пришлые элементы, но которое никогда не мѣняло радикально своего состава, не замѣщалось пришлою стихією ²⁾. Любопытно, что по наблюденію филологовъ, непосредственно къ сѣверу отъ Кіева въ мѣстномъ нарѣчій замѣчаются типическія особенности древнѣйшей эпохи малорусскаго языка ³⁾—очевидно, мѣстное населеніе держалось здѣсь очень устойчиво.

Остается сказать еще объ одномъ обстоятельствѣ—объ отсутствіи свѣдѣній о Кіевской землѣ за вторую половину XIII в. и почти весь XIV в. Въ сущности это обстоятельство послужило тою, болѣе психологическою, причиною, которая повела къ созданію вышеприведенныхъ гипотезъ о запусьтніи Кіевщины: нѣтъ извѣстій, значить и не было ничего, страна была совершенно разорена, запусьтѣла и т. д. Но это обстоятельство обусловлено совсѣмъ иными причинами. Во-первыхъ, для Кіевской земли за это время мы не имѣемъ мѣстной лѣтописи (нѣкоторые намеки на существованіе ея появляются только со 2-й пол. XIV в. въ южнорусскомъ т. н. Густинскомъ сводѣ); обстоятельство это очень важно: много ли мы знаемъ, на примѣръ, о

¹⁾ Чтенія въ Обществѣ Нестора II с. 225—226, Населеніе Юго-Западной Россіи отъ второй полов. XV в. до Люблин. уніи с. 172 сл.

²⁾ Проф. Владимірскій-Будановъ, изслѣдуя въ сейчасъ названномъ трудѣ этнографическій составъ украинскихъ повѣтовъ Литовскаго государства въ полов. XVI в., приходитъ къ такому заключенію: „Пришлые элементы претворялись постепенно въ особую этнографическую группу, замѣтно отличающуюся, напр., отъ кореннаго населенія Волни. Это даетъ основаніе предположить, что далеко не все населеніе Украины сложилось изъ пришлыхъ людей, что въ основѣ его сохранялась древняя закваска туземнаго, кіевскаго и сѣверскаго, племеннаго начала. Кіевское населеніе не все поголовно было сносно бурами татарскихъ опустошеній“ (с. 188).

³⁾ Житецкій Очеркъ звуковой ист. малор. нарѣч. с. 276.

Полоцкой землѣ за XIII в., хотя она, конечно, не запустѣла и не пришла въ конечный упадокъ? Другая причина—это упадокъ политической роли Киевщины. По мѣрѣ того какъ политическій центръ Южной Руси передвигается въ государство Галицко-Волынское, а политическимъ центромъ сѣверо-востока становится Владиміръ, значеніе Киевской земли, потерявшей свой престижъ, раздробленной на удѣлы, слабой вслѣдствіе отсутствія солидарности между княземъ и земствомъ, все падаетъ, и извѣстій о ней въ чужихъ лѣтописяхъ дѣлается все меньше и меньше. Уже для первой половины XIII в. мы имѣемъ такъ мало извѣстій, что едва можемъ составить каталогъ киевскихъ князей за это время. Захуданіе Киева, продолжающееся и впредь *crescendo*, само по себѣ служило бы достаточнымъ объясненіемъ молчанія о Киевѣ лѣтописей юго-западныхъ и сѣверо-восточныхъ, тѣмъ болѣе, что монгольское нашествіе разорвало и ту небольшую связь между сѣверо-востокомъ и юго-западомъ, какая существовала до него, и сузило политику какъ галицкихъ, такъ и владимірскихъ князей, толкнувъ первыхъ на западъ, а вторыхъ на сѣверъ и востокъ. Но этого мало; если принять, что послѣ монгольскаго нашествія прекратилась и династическая связь Киевщины съ Галичемъ и Владиміромъ, что здѣсь вовсе прекратилась княжеская власть, прекратился тотъ государственный строй, который сближалъ ее и съ сѣверо-восточными и съ юго-западными княжествами (что я постараюсь доказать сейчасъ)—жизнь раздробленныхъ автономныхъ общинъ, не имѣвшихъ княжескихъ усобицъ, не производившихъ походовъ на сосѣднія земли, не вступавшихъ въ брачныя связи съ сосѣдними государями, жизнь чуждая и враждебная современнымъ княжеско-государственнымъ понятіямъ какой матеріалъ могла доставить сосѣднимъ лѣтописцамъ? И они, дѣйствительно, только случайно, мелькомъ, обронили о ней нѣсколько словъ.

Этою же причиною обуславливается переселеніе митрополитовъ изъ Киева—обстоятельство, которое поставляется въ связь съ теоріями о запустѣніи Киевщины и, въ свою очередь, служить для нихъ доказательствомъ. Іерархи привыкли къ союзу и общенію съ носителями центральной государственной власти и потому естественно тяготѣли къ государственнымъ центрамъ, къ Владиміру, Москвѣ, къ Вильну, а Киевщина, хотя бы и благоденствовала, сначала лишена была вовсе этой власти, а позже, хотя и была объединена и снабжена княжескою

властью,—въ политическомъ отношеніи все же оставалась однимъ изъ второстепенныхъ княжествъ ¹⁾).

Такимъ, по крайнему моему разумѣнію, представляется вопросъ о татарскомъ нашествіи. Я не могу признать за монгольскимъ нашествіемъ рѣшительнаго, фатальнаго значенія для состоянія страны,—я за то, какъ упоминалъ выше, придаю ему большое значеніе въ другомъ отношеніи—въ отношеніи перестройки политико-общественныхъ отношеній. Къ этому вопросу я и перехожу теперь.

Мы остановились въ изложеніи событій на томъ моментѣ, когда Кіевъ перешелъ по повелѣнію Батыя во власть Ярослава Всеволодовича. Какъ было упомянуто, мы находимъ здѣсь его намѣстника, но самъ Ярославъ, вѣроятно, не пріѣзжалъ сюда болѣе, занятый устройствомъ разоренныхъ сѣверно-восточныхъ волостей. Скоро впрочемъ онъ скончался „нужною смертю“ во время путешествія въ Монголію (30 сентября 1246 г.) ²⁾).

На главномъ столѣ, во Владимірѣ, сѣлъ его братъ Святославъ, раздавъ своимъ племянникамъ города, „яко же бѣ отецъ имъ урядилъ Ярославъ“ ³⁾). Самъ онъ не поѣхалъ на утверженіе въ Орду, вмѣсто того туда отправился сынъ покойнаго Ярослава—Андрей, и за нимъ старшій братъ—Александръ; отъ Батыя они отправились затѣмъ въ Монголію. Между тѣмъ во время ихъ путешествія Святославъ былъ согнанъ со стола однимъ изъ младшихъ Ярославичей, Михаиломъ, который затѣмъ погибъ въ войнѣ съ Литвою; въ связи ли съ этимъ переворотомъ, или независимо отъ того, Александръ и Андрей получили старшинство помимо дядей и зимою 1249 г. явились изъ Орды: Александру „приказаша Кыевъ и всю Русьскую землю“, а Андрею—Владимірскую волость, „по завѣту отца ихъ“ прибавляетъ сводъ Татищева ⁴⁾). Кто въ промежуткахъ 1246—1249 г. считался кіевскимъ

¹⁾ Что касается извѣстій константинопольскихъ актовъ XIV в. о Кіевѣ, то о нихъ я буду говорить ниже.

²⁾ Лавр. с. 448, Воскр. I с. 156, Никон. II с. 133, Собрание путешествій къ татарамъ с. 52.

³⁾ Лавр. с. 448.

⁴⁾ Лавр. с. 448, Воскр. I с. 156—157, 159, Никон. II с. 135, 136—7, Татищевъ IV с. 20—22.

вняземъ, лѣтописи не говорятъ; осенью 1245 года, когда чрезъ Кіевъ проѣзжалъ Даніиль, здѣсь сидѣлъ, въ качествѣ намѣстника Ярослава, упомянутый уже Дмитро Ейковичъ; что было затѣмъ въ Кіевѣ, мы не знаемъ ¹⁾. Плато Карпини, проѣзжавшій въ 1246 и 1247 г., упоминаетъ о кіевскомъ тысяцкомъ, котораго онъ называетъ Монгротомъ ²⁾; нѣкоторые видятъ въ этомъ искаженіе имени Дмитра ³⁾. Довольно вѣроятно предположеніе, что Кіевъ былъ назначенъ Александру въ удѣлъ еще отцемъ его ⁴⁾, и въ такомъ случаѣ тамъ могъ, дѣйствительно, и по смерти Ярослава сидѣть тотъ же Дмитро ⁵⁾. Самъ Александръ, вернувшись изъ Орды, не сѣлъ въ Кіевѣ, а отправился въ Новгородъ; Татищевскій сводъ рассказываетъ, что оттуда онъ собирался отправиться въ Кіевъ, но новгородцы отговорили его — „татаръ ради“ ⁶⁾.

Вышеуказанное распределеніе волостей, по которому владимірскій столъ достался младшему брату, а кіевскій — старшему, для того времени было уже анахронизмомъ; Владимірская волость была несравненно выгоднѣе, и Александръ, какъ видно, былъ огорченъ такимъ дѣлежомъ. По извѣстію того же Татищевского свода, довольно вѣроятному, Александръ жаловался хану на несправедливый дѣлежъ и взводилъ на брата разныя обвиненія. Какъ бы то ни было, въ 1252 г. Андрей былъ выгнанъ татарскимъ войскомъ изъ своихъ владѣній, „старѣйшинство во всей брати“ получилъ Александръ и сѣлъ во Владимірѣ ⁷⁾.

¹⁾ Даніиль былъ въ Кіевѣ на св. Дмитрія, вѣроятно Солунскаго, 26 октября; въ январѣ 1246 г., когда Плато Карпини былъ на Волыни, Даніиль еще не возвратился изъ Орды (Собр. путеш. с. 8).

²⁾ Millenarius p. 10, Mongrot, capitaine de Kiovie—p. 212.

³⁾ Книженіе Даніила Галицкаго Н. П. Дашкевича с. 63. Впрочемъ нужно замѣтить, что о Монгротѣ упоминается въ заключительной главѣ Плато Карпини, которая находится только у Бергерона (см. Собр. путешествій с. 295 пр. 100).

⁴⁾ Соловьевъ III с. 183.

⁵⁾ Можно предположить еще иную причину, по которой Дмитро могъ сидѣть въ Кіевѣ независимо отъ смѣны князей—о ней рѣчь будетъ ниже.

⁶⁾ I Новг. с. 54 (1250 г.), Татищевъ IV с. 22; изъ словъ послѣдняго выходитъ какъ будто, что Александръ вовсе отказался отъ Кіева: „остая въ Новѣградѣ, а отчины имѣя Переяславль Бѣлорускій“; вѣдь и Кіевъ былъ ему отчиновъ?

⁷⁾ Лавр. с. 449, Воскр. I с. 159—160, Никон. II с. 138—9, Татищевъ IV с. 24. Ср. Соловьевъ III с. 184, Костомаровъ Русск. ист. въ жизнеоп. I с. 159—161, Экземплярскій—Князья Сѣверной Руси I с. 26—27.

Какъ распорядились съ Киевомъ? Относительно этого молчать и Суздальская лѣтопись, и сѣверно-русскіе своды. Имѣя въ виду преждее распоряженіе хана, можно, пожалуй, заключить, что Кіевъ съ „Русскою землею“ по прежнему оставался во владѣніи Александра. Дѣйствительно, южнорусскій сводъ, т. н. Густынская лѣтопись, подъ 1252 г. сообщаетъ, что Александръ выпросилъ себѣ „княженіе надъ всею Рускою и Московскою землею и надъ всѣми князи“, а упоминая о смерти Александра, называетъ его княземъ „московскимъ и кіевскимъ“. „Кіевскимъ“ титулуется она и преемника его—Ярослава Ярославича¹⁾. Эти извѣстія южнорусскаго свода пользуются довѣріемъ въ наукѣ²⁾. Между тѣмъ въ сѣверныхъ источникахъ за все это и послѣдующее время нѣтъ никакихъ указаній, чтобы въ Кіевѣ сидѣлъ какой-либо изъ сѣверныхъ князей. Такое яко бы пренебреженіе сѣверныхъ князей нѣкоторые ученые не прочь объяснить совершеннымъ разореніемъ и запустѣніемъ Кіевской земли, не представлявшей поэтому ничего привлекательнаго для сѣверныхъ князей³⁾. Но то любопытно, что сѣверные источники не только не упоминаютъ о томъ, чтобы въ Кіевѣ сидѣлъ кто-либо изъ сѣверныхъ князей,—они не даютъ за все время Александра и Ярослава († 1272 г.) и за послѣдующій періодъ рѣшительно никакихъ указаній на какую-либо зависимость Кіева отъ нихъ—не упоминается ни о посылкѣ намѣстниковъ, ни о какихъ-либо сношеніяхъ съ Киевомъ. Такое упорное молчаніе источниковъ, которые въ общемъ довольно подробно излагаютъ относящееся къ сѣвернымъ князьямъ, едва ли только случайность; оно дѣлаетъ сомнительнымъ самый фактъ зависимости Кіева отъ сѣверныхъ князей. Что касается до упомянутыхъ свидѣтельствъ южнорусскаго свода, то ихъ легко объяснить домысломъ составителя; найдя извѣстіе о подчиненіи Кіева Александру, онъ предположилъ, что и въ послѣдующее время Кіевъ оставался за нимъ, а затѣмъ перешелъ къ его преемнику. Впрочемъ говоря о вокняженіи Ярослава Ярославича, составитель свода не упоминаетъ о Кіевѣ: „сѣде по немъ (Александрѣ) на княженіи Московскомъ Ярославъ Яросла-

¹⁾ П. с. л. II с. 342, 343, 344; эти извѣстія вошли и въ Синописисъ с. 134.

²⁾ В. Б. Антоновичъ—Монографія I с. 226; см. также Квашнина-Самарина *op. c.* 222, Замѣтки Н. П. Дашкевича с. 59, прим. 1, Князя Сѣвер. Руси Экземплярскаго I с. 39.

³⁾ См. „Къ вопросу объ истор. судьбахъ Кіева“ с. 286—287.

вичъ¹⁾, и только говоря о кончинѣ, называетъ его „литовскимъ и кievскимъ“; „кievскій“, можетъ быть, такая же обмолвка, какъ и „литовскій“ (какъ ниже подъ 1305 г.: „пакъ начать въ Кіевѣ княжити Іоанъ Даниловичъ Калита“)²⁾, потому что въ сѣверныхъ сводахъ Ярославъ называется „княземъ владимірскимъ и новгородскимъ“, равно какъ и Василий Ярославичъ (такъ названъ послѣдній и въ Густынской)³⁾, а для этого періода Густынская лѣтопись не имѣла иныхъ русскихъ источниковъ кромѣ Волынской лѣтописи и сѣверныхъ сводовъ. Противъ принадлежности Кіева великимъ князьямъ владимірскимъ можно высказать еще одно соображеніе. Въ пятидесятихъ годахъ XIII в. Даниилъ начинаетъ наступательную борьбу противъ татаръ и подчиняетъ себѣ зависѣвшія непосредственно отъ нихъ общины въ раіонѣ Случи и Тетерева; онъ задумываетъ походъ на Звягель, также непосредственно зависѣвшій отъ татаръ, и Кіевъ; послѣднее намѣреніе не состоялось, походъ Даниила ограничился лишь разореніемъ Звягля, но для насъ важно то, что Даниилъ имѣлъ намѣреніе итти на Кіевъ⁴⁾. Спрашивается, если бы Кіевъ въ это время фактически принадлежалъ в. князю владимірскому, неужели Даниилъ задумалъ бы напасть на Кіевъ и нажить въ своей борьбѣ съ татарами еще одного такого врага, какъ Александръ Невскій⁵⁾?

Кіевщина не принадлежала и галицко-волынскимъ князьямъ; извѣстія мѣстной лѣтописи обнаруживаютъ это ясно, хотя принадлежность Кіевщины къ государству Даниила защищаютъ такіе авторитетные ученые, какъ проф. Шараневичъ и Владимірскій-Будановъ⁶⁾.

¹⁾ П. с. л. П с. 348.

²⁾ Ibidem с. 348. Г. Экземплярскій (ор. с. I с. 72) находитъ это извѣстіе „страннымъ и ничѣмъ не объяснимымъ“; вѣроятно въ немъ есть и описка („въ Кіевѣ“—вмѣсто „въ Москвѣ“) и недоразумѣніе, источникомъ котораго было, можетъ быть, извѣстіе сѣверныхъ источниковъ подъ 1304 г., что Калита (въ отсутствіи брата) держалъ Москву (см. Никон. II с. 175). Н. П. Дашкевичъ придаетъ, повидимому, нѣкоторое значеніе этому извѣстію Густын. л. (Болохов. зем. с. 106).

³⁾ Воскр. I с. 171, Никон. II с. 144, 150, Тверск. с. 403, Густ. с. 344.

⁴⁾ Ипат. с. 555—6. Время похода можно опредѣлить только съ нѣкоторою приближительностью; въ Ипат. онъ разсказывается между коронованіемъ Даниила, которое Н. П. Дашкевичъ относитъ къ осени 1253 г. (Даниилъ Галицкій с. 99) и намѣствіемъ Бурундая 1258 г. (1 Новг. с. 56, Воскр. I с. 162, ср. Дашкевичъ ор. с. с. 85).

⁵⁾ Да и въ самомъ разсказѣ походъ на Кіевъ является какъ часть „рати противу Татаромъ“, воздвигнутой Данииломъ (Ипат. с. 555).

⁶⁾ Ист. Гал.-Волод. Руси с. 102, Населеніе Ю.-З. Россіи до полов. XV в. с. 24 и

Въ 40-хъ годахъ XIII в. Кіевъ находился во владѣніи (дѣйствительномъ или номинальномъ) Ярослава; не принадлежалъ онъ Даниилу и въ 50-хъ г., потому что въ это время Даниилъ замышляетъ свой вышеупомянутый походъ на Кіевъ; никакихъ указаній на то, чтобы Кіевъ въ этотъ промежутокъ принадлежалъ Даниилу и былъ отнятъ, какъ полагають, Куремсой, мы не имѣемъ ¹⁾. Задуманный Данииломъ походъ на Кіевъ не состоялся, Даниилъ вернулся, о новыхъ походахъ мы ничего не знаемъ, да и немислимы они были въ тогочасные обстоятельства; молчаніе столь обстоятельнаго памятника, какъ современная Волынская лѣтопись, служитъ весьма сильнымъ доказательствомъ противъ мнѣній о принадлежности Кіева галицко-волынскимъ князьямъ ²⁾. Правда, Стрыйковскій утверждаетъ, что и послѣ монгольскаго нашествія Кіевъ принадлежалъ Даниилу, а потомъ Льву Даниловичу; у него и коронація Даниила происходитъ сначала въ Кіевѣ, а потомъ уже въ Дрогичинѣ ³⁾; но сопоставленіе несомнѣнныхъ историческихъ данныхъ заставляеть видѣть въ этихъ утвержденіяхъ лишь неудачный домысль компилятора.

Итакъ, на основаніи всего вышесказаннаго, думаю, можно заключить, что во второй половинѣ XIII в. Кіевщина не принадлежала ни сѣвернымъ, ни галицко-волынскимъ князьямъ. На основаніи современныхъ лѣтописныхъ данныхъ приходится, съ значительною вѣроятностью, заключить, что въ Кіевской землѣ не было вовсе князей во второй половинѣ XIII в. ⁴⁾. Въ Волынской лѣтописи упоминается рядъ татарскихъ походовъ съ участиемъ южнорусскихъ князей, и при

32, см. также Молчановскаго ор. с. с. 147. Къ этому вопросу я еще разъ возвращусь, когда будетъ рѣчь о завоевательныхъ планахъ Даниила.

¹⁾ Шараневичъ ор. с. с. 98, Владимірскій-Будановъ ор. с. с. 24, Молчановскій ор. с. с. 148.

²⁾ Нѣкоторыя другія доказательства непринадлежности Кіевщины галицко-волынскимъ князьямъ, преемникамъ Даниила, будутъ еще приведены ниже.

³⁾ Кроніка I р. 286, 287, 291, 303, 306, 311; ср. Синописи с. 134.

⁴⁾ Такая мысль была высказываема и раньше; проф. Н. П. Дашкевичъ въ одномъ мѣстѣ выражается такъ: „какъ управлялись въ то время (полов. XIII в.) земли, таившіяся на востокъ отъ перечисленныхъ нами до Днѣпра, платили ли и онѣ даже непосредственно Татарамъ или имѣли русскихъ князей, которые упоминаются позже въ Кіевѣ, мы не знаемъ (Болох. зем. с. 105). Проф. Малышевскій въ статьѣ о Ячкѣ Одровонжѣ прямо высказалъ мнѣніе, что отъ нашествія Батя и до начала XIV в. Кіевъ не имѣлъ у себя русскихъ князей (Труды Кіев. Дух. Ак. 1867. VI с. 467).

этомъ ни разу не упоминаются князья кіевскіе ¹⁾; интересны въ этомъ отношеніи: походъ на Литву, записанный подъ 1274 г., и походъ на ляховъ—подъ 1283 г.; въ первомъ случаѣ разсказывается, что ханъ въ помощь Льву Даниловичу „да рать, Ягурчина с ними воеводу, и Заднѣпрескыи князи всѣ да ему в помочь, Ромава Дѣбряньского и сыномъ Олгомъ, и Глѣба князя Смоленского, иныхъ князей много: тогда бо бяху вси князи в воли в Татарской“ ²⁾. Если были князья въ Кіевщинѣ въ это время, то они должны были принять участие въ походѣ, а если бы они участвовали, то едва ли лѣтописецъ не упомянулъ бы ихъ; онъ могъ игнорировать или незнать „иныхъ“ мелкихъ князей Черниговской или Смоленской земли, но сосѣдней—Кіевской, вѣрно, упомянулъ бы. Еще яснѣе это въ разсказѣ о походѣ на ляховъ: „Телебуга же посла ко Заднѣпрѣйскимъ княземъ и ко Волинскимъ, ко Лвови и ко Мьстиславу и к Володимѣру, веля имъ пойти с собою на войну; тогда же бяху вси князи в неволѣ Татарской“ ³⁾—очевидно, между Волинью, границею которой въ это время съ востока была, повидимому, Горынь ⁴⁾, и Днѣпромъ не было князей; лѣтописецъ какъ бы подчеркиваетъ, что всѣ князья были въ татарской неволѣ, всѣ должны были участвовать въ походѣ. Нѣтъ никакихъ намековъ на существованіе князей въ Кіевской землѣ и въ сѣверныхъ источникахъ; въ одномъ случаѣ, кажется, непременно должно бы ожидать упоминанія о кіевскомъ князѣ, если бы онъ существовалъ, именно въ знаменитомъ извѣстіи 1299 или 1300 г.: „того же лѣта митрополитъ Максимъ, не терпя татарского насилья, оставя митрополью и збѣжа ис Кіева, и весь Кіевъ разбѣжался; а митрополитъ иде ко Брянску, и оттолѣ иде в Суждальскую землю, и со всѣмъ своимъ житьемъ“ ⁵⁾; о князѣ ни слова, и молчаніе это, по моему, многозначительно.

¹⁾ См. Ипат. с. 560 подъ 1260 г., с. 575—подъ 1274, 578 подъ 1277, 581 подъ 1280, 585 подъ 1282, 588 подъ 1283, 591 подъ 1287.

²⁾ Ипат. с. 575.

³⁾ Ипат. с. 588. Не лишено, быть можетъ, значенія и то, что въ современной Волинской лѣтописи волнскіе и галицкіе князья въ это время называются просто „князи Русци“, словно то были единственные князья въ юго-западной Руск.

⁴⁾ Какъ было указано выше, въ географическомъ очеркѣ (с. 48), это видно изъ описанія того же похода: у Горыни Мстиславъ встрѣчаетъ Телебугу съ дарами (Ипат. с. 588).

⁵⁾ Лавр. с. 461, здѣсь оно помѣщено подъ 1300 г., въ сводахъ же находится подъ 1299 г.—Никон. II с. 172, Татищевъ IV с. 79—сходно съ Лавр., Воскрес. I с. 132 точ.

Въ Волынской лѣтописи, правда, упоминается подъ 1289 г. Юрій князь поросскій, котораго князь Мстиславъ Даниловичъ послалъ „возводити Татаръ на сыновця своего“ и который „служаше Мьстиславу, а первое служилъ Володимиру“ (Васильковичу)¹⁾; но то былъ, по всей вѣроятности, служилый князь²⁾, который носилъ только титулъ поросскаго, или, быть можетъ, владѣлъ какимъ-нибудь помѣстьемъ на Поросьи: объ этой области еще съ большимъ вѣроятіемъ, какъ увидимъ ниже, чѣмъ о другихъ удѣлахъ Кіевщины, можно предполагать, что тамъ князей не было. Было еще высказано въ ученой литературѣ мнѣніе, что во второй половинѣ XIII в. въ Кіевской землѣ княжили мелкіе князья изъ дома черниговскихъ Ольговичей; это мнѣніе основывается на именахъ князей въ т. н. Сѣверскомъ синодикѣ, гдѣ между прочимъ записаны: „Іоаннъ Володимеръ Кіевскій и Андрей Вруцкій“³⁾. Но время княженія этихъ князей опредѣлить весьма трудно,

нѣе опредѣляетъ время: митрополитъ пришелъ во Владиміръ 18 апрѣля (та же дата и въ 4 Новг.); въ Тверск. (с. 407), Софійск. (I с. 292) и 4 Новг. (с. 46)—короче.

¹⁾ Ипат. с. 612. Владиміръ Васильковичъ княжилъ съ 1271 по 1288 по Ипат. л.

²⁾ Такимъ его считаютъ Сергѣевичъ (Вѣче и князь с. 358), Н. П. Дашкевичъ (Болоховск. земля пр. 138), И. А. Ляниченко (Журн. М. Н. П. 1891, V с. 160). М. Ф. Владимірскій-Будановъ (ор. с. с. 32) считаетъ его владѣтельнымъ—объ этомъ я еще буду говорить ниже. Шараневичъ въ одномъ мѣстѣ видитъ въ немъ, повидимому, князя служилаго, безудѣльнаго, въ другомъ—владѣтельнаго и замѣчаетъ: „чи Юрій былъ вразъ и княземъ кіевскимъ, чи може обочъ него сидѣлъ князь въ Кіевѣ, сказати не знаешъ“ (ор. с. с. 109 и 120).

³⁾ Квашнинъ-Самаринъ По поводу Любецкаго синодика—въ Чтеніяхъ Общ. Ист. и Древн. за 1873 г. кн. IV с. 222—223; Н. П. Дашкевичъ Болоховская земля с. 105. Записи „Сѣверскаго синодика“ приведены архіеп. Филаретомъ въ его примѣчаніяхъ къ Любецкому синодику, изданныхъ вмѣстѣ съ послѣднимъ въ книгѣ гр. Милорадовича: „Любечъ“ (Москва 1871 г., также въ Чтеніяхъ О. И. Д. за 1871 кн. II). По словамъ арх. Филарета (Любечъ с. 37), послѣ имени Іоанна Путивльскаго, вписаннаго въ Любецкомъ и Сѣверскомъ синодикахъ, въ послѣднемъ читается: „кн. Іоанна Володимера Іоанновича Кіевскаго и сестру его, кн. Елену, кн. Андрея Вруцкаго, и сына его, кн. Василя, убіеннаго въ Путивлѣ“. Личность Іоанна Путивльскаго и время его княженія совершенно неизвѣстны (см. статью г. Квашнина-Самарина), равно какъ и время предшествующихъ ему князей; въ Любецкомъ синодикѣ за нимъ слѣдуетъ кн. Іоаннъ Рязанскій, убіенный отъ татаръ, котораго Филаретъ приурочиваетъ къ Іоанну Постнику († 1237), кн. Михаилъ Андреевичъ Трубецкой († 1557 по Филарету), кн. Юрій Торусскій, по Филарету, сынъ св. Михаила, Константинъ Оболенскій, по Филарету † 1368. Желательно, чтобы этотъ, несомнѣнно, важный историческій памятникъ подвергнутъ былъ основательному изслѣдованію, равно какъ и отношеніе его къ другимъ синодикамъ, съ которыми его сравнивалъ арх. Филаретъ, на основаніи же наличныхъ данныхъ опредѣлить сколько нибудь точно время нашихъ князей

и къ XIV вѣку ихъ отнести можно еще удобнѣе, чѣмъ къ XIII, такъ что и это обстоятельство не можетъ служить къ опроверженію изложеннаго мнѣнія объ отсутствіи князей въ Кіевщинѣ во второй половинѣ XIII в.

Эти соображенія объ отсутствіи князей въ Кіевской землѣ приобрѣтаютъ, мнѣ кажется, еще болѣе вѣроятія, если сопоставить ихъ съ другими, несомнѣнными извѣстіями источниковъ. Татарское завоеваніе частью выдвинуло, частью поддержало въ Южной Руси чрезвычайно интересное явленіе; въ то время какъ остальная Русь, устами лѣтописцевъ, плачется на татарское иго, населеніе украинскихъ областей задумало воспользоваться имъ для того, чтобы освободиться отъ дружиннаго строя, отъ княжеской централизаціи и въ непосредственной зависимости отъ татаръ возстановить первоначальный строй мелкихъ автономныхъ общинъ (поскольку оставляло мѣста для такой общинной автономіи татарское верховенство). Явленіе это обнаруживается непосредственно за монгольскимъ нашествіемъ и замѣчается затѣмъ на значительномъ пространствѣ; въ дѣйствительности оно, быть можетъ, приняло гораздо болѣе обширные размѣры, но къ сожалѣнію наши свѣдѣнія о немъ весьма скудны.

Несомнѣнно, уже въ первое движеніе татаръ чрезъ правобережную Русь (1240 г.), или, быть можетъ, и до него, вошли въ сношенія съ татарами и покорились имъ болоховскіе князья—еще до возвращенія Батя изъ Венгріи (по Волынской лѣтописи—въ 1241 г.) мы видимъ ихъ въ подчиненіи у татаръ¹⁾. Свѣдѣній о Болоховской землѣ вообще у насъ очень мало; какъ было указано въ своемъ мѣстѣ, ее съ наибольшею вѣроятностью помѣщаютъ, вслѣдъ за Н. П. Дашкевичемъ, въ верхнемъ теченіи Буга, до поворота его на югъ, и на верховьяхъ

совершенно невозможно: предшествующіе имъ князья неизвѣстны, а послѣдующіе отнесены къ самымъ различнымъ временамъ; для меня даже и происхожденіе ихъ отъ Ольговичей не вполне убѣдительно, такъ какъ ниже мы видимъ князей и изъ другихъ домовъ. Еще болѣе интереса представляли бы для насъ помѣнники кіевскіе; въ упомянутомъ выше Печерскомъ помѣнникѣ, точнѣе—помѣнникахъ, есть нѣсколько списковъ кіевскихъ князей, но пользоваться ими также трудно, вслѣдствіе отсутствія хронологической послѣдовательности въ размѣщеніи князей и скудости объясненій при ихъ именахъ.

¹⁾ Ипат. с. 526.

Случи и Тетерева ¹⁾, такъ что она захватываетъ собою юго-западный край старой Киевской земли. До XIII в. она ничѣмъ не заявляетъ себя и не выдается въ ряду другихъ киевскихъ областей. Подъ 1231 г. въ Волынской лѣтописи впервые выступаетъ группа болоховскихъ князей, съ очень опредѣленной политической физиономіей: это ярые поборники областной самостоятельности, противники централистическаго государственнаго строя. Главными представителями государственной идеи въ Южной Руси въ то время были Романовичи, и болоховскіе князья противодействуютъ имъ всѣми силами, являются дѣятельными союзниками всѣхъ ихъ враговъ. Неизвѣстно, кто такіе были эти болоховскіе князья—были ли то представители общинъ, во княжившіеся бояре, мелкіе князья Рюриковичи, или даже потомки древнѣйшихъ туземныхъ князей; первое изъ этихъ предположеній кажется мнѣ наиболѣе вѣроятнымъ ²⁾. Любопытны и весьма вѣроятны нѣкоторыя сближенія этихъ князей съ подольскими атаманами XIV в. и волошскими „князьями“—представителями сельскихъ общинъ ³⁾. Несомнѣнно во всякомъ случаѣ, что князья эти стояли въ тѣсной связи и солидарности съ населеніемъ и являлись выразителями его вождельній. Подчиненіе болоховцевъ татарамъ не было мѣрою одной княжьей политики, но дѣломъ всего населенія ⁴⁾, оно стояло въ связи

¹⁾ См. выше с. 44—46; Болоховская земля с. 87.

²⁾ Карамзинъ III пр. 346 (с. 127), Костомаровъ Моногр. I с. 249, Русск. ист. въ жизнеопис. I с. 131, Квашнинъ-Самаринъ ор. с. с. 216, Дашкевичъ—Болоховская земля с. 101, Новѣйшіе домыслы о Болоховѣ с. 184 сл., Молчановскій Очеркъ изв. о Подол. з. с. 110 сл.; другія библиографическія указанія см. въ „Болоховск. землѣ“ с. 94 сл.

³⁾ Молчановскій ор. с. с. 158, 161, Дашкевичъ Новѣйшіе домыслы о Болоховѣ с. 169.

⁴⁾ Это ясно показывается лѣтописью: говоря, что Даниилъ враждовалъ съ болоховцами за ихъ союзъ съ татарами, она затѣмъ переводитъ рѣчь на болоховскихъ князей и тѣмъ даетъ понять, что раньше рѣчь шла о населеніи, а не о князьяхъ: „Даниилъ же на нѣ болшую вражду держа, яко отъ Татаръ болшую надежду имѣаху. Князь же ихъ изля отъ руку Болеславу“ и т. д.—Инат. с. 527. Вѣроятно, такая необычная политика побудила Зубрицкаго предположить въ болоховцахъ и ихъ князьяхъ тюрковъ (Ист. Гал.-Рус. княж. III с. 188), поэтому же онъ и Звягель объявилъ „колонією изъ татаръ или какихъ либо другихъ иностранцевъ, ибо русскіе обрадовали бы ся пришествіемъ своего государя, намѣревавшагося освободить ихъ отъ татарскаго ига“ (III с. 187). Мнѣніе его о происхожденіи болоховцевъ было принято Шараневичемъ (Ист. Гал.-Волод. Руси с. 104), см. также у г. Молчановскаго ор. с. с. 116 (онъ впрочемъ сомнѣвается въ добровольномъ подчиненіи болоховцевъ татарамъ), Труды Комитета для ист. опис. Подольск. епарх. I р. VI.

со всею предшествующей политикою Болоховской земли: признавъ надъ собою власть татаръ, не грозившую никакими перемѣнами ихъ излюбленному общественному строю, болоховцы тѣмъ надѣялись спасти свою общинную автономію и пріобрѣсть защитниковъ противъ притязаній Данила. И дѣйствительно, заручившись покровительствомъ татаръ, они не медля возобновляютъ прежнюю борьбу съ Даниломъ, поддерживая Ростислава Михайловича ¹⁾.

Неизвѣстно, одновременно или позже въ такую же зависимость отъ татаръ пришло населеніе территории, лежавшей къ сѣверу отъ Болоховской земли; хотя о подчиненіи его татарамъ мы узнаемъ только въ 50-хъ годахъ (XIII в.), но подчиненіе это могло состояться и равьше, даже въ 1240 г. Правда, мы знаемъ, что нѣкоторые города, лежавшіе въ этой полосѣ, какъ Колодаженъ и Каменецъ, сопротивлялись тогда татарамъ, но отсюда нельзя еще выводить какого-либо заключенія о всемъ населеніи: въ городахъ могли стоять гарнизоны Данила, среди населенія могло не быть единства въ рѣшеніяхъ. Быть можетъ, то обстоятельство, что Волинская лѣтопись, рассказывая о возвращеніи татаръ изъ Венгріи, говоритъ только о разореніи сѣверной Волны, и затѣмъ ни о какихъ разореніяхъ не упоминаетъ, тѣмъ именно и объясняется, что далѣе, за Горынью, татары вступили въ среду населенія, добровольно покорившагося имъ. Въ 50-хъ гг. татарамъ непосредственно подчинены были болоховцы, жители Побожья, городовъ, стоящихъ по Тетереву, Звягля—на Случи, и отдѣльных мѣстностей, которыя съ большою вѣроятностью, соображая обстоятельства похода на нихъ Шварна, можно помѣщать также въ бассейнъ Случи и далѣе къ востоку—до Тетерева: это Городокъ и Сѣмоць, бѣлобережцы и чернятинцы ²⁾. То были уже, какъ видно, общины

¹⁾ Въ виду всего этого никакъ нельзя согласиться съ М. Ф. Владимірскимъ-Будановымъ (ор. с. с. 23), что подчиненіе Данилу „Бѣлобережцевъ, Чарнятинцевъ и всѣхъ Болоховцевъ“ (Ипат. с. 555) было добровольное, что „это подвижное населеніе украинъ, предшественники козаковъ, очевидно, охотно тянули къ русскому государству“. Подробнѣе распространяться о болоховцахъ нахожу излишнимъ, такъ какъ вопросъ этотъ обслѣванъ и прекрасно освѣщенъ въ трудѣ Н. П. Дашкевича „Болоховская земля“ (с. 89 сл.).

²⁾ Я позволю себѣ привести цѣликомъ это чрезвычайно любопытное и единственное въ своемъ родѣ мѣсто Волинской лѣтописи: „По рати же кремьянецкой Куремьсинѣ, Даниль воздвиже рать противу Татаромъ. Сгадавъ с братомъ и со сыномъ, посла Деонисия Павловича, взя Межибожие, потомъ же воевахуть людье Данилови же и Василикови Болоховъ, а Лвови Побожье и люди Татарьскыя. Веснѣ же бывши посла сына своего

чистаго типа, даже безъ такихъ князей, какихъ мы видѣли у болоховцевъ ¹⁾. Лѣтопись не говоритъ намъ, составляли ли онѣ какую-нибудь федерацію между собою, или не имѣли другой связи, кромѣ общности интересовъ и условій быта; судя по тому, что войска Данила борются порознь съ отдѣльными общинами, послѣднее кажется болѣе вѣроятнымъ. Подчиненіе ихъ татарамъ было, конечно, добровольное, и цѣлю было приобрѣтеніе общинной автономіи; общины вовсе не имѣютъ желанія возвратиться въ подчиненіе Данилу, соглашаются лучше терпѣть опустошеніе; покорность ихъ князьямъ галицкимъ—притворная; такъ жители Звягля, подъ давленіемъ силы, приняли отъ Шварна княжескаго тіуна въ знакъ покорности, но „не вдаша ему тивунити“, за что впрочемъ и поплатились жестоко: Данилъ сжегъ ихъ городъ, а жители были подѣлены между участниками похода и разведены ²⁾.

Итакъ мы видимъ, что западная часть Кіевской земли въ 50-хъ годахъ состояла сплошь, по всей вѣроятности, изъ отдѣльныхъ независимыхъ общинъ, безъ князей, въ непосредственномъ подчиненіи татарамъ. Лѣтописецъ въ вышеприведенномъ эпизодѣ перечисляетъ только мѣстности, которыя Данилу удалось подчинить себѣ, что было въ востоку отъ Тетерева и къ сѣверу отъ Звягля, онъ не говоритъ,

Шварна на Горолокъ, и на Сѣмоць, и на вси города, и взя Городовъ и Сѣмоць и всѣ города, сѣдающа за Татары, Городескъ и по Тетереви до Жедечева. Възвягляне же сольгаша Шварномъ, поемше тивуна не вдаша ему тивунити; Шварно же приде поймавъ города вся, и по немъ придоша Бѣлобережцѣ и Чарятинци и вси Болоховци к Данилу. Присла же Миндовгъ к Данилу: „пришлю к тобѣ Романа и Новгородцѣ, аби помель ко Возвяглю, оттуда и къ Києву“; и срече срокъ во Възвягльа“. Ипат. с. 555. О театрѣ этихъ военныхъ дѣйствій см. выше, въ географическомъ очеркѣ, с. 43—44, и Болоховскую землю с. 78—83. Судя по лѣтописному тексту первый походъ былъ направленъ противъ южныхъ поселеній, при чемъ рать Данила и Василька воевала юго-западную часть (около Межибожья и, вѣроятно, по верхней Случи), а Льва—юго-восточную, Шварно же былъ отправленъ далѣе къ сѣверу, въ районъ средней Случи и Тетерева. Успѣхи Шварна на сѣверѣ заставили явиться съ изъявленіемъ покорности болоховцевъ, бѣлобережцевъ и чарятинцевъ; очевидно, въ предшествующій походъ войска Данила хотя и повоевали болоховцевъ, но къ покорности не принудили.

¹⁾ Изъ того, что въ описаніи послѣдняго похода князя болховскіе больше не упоминаются, г. Молчановскій заключаетъ, что, можетъ быть, послѣ погрома 1241 г., произведеннаго въ Болховской землѣ Даниломъ, болховскихъ князей не стало (Очеркъ извѣстій о Подольской землѣ с. 114); слѣдовательно болховцы также обратились въ чистую общину—это весьма возможно.

²⁾ Ипат. с. 555—556.

но, конечно, это молчаніе нельзя понимать въ томъ смыслѣ, что указанными предѣлами вышеописанный политическій строй ограничивался; напротивъ, говоря, что Даниилъ замышлялъ походъ на непокорный Звягель, „оттуда и къ Києву“, лѣтописецъ какъ бы намекаетъ, что и Кіевъ находился въ подобныхъ же политическихъ условіяхъ. Относительно южной части Кіевской земли мы имѣемъ болѣе опредѣленныя указанія: Плано Карпини, проѣзжавшій здѣсь въ 1246 г., говоритъ, что Каневъ (*villa Canouae*) находился въ непосредственной зависимости отъ татаръ ¹⁾. Нельзя думать, чтобы здѣшніе города только были заняты, какъ наблюдательные пункты: въ нихъ не было татарскаго гарнизона, и начальники были въ нихъ, несомнѣнно, русскіе ²⁾; путешественникъ ясно отличаетъ эти пункты отъ первой татарской заставы (*custodia*), которая, по его словамъ, находилась въ шести дняхъ пути отъ Кіева, гдѣ-то, слѣдовательно, къ югу отъ Тясмина. Надо полагать, что все Поросье находилось въ непосредственномъ подчиненіи татарамъ и не имѣло князей; неизвѣстно, кому здѣсь принадлежала инициатива такого устройства—татарамъ или самому населенію, привыкшему къ сожителству съ кочевниками.

Итакъ, резюмируя все вышеизложенное, мы для второй половины XIII в., во-первыхъ, не находимъ въ нашихъ источникахъ никакихъ указаній или намековъ на зависимость Кіевщины отъ суздальскихъ князей, номинальную послѣ 1249 (вокняженіе Александра) и сколько-нибудь фактическую—послѣ 1245 (проѣздъ Даниила чрезъ Кіевъ); въ то же время, несомнѣнно, Кіевъ не принадлежалъ и волыскимъ князьямъ. Во-вто-

¹⁾ Приведу опять цѣликомъ это свидѣтельство: *Secundo igitur die post festum Purificationis (4 февраля 1246 г.) septo itinere venimus ad villam Canouae, quae sub Tartaris erat immediate. Cujus praefectus nobis dedit equos et conductum usque ad aliam, in qua reperimus praefectum Micheam, omni malitia plenum. Qui tamen acceptis a nobis secundum velle suum, duxit nos usque ad primam custodiam Tartarorum* (Собр. путешеств. с. 10). Слова *sub Tartaris erat immediate* нельзя понимать въ смыслѣ топографическаго опредѣленія, потому что отъ Канева до первой татарской заставы было еще нѣсколько перегоновъ, и на пути лежала эта неназванная по имени, но, несомнѣнно, русская *alia villa*.

²⁾ *Micheas*, Михай, сидѣвшій за Росью, былъ, несомнѣнно, русскій, да и каневскій *praefectus* также: Плано Карпини еще не встрѣчалъ на своемъ пути татаръ и несомнѣнно упомянулъ бы, если бы этотъ послѣдній *praefectus* былъ татаринъ.

рыхъ, нѣтъ никакихъ указаній на существованіе отдѣльныхъ владѣтельныхъ князей въ Кіевской землѣ, напротивъ—нѣкоторыя извѣстія даютъ основаніе для противоположнаго вывода. Въ-третьихъ, въ половинѣ XIII в., по несомнѣннымъ извѣстіямъ, южная и восточная части Кіевской земли добровольно—въ большинствѣ, по крайней мѣрѣ—находились въ непосредственной зависимости отъ татаръ, образуя систему отдѣльныхъ общинъ, безъ княжеской власти. Эти факты мнѣ кажется, даютъ право поставить гипотезу, что и остальная Кіевская земля также находилась подъ непосредственнымъ верховенствомъ татаръ и не имѣя князей, образовывала рядъ отдѣльныхъ общинъ. Такая гипотеза не противорѣчитъ наличнымъ даннымъ и способна объяснить факты, засвидѣтельствованные источниками; это, мнѣ кажется, служить достаточнымъ для нея оправданіемъ. Въ частности, для Кіева, какъ указано выше, мы имѣемъ даже намекъ въ описаніи похода Даниила.

На первыхъ порахъ, какъ мы видѣли, татары утвердили Кіевъ за Ярославомъ Всеволодовичемъ; съ точки зрѣнія предложенной гипотезы это можно объяснить тѣмъ, что они еще не успѣли хорошо ознакомиться съ положеніемъ дѣла, или противокняжеское движеніе среди населенія не успѣло достаточно выясниться. Тѣ стремленія и цѣли, которыя преслѣдовали города по-тетеревскіе, едва ли были чужды для населенія береговъ Ирпеня или Уша. Съ другой стороны, татары, приведя въ непосредственную зависимость южную и западную полосу Кіевщины, естественно должны были стремиться ввести тотъ же, болѣе выгодный и безопасный для нихъ строй и въ окрестностяхъ Кіева; даже при нежеланіи населенія они могли прекратить здѣсь княжескую власть и подчинить этотъ край непосредственно своему управленію; однако вѣроятнѣе предположить, что татары въ этомъ случаѣ шли на встрѣчу желаніямъ населенія. Быть можетъ, уже въ 1252 г., когда Александръ выпросилъ себѣ владимірскій столъ у татаръ, послѣдніе оставили Кіевъ за собою¹⁾; если и здѣсь населеніе было также враждебно настроено противъ княжеской власти, какъ къ западу отъ Тетерева, то суздальскому князю нечего было торговаться изъ-за Кіева: въ такомъ случаѣ власть его еще раньше здѣсь была лишь номинальною.

¹⁾ Напоминаю, что походъ Даниила на „людей татарскихъ“ и намѣреніе его идти на Кіевъ относятся ко времени позднѣйшему—послѣ 1253 г.

По поводу Киева, точнее—по поводу киевского наместника Дмитра Ейковича, позволю себѣ высказать еще гипотезу, нисколько впрочемъ на ней не настаивая. Высказана была догадка, что Дмитро Ейковичъ есть одно лицо съ Дмитромъ—киевскимъ тысяцкимъ 1240 г. ¹⁾). Предположеніе это до нѣкоторой степени вѣроятно, тѣмъ болѣе, что Дмитро тысяцкій послѣ 1240 г. исчезаетъ изъ исторіи—въ Галичинѣ и на Волини его не видно. Между тѣмъ мы знаемъ изъ Волинской лѣтописи, что онъ послѣ взятія Киева пользовался уваженіемъ и довѣріемъ Батяя. Можетъ быть, когда выяснилась современная политическая ситуація, Дмитро счелъ за лучшее применить къ новому общественному движенію и сталъ во главѣ киевской общины. Не желая до времени, въ силу какихъ-либо соображеній, рѣзко разрывать со старымъ строемъ, онъ номинально признавалъ власть того или другого князя, утвержденнаго на киевскомъ столѣ татарами, титуловалъ себя ихъ наместникомъ, а на дѣлѣ былъ общиннымъ чиновникомъ, тысяцкимъ земскимъ (сравни киевскаго тысяцкаго и лучшихъ людей—*millenarius* и *pubiles* у Плато Карпини ²⁾), зависѣвшимъ лишь отъ общины и надъ собою имѣвшимъ лишь власть хана. Быть можетъ, благодаря вліянію Дмитра Киевъ былъ и отданъ Ярославу, а не остался за Даниломъ: Дмитру выгоднѣе было считаться наместникомъ далекаго сѣвернаго князя. Если что-либо подобное было въ дѣйствительности, если и среди киевскаго населенія обнаружилось движеніе противъ княжескаго строя, тогда понятно будетъ, почему Михаилъ жилъ не въ самомъ Киевѣ, а на островѣ, почему ни Ярославъ, ни Александръ Невскій ни разу не заглянули въ Киевъ, почему въ сѣверныхъ источникахъ не сохранилось никакихъ указаній на реальную принадлежность Киева сѣвернымъ князьямъ.

Мы не имѣемъ указаній на то, какъ вообще совершилась та перестройка общественнаго строя, о которой мы говорили до сихъ поръ: скудныя извѣстія лѣтописи констатируютъ только самый фактъ, уже совершившійся. Въ предшествующемъ изложеніи я старался указать мотивы народнаго недовольства княжеско-дружиннымъ укладомъ—недостатки политическіе и административныя и экономическія тягости. Но если гдѣ-нибудь въ окраинныхъ, межеумочныхъ пространствахъ на-

¹⁾ Квашиниъ-Самаринъ оп. с. с. 222.

²⁾ Собраніе путешествій с. 10.

селеніе успѣвало выбиться изъ подъ режима сосѣднихъ княжествъ и подъ шумъ князьихъ усобицъ завести иной общественный строй—какъ это мы видимъ въ болоховскихъ городахъ,—въ общемъ княжеско-дружинный строй слишкомъ прочно установился, чтобы населеніе, въ тогдашнихъ условіяхъ, могло своими силами покончить съ нимъ. Для этого требовалось какое-либо чрезвычайное потрясеніе—такимъ было монгольское нашествіе; несомнѣнно, что оно произвело сильнѣйшій „пополохъ“ въ русскихъ земляхъ; князья заметались въ паническомъ страхѣ; казалось, всѣ прежнія основы жизни и строя рушились. Моментъ для разрыва со старымъ строемъ былъ очень удобный, населеніе это замѣтило, и одни—быть можетъ—раньше, другіе—позже постарались имъ воспользоваться. Выламываясь изъ-подъ власти дружинныхъ князей и замыкая свой политическій строй въ тѣсныя предѣлы городской общины, населеніе избѣгало всѣхъ тягостей, не разлучныхъ съ созданіемъ сколько-нибудь обширнаго, централизованнаго государства ¹⁾, избѣгало и вмѣшательства центральной власти въ свой общественный строй (татарская власть въ этомъ отношеніи была не страшна); упраздненіе дружиннаго строя уничтожало двойственность земства и князя и тамъ даже, гдѣ званіе князя сохранялось. Татарское верховенство „людямъ татарскимъ“ казалось достаточнымъ ручательствомъ за безопасность отъ князьихъ посягательствъ, хотя надежда эта и не всегда оправдывалась: Даніилъ успѣлъ разгромить болоховскіе города, развести крамольныхъ зваглянь, прежде чѣмъ татары собрались смирить его; но самый строй тѣмъ не менѣе устоялъ.

Таковы были, въ общихъ чертахъ, условія этого движенія; обстоятельства, формы, въ которыхъ оно проявлялось, конечно, весьма разнообразились, тѣмъ болѣе, что предполагать какое-нибудь единство въ планѣ, солидарность въ дѣйствіяхъ всѣхъ общинъ нѣтъ никакихъ основаній. Даже внутри самихъ общинъ, по крайней мѣрѣ—нѣкоторыхъ, возможно было раздвоеніе. Если все земство чувствовало недостатки, несостоятельность княжеско-дружиннаго строя, то съ другой стороны, какъ я старался показать выше, верхній слой населеній, земская аристократія участвовала до нѣкоторой степени и въ выгодахъ его, находила въ немъ опору и поддержку. Замѣна этого уклада общиннымъ была выгодна для нея только въ такомъ случаѣ, если бы факти-

¹⁾ Ср. Молчановскаго оп. с. с. 119.

чески власть перешла въ ея руки, какъ то бывало въ до-вняжескій періодъ; въ такомъ случаѣ она, пожалуй, могла взять на себя даже инициативу реформы. Но не вездѣ обстоятельства могли сложиться такъ выгодно для нея, руководящая роль могла ускользнуть отъ боярства и оказаться въ рукахъ среднихъ и низшихъ слоевъ земства, тѣмъ болѣе, что татарскій „пополохъ“ долженъ былъ сильно поколыхнуть общественно-экономическія отношенія и основанное на нихъ вліяніе боярства. Разъ земская масса выдвигалась на первый планъ, разъ община формировалась на основахъ демократическихъ,—боярство не могло сочувствовать реформѣ, должно было противиться ей, если могло; и въ то время какъ земская масса входила въ непосредственныя отношенія къ татарамъ и подъ ихъ верховенствомъ начинала „орать пшеницу и просо“¹⁾, аристократія, земская и дружинная, могла, отчасти по крайней мѣрѣ, запирается въ городахъ либо эмигрировать.

Вообще говоря, монгольское нашествіе, послѣдующая непосредственная зависимость отъ татаръ и татарскіе „пополохи“ наиболѣе тяжело ложились, живѣе чувствовались верхнимъ, богатымъ слоемъ населенія. Гдѣ проносилась татарская гроза, тамъ богачи страдали сильно: не такъ трудно было спасти свою особу и скудные позитивы, но очень затруднительно было уберечь большія стада, обширные запасы разныхъ продуктовъ, многочисленную челядь; въ торговыхъ операціяхъ неизбежно было разстройство, правильное теченіе экономическихъ отношеній нарушалось. Въ результатѣ богатый классъ разорялся, упадалъ и сливался съ общей массой земства, либо, не вынося такихъ условій быта, эмигрировалъ на сѣверъ и западъ. Проф. Владимірскій-Будановъ, на основаніи извѣстій галицкихъ и волынскихъ, приходитъ къ заключенію, что „лучшее (городское) населеніе“ погибло, было избито въ большихъ городахъ, и „послѣ татарскаго погрома центръ тяжести населенія переносится на нисшій классъ—черныхъ людей“, „замѣчается перевѣсъ пѣхоты надъ конницею, смердовъ надъ дружинниками, сельчанъ надъ горожанами“²⁾. То же явленіе должно было произойти и въ Кіевской землѣ; населеніе нивелировалось вслѣдствіе обѣднѣнія и эмиграціи богатаго класса. Такая нивеллировка содѣйствовала большей демократизаціи общественныхъ

¹⁾ Ипат. с. 526.

²⁾ Населеніе Ю.-Зап. Россіи до пол. XV в. с. 21—22.

отношеній и обратно—находила себѣ опору въ строѣ демократической общины.

Этотъ новый общинный строй нашелъ себѣ энергическаго врага въ лицѣ талантливѣйшаго изъ современныхъ представителей государственнаго принципа—Даніила галицкаго; автономическія стремленія общинъ являлись опасною помѣхою его планамъ—объединить юго-западную Русь и общими силами противостать татарамъ. На первыхъ порахъ онъ вступаетъ въ рѣшительную борьбу съ этимъ новымъ движеніемъ; еще до возвращенія татаръ изъ Венгріи онъ столкнулся съ болоховцами и воспользовавшись ихъ участіемъ въ галицкихъ дѣлахъ, подвергъ безжалостному опустошенію ихъ землю; его особенно раздражалъ союзъ ихъ съ татарами: „Даниль же на нѣ болшую вражду держа, яко отъ Татаръ болшую надежду имѣаху“¹⁾. Позже, когда отношенія Даніила къ татарамъ обострились, и Куремса началъ противъ него военныя дѣйствія, Даниль, ободренный его неудачею, перешелъ самъ къ наступательнымъ дѣйствіямъ и предпринялъ свой походъ на Кіевскую землю, о которомъ я уже не разъ имѣлъ случай упомянуть. Его войско, подѣ начальствомъ Шварна, повоевало, побрало города и привело на время въ покорность западную часть земли до Тетерева. Даниль, какъ видно, замыслилъ тогда, съ помощью Мендовга, покорить себѣ и остальную Кіевщину, до Днѣпра, и выступилъ въ походъ самъ; но Мендовгъ не исполнилъ обѣщанія, не прислалъ помощи, и это, можетъ быть, было причиною, что Даниль, подождавши напрасно у Корческа, ограничился только наказаніемъ жителей Звягля и дальше не пошелъ. Ему не суждено было исполнить своего намѣренія: Куремса вслѣдъ затѣмъ предпринялъ новый походъ на Волынь, а за нимъ явился со своею ордою и болѣе грозный, „ованный, провлятый“ Бурундай. Разрушеніе волынскихъ городовъ, совершенное послѣднимъ, показало ясно Даніилу, что бороться ему съ татарами не подѣ силу; планы на пріобрѣтенія на востокѣ приходилось отложить; завоеванныя за Случью земли, какъ вѣжется, были тоже вскорѣ утрачены: какъ было упомянуто, волынская граница, судя по нѣкоторымъ указаніямъ, проходила позже недалеко отъ Горыни²⁾. Несомнѣнно, стремленія населенія въ общинной автономіи

¹⁾ Ипат. с. 526.

²⁾ См. выше, географич. очеркъ с. 48. Иного мнѣнія о завоеваніяхъ Даніила держится проф. Владимірскій-Будановъ въ много разъ упомянутомъ мною изслѣдованіи своемъ о

были одною изъ причинъ, которыя помѣшали Данилу создать сильное государственное тѣло изъ Южной Руси ¹⁾).

Итакъ, новый строй устоялъ предъ нападеніями Данила; хотя точныя извѣстія о немъ мы имѣемъ только около половины XIII в., но нѣтъ никакихъ основаній думать, что онъ не существовалъ позже. Описывая подъ 1289 г. пространство Волынскаго княженія, лѣтописецъ говоритъ, что Мстиславъ Даниловичъ „одержа землю свою величествомъ оны по Тотары, а сѣмо по Дяхы и Литву“ ²⁾; „Татары“ въ этомъ случаѣ употреблены конечно не въ смыслѣ этнографическомъ, а политическомъ—для обозначенія земель, непосредственно зависѣвшихъ отъ нихъ, въ противоположность Волыни; а такъ какъ при Мстиславѣ, есть основаніе думать, волынская граница проходила недалеко отъ Горыни, то, слѣдовательно, начиная оттуда и далѣе къ востоку, какъ и равьше, шли, вѣроятно, общины безъ княжеской власти, непосредственно подчиненныя татарамъ.

Такая перспектива Кіевской земли, лишенной князей и дружины, состоящей изъ отдѣльныхъ общинъ, подъ непосредственнымъ господствомъ

южнорусской колонизаціи до полов. XV в. Почтенный ученый полагаетъ, что Даниилъ дѣйствительно завоевалъ Кіевъ и владѣлъ имъ до похода Куремси, что Куремса его отнялъ было, но въ концѣ концовъ Кіевъ и украинная полоса (земли по Бугу и Приднѣпровье) остались за волынскими князьями, и Поросье составляло подручный удѣлъ этихъ послѣднихъ (с. 23—24, 32). Но послѣ взятія Звягля Даниилъ на Кіевъ не пошелъ—„пойде в домъ си приемъ градъ“ (с. 556), и о какомъ-либо послѣдующемъ походѣ ничего неизвѣстно; да вслѣдъ за походомъ на Звягель и татары уже начали наступать на Данила; не говорится и о Куремсѣ, чтобы онъ бралъ Кіевъ; если лѣтописецъ, описывая Холмъ, говоритъ объ иконахъ и колоколахъ, принесенныхъ изъ Кіева в Овруча (Ипат. с. 559), то это, вѣроятно, было еще до Батыева нашествія, когда Данилу случалось и бывать въ Кіевѣ и владѣть имъ. Ничего неизвѣстно намъ и о завоеваніи Поросья, находившагося въ непосредственномъ владѣніи татаръ еще въ 40-хъ годахъ; Юрія поросскаго, какъ было указано, съ гораздо большею вѣроятностью слѣдуетъ считать княземъ безудѣльнымъ. Что и сдѣланныя Даниломъ завоеванія потомъ были утеряны, это понятно а priori: при существовавшихъ тогда отношеніяхъ между волынскими князьями и татарами послѣдніе никакъ не отдали бы подъ власть князей своихъ „людей татарскихъ“, вдобавокъ это подтверждается намеками лѣтописи, что Горынь была границей.

¹⁾ См. Болховскую з. с. 122—123; почтенный авторъ напрасно только приписываетъ однимъ болоховцамъ то, что въ равной мѣрѣ принадлежитъ также и другимъ общинамъ Кіевской земли; это справедливо замѣтилъ уже г. Молчановскій (Очеркъ изв. о Подол. з. с. 118—119).

²⁾ Ипат. с. 613; ср. Андрияшева ор. с. с. 191.

татарь не должна насъ особенно пугать. Положеніе это было неудовлетворительно съ государственнической точки зрѣнія, но, очевидно, населеніе далеко предпочитало его прежнему строю, если упорно держалось за него и только послѣ примучиванія соглашалась подчиниться Даниилу, сильнѣйшему и талантливѣйшему изъ современныхъ князей, который могъ потому болѣе, чѣмъ кто-либо, гарантировать спокойствіе и безопасность отъ татаръ.

Къ крайнему сожалѣнію, свѣдѣнія наши объ этомъ новомъ укладѣ вообще чрезвычайно скудны. Волынскій лѣтописецъ называетъ наши общины „людьми татарскими“ и „людьми, сѣдящими за Татари“. Н. П. Дашкевичъ высказалъ предположеніе, что эти два названія соотвѣтствуютъ различнымъ условіямъ, въ которыхъ находилось населеніе: люди, сидѣвшіе за татары—такъ лѣтопись называетъ жителей Потетерева—по его мнѣнію, не входили въ ближайшее соприкосновеніе съ татарами, между тѣмъ какъ „люди татарскіе“, обитатели Побожья, или получали отъ татаръ управителей или даже жили съ ними совмѣстно ¹⁾. Трудно рѣшить, дѣйствительно ли эти нѣсколько различныхъ имена имѣютъ характеръ терминовъ въ устахъ лѣтописца; а ргіогі весьма вѣроятно, что жители ближайшихъ къ татарамъ мѣстностей стояли въ нѣсколько иныхъ условіяхъ, чѣмъ обитатели болѣе отдаленные, но точныхъ данныхъ относительно этого мы не имѣемъ. Присутствія татаръ незамѣтно нигдѣ; ни волынскій лѣтописецъ, описывающій походъ Даниила на болоховцевъ или на территорію Случи и Тетерева, ни Плато Карпини не даютъ никакихъ намековъ на существованіе въ непосредственно подчиненныхъ татарамъ земляхъ татарскихъ гарнизоновъ или даже начальниковъ и чиновниковъ татаръ. Никоновская лѣтопись сообщаетъ подробность, не имѣющую впрочемъ большой цѣны (скорѣе всего—это позднѣйшій домысль составителя), что Батый въ 1240 г. какъ въ Кіевѣ, такъ и въ другихъ русскихъ (т. е. южнорусскихъ городахъ, „воеводы своя посажа“ ²⁾): и здѣсь объ управителяхъ-татарахъ нѣтъ рѣчи. По словамъ Плато Карпини, въ городахъ Поросья сидѣли какіе-то граефесті, но, по всей вѣроятности, не изъ татаръ. Въ Подольской землѣ, въ болѣе позднее время, но въ подобныхъ же условіяхъ, общинами завѣ-

¹⁾ Болоховская земля с. 103, см. также Андрияшева ор. с. с. 190.

²⁾ Никонов. II с. 117.

дывали атаманы, очевидно — туземные, отношенія къ нимъ владѣтелей — татаръ ограничивались сборомъ дани, черезъ баскаковъ, которые прїѣзжали отъ времени до времени за нею; и въ этомъ случаѣ слѣдовательно татары не жили среди подвластныхъ общинъ и не входили съ ними въ непосредственное соприкосновеніе. Эти подольскіе атаманы либо избирались изъ своей среды общинами либо назначались татарами изъ излюбленныхъ людей общины, потому что они продолжаютъ существовать и послѣ прекращенія татарскаго господства и сохраняютъ свое вліяніе у населенія, такъ что новопрібывшіе Коріатовичи, чтобы устроиться въ странѣ, должны были войти „у пріязнь со атаманы“¹⁾. Были ли такими излюбленными людьми общины пороскіе граефесті, или они назначались изъ людей стороннихъ, неизвѣстно. Въ общинахъ западныхъ (Случи и Тетерева) если и были какіе-либо атаманы или старцы, или какъ бы они не назывались, они, очевидно, не играли особенно важной роли и не заслоняли собою общины: въ столеновеніяхъ съ Данииломъ на нихъ нѣтъ намековъ, выступаетъ прямо населеніе — звягляне, чернятинцы, бѣлобережцы; особенно любопытенъ въ этомъ отношеніи подробный рассказъ о звяглянахъ — очень возможно, что никакого старшины и вовсе тутъ не было, а управляло общиною вѣче съ „лучшими людьми“, какъ встарину. Совмѣстнаго обитанія русскихъ и татаръ въ Кіевской землѣ, по крайней мѣрѣ вскорѣ послѣ татарскаго завоеванія, нельзя допустить: какъ я упомянулъ выше, Плато Карпини категорически свидѣтельствуетъ, что первая татарская застава отстояла на шесть дней пути отъ Кіева; и для позднѣйшаго времени нѣтъ никакихъ указаній на сожительство.

Относительно экономическихъ отношеній мы имѣемъ также очень скудныя извѣстія. По словамъ Плато Карпини, при немъ на Русь былъ присланъ отъ хана человекъ, который у всякаго жителя, имѣвшаго трехъ сыновей, уводилъ одного въ рабство, уводилъ также всѣхъ неженатыхъ мужчинъ, незамужнихъ женщинъ и нищихъ, остальные пересчитывались, и каждый, безъ различія возраста и состоянія, долженъ былъ дать: кожу бѣлаго (или чернаго) медвѣдя, кожу чернаго бобра (или стоимость ея), кожу „тхора“ и кожу черной ли-

¹⁾ 1 лит.-русс. лѣтоп. въ изд. Попова с. 44. Ср. Молчановскаго оп. с. с. 156—158.

сицы; не заплатившей также отводился въ рабство¹⁾. Таеъ какъ это извѣстiе приведено безъ всякой оговорки, то должно относиться и къ Кіевской землѣ. Давъ, въ размѣрахъ, описываемыхъ Плато Карпини, конечно, не можетъ быть ежегодною, она слишкомъ высока для того, ее уплачивали, вѣроятно, при переписи только (на сѣверѣ переписи были производимы затѣмъ въ 1257 и 1275 г.²⁾). Но въ Волынской лѣтописи о болоховцахъ сказано, что ихъ оставили татары „да имъ орютъ пшеницу и проса“; выходитъ, что болоховцы платили татарамъ дань земледѣльческими продуктами; весьма вѣроятно, что подобная дань существовала также и въ другихъ мѣстностяхъ Кіевской земли. Какъ взималась дань, опять-таки мы не знаемъ; въ Подольской землѣ ее, по сказанію литовско-русскихъ лѣтописей, принимали отъ атамановъ баскаки, пріѣзжая по временамъ за нею; такая система могла существовать и въ Кіевской землѣ; баскакъ упоминается здѣсь однажды, уже подъ 1331 г., въ Кіевѣ³⁾; жилъ ли онъ постоянно тамъ, или былъ только проѣздомъ, не видно.

Что было худого въ этомъ бытѣ, это то, что населеніе не было гарантировано отъ всякаго рода случайныхъ нападеній, временныхъ притѣсненій; говорю—случайныхъ, временныхъ, потому что въ общемъ населеніе было, какъ видно, довольно своимъ положеніемъ, по крайней мѣрѣ—сначала; да и татары имѣли всѣ поводы щадить его. Раздробленныя общины не могли дать надлежащаго отпора; позже онѣ приворовались къ этимъ неудобствамъ, выдѣлили изъ своей среды военный элементъ въ видѣ козачества, но въ предшествующее время были почти беззащитны, и это дѣлало возможнымъ притѣсненія, въ родѣ тѣхъ, какое передается въ приведенномъ уже мною извѣстіи 1299—1300 г., что м. Максимъ, „не терпя татарскаго насилія, оставя митрополью и збѣжа ис Києва, и весь Кіевъ разбѣжался⁴⁾. Впрочемъ извѣстіе это, можетъ быть, въ значительной мѣрѣ утрировано, таеъ какъ записано на сѣверѣ со словъ бѣглецовъ и частнѣйшимъ образомъ имѣетъ цѣлью объяснить и, пожалуй, оправдать переселеніе митрополита

¹⁾ Собраніе путеш. с. 184; въ скобкахъ я привелъ варианты.

²⁾ Лавр. с. 451 и 496, Никон. II с. 141 и 152, Татищевъ IV с. 47; ср. Соловьева III с. 185 и 195.

³⁾ Извѣстіе это приведено будетъ ниже.

⁴⁾ Лавр. с. 461.

во Владимірѣ; въ дѣйствительности, можетъ быть, дѣло вовсе не было такъ ужъ страшно, и то, что казалось несноснымъ митрополиту, могло и не казаться столь тягостнымъ для рядового населенія.

Мы имѣемъ еще другое аналогичное извѣстіе, на которое также указываетъ проф. Соболевскій ¹⁾—именно въ постановленіи константинопольскаго патріаршаго собора 1354 г. о перенесеніи митрополичьей катедры изъ Кіева во Владимірѣ. Я позволяю себѣ привести въ переводѣ относящіяся къ вопросу отрывки изъ него. „Такъ какъ Кіевъ, гласить это постановленіе, сильно пострадалъ отъ смутъ и беспорядковъ настоящаго времени и отъ страшнаго напора сосѣднихъ аламановъ и пришелъ въ крайне бѣдственное состояніе: то святительски предстоятельствующіе на Руси, имѣя здѣсь не такую паству, какая имъ приличествовала, но сравнительно съ прежними временами весьма недостаточную, такъ что имъ недоставало необходимыхъ средствъ содержанія, переселились отсюда въ подчиненную имъ святѣйшую епископію владимірскую, которая могла доставить имъ постоянные и вѣрные источники доходовъ“. Далѣе говорится еще, что м. Алексій послѣ поставленія своего „возбудилъ предъ нашею мѣрностію соборнѣй вопросъ и о Кіевѣ, именно поставилъ на видъ, что этотъ городъ разоренъ и пришелъ по вышеуказаннымъ причинамъ въ бѣдственное состояніе и уже не можетъ быть мѣстопробываніемъ архіерея ²⁾“. Чтобы оцѣнить по достоинству значеніе этихъ извѣстій, нужно принять во вниманіе, что постановленіе это сдѣлано было вслѣдствіе ходатайства м. Алексія, вслѣдъ за его постановленіемъ, а св. Алексій, родившійся и воспитавшійся въ Москвѣ, конечно, тяготѣлъ къ сѣверу не зависимо отъ того, въ какомъ положеніи находился Кіевъ. Что разореніе Кіева было въ этомъ случаѣ собственно лишь предлогомъ, это отлично показываетъ заключеніе документа: „если же при Божьей помощи Кіевъ опять придетъ въ прежнее благосостояніе, а низложенный Θεодоритъ будетъ изгнанъ оттуда, такъ что возможно будетъ архіерею имѣть тамъ нѣкоторое упокоеніе: то и въ такомъ

¹⁾ „Къ вопросу“ с. 287.

²⁾ Актъ этотъ изданъ сначала въ Acta Patriarchatus Constantinopolitani, отсюда перепечатанъ въ Русской истор. бібліотекѣ, изд. Археограф. ком. т. VI, прилож. № 12, съ переводомъ проф. Павлова, изъ котораго я и заимствовалъ приведенные отрывки (с. 64, 66, 68); актъ этотъ приведенъ также въ Ист. р. ц. м. Макарія IV с. 41 и 324.

случаѣ Владиміръ не перестанетъ оставаться собственнымъ сѣдалищемъ (οἰκεῖον καθίσμα) русскихъ митрополитовъ“¹⁾). Приводимые отрывки ясно показываютъ также, гдѣ лежала главная причина переселенія митрополитовъ изъ Кіева—въ уменьшеніи доходовъ кааедры; но уменьшеніе доходовъ само по себѣ еще не можетъ свидѣтельствовать о полномъ упадкѣ и бѣдственномъ состояніи земли.

Какъ на доказательство невыносимаго состоянія Кіевщины, которое вызвало яко бы массовыя переселенія на сѣверъ, ссылаются еще на одно позднѣйшее свидѣтельство, по которому въ концѣ XIII или началѣ XIV в. нѣкій кіевскій бояринъ Родіонъ Нестеровичъ прибылъ съ 1700 человекъ дружины въ Москву, по призыву московскаго князя, и поступилъ на службу въ нему²⁾). Но во-первыхъ, самый источникъ этого извѣстія ни какимъ образомъ не можетъ считаться надежнымъ; во-вторыхъ, такихъ бояръ, которые имѣли до 1700 человекъ дѣтей боярскихъ и пр., конечно, ни въ это, ни въ болѣе раннее время въ Кіевщинѣ не было; въ основѣ этого извѣстія лежитъ, вѣроятно, фактъ переѣзда кового-нибудь знатнаго кіянина; что знатные и богатые люди дѣйствительно могли эмигрировать изъ Кіевщины, объ этомъ я говорилъ уже.

¹⁾ Рус. ист. библ. VI, прил. с. 70. Насколько при этомъ вообще считали необходимымъ справиться съ фактами, показываетъ заявленіе того же акта, что кромѣ Владиміра нѣтъ больше мѣста, удобнаго для водворенія и постояннаго пребыванія митрополитовъ (ibid. с. 68).

²⁾ Соболевскій, Къ вопросу с. 288. Извѣстіе это извлекъ Карамзинъ изъ лѣтописи Ростовской (XVII в.), оно составляетъ здѣсь позднѣйшую вставку родословнаго характера (IV пр. 324, ср. I с. XVI). Объ этомъ см. еще у Максимовича (Собр. соч. I с.136) и Владимірскаго-Буданова (ор. с. с. 40).

О разводѣ по римскому праву въ связи съ историческими формами римскаго брака.

Періодъ языческій.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ИСТОРИЧЕСКІЯ ФОРМЫ РИМСКАГО БРАКА.

§ 1. *Понятіе о бракѣ у Римлянъ.*

Римская историческая жизнь временъ язычества выработала два понятія о бракѣ, стояція на двухъ противоположныхъ концахъ ея. По болѣе раннему понятію бракъ представляется половымъ сожитіемъ ради рожденія дѣтей (*liberorum quaerendorum gratia*)¹⁾; по позднѣйшему же понятію, формулированному послѣднимъ изъ классическихъ юристовъ Модестиномъ, бракъ есть союзъ мужчины и женщины, сообщничество всей жизни, общеніе правъ божескихъ и человѣческихъ.²⁾ Послѣднее опредѣленіе содержитъ самое высшее понятіе о бракѣ, выработанное римской языческой жизнью и приближающееся къ идеямъ христіанскимъ; первое, напротивъ, гармонируетъ съ первобытнымъ взглядомъ на жену и дѣтей. Съ другой стороны послѣднее опредѣленіе не представляется конечнымъ въ исторіи народа римскаго, потому что христіанское возрѣніе на бракъ было у Римлянъ, несомнѣнно, и выше и чище; точно также первое опредѣленіе не есть первоначальное, потому что римская нація прошла въ доисторическое время, вѣроятно, не одну стадію въ развитіи понятія о бракѣ, прежде нежели достигла того пониманія, по которому бракъ является союзомъ для дѣторожденія и которое можетъ быть названо первоначальнымъ только по отношенію ко времени историческому.

¹⁾ *Gellius* Noctium Atticarum libri XX (Edid. M. Hertz. Berl. 1883) IV 3, 2.—*Festus* De verborum significatione (A. Dagerius. Amst. 1699 r.) sub v. quaeso.—*Ulpianus* Fragmenta tit. III § 3.

²⁾ D. 23. 2. 1. (Modestinus libro 1 Regularum.) Nuptiae sunt conjunctio maris et feminae, consortium omnis vitae, divini et humani juris communicatio.

Сравнивая оба опредѣленія брака, мы видимъ, что они прежде всего указываютъ на физическій элементъ, на половое сожитіе. Можно предположить, что въ первобытныя, доисторическія времена понятіе о бракѣ на этомъ и остановилось и лишь съ развитіемъ религіозныхъ вѣрованій и началъ гражданственности оно постепенно расширялось и улучшалось. Есть положительныя свидѣтельства, что нѣкоторые народы вначалѣ не знали индивидуальнаго брака т. е. полового сожитія опредѣленныхъ лицъ разнаго пола, но жили въ беспорядочномъ общеніи, не различая ни мужей, ни женъ и признавая родство только по матери; затѣмъ эти отношенія уступаютъ мѣсто браку индивидуальному и основанной на немъ агнатической семьѣ. Съ установленіемъ послѣдней физическій элементъ брака получаетъ нѣсколько иное, расширенное значеніе,—теперь половое сожитіе имѣетъ цѣлью не одно только удовлетвореніе половыхъ инстинктовъ, но и рожденіе дѣтей. При началѣ этого новаго режима положеніе жены было вполнѣ рабское; захваченная силой или купленная она была плѣнницей или вымѣняннѣйшей вещью и, какъ таковая, была вполнѣ во власти своего господина; все порождаемое ею было также собственностью ея повелителя, какъ и вообще плоды или приплодъ, приносимые принадлежащими ему вещами; на рожденіе дѣтей собственникъ жены-рабы смотрѣлъ только какъ на увеличеніе своего имущества, и съ этой точки зрѣнія оно и было важно для него, ибо дѣти въ семьѣ являются рабочей силой, могущей создать ея благосостояніе ¹⁾. Съ появленіемъ религіозныхъ вѣрованій въ ихъ первобытной формѣ культа предковъ дѣти получаютъ новое и болѣе важное значеніе—отправителей жертвоприношеній въ честь умершихъ предковъ (мановъ), жертвоприношеній, создававшихъ для умершихъ загробное блаженство; съ этого времени приобрѣтеніе потомства въ особенности мужескаго пола и бракъ индивидуальный, какъ средство для этого, становятся обязательными для каждаго домовладыки,—пренебрегающій этою обязанностію рискуетъ загробнымъ покоемъ не только своей души, но и своихъ предковъ. Образование этихъ новыхъ функцій для дѣтей вызвало прежде всего измѣненіе положенія сына относительно отца; послѣдній, видя въ сынѣ будущаго отправителя семейныхъ жертвоприношеній, перестаетъ его считать своимъ рабомъ и, удерживая его въ

¹⁾ *Lippert Die Geschichte der Familie. Stuttg. 1884. p. 118.*

своей власти, признаетъ его однако свободнымъ и въ этомъ отноше-
 нии себѣ равнымъ. Это возвышеніе мужскаго потомства современемъ
 распространяется и на женское,—хотя послѣднее въ агнатической
 семьѣ не призвано къ отправленію культа предковъ, но, за неимѣ-
 ніемъ сыновей, можетъ служить средствомъ для приобрѣтенія продол-
 жателя этого культа въ лицѣ внука по женской линіи. Затѣмъ и же-
 на, рождающая своему мужу дѣтей, именно вслѣдствіе этого обсто-
 ятельства, поднимается изъ рабства и становится въ положеніе, по-
 добное—дочери (*filiae loco*). Подъ вліяніемъ тѣхъ-же религиозныхъ
 воззрѣній создается понятіе о наслѣдственномъ преемствѣ въ иму-
 ществѣ послѣ умершаго домовладыки, и дѣти, являющіяся по необхо-
 димости отправителями семейныхъ религиозныхъ обрядовъ, вмѣстѣ съ
 тѣмъ признаются необходимыми наслѣдниками (*haeredes necessarii*) въ
 имуществѣ умершаго.—Такимъ образомъ индивидуальный бракъ по-
 лучаетъ обязательную цѣль и вмѣстѣ съ тѣмъ самъ становится обя-
 зательнымъ. Эта обязанность однако, по воззрѣнію древнихъ, не
 есть обязанность естественная, натуральная, а, напротивъ, создан-
 ная культурой. Такъ Валерій Максимъ въ словахъ, приписываемыхъ
 имъ цензорамъ Камиллу и Постумію, проводитъ разницу между по-
 ловымъ сожитіемъ для удовлетворенія естественныхъ инстинктовъ и
 сожитіемъ, имѣющимъ цѣлью рожденіе и воспитаніе дѣтей: при-
 рода, говоритъ онъ, давши намъ существованіе, вложила въ насъ
 законъ дѣторожденія, но она не сдѣлала обязательнымъ ни дѣторо-
 денія, ни тѣмъ болѣе воспитанія дѣтей съ цѣлію продолженія семьи,
 то и другое явилось какъ долгъ передъ родителями, вскормившими
 и воспитавшими насъ ¹⁾. Другой древній авторъ, Платонъ, высказался
 по этому поводу еще яснѣе: мы не склонны, говоритъ онъ, отъ при-
 роды къ браку (индивидуальному конечно), законъ принуждаетъ
 насъ. ²⁾—Индивидуальный бракъ является основой агнатической семьи,
 а эта семья въ свою очередь является единицей, изъ суммы которыхъ
 складываются общественныя группы: община, государство; вслѣдствіе
 этой тѣсной связи между семьей и государствомъ существованіе и

¹⁾ *Valerii Maximi. Facta Dictaque Memorabilia.* (Ed. Panckoucke. Paris. 1837)
 Lib. II. Cap. IX n. 1: natura vobis quemadmodum nascendi, ita gignendi legem scribit;
 parentesque vos alendo, nepotum nutriendorum debito (si quis est pudor) alligaverunt.

²⁾ *Platon Banquet* (Ed. Didot. T. 1 p. 673) Chap. XVI.

благосостояніе первой получаютъ интересъ общественный, государственный, бракъ индивидуальный приобрѣтаетъ новое (государственное) значеніе, и создается новое основаніе для обязанности рожденія и воспитанія дѣтей: дѣти съ этого времени считаются не только достояніемъ домовладыки, но также достояніемъ общественнаго союза ¹⁾, а для благосостоянія и процвѣтанія этого союза признается желательнымъ и даже необходимымъ умноженіе браковъ ²⁾. Такимъ образомъ государство понимаетъ и поощряетъ индивидуальный бракъ, какъ половое сожитіе съ цѣлю рожденія и воспитанія дѣтей (*liberorum quae-rendorum gratia*) и это понятіе, какъ уже было сказано, есть первое историческое понятіе о бракѣ у Римлянъ.

Не одни впрочемъ Римляне выработали такой взглядъ на бракъ; напротивъ, то-же самое воззрѣніе можно наблюдать и у другихъ народовъ, въ особенности у народовъ арійскаго корня. Мы приведемъ въ этомъ направленіи нѣсколько свидѣтельствъ ради иллюстраціи римскихъ воззрѣній. Такъ въ Индіи, согласно законамъ Ману ³⁾, первая и единственная цѣль брака есть рожденіе дѣтей ради продолженія семейнаго культа, такъ какъ посредствомъ жертвоприношеній сына человѣкъ достигаетъ небесныхъ селеній, черезъ посредство внука онъ получаетъ безсмертіе, а посредствомъ правнука онъ принимается на лоно солнца; сынъ своими молитвами избавляетъ отца отъ адской геенны, называемой *Pout*, отсюда данное самимъ Брамой названіе для сына: *Pouttra* т. е. спаситель ⁴⁾; если-же потомство пресѣчется, то души предковъ, блуждая среди злыхъ геніевъ, никогда не могутъ достигъ небеснаго покоя ⁵⁾; поэтому, если жена бездѣтна, мужъ дол-

¹⁾ *Cicero* in *Verrem*. Act. II lib. III. 161. *susceperas... liberos non solum tibi, sed etiam patriae.*

²⁾ *Gellius* N. A. I 6. 6. *civitatem salvam esse sine matrimoniorum frequentia non posse.*

³⁾ *Manava-Dharma-Sastra*. Lois de Manou (Traduites du sanscrit par *Loiseau-Deslongchamps*. Paris 1833).

⁴⁾ *Manou* livre IX § 137: par un fils un homme gagne les mondes célestes; par le fils d'un fils il obtient l'immortalité; par le fils de ce petit-fils il s'élève au séjour du soleil. § 138. par la raison que le fils délivre son père du séjour infernal appelé *Pout*; il a été appelé Sauveur de l'enfer (*Pouttra*) par *Brahmâ* lui même.

⁵⁾ *Manou* IX 28 de la femme seule procèdent les enfans, l'accomplissement des devoirs pieux... et le ciel pour le Mânes des ancêtres et pour le mari lui-même.—*Gide P.* 'Etude sur la condition privée de la femme dans les droit ancien et moderne. Paris 1835. p. 54.

женъ развестись съ нею и взять другую, ибо бездѣтность не только препятствуетъ загробному блаженству умершихъ и его собственному, но считается даже постыдною, какъ у евреевъ ¹⁾; еслиже причина бездѣтности брака лежала въ самомъ мужѣ, послѣдній могъ получить страстно желаемое имъ дитя, устроивъ совокупленіе своей жены съ своимъ братомъ или другимъ родственникомъ (*sapinda*); помазавшись масломъ, въ полномъ молчаніи приближается этотъ родственникъ къ бездѣтной женѣ (или вдовѣ) для зачатія сына, но только одного, зачатіе другаго уже не допускается ²⁾. Въ Римѣ однако религиозный элементъ не получалъ такого значенія, какъ въ Индіи, и потому, хотя главною цѣлью брака было дѣторожденіе, однако отсутствіе дѣтей не считалось постыднымъ, а лишь несчастіемъ, и бесплодіе жены не служило въ древне-римскомъ правѣ причиной развода, тѣмъ болѣе невозможны были предписанія законовъ Ману на случай бездѣтности по винѣ мужа; необходимый же отправитель семейнаго культа пріобрѣтался посредствомъ усыновленія, первоначальная форма котораго (*comitiis calatis* при участіи понтификовъ) говоритъ намъ объ особенной важности этого акта и именно въ виду перехода къ усыновляемому обязанности поддерживать семейныя жертвоприношенія (*sacra privata*). По той-же причинѣ римская жизнь, въ противоположность индусской, никогда не знала полигаміи и обходилась бравомъ моногамическимъ, и вступленіе въ бракъ не сдѣлала юридической необходимостію: между тѣмъ какъ другія древнія законодательства, отдававшія предпочтеніе религіи предъ правомъ, запрещали безбрачіе прямо и рѣшительно ³⁾, римскій народъ, въ началѣ уже своей исторіи поставивши право выше религіи, не сдѣлалъ брака юридически обязательнымъ и не запрещалъ безбрачія. Правда есть одно мѣсто въ источникахъ, повидимому противорѣчащее сказанному, именно Діонисій Галикарнаскій въ сво-

¹⁾ *Bohlen Das alte Indien mit besonderer Rücksicht auf Aegypten. Königsb. 1830 p. 141.*

²⁾ *Manou IX 59, lorsqu'on n'a pas d'enfans, la progéniture que l'on désire peut-être obtenue par l'union de l'épouse, convenablement autorisée, avec un frère ou un autre parent (sapinda). § 60 Arrosé de beurre liquide et gardant le silence, que le parent chargé de cet office, en s'approchant, pendant la nuit, d'une veuve ou d'une femme sans enfans, engendre un seul fils, mais jamais un second. Cp. Gibelin 'Etudes sur le droit civil des Hindous. Recherches des législation comparée sur les lois de l'Inde, les lois d'Athènes et de Rome et les Coutumes des Germains. I—II T. Pondich 1849, p. 31.*

³⁾ Cp. *Осиновъ Брачное право древняго востока. Вып. 1-й Каз. 1872 p. 13 и 102.*

ихъ „Римскихъ древностяхъ“¹⁾ говорить, что древній законъ при-
нуждалъ всѣхъ, достигшихъ совершеннолѣтія, вступать въ бракъ; но
здѣсь идетъ рѣчь не о законѣ народа римскаго, а о родовомъ де-
кретѣ *gentis Fabiae*, подъ которымъ скорѣе всего слѣдуетъ разумѣть
не какое либо постановленіе родовой общины, а скорѣе вкоренив-
шійся обычай вступать въ бракъ съ достиженіемъ совершеннолѣтія
и, быть можетъ, въ роду *Fabia* поддерживавшійся съ особою настой-
чивостью и потому долго остававшійся въ памяти народа; несомнѣн-
но однако, что такой-же обычай былъ распространенъ вообще у на-
рода римскаго. Объ отсутствіи прямаго и положительнаго запрещенія
безбрачія въ Римѣ можно заключить не только потому, что въ до-
шедшихъ до насъ источникахъ римскаго права такого запрещенія не
встрѣчается, но еще и потому, что въ теченіе всей исторіи Рима не
упоминается о такомъ запрещеніи даже какъ о прошедшемъ; затѣмъ
изъ замѣчаній Геллія²⁾ и Валерія Максима³⁾, говорящихъ о рѣ-
чахъ, обращенныхъ въ народу съ цѣлью побужденія его ко вступ-
ленію въ бракъ, и о пеняхъ съ холостяковъ, слѣдуетъ прямо, что
запрещенія безбрачія не было. Вслѣдствіе отсутствія такого запреще-
нія и съ другой стороны вслѣдствіе настоятельной необходимости
имѣть преемника въ отправленіи семейныхъ сакральныхъ обрядовъ⁴⁾,
были такъ подробно и опредѣленно разработаны въ римскомъ пра-
вѣ положенія объ усыновленіи, чего въ другихъ древнѣйшихъ зако-
нодательствахъ не встрѣчается.

Индусское воззрѣніе на бракъ и его цѣли представляетъ самое
яркое проявленіе идей, въ сущности общихъ всѣмъ арійскимъ наро-
дамъ. Кромѣ народа римскаго, взгляды котораго мы изложили, тѣ-же
самыя воззрѣнія имѣли и Греки и Германцы, о чемъ имѣются пря-
мыя извѣстія, а также—вѣроятно и другія народности европейскія,

¹⁾ *Dionisii Halicarnassensis Antiquitatum romanorum libri quotquot supersunt.* (Cum annotat. Stephani... Beiske. 1744—47. Латин. переводъ) liber IX cap. 22 *prisca eorum lex (νόμος) coegabat eos, qui per aetatem possent, uxores ducere... quam diligenter usque ad aetatem suam a majoribus servatam...*

²⁾ *Gellius N. A. VI 1, 2...* oratio *Mettelli Numidici*.... quam in censura dixit ad populum de ducendis uxoribus, cum eum ad matrimonia capessenda hortaretur.

³⁾ *Valer. Maximus.* II. 9, 1 *Camillus* et *Postumius* censores aera poenae nomine eos, qui ad senectutem caelibes pervenerant, in aerarium deferre iusserunt... ite igitur et nodosam exsolvite stipem utilem posteritati numerosae.

⁴⁾ *Cicero.* de legib. II 9. *sacra privata perpetuo manento.*

первоначальныя правовыя воззрѣнія которыхъ не изслѣдованы съ надлежащею полнотою, напр. Славяне. Греки смотрѣли на бракъ также, какъ на сожитіе съ цѣлью дѣторожденія ради поддержанія семейнаго культа и ради поддержки и процвѣтанія семьи и государства ¹⁾; но они, подобно Римлянамъ, не дошли до тѣхъ крайнихъ мѣръ, которыя рекомендовалъ индусскій обычай въ случаѣ бездѣтности. Впрочемъ лакедемонскій обычай предписывалъ мужьямъ, по старости дѣть неспособнымъ къ половымъ сношеніямъ, предоставлять своихъ женъ согражданамъ ²⁾; но этотъ обычай можетъ быть объясненъ остаткомъ въ жизни лакедемонянъ первоначальнаго гетеризма; ближе къ индусскимъ правиламъ подходитъ другой греческій обычай у Аѳинянъ, по которому дѣвица, богатая наслѣдница и сирота, отданная замужъ за родственника, неспособнаго къ дѣтороженію, имѣла возможность сойтись съ кѣмъ либо изъ прочихъ родственниковъ съ цѣлію рожденія потомка ³⁾, но и этотъ обычай поставить наравнѣ съ индусскими нельзя въ виду его неопредѣленности и неясности сопровождавшихъ его обстоятельствъ. Наконецъ, древнегерманское право представляетъ проявленіе тѣхъ-же воззрѣній на цѣли брака, какія мы наблюдали у упомянутыхъ выше арійскихъ народностей,—и здѣсь бракъ совершается ради рожденія дѣтей, а бесплодной женѣ можно было дать разводъ; если-же бездѣтность брака происходила по винѣ мужа, то онъ могъ избрать себѣ представителя и поручить ему исполненіе супружескихъ обязанностей ⁴⁾, въ этомъ отношеніи древнегерманское право стояло ближе къ индусскому, чѣмъ римское, хотя слѣдуетъ замѣтить, что и германская жизнь во времена историческія не представляетъ уже ни одного примѣра упомянутыхъ отношеній.

Цѣль индивидуальнаго брака—рожденіе и воспитаніе дѣтей, являющаяся общей для всѣхъ упомянутыхъ націй и согласная, по на-

¹⁾ *Becker W.* Charikles. Bilder altgriechischer Sitte. Leipz. 1840. 2-ter Th. p. 436, 440. *Lasaulx* Zur Geschichte und Philosophie der Ehe bei den Griechen. p. 104.

²⁾ *Plutarchi* Chaeronensis quae supersunt omnia. (Graece et latine. Ed. Reiske. Lip. 1744) *Lycurg* cap. XV: nam viro natu grandiori, cui florens aetate erat conjux si quidem probum et honestum adolescentem carum haberet probaretque, jus erat eam huic jungere et quum impleta esset egregio semine, sibi vindicare partum.

³⁾ *Plutarchi* Vitae (Ed. Th. Doehner. Graece et latine). *Solon* c. 20. Absurda etiam et ridicula lex videtur, qua mulieri ἐπικληρῶν (i. e. filiae heredi) permittitur, si maritus ejus, qui ei secundum legem obtigit, coire non posset, rem cum ejus propinquis habere.

⁴⁾ *Grimm* Deutsche Rechtsalterthümer. Göttig. 1828 Bd. 1 p. 443 fg.

шему возрѣнію, съ природой полового союза, хотя самой природой и неподсказанная, является желанной для всякой формы общежитія, начиная съ самой малой—агнатической семьи и кончая самой обширной—государствомъ; всѣ эти формы общежитія заинтересованы не только въ продолженіи своего существованія, но и въ развитіи своихъ силъ, для чего первымъ средствомъ является прирость народонаселенія и правильное воспитаніе его. Въ виду этого половое сожитіе, установленное *liberogum quaerendorum gratia*, государствомъ поощряется, охраняется, вообще получаетъ отъ него юридическое признаніе и опредѣленіе и потому называется бракомъ законнымъ; въ противоположность этому половое сожитіе, не имѣющее этой цѣли, объявляется несогласнымъ съ интересами общественными и потому признается недозволеннымъ и незаконнымъ. Народъ римскій съ давняго уже времени различалъ законный и незаконный бракъ, признавъ отличительнымъ признакомъ перваго цѣль: *liberogum quaerendorum*; это можно заключить изъ словъ Геллія, сообщающаго, что образованіе понятія о *paalex* т. е. наложницѣ, женщинѣ живущей въ недозволенной половой связи съ женатымъ мужчиной, сами Римляне относили къ мнѣческимъ законамъ Нумы Помпилія ¹⁾. Съ другой стороны слѣдуетъ замѣтить, что цѣль брака: *liberogum quaerendorum gratia*—остается признакомъ, отличающимъ законный бракъ, до конца классическаго вѣка римской юриспруденціи, такъ какъ еще Ульпіанъ въ своемъ сочиненіи—*liber singularis regulatum*—упоминаетъ о немъ ²⁾.—

Сохраняя свой высшій титулъ неизмѣннымъ до конца, римскій бракъ однако во внутреннемъ своемъ строеніи, въ опредѣленіи отношеній между супругами, въ опредѣленіи ихъ правъ и обязанностей не остается неподвижнымъ, а напротивъ измѣняется сообразно съ общественнымъ прогрессомъ и развитіемъ личности женщины. Со времени образованія религиозныхъ вѣрованій и культа предковъ положеніе женщины стало лучше; хотя мужъ смотрѣлъ на нее только какъ на средство приобрѣтенія дѣтей, какъ на плодородное поле, которое

¹⁾ *Gellius* N. A. IV 3. 3 *paelicem autem appellatam probrosamque habitam quae juncta consuetaque esset cum eo, in cujus manu mancipioque alia matrimonii causa foret, hac antiquissima lege ostenditur, quam Numaе regis fuisse accepimus: „Paelex aedem Iunonis ne tangito; si tangit, Iunoni crinibus demissis agnum feminam caedito.“*

²⁾ *Fragments* III 3.

онъ самъ засѣвалъ сѣменемъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ жена является для него и сосудомъ священнымъ, изъ котораго можетъ истечь загробное блаженство для него самого и его предковъ. Отсюда такое рѣзкое противорѣчiе во взглядѣ на жену, наблюдаемое у народовъ на первыхъ ступеняхъ развитiя: съ одной стороны мужъ ее почитаетъ, даже боготворитъ, съ другой она находится у него въ полномъ подчиненiи и не имѣетъ никакихъ правъ ни личныхъ, ни имущественныхъ. Бракъ этого времени нельзя даже назвать половымъ союзомъ, потому что о согласiи со стороны жены не могло быть и рѣчи; понятiе о союзѣ, на нашъ взглядъ, впервые пробивается при установленiи религiозной формы совершенiя брака—*confarreatio*, когда жена становится рядомъ съ мужемъ, отправляющимъ семейные обряды, какъ его помощница; окончательное-же признанiе брака союзомъ между двумя лицами разнаго пола явилось не ранѣе того времени, когда водворился и сталъ общимъ правиломъ бракъ *sine manu*.—Понятiе о бракѣ, какъ половомъ сожитiи, но не союзѣ, гармонировало съ патриархальнымъ строемъ семьи и въ частности съ положенiемъ римскаго *paterfamilias* и его правомъ надъ женою—*manus*. Жена, вступая въ замужество способами, аналогичными приобрѣтению собственности, подчинялась мужу, попадала въ его власть, какъ вещь; отсюда началами, опредѣлявшими взаимныя отношенiя супруговъ, являлись господство и подчиненiе, а не начала взаимности, равенства и нравственнаго чувства любви. Супруги вступали въ бракъ большею частью помимо своей воли, по желанiю ихъ родителей, а потому о взаимной склонности ихъ до брака не могло быть и рѣчи. Подчиненность жены не лишала ее въ дѣйствительности почетнаго положенiя въ семьѣ, какъ госпожи (*domina uxoris*), и не исключала, по крайней мѣрѣ въ болѣе позднее время, уваженiя и любви со стороны мужа; но не въ этомъ состоялъ связующiй элементъ древне-римскаго брака, а—въ подчиненiи жены мужу¹⁾. Но, съ другой стороны, нельзя согласиться съ мнѣнiемъ, что брачный институтъ римскiй носитъ характеръ государственнiй и что бракъ оставался для Римлянина простой дѣловой сдѣлкой, въ которой онъ не искалъ удовлетворенiя своего чувства,

¹⁾ Проф. Д. И. Азаревичъ. Брачные элементы и ихъ значенiе. Яр. 1879. р. 21.

а видѣлъ только выполненіе долга ¹⁾. Такую характеристику римскаго брака слѣдуетъ признать слишкомъ рѣзкой. Семья и бракъ возникаютъ раньше государства, и хотя съ появленіемъ послѣдняго входятъ въ сферу его насущныхъ интересовъ, но не устраняются отъ преслѣдованія своихъ собственныхъ цѣлей: физическихъ, экономическихъ, нравственныхъ etc. Вступая въ бракъ, Римлянинъ исполнялъ, конечно, долгъ передъ государствомъ, но кромѣ того и прежде того удовлетворялъ своимъ собственнымъ частнымъ цѣлямъ. Подчиненіе цѣлямъ государства не могло исключить нравственной связи между супругами; если эта нравственная связь въ древне-римскомъ бракѣ вообще слаба, а первоначально и совсѣмъ не существовала, то объясняется это происхожденіемъ брака и обусловленной этимъ происхожденіемъ властью мужа надъ женою. Дальнѣйшее движеніе въ развитіи понятія о бракѣ обуславливается возвышеніемъ личности жены. Реформа брачныхъ отношеній произошла вслѣдствіе признанія рядомъ со строгимъ римскимъ бракомъ брака свободнаго, безъ власти мужа надъ женою (*sine manu*). Правда, жена оставалась подъ отеческою властію, но она могла стать самостоятельной вслѣдствіе смерти своего домовладыки или эманципаціи. Такимъ образомъ въ этомъ бракѣ мужъ и жена стояли другъ противъ друга, какъ два самостоятельные субъекта, свободно совершающіе и свободно расторгающіе свой союзъ. Впрочемъ, эта свобода для жены явилась, какъ сказано выше, не сразу, не при началѣ, а лишь впоследствии, когда свободный бракъ получилъ преобладающее значеніе и отстранилъ старыя строгія формы. Тѣмъ не менѣе и съ самаго начала положеніе жены въ свободномъ бракѣ было совсѣмъ иное, чѣмъ въ строгомъ, именно—болѣе возвышающее личность женщины; этому много способствовала и имущественная обособленность жены, приносящей мужу лишь *dos*, а въ прочемъ имуществомъ независимой. Имущественная независимость и обеспеченность вообще имѣетъ большое значеніе для самостоятельности людей; но въ настоящемъ случаѣ это значеніе особенно велико; эта независимость и явившееся со временемъ право требовать возвращенія *dos* при прекращеніи брака создали личную независимость жены, преклоняющейся лишь предъ авторитетомъ, но уже не предъ властію мужа.

---

¹⁾ Ibid. p. 9 и 12.

Справедливо, что отчасти тѣ-же причины вызвали учащеніе разводовъ и паденіе нравовъ; но это было явленіе болѣзненное и временное; римское общество впослѣдствіи само по себѣ стало очищаться отъ пороковъ и подниматься, стремясь къ достиженію болѣе совершеннаго идеала; въ этомъ положеніи застало его божественное ученіе Христа, удовлетворившее сразу всѣмъ лучшимъ стремленіямъ его выдающейся части.

При бракѣ свободномъ, свободно совершаемомъ и свободно расторгаемомъ, особенно съ ослабленіемъ отеческой власти, связующимъ началомъ являлась взаимная склонность, взаимное чувство любви и уваженія. Это привело къ тому, что Римляне послѣднихъ временъ язычества выработали столь совершенный взглядъ на бракъ, который достоинъ одобренія даже съ точки зрѣнія религіи христіанской. Бракъ по этому понятію былъ половымъ союзомъ, но не съ единственною и даже не съ преобладающею цѣлью дѣтороженія; это послѣднее считалось лишь одной изъ существенныхъ цѣлей брака, но выше его стояла цѣль того полнаго единенія между мужемъ и женою, которое столь вѣрно выражено въ словахъ: да будутъ два одною плотію ¹⁾. Бракъ признавался тогда общеніемъ не только физическимъ, но также духовнымъ, умственнымъ, нравственнымъ, религіознымъ. Все это и хотѣлъ сказать Модестинъ въ своемъ извѣстномъ опредѣленіи (D. 23. 2.1): *nuptiae sunt conjunctio maris et feminae, consortium omnis vitae, divini et humani juris communicatio.*

---

¹⁾ Книга Бытія. II 24.

§ 2. Происхождение брака. Гетеризмъ.

Оба историческія понятія Римлянъ о бракѣ, указанная нами выше, говорятъ о бракѣ индивидуальномъ и моногамическомъ. Такимъ образомъ въ началѣ уже римской исторіи мы встрѣчаемся съ той формой брака, которая теперь считается высшей, и хотя между обоими понятіями о бракѣ у Римлянъ существовала, какъ объяснено, значительная разница, указывающая на постепенное развитіе возрѣній Римлянъ на бракъ, однако оба они относятся къ одному типу. Современные соціологи утверждаютъ, что этому типу предшествовали другія, низшія, переходныя формы, и что такимъ образомъ понятіе объ индивидуальномъ и моногамическомъ бракѣ, присущее въ настоящее время культурнымъ европейцамъ, не присуще вообще человѣчеству и не есть нѣчто природженное, а напротивъ создано многовѣковой культурой. Сообразно съ этимъ и у Римлянъ, подобно прочимъ культурнымъ народамъ, соціологи признаютъ раньше указаннаго понятія о бракѣ существованіе иныхъ, болѣе низкихъ, первичныхъ понятій о томъ же предметѣ. Разрабатывая вопросъ о формахъ римскаго брака, мы должны остановиться на возрѣніяхъ этихъ ученыхъ и попытаться рѣшить, примѣнимы-ли они къ вопросу о происхожденіи римскаго брака, или Римъ по своимъ особенностямъ избѣжалъ того процесса въ развитіи брачной идеи, который соціологи считаютъ явленіемъ всеобщимъ, общечеловѣческимъ. Мы, однако, не можемъ при этомъ входить во всѣ детали соціологической теоріи и сопоставлять ту массу

фактическаго матеріала, которая собрана соціологами; это завлекло бы насъ далеко за предѣлы темы; мы воснемся этой теоріи и ея фактическихъ основаній лишь настолько, насколько это нужно для нашей цѣли. Не задаваясь задачей всесторонняго разсмотрѣнія и провѣрки подобныхъ теорій, мы, собственно говоря, пользуемся добытыми соціологами выводами, но не принимаемъ ихъ на вѣру, а ищемъ въ подлежащихъ нашему разсмотрѣнію источникахъ и отчасти въ источникахъ, имъ сродныхъ и стоящихъ на одной ступени культуры, подтвержденія этихъ выводовъ; при этомъ отбрасываемъ цѣлую серію доказательствъ, добытыхъ соціологами изъ наблюденій надъ жизнью современныхъ намъ дикарей¹⁾. Наша цѣль, какъ связано, состоитъ въ рѣшеніи вопроса о примѣнимости соціологическихъ теорій къ развитію римскаго брака, а потому и свидѣтельствами изъ жизни другихъ, родственныхъ Римлянамъ, народовъ мы пользуемся лишь только какъ иллюстраціей для выясненія возрѣвній римскихъ. Мы желаемъ не обосновать правильность соціологической теоріи, а лишь подтвердить и иллюстрировать данные ея выводы и рѣшить вопросъ объ ихъ примѣнимости къ развитію римскаго брака.

Нельзя сказать, что теорія соціологовъ и ихъ доказательства нашли себѣ признаніе среди ученыхъ юристовъ; но, съ другой стороны, нѣтъ и вѣсскихъ опроверженій ея. Ученый міръ держится пока сдержанно, пожалуй, даже индифферентно, и ученые юристы, изслѣдующіе древности, останавливаются въ большинствѣ случаевъ предъ закрытыми дверями доисторическаго существованія народа и спѣшатъ вернуться назадъ, бросивши два, три слова предположеній, основанныхъ главнымъ образомъ на религіозныхъ мнѣяхъ. Между тѣмъ изслѣдованіе доисторическихъ началъ человѣческой культуры можетъ много дать для пониманія послѣдующей исторіи всего человѣчества и въ частности отдѣльнаго народа; поэтому возрѣвнія соціологовъ заслуживаютъ большаго вниманія, чѣмъ имъ обыкновенно удѣляютъ, и хотя они далеко не совершенны и часто построены на неосновательныхъ сближеніяхъ, однако объясняютъ намъ многія изъ темныхъ явленій древней жизни, даже такія, которыя, будучи засвидѣтельствованы намъ древними писателями, казались однако невѣроятными и

¹⁾ Ср., напримѣръ, свидѣтельства, приведенныя у *Gide*, *ibid.* p. 22, или у *Post*, *Die Grundlagen des Rechts und die Grundzüge seiner Entwicklungsgeschichte*. 1884.

относились прямо къ области фантазіи сообщавшихъ ихъ авторовъ. Успѣхи соціологовъ, объяснившихъ удовлетворительно эти явленія, обусловлены въ значительной степени тѣмъ, что они поставили вопросъ о началахъ культуры и объ эволюціи культурныхъ понятій на реальную почву житейскихъ, обыденныхъ, экономическихъ интересовъ. Толчекъ, вызвавшій появленіе ихъ теоріи, былъ данъ успѣхами сравнительнаго изученія языка и права у различныхъ народовъ. Пользуясь добытыми въ этихъ областяхъ данными и поставивъ себѣ цѣлью объять жизнь древняго человѣка со всѣхъ сторонъ, соціологи и пришли къ ихъ настоящимъ выводамъ. Первые на этотъ путь выступили англичане и американцы (Спенсеръ, Маъ-Леванъ, Морганъ, Мэнъ), за ними пошли французы (Жиро-Тейловъ, Жидъ, Летурно), нѣмцы (Бакхофенъ, Постъ, Даргунъ, Колеръ, Фридрихсъ) и русскіе.—По моему мнѣнію, слѣдуетъ признать теорію эволюціи житейскихъ отношеній и между прочимъ отношеній брачныхъ заслуживающею полного вѣроятія. Но задачи настоящаго труда исключаютъ, какъ сказано, возможность вдаваться въ подробный разборъ и обоснованіе созданныхъ въ этой области теорій и вынуждаютъ меня ограничиться только немногими замѣчаніями.

Первичной формой полового сожитія, по мнѣнію большинства соціологовъ, было безпорядочное, вѣббрачное общеніе, названное греческимъ словомъ „гетеризмъ“, а также неудачнымъ выраженіемъ: „коммунальный бракъ“¹⁾. Половые отношенія среди извѣстной группы людей, вмѣстѣ живущихъ, были возможны для любого мужчины съ любой женщиной и ничѣмъ не стѣснялись, а потому завязывались и прекращались по желанію, по капризу. Насколько такая группа обособлялась отъ другихъ подобныхъ же ей соединеній, обыкновенно враждебно къ ней настроенныхъ и ведущихъ съ ней постоянную войну, настолько лишь она была заменута въ отношеніи къ половымъ связямъ между членами ея и членами другой. Такое состояніе половыхъ отношеній было чисто фактическимъ, а не правовымъ; нельзя было сказать, что мужчина данной группы имѣлъ право на половыя сношенія съ любой женщиной этой группы или что этотъ мужчина

---

¹⁾ Греческое выраженіе: „гетеризмъ“ ближе другихъ подходитъ къ данному понятію.

наряду съ другими былъ въ коммунальномъ бракѣ со всѣми женщинами племени. Спенсеръ ¹⁾ правильно замѣтилъ, что „начальное общественное состояніе должно было представлять такой порядокъ вещей, при которомъ не существовало еще никакихъ общественныхъ законовъ; вслѣдствіе этого въ самомъ началѣ не могло существовать такого закона, какъ законъ о коммунальномъ бракѣ, въ силу котораго каждый мужчина и каждая женщина известнаго маленькаго племени считались въ одинаковой степени принадлежащими другъ другу, какъ мужъ и жена; въ самомъ началѣ не могло существовать ни малѣйшаго представленія о правахъ, вытекающихъ изъ коммунальнаго брака.“ Въ такихъ половыхъ отношеніяхъ не было признака отношеній брачныхъ; идея брака, какъ увидимъ дальше, появилась позднѣе, когда первичная ступень половыхъ отношеній была перейдена.

Гетеризмъ тѣсно связанъ съ господствомъ родства по матери—материнствомъ—, при отсутствіи родства по отцу—отчества. Сокровенность момента зачатія, приведшая даже высоко-культурныхъ Римлянъ къ созданію лишь презумпціи (*pater est quem nuptiae demonstrant*) о вѣроятномъ зачатіи женщиной отъ опредѣленнаго мужчины, была несомнѣнно первой причиной отсутствія у первобытныхъ народовъ родственныхъ связей дѣтей съ отцемъ. Если даже при современномъ развитіи знанія, въ случаѣ непрочности половыхъ отношеній, нельзя прослѣдить кровной связи отца съ его ребенкомъ, то тѣмъ болѣе это было невозможно для первобытнаго человѣчества, неспособнаго еще къ отвлеченному мышленію и знающаго только такіе факты, которые выдаются по своей наглядности. Дитя рождается матерью—вотъ ясный и достовѣрный фактъ, котораго нельзя не знать, нельзя не признавать; связь-же этого ребенка съ его отцемъ есть обстоятельство скрытое отъ глазъ человѣческихъ и потому недоступное для неразвитаго пониманія первобытнаго человѣка. Нельзя, конечно, думать, что для первобытнаго человѣка было недоступно понятіе объ участіи мужчины въ дѣтороженіи ²⁾,—необходимость половыхъ отношеній

¹⁾ Индукціи соціологіи. Глава V, стр. 699—702 (Изложено у Ковалевскаго, Первобытное право. Семья, р. 29).

²⁾ Въ этомъ отношеніи я вполне согласенъ съ Ковалевскимъ. Первобытное право. Родъ. р. 105 слѣд.

между мужчиной и женщиной должна была навести на мысль, что не одна женщина, а въ соединеніи съ мужчиной производить дѣтей. Но при полной беспорядочности половых сношеній женщина не могла знать съ достовѣрностію, отъ котораго изъ мужчинъ она зачала, а потому у нее не могло явиться и представленія о зачатіи именно отъ опредѣленнаго мужчины. Вслѣдствіе этихъ обстоятельствъ у первобытнаго человѣка могло возникнуть представленіе только о родствѣ единоутробномъ, т. е. родствѣ по матери.—Для признанія родства по отцу, повидимому, достаточно было появленія понятія о зачатіи отъ опредѣленнаго мужчины, и появленіе отчества такимъ образомъ должно было бы стоять въ тѣсной связи съ появленіемъ постояннаго или по крайней мѣрѣ продолжительнаго сожитія опредѣленныхъ лицъ разнаго пола; но, какъ будетъ показано ниже, отчество, вслѣдствіе особыхъ обстоятельствъ, явилось сначала не въ своемъ собственномъ понятіи, какъ кровная связь между отцемъ и сыномъ, а въ видѣ подчиненія ребенка мужу и господину его матери, который обыкновенно былъ его родителемъ, но могъ имъ и не быть, если его мать зачала отъ другаго мужчины. Принадлежность дитяти отцу опредѣлялась не зачатіемъ его отъ отца, а рожденіемъ отъ матери, подвластной его отцу. Если же рождала женщина неподвластная, то, хотя связь ея съ мужчиной была индивидуальна и хотя такимъ образомъ отецъ дитяти былъ извѣстенъ, дѣти слѣдовали за матерью и между родителемъ и рожденнымъ не создавалось связи по отчеству. Этотъ послѣдній видъ материнства есть явленіе послѣдующаго времени, и его нельзя смѣшивать съ материнствомъ первичнымъ, когда объ индивидуальной связи между мужчиной и женщиной и объ отцествѣ не было даже и понятія. Это материнство есть остатокъ первичнаго порядка вещей, приспособленный къ строю патріархальной жизни и дѣйствующій т. св. субсидіарно въ тѣхъ случаяхъ, когда не соблюдены всѣ условія, необходимыя для установленія отчества. Даргуну ¹⁾ принадлежитъ заслуга указанія на это материнство при господствѣ брака индивидуальнаго ²⁾; но онъ придаетъ этому остатку первичныхъ

¹⁾ Mutterrecht und Raubehe und ihre Reste im germanischen Recht und Leben. 1883. p. 14, 15.

²⁾ Ср. еще *Bernhöft*, Staat und Recht der römischen Königszeit im Verhältniss zu verwandten Rechten. Stutt. 1882, p. 192.

порядковъ слишкомъ большое значеніе. Индивидуальный бракъ, говорить онъ, не изгналъ изъ примѣненія систему родства по матери. Это сказано невѣрно; напротивъ, индивидуальный бракъ исключилъ возможность примѣненія материнства. Но это сказано вѣрно настолько, насколько материнство примѣнялось и при господствѣ брака индивидуального, въ тѣхъ сопряженіяхъ, гдѣ брака въ надлежащемъ видѣ не было, а была лишь внѣбрачная связь; въ этихъ случаяхъ однако половая связь могла быть индивидуальная, и потому родитель дитяти извѣстенъ. Такое примѣненіе материнскаго родства привело въ смущеніе другаго новѣйшаго изслѣдователя первобытнаго строя К. Friedrichs ¹⁾ и заставило его усумниться въ правильности положенія, что материнство явилось на первыхъ порахъ вслѣдствіе неизвѣстности или неопредѣленности отчества. Это положеніе онъ разлагаетъ на два: 1) достовѣрность родителя ведетъ необходимо къ отчеству, и 2) недостовѣрность его—къ материнству, и оба эти положенія онъ признаетъ неправильными. Это отчасти справедливо: оба эти положенія не безусловно вѣрны. Что первое не вполне вѣрно,—это мы только-что видѣли; что второе также не вполне вѣрно,—это доказывается ссылкой на древнеиндусское правило о рожденіи дитяти для импотентнаго мужа его родственникомъ по порученію ²⁾, или еще лучше—существованіемъ правила, въ силу котораго все, рожаемое женой, считается принадлежащимъ ея мужу; здѣсь, очевидно, нѣтъ кровной связи между рожденнымъ и его домовладкой, но тѣмъ не менѣе первый считается сыномъ втораго. Итакъ оба эти положенія не вполне вѣрны; но отсюда не слѣдуетъ, чтобы и самое правило, изъ котораго онѣ извлечены, было невѣрно. Изъ сказаннаго Фридрихсомъ можно заключить только одно, что отчество, отеческая власть и отеческая (патріархальная) семья появились не вслѣдствіе признанія кровной связи между родителемъ и рожденнымъ; но нельзя вывести заключенія, будто родство по матери явилось не вслѣдствіе неизвѣстности и неопредѣленности отчества. Изъ позднѣйшаго, современнаго патріархальной семьѣ положенія, что недостовѣрность родителя не мѣшаетъ

¹⁾ Ueber den Ursprung des Matriarchats, въ Zeitschrift für vergleichende Rechtswissenschaft, Bd. VIII, p. 370 fg.

²⁾ Manou, IX, 59, 60.

возникновенію отеческой, патриархальной власти, не слѣдуетъ, чтобы и въ первичное время при такой же недостовѣрности родителя могло явиться понятіе объ отчествѣ; напротивъ, въ первичное время недостовѣрность или неизвѣстность происхожденія ребенка отъ его родителя веда необходимо къ признанію родства только съ матерью. Затѣмъ слѣдуетъ сказать, что отеческая или агнатическая семья явилась не вслѣдствіе признанія родства между родителемъ и рожденнымъ, а вслѣдствіе подчиненія женщины ея мужу и господину ¹⁾ или, какъ выражается Dargun ²⁾, вслѣдствіе права собственности мужа надъ женою и дѣтьми. Кровная связь между родителемъ и дитятей и для агнатической семьи есть явленіе болѣе позднее, чѣмъ она сама. Можно даже сказать, что только современной науцѣ удалось установить фізіологическую связь ребенка съ его отцемъ ³⁾. Понятно, что признаніе первоначальнаго родства только по матери есть болѣе или менѣе достовѣрная гипотеза, основанная на логическихъ посылкахъ, взятыхъ изъ современныхъ намъ понятій; но, какъ увидимъ далѣе, есть и фактическія данныя, подтверждающія достовѣрность ея. Наконецъ еще одно замѣчаніе. Бакхофенъ ⁴⁾, выдвинувшій вопросъ о материнствѣ въ науцѣ, впалъ однако въ заблужденіе, утверждая, что господство родства исключительно по матери обусловливало господствующее положеніе для женщины въ общинѣ, между тѣмъ какъ мужчины занимали положеніе зависимое. Эта гипотеза гинекократіи нашла себѣ слабую поддержку между специалистами, а въ настоящее время оставлена ⁵⁾. Наблюденія надъ обычаями современныхъ дикарей, знающихъ еще гетеризмъ, показало, что и при такомъ состояніи половыхъ отношеній первенствующую роль въ общинѣ играетъ мужчина,

¹⁾ Ср. *Kohler*, Indisches Ehe-und Familienrecht, въ Z. f. v. R. В. III, p. 39

²⁾ *Ib.* p. 59. Впрочемъ и самъ *Friedrichs* *ib.* p. 377. приходитъ къ тому же заключенію. Возражая противъ положенія, что материнство явилось вслѣдствіе неизвѣстности отчества и наглядности родства съ родительницей, онъ говоритъ (p. 377), что истинной причиной появленія материнства было отсутствіе понятія объ отчествѣ. Но въ томъ-то и дѣло, почему же можно предполагать, что отчество не было извѣстно.—*Friedrichs* предлагаетъ принять еще стадію, предшествующую материнству,—вѣсемеянаго или бесемеянаго состоянія. p. 380.

³⁾ *Kohler* *ib.* p. 393.

⁴⁾ D. Mutterrecht.

⁵⁾ Ср. *Ковалевскій*, Родъ. p. 108, 129. *Gide*, *ib.* p. 228.

не смотря на то, что родство считается по матери. Именно дядя со стороны матери является главой родовой группы. Остатки этого порядка можно видѣть въ обычаяхъ древнихъ германцевъ, передаваемыхъ намъ Тацитомъ (*Germania*, сар. 20), который говоритъ, что отцу и дядѣ по матери (*avunculus*) почетъ въ семьѣ одинаковъ и что нѣкоторые даже предпочитаютъ родство къ дядѣ, какъ болѣе священное и болѣе тѣсное ¹⁾.

Существованіе въ древности гетеризма подтверждается нижеслѣдующими свидѣтельствами греческихъ и римскихъ историковъ. На первомъ мѣстѣ стоятъ свидѣтельства Геродота, наиболѣе рельефно представляющія намъ первичное положеніе вещей. Въ своей „Исторіи“ ²⁾, въ параграфѣ 203 книги первой онъ говоритъ о кавказскихъ горцахъ слѣдующее: „половыя сношенія у этихъ народовъ совершаются открыто, какъ въ стадахъ животныхъ“; затѣмъ въ книгѣ 3-й, § 101: „половыя отправленія у всѣхъ перечисленныхъ мною индійцевъ совершаются открыто, какъ у скотовъ; 4-я, § 176: „женщины гиндановъ носятъ вокругъ лодыжекъ множество кожаныхъ колецъ, какъ рассказываютъ, по такой причинѣ: послѣ каждаго сообщенія съ мужчиной женщина навязываетъ себѣ кожаное кольцо и та, которая имѣетъ наиболѣе такихъ колецъ, считается наилучшею, такъ какъ имѣла любовную связь съ наибольшимъ числомъ мужчинъ;“ 4-я, § 180: „сообщеніе съ женщинами у Авсеевъ смѣшанное, браковъ они не знаютъ и сообщаются какъ животныя. Каждый мѣсяцъ мужчины ихъ собираются въ одно мѣсто, и если ребенокъ какой-нибудь женщины пришелъ къ тому времени въ возрастъ, то онъ считается сыномъ того изъ мужчинъ, на котораго похожъ;“ вн. 4-я, § 104: „женщинами агафирсы пользуются сообща съ тою цѣлю, чтобы всѣмъ быть братьями между собою и не возбуждать другъ въ другѣ ни зависти, ни вражды.“

Таковы свидѣтельства, прямо говорящія о существованіи гетеризма. Первые два изъ нихъ представляютъ намъ людей, стоящихъ

¹⁾ Ср. еще *Dargun*, p. 57.

²⁾ *Геродотъ*, Исторія въ девяти книгахъ. Переводъ проф. *Θ. Мищенко* съ предисловіемъ и указателемъ. Т. 1 и 2. 1885—86. Свидѣтельства Геродота приведены въ нѣкоторую систему въ статьѣ *Bernhöfva* въ *Zeitschrift für vergleichende Rechtswissenschaft*, Bd. VIII, p. 161 fg.

на одинаковой ступени съ животными; эти люди „питаются дикими лѣсными деревьями“ и совокупаются, какъ животныя въ стадѣ. Болѣе низкаго положенія для человѣка нельзя себѣ и представить; здѣсь нѣтъ еще никакихъ правилъ, одно—проявленіе животныхъ инстинктовъ. Три прочія свидѣтельства говорятъ о людяхъ, уже нѣсколько поднявшихся по лѣстницѣ культуры. Здѣсь отмѣчено намъ существованіе понятій, для выработки которыхъ требовалось продолжительное время, напр. понятіе о связи между сыномъ и отцемъ; но тѣмъ не менѣе и здѣсь ясно отмѣчено отсутствіе брака и существованіе безпорядочнаго полового сожитія. Ведущіе такой образъ жизни народы представляются намъ Геродотомъ ничего не знающими о чемъ-либо лучшемъ или вышемъ; агаѳирсы даже прославляютъ свои обычаи (быть можетъ, проводя параллель съ обычаями другихъ), какъ самыя совершенныя.

Далѣе слѣдуетъ рядъ свидѣтельствъ того же Геродота, но уже косвенно подтверждающихъ отсутствіе брака и господство гетеризма; въ нихъ гетеризмъ представляется уже не въ видѣ вообще дѣйствующаго обычая, не въ видѣ общаго правила, а какъ явленіе добавочное, имѣющее уже второстепенное значеніе и постепенно вымирающее. Книга 1-я, § 93: „вообще въ средѣ лидійскаго народа всѣ дочери занимаются проституціей, собирая себѣ такимъ образомъ приданное; они дѣлаютъ это до замужества и выдаютъ себя замужъ сами;“ Кн. 5-я, § 6: „у прочихъ еравіяхъ существуетъ обычай продавать своихъ дѣтей на чужбину. За дѣвцами они не наблюдаютъ, дозволяя имъ вступать въ связь съ мужчинами по собственному выбору; напротивъ замужнія женщины у нихъ строго сохраняются; жены покупаются у родителей за большія деньги.“ Кн. 1-я, § 216: „обычай массагетовъ таковъ: хотя каждый изъ нихъ женится на одной женщинѣ, но женами они пользуются сообща. По словамъ эллиновъ, таковъ обычай и скиновъ; на самомъ дѣлѣ такъ поступаютъ не скивы, а массагеты. Если какойнибудь массагетъ пожелаетъ имѣть сообщеніе съ женщиной, онъ вѣшаетъ колчанъ свой передъ ея повозкой и сообщается спокойно.“ Кн. 4-я, § 172. „По обычаю каждый изъ насамоновъ имѣетъ много женъ, но женщинами они пользуются сообща, поступая при этомъ такъ же, какъ и массагеты . . . Въ силу другаго обычая, невеста насамона обходитъ всѣхъ гостей и сообщается съ ними, при чемъ каждый сообщающійся предлагаетъ ей подарокъ;“ и наконецъ

кн. 1-я, § 199: у вавилонянъ . . . каждая туземная женщина обязана разъ въ жизни имѣть сообщеніе съ иностранцемъ въ храмѣ Афродиты... Послѣ сообщенія и, слѣдовательно, выполненія священнаго долга относительно богини (Афродиты) женщина возвращается домой и съ этого времени нельзя ее имѣть ни за какія деньги. Подобный обычай существуетъ и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ на Кипрѣ.

Въ этихъ свидѣтельствахъ первоначальный гетеризмъ является въ видѣ переживаній, но эти переживанія не представляются только воспоминаніями о быломъ, а еще живыми остатками,—прежніе обычай живутъ и дѣйствуютъ, хотя рядомъ съ ними явились уже новые и даже получили перевѣсъ. Особенно ясно отмѣчаютъ переходное время извѣстія о массагетахъ и насамонахъ (кн. 1-я, § 216 и кн. 4-я, § 172): здѣсь можно наблюдать совмѣстное существованіе двухъ противоположныхъ началъ—гетеризма и брака (индивидуальнаго)—безъ видимаго перевѣса того или другаго; другія же свидѣтельства говорятъ о гетеризмѣ, какъ обычай отживающемъ, который однако еще исполняется, какъ завѣтъ старины, нерѣдко священный и угодный богамъ; но рядомъ съ нимъ выросъ обычай ему противоположный, въ силу котораго женщина дѣлается достояніемъ своего мужа и для постороннихъ мужчинъ уже недоступна.

Таковы извѣстія одного изъ замѣчательнѣйшихъ историковъ древности. Нельзя не признать, что его свидѣтельства довольно ясно и опредѣленно подтверждаютъ гипотезу о первобытномъ гетеризмѣ у нѣкоторыхъ, если не у всѣхъ, народностей тогдашняго времени, стоявшихъ на низкой ступени культуры; они настолько реальны и рельефны, что производятъ такое впечатлѣніе, будто это снимки съ натуры; наблюдалъ ли Геродотъ самъ лично описываемые имъ нравы, или онъ воспроизвелъ ихъ по сообщеніямъ другихъ, во всякомъ случаѣ его описанія носятъ на себѣ печать жизни дѣйствительной, а не вымысла. Существовавшія сомнѣнія относительно достовѣрности сообщеній Геродота устраняются, помимо этой бьющей въ глаза ихъ жизненной правдивости, еще и тѣмъ, что наблюденія надъ жизнью современныхъ намъ дикихъ народовъ знакомятъ насъ съ обычаями, подобными описаннымъ Геродотомъ; то, что прежде въ записяхъ Геродота казалось вурьезнымъ или чудовищнымъ, теперь получаетъ значеніе неоспоримаго факта, вслѣдствіе сопоставленія съ несомнѣнными явленіями современной намъ жизни.

Второе по ясности мѣсто занимають свидѣтельства географа Страбона ¹⁾. Въ книгѣ 4-й, главѣ 5-й, параграфѣ 4-мъ онъ говоритъ: „жители Британіи—людоѣды, совокупляются открыто со всѣми женщинами, даже съ матерями и сестрами.“ Кн. 7-я, гл. 3., § 7: „скиномъ, за исключеніемъ мечей и чашъ, всѣмъ остальнымъ владѣють сообща и прежде всего женщинами и дѣтьми.“ Кн. 7-я, гл. 3., § 9: „скиномъ имѣють все общее, даже женъ и дѣтей. . . .“ Кн. 16-я, гл. 4., § 17: „женщины и дѣти у троглодитовъ общія, за исключеніемъ тирановъ“.—Эти свидѣтельства прямо указываютъ на существовавшій гетеризмъ; особенно рѣзко очерчены обычаи британскіе.—Затѣмъ слѣдуютъ указанія того же автора, но подтверждающія лишь косвенно гипотезу о первоначальномъ безпорядочномъ половомъ сожитіи. Сюда относится прежде всего свидѣтельство о массагетахъ, о которыхъ говорилъ и Геродотъ. Кн. 11-я, гл. 8-я, § 6: „массагеты—хотя каждый изъ нихъ имѣетъ одну жену, пользуются и чужими женами и вовсе не тайно.“ Далѣе, кн. 16. гл. 1. § 20: „для всѣхъ вавилонскихъ женщинъ существуетъ, въ силу изреченія оракула, такой обычай: отправившись въ большой толиѣ и съ большими церемоніями въ какой нибудь храмъ Афродиты, онѣ сообщаются тамъ съ иностранцами. Каждая изъ нихъ имѣетъ при этомъ на головѣ вѣнокъ. Подходящій къ ней владеть ей на колѣни столько денегъ, сколько, ему кажется, подобаешь, отводить ее далеко отъ храма и тамъ сообщается съ ней, а деньги посвящаются Афродитѣ.“ Кн. 8-я, гл. 6-я, § 20: „въ Коринѣ въ храмѣ Афродиты въ качествѣ прислужницъ было болѣе тысячи гетеръ, которыхъ посвящали богинѣ мужчины и женщины.“ Ср. Кн. 12-я, гл. 13, § 34. Кн. 15-я, гл. 3-я, § 20: „магама (у Персовъ) по древнему обычаю дозволяется имѣть сообщеніе съ матерью“.—Въ словахъ Страбона а массагетахъ ясно отразилось то переходное состояніе, о которомъ говорилъ Геродотъ въ вышеприведенномъ мѣстѣ,—бракъ и гетеризмъ существуютъ рядомъ или, лучше сказать, господствуетъ гетеризмъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ зарождается понятіе о бракѣ. Прочія мѣста изъ Страбона говорятъ о гетеризмѣ, какъ о явленіи быломъ, воспоминаніе о которомъ сохраняется въ видѣ обычая у женщинъ

¹⁾ *Strabonis Rerum geographicarum libri XVII. Siebenkees et Tzschuycke. Lipsiae. 1808.*, а также *Θ. Мищенко, Географія Страбона. М. 1879.*

проституировать себя передъ замужествомъ, а также въ видѣ существованія при храмахъ Афродиты—богини гетеризма—особыхъ прислужницъ (аналогичныхъ индусскимъ баядеркамъ), поддерживавшихъ культъ богини исполненіемъ не только религіозныхъ церемоній, но также исполненіемъ религіозныхъ обязанностей гетеры. Наконецъ на былой гетеризмъ и притомъ въ самой его первичной формѣ указываютъ извѣстіе о совокупленіи съ матерью у персидскихъ маговъ въ силу древняго обычая.

Далѣе слѣдуютъ извѣстія Плутарха ¹⁾, дѣлающаго намеки на существованіе гетеризма. Такъ въ жизнеописаніи Ликурга (глава 15-я) онъ говоритъ о похищеніи женщинъ всей общиной изъ сосѣднихъ племенъ и о пользованіи ими сообща. Хотя бракъ уже существуетъ, но рядомъ съ нимъ сохраняется обычай изъ временъ гетеризма, въ силу котораго всякій имѣлъ право потребовать жену у ея мужа для совокупленія съ ней; дѣти при этомъ составляли достояніе государства, а не отдѣльныхъ лицъ ²⁾. То же самое, но менѣе ясно, сказано Плутархомъ въ сравненіи Ликурга съ Нумой (глава 3-я).

Діонисій Галикарнасскій также даетъ довольно ясное указаніе на гетеризмъ въ слѣдующемъ мѣстѣ своихъ „Римскихъ древностей“ ³⁾:
 et . . . . . quum agitur de nuptiis et consuetudine virorum cum feminis . . . alii quidem, exemplum a brutis (τῶν θηρῶν) sumentes, solutos et communes (κοινὰς) concubitus maris cum femina fecerunt, quod hoc modo humanam vitam ab amatoriis furoribus a se liberatum iri putarent et zelotypiam mutuarum caedium causa esse judicarent...; alii vero expulerunt e civitate protervos et belluinos concubitos, viros singulos cum singulis mulieribus conjungentes. . . . .
 Первобытный, некультурный человѣкъ, по примѣру животныхъ, не знаетъ брака, говорить Діонисій, и состоитъ въ безпорядочномъ половомъ общеніи со

¹⁾ *Plutarchi vitae. Recognovit Theod. Doehner. Graece et latine. Parisiis. 1857.*

²⁾ *Lycurgus . . . egregieque instituit ut omni libidine a conjugio remota, tamen inter dignos societatem liberorum procreationisque eorum sineret. . . . Vicissim facultas datur viro bono, si quam fecundam atque castam mulierem alii matrimonio junctam in admiratione haberet, ut eam a viro impetraret, congressusque cum ea tanquam in solo fertili bonos liberos sereret . . . . . Primum enim Lycurgus existimabat liberos non esse parentum proprios, sed communes civitatis: itaque non ex quibuscunque hominibus, sed ex optimis nasci cives volebat.*

³⁾ *Dionisii Halicarnassensis opera. Antiquitates romanae. Graece et latine. Curavit Io. Iac. Reiske. Lipsiae. Cap. 24.*

всѣми женщинами своей общины; но люди болѣе культурные изгоняютъ изъ общины такой постыдный, звѣринный способъ половыхъ сношеній и вводятъ союзъ опредѣленнаго мужчины съ опредѣленною женщиною; такимъ образомъ первоначальный гетеризмъ замѣняется послѣдующимъ (индивидуальнымъ) бракомъ.

Косвенныя указанія на существовавшій нѣкогда гетеризмъ можно найти еще у Валерія Максима и Тацита. Валерій Максимъ во второй книгѣ своихъ *Memorable* ¹⁾ (глава 6-я, параграфъ 15-й) говоритъ, что въ городѣ *Sicca* въ Африкѣ былъ храмъ Венеры, куда собирались женщины и откуда отправлялись промышлять своимъ тѣломъ, собирая себѣ такимъ образомъ приданое для вступленія въ бракъ. Въ словахъ В. Максима намъ засвидѣтельствованъ обычай, подобный обычаямъ вавилонскихъ и коринѣскихъ женщинъ, о чемъ упоминаютъ Геродотъ и Страбонъ въ вышеприведенныхъ мѣстахъ; до замужества женщина свободна въ половыхъ сношеніяхъ, она можетъ воспользоваться этимъ временемъ и, торгуя своимъ тѣломъ, собрать приданое, но, выйдя замужъ, она становится подъ власть своего мужа и господина и съ тѣхъ поръ уже не принадлежитъ сама себѣ.—Тацитъ (*Germania*, cap. 20) ²⁾ указываетъ на сохранившійся до него обычай у Германцевъ отдавать такое же почтеніе дядѣ по матери, какъ отцу, въ чемъ можно видѣть остатокъ старины, именно того времени, когда дядя по матери былъ главою семьи, группирующей около женщины и не знающей еще родства по отцу, а это составляетъ признакъ гетеризма ³⁾.

¹⁾ *Bibliothèque latine—française. Publiée par Jules Pierrot. Ed. Panckoucke. Paris 1827: Cui gloriae punicarum feminarum, ut ex comparatione turpius appareat, dedecus subnectam. Siccae enim fanum est Veneris, in quod se matronae conferebant, atque inde procedentes ad quaestum dotes corporis injuria contrahebant, honesta nimirum tam inhonesto vinculo conjugia juncturae.*—Ср. сходное извѣстіе Геродота (I 93), утверждающаго, что вообще среди лидійскаго народа всѣ дочери занимаются проституціей, собирая себѣ такимъ образомъ приданное.

²⁾ *Sororum filiis idem apud avunculum qui apud patrem honor, quidam sanctiorem artioremq; hunc nexum sanguinis arbitrantur. . .* На это мѣсто въ особенности опирается Dargun, какъ на доказательство существованія материнства у древнихъ Германцевъ. Ср. *ib. p.*, 21.

³⁾ Ср. еще свидѣтельства, приводимыя у *Gide*, *ib. p.* 19. Во первыхъ *Θεόπολις* (*Athens*, XII. 14): „νόμον εἶναι, φησὶ, παρὰ τοῖς Ἑλλήνοισι, κοινὰς ὑπάρχειν τὰς γυναῖκας“, и затѣмъ *Solin* (30): „*Garamantici Aethiopes matrimonia privatim nesciunt . . . Inde est quod filios matres tantum recognoscunt, paterni nominis nulla reverentia est.*“

Указаніе на былой гетеризмъ у евреевъ видятъ ¹⁾ въ томъ, что древне-еврейское право допускало браки между единокровными братомъ и сестрой и не допускало брака между братомъ и сестрой единоутробными; такъ Авраамъ и Сара были братъ и сестра по отцу.— Намекъ на существованіе гетеризма у древнихъ грековъ видятъ ²⁾ въ словахъ Варго, приводимыхъ бл. Августиномъ въ сочиненіи „оградѣ божіемъ“ (XVIII, 9), изъ которыхъ видно, что Аѳиняне назывались по матери, а не по отцу. Это извѣстіе слѣдуетъ привести въ связь съ извѣстіемъ Геродота (книга 1-я, § 103), говорящаго, что Ликійцы назывались и вели свою генеалогію также по матерямъ своимъ, а не по отцамъ ³⁾; затѣмъ о существованіи гетеризма у Аѳинянъ можно догадываться на основаніи разрѣшенія браковъ между единокровными братьями и сестрами, какъ не состоящими между собою въ (близкой) родственной связи.

Довольно ясное указаніе на гетеризмъ у спартанцевъ находится у Плутарха (*Comparatio Lycurgi et Numae*, С. 3 Перев. Doehner)... *at spartanus huic, qui a se petiisset usum propriae uxoris ad suscipiendos liberos permittebat, manente ea secum domi suae ac conjugii jure pristino nihil labefacto. Multi etiam, ut diximus, eos, quorum ex concubitu suas uxores formosam et bonam sobolem sperabant concepturas, exoratos ad eas introducebant . . . . Quippe domi omne imperium habebant . . . .* Наконецъ, существованіе гетеризма у древнихъ грековъ подтверждаютъ ссылкой на положеніе гетеръ во времена историческія: у грековъ не было и мысли видѣть въ гетеризмѣ

¹⁾ *Wilken G. Das Matriarchat bei den alten Arabern. Leipz. 1884. p. 41, anm. 3.*, тамъ же приведены интересныя сближенія *Robertson Smith*, подтверждающія существованіе гетеризма у древнихъ евреевъ.—Для характеристики еврейской семьи интересно, что среди заповѣдей, установившихъ первыя и важнѣйшія основы существованія народа еврейскаго, есть постановленія о святости семьи (5-я заповѣдь) и о святости брака (7-я и 10-я); не были ли эти основы еще шатки у евреевъ того времени.—Намекъ на былой гетеризмъ можно, пожалуй, видѣть и въ томъ, что рабъ Авраама даетъ подарки за Ревекку ея матери и дядѣ; о подаркахъ отцу ея не говорится (Бытіе. XXIV, 53), вѣроятно потому, что дядя по матери имѣлъ еще большое вліяніе.

²⁾ *Wilken, ib. p., 42.* Вотъ слова Августина: *ut nulla ulterius ferrent suffragia, ut nullus nascentium maternum nomen acciperet.*

³⁾ Ср. *Gide*, p. 17., и приведенныя имъ въ прим. 3 извѣстія другихъ древнихъ писателей, подтверждающихъ сообщеніе Геродота (*Nicolas de Damas, Héraclide de Pont, Solin etc.*). Ср. еще *Плутархъ, De virtutibus mulierum: Λοχιαί.*

что то безнравственное; благороднѣйшіе мужи, даже самъ Сократъ, не стыдились вступать въ сношенія съ гетерами и можно связать, что въ нравственныхъ понятіяхъ грековъ жила еще идея, будто свободное, ничѣмъ не стѣсняемое половое общеніе есть явленіе „естественное“ и „правильное“, а принадлежность женщины одному мужчинѣ—насиліе“ ¹⁾ ²⁾.

Существованіе гетеризма у славянъ довольно ясно засвидѣтельствовано нѣкоторыми источниками. Таково сказаніе Козьмы Празскаго о чехіи, говорящаго: . . . et ipsa concubia erant illis communia, nam more recudum singulas ad noctes novos probant humeneos et ferrea amoris rumpunt vincula surgente aurora trium gratiarum sorulam . . . ³⁾ Сказаніе это дышетъ безыскусственной простотой подлиннаго событія и стоитъ близко къ записямъ Геродота, какъ по формѣ, такъ и по содержанію.—Наша Лѣтопись Нестора говоритъ уже о бракѣ индивидуальномъ въ его первичной формѣ—похищенія; но и въ ея сказаніяхъ слышатся намеки на гетеризмъ былой и, быть можетъ, даже современный. Несторъ, описывая кроткихъ полянъ, говоритъ, что они „стыдѣнье въ снохамъ своимъ и къ сестрамъ и къ матерямъ и къ родителямъ своимъ, къ свекровемъ и къ деверемъ велико стыдѣнье имѣху;“ а „древляне . . . живуще скотѣски: убиваху другъ друга . . . и брака у нихъ не бываше, но умывиваху у воды дѣвица.“ Это указаніе на существующее уже у полянъ „стыдѣнье“ и умолчаніе о чемъ либо подобномъ у древлянъ даетъ поводъ думать, что древляне такого стыдѣнья не знали и вступали въ совоушленіе съ близкими родственниками и свойственниками; въ связи съ этимъ и въ словахъ „умывиваху у воды дѣвица“ можно видѣть намекъ на отсутствіе индивидуальнаго полового союза.—Существованіе гетеризма въ

¹⁾ *Bernhöft Fr.* Zur Geschichte des europäischen Familienrechts, въ Zeitschrift für vergleichende Rechtswissenschaft, 8-ter Band. p. 173.—О значеніи Аспазіи см. *Плутарха*. Pericles c. 24.

²⁾ Отдаленные отголоски гетеризма можно найти еще у *Плутарха* въ статьѣ о Соловѣ, с. 20.

³⁾ Приведено у *Шульгина*. О состояніи женщинъ въ Россіи до Петра Великаго. Кіев. 1850 р. 9 и 80.—Болѣе подробнѣе указанія у *Котляревскаго*. Древности права балтійскихъ Славянъ. Ч. 1-я, р. 85, но выводъ Котляревскаго, отвергающаго гетеризмъ у Славянъ и устраниющаго свидѣтельства Козьмы безъ объясненія причинъ, представляется намъ произвольнымъ.

древнее время у славянъ русскихъ подтверждается, затѣмъ, многочисленными переживаніями, которыя намъ засвидѣтельствованы историческими памятниками позднѣйшаго времени и наблюдаются даже теперь въ видѣ брачныхъ обычаевъ и празднествъ въ честь старухъ, языческихъ боговъ. Подробныя указанія на эти переживанія собраны въ трудахъ проф. А. И. Загоровскаго ¹⁾ и М. Ковалевскаго ²⁾,—въ особенности характерны историческія свидѣтельства о свободномъ общеніи между полами на игрищахъ. Подобныя же переживанія сохранились во множествѣ и въ жизни инородцевъ Россіи, въ особенности у племенъ, живущихъ на окраинахъ ³⁾.

Рядъ приведенныхъ свидѣтельствъ можно было-бы далеко продолжать, приводя подобныя же изъ жизни иныхъ культурныхъ или полукультурныхъ народностей ⁴⁾; но это отвлекло бы насъ далеко отъ нашей главной задачи, и потому мы ограничиваемся сказаннымъ, считая возможнымъ на основаніи его присоединиться ко взглядамъ ученыхъ, признающихъ въ развитіи понятій о бракѣ и семьѣ стадію, предшествующую браку индивидуальному и патриархальной семьѣ ⁵⁾. Но при этомъ слѣдуетъ оговориться, что при настоящемъ положеніи вопроса

¹⁾ Проф. *Загоровскій А. И.* О разводѣ по русскому праву. Хар. 1884. р. 106 и 107.

²⁾ *Ковалевскій М.*, *ib.* Семья. р. 3 и слѣд.—Проф. *М. Ф. Владимірскій-Будановъ* (Обзоръ исторіи русскаго права. Вып. 2-ой, Кіевъ, 1886, р. 87 слѣд.), не придавая значенія вышеуказаннымъ свидѣтельствамъ или понимая ихъ иначе, утверждаетъ, что у „древнеславянскихъ племенъ отсутствіе коммунальнаго брака и материнскаго права въ историческое время не подлежитъ сомнѣнію.“

³⁾ Интересенъ обычай, практикующійся у туркменовъ: гость, оставшійся ночевать въ кибиткѣ, гдѣ есть взрослая дѣвушка, долженъ исполнить по отношенію къ ней долгъ, называемый: куймына—бару (лѣзть за пазуху). Ср. „Русскій Туркестанъ“, статья *Ибраһимова*, р. 146. Подобный обычай практикуется и у кавказскихъ горцевъ. Объ обычаяхъ, напоминающихъ гетеризмъ у этихъ горцевъ, см. *Дубровинъ Н.* Исторія войны и владѣчества русскихъ на кавказѣ. Т. 1-й, книга 1-я. Спб. 1871. р. 128, а также проф. *Леонтовичъ*, Адамы кавказскихъ горцевъ, р. 173, въ особенности *Ковалевскій М.* Законъ и обычай на кавказѣ. Т. 1-ый, р. 12 слѣд. О инородцахъ сѣверныхъ см. проф. *Загоровскій*, *ib.* 107, прим. 1.

⁴⁾ Ср. напр. *Kohler* (въ *Zeitschrift f. vergl. Rechtswissenschaft*, Bd. V). Studien über Frauengemeinschaft etc. р. 394. fg.

⁵⁾ Остатки гетеризма у различныхъ народностей стараго свѣта, европейскихъ и азіатскихъ (напр. индусовъ), собраны въ трудахъ соціологовъ и слѣдующихъ за ними юристовъ: *Giraud Teulon. A.* Les Origines du mariage et de la famille. 1884. р. 150 sq. 329 sq. *Dargun*, *ib.* р. 1 fg. *Ковалевскій*. Первоб. прав. Семья, р. 7 слѣд.

нельзя еще рѣшить, было ли какое либо единообразіе у различныхъ народовъ въ отношеніи къ гетеризму, и можно ли найти зависимость и послѣдовательность между различными видами его, засвидѣтельствованными намъ древними авторами и сохранившимися въ переживаніяхъ. Такъ, невозможно рѣшить, появился ли въ началѣ гетеризмъ въ видѣ того вполне дикаго состоянія, когда люди жили подобно дикимъ звѣрямъ и, ничѣмъ не сдерживаясь въ половыхъ отношеніяхъ, совокуплялись, слѣдуя только одному половому инстинкту ¹⁾, и лишь потомъ только перешли къ болѣе высшей формѣ, такъ называемаго, гетеризма клановаго, при которомъ половыя отношенія ограничены были предѣлами клана, братства etc., но внутри этихъ соединеній ничѣмъ не стѣснялись ²⁾, или же и эта вторая форма беспорядочнаго полового общенія была также первоначальной, но только у другихъ народностей. Приведенныя нами свидѣтельства, да и вообще всѣ свидѣтельства, собранныя въ этой области, не даютъ еще достаточно данныхъ для рѣшенія подобныхъ вопросовъ. Напротивъ нѣкоторые изъ этихъ свидѣтельствъ указываютъ намъ ясно на постепенный переходъ первоначальнаго гетеризма въ союзъ брачный или бракъ индивидуальный; при чемъ сохранились и тѣ промежуточныя ступени нерѣшительнаго, переходнаго положенія, которыя указываютъ какъ на порядки старыя, такъ и на смѣнившіе ихъ впоследствии. Изъ двухъ, приведенныхъ выше свидѣтельствъ о массагетахъ (Геродота, I, § 216 и Страбона XI, гл. 8, § 6) мы видимъ, что хотя каждый массагетъ имѣетъ одну жену, но они пользуются женщинами сообща т. е. пользуются прямо и открыто и чужими женами. Тоже самое говоритъ Геродотъ (IV, § 172) и о насамонахъ, указывая при этомъ на существованіе брака еще яснѣе, чѣмъ въ раньше упомянутомъ мѣстѣ ³⁾.

¹⁾ Такими представлены намъ Геродотомъ (см. выше) кавказскіе горцы и авсеи, такими же изображены Козьмой Пражскимъ чехи и, пожалуй, нашей лѣтописью древліе, витичи и сѣверь.

²⁾ Ковалевскій М. Законъ и обычай, р. 12.

³⁾ Авторы, свидѣтельствующіе намъ о гетеризмѣ въ древности, болшею частію не были очевидцами сообщаемыхъ ими фактовъ, а потому обыкновенно прибавляютъ къ своему повѣствованію оговорки: „говорятъ“, „передаютъ“ etc. Это обстоятельство, по мнѣнію нѣкоторыхъ (*Letourneau. L'évolution du mariage et de la famille. Par. 1888. p. 55*), говоритъ противъ достовѣрности ихъ сообщеній. Но я вижу въ этихъ оговоркахъ, наоборотъ, подтвержденіе достовѣрности свидѣтельствъ, ибо авторы, очевидно, добросовѣстно относятся къ своимъ сообщеніямъ и не измышляютъ ихъ.

Очевидно, эти мѣста говорятъ о времени, когда появилась уже идея брака (индивидуальнаго) и рядомъ съ этимъ сохранялись еще воззрѣнія и привычки отъ пережденнаго уже періода внѣбрачнаго полового сожитія.—Далѣе слѣдуетъ еще оговориться, что при настоящемъ положеніи вопроса нельзя еще положительно рѣшить: признать ли за свидѣтельствоваанный намъ у нѣкоторыхъ народовъ гетеризмъ явленіемъ всеобщимъ, неизбѣжнымъ, необходимою ступенью въ исторіи культуры, или только особенностію этихъ народностей, по условіямъ ихъ быта прошедшихъ черезъ такую ступень, между тѣмъ какъ другія народности ея вовсе не знали и начали прямо съ индивидуальнаго брака.

Существуетъ общераспространенная соціологическая гипотеза, согласно которой весь человѣческій родъ прошелъ черезъ первоначальный гетеризмъ¹⁾. Но нѣкоторые изъ современныхъ соціологовъ и юристовъ, останавливавшіеся на этомъ вопросѣ, пришли къ противоположному выводу. Такъ, французскій писатель *Ch. Letourneau* выражаетъ сомнѣніе во всеобщности безбрачной половой связи у первобытныхъ народовъ, признавая ее существующею лишь у нѣкоторыхъ изъ нихъ²⁾. Онъ опирается при этомъ отчасти на недостатокъ положительныхъ извѣстій, но главнымъ образомъ на параллель между человѣкомъ и близко къ нему стоящими млекопитающими животными. Послѣднія (напр. обезьяны), говоритъ онъ (р. 47), придерживаются то моногаміи, то полигаміи, но беспорядочнаго полового сношенія не терпятъ; тѣмъ болѣе человѣкъ въ этомъ отношеніи долженъ быть поставленъ выше. Однако, какъ сказано, самъ *Letourneau* (р. 48) признаетъ существованіе половой беспорядочности у нѣкоторыхъ народностей, хотя только въ видѣ исключенія; это положеніе его стоитъ въ противорѣчій со сказаннымъ раньше. Если млекопитающіяся животныя не допускаютъ беспорядочныхъ половыхъ отношеній (доказа-

¹⁾ Этого воззрѣнія придерживаются напримѣръ: *Леббокъ Дж.* Начала цивилизаціи. *Giraud-Teulon*, *ibid.* *Kohler* статьи въ *Zeitschrift für vergleichende Rechtswissenschaft*, проф. *Ефимовъ В. В.* Очерки по исторіи древне-римскаго родства и наслѣдованія. *Ковалевскій М.* въ вышеуказанныхъ сочиненіяхъ, *Gide* въ вышеазванномъ сочиненіи р. 21; основателями его были англійскіе авторы *Макъ-Ленанъ* и *Маргонъ*.

²⁾ „L'évolution du mariage“, р. 47—48, 67—68: „on est fondé a croire que le regime, si inferieur, de la promiscuité n'a jamais été qu'exceptionnel dans l'humanité.“ „promiscuité humaine n'a pu être que rare et exceptionnelle, que la théorie de la communauté des femmes et de l'hétairisme obligatoires ne supporte pas l'examen.“

тельствъ этого впрочемъ авторъ не приводитъ, вѣроятно, предполагая фактъ общеизвѣстнымъ), а человекъ ихъ допускаетъ, хотя бы и въ видѣ исключенія, то очевидно, что между ними нельзя проводить сравненія, нельзя пользоваться фактами изъ жизни однихъ для предположеній относительно другихъ; изъ сравненія можно вывести только одно заключеніе, что человекъ въ данномъ случаѣ стоитъ ниже другихъ млекопитающихся; насколько такой выводъ достовѣренъ, судить не берусь. За устраненіемъ параллели между человекомъ и животными и другое мнѣніе Letourneau—о существованіи гетеризма только въ исключительныхъ случаяхъ—слѣдуетъ признать мало доказаннымъ. Правда, что извѣстія, на основаніи которыхъ можно судить о существованіи гетеризма въ древности, обыкновенно, отрывочны, скудны; но, признавая ихъ, нельзя придти къ выводу объ исключительности гетеризма. Даже приведенныя нами извѣстія и факты—хотя они далеко не обнимаютъ всѣхъ имѣющихся данныхъ—прямо или косвенно, но во всякомъ случаѣ довольно ясно свидѣтельствуютъ намъ о широкой распространенности гетеризма у различныхъ народностей, разсѣянныхъ по лицу земли. Нельзя сказать, чтобы извѣстія о первоначальной безпорядочности въ половыхъ сношеніяхъ были малочислены и чтобы она поэтому представлялась исключительнымъ явленіемъ; но, съ другой стороны, мало данныхъ и для признанія ея явленіемъ всеобщимъ, свойственнымъ всякому народу въ его первобытномъ состояніи. Быть можетъ со временемъ и соберется достаточно фактовъ для положительнаго рѣшенія этого вопроса; но вѣроятно же, что онъ останется навсегда темнымъ вслѣдствіе недостатка, неясности и противорѣчивости свидѣтельствъ.

Гипотеза о первоначальномъ гетеризмѣ встрѣтила и другаго противника, противника принципіальнаго—въ лицѣ Г. С. Мэна, который, будучи приверженцемъ господствующей патріархальной теоріи о происхожденіи семьи и брака, горячо выступилъ противъ взглядовъ соціологовъ (и прежде всего противъ основателей соціологической теоріи—Моргана и Макъ-Ленана). Разсмотримъ и попытаемся оцѣнить его возраженія въ томъ порядкѣ, въ какомъ онъ ихъ ставитъ ¹⁾. „Патріархальная

¹⁾ Пр. Ковалевскій М. (Первобытное право. Родъ. р. 100 слѣд.) сдѣлалъ опроверженіе существеннѣйшихъ положеній Мэна; мы отчасти опираемся на его выводы.

теорія, говорить онъ ¹⁾, есть теорія происхожденія обществъ изъ отдѣльныхъ семей, объединенныхъ властію и защитою старѣйшаго по лѣтамъ восходящаго родственника мужскаго пола“ (р. 150). Ей противопоставляется въ настоящее время другая теорія происхожденія обществъ не изъ семьи, а изъ кочующей орды (р. 152), т. е. такого общества мужчинъ и женщинъ, въ которомъ отношенія между полами первоначально ничѣмъ не регулировались, но которое съ теченіемъ времени, пройдя черезъ различныя стадіи ограниченій, достигло наконецъ семьи патріархальной или иной какойнибудь. Современный общественный строй такимъ образомъ, въ глазахъ приверженцевъ второй теоріи, является результатомъ послѣдовательнаго измѣненія того состоянія, основной чертой котораго было беспорядочное половое сожителство (р. 153). Первая теорія—старая, изложенная еще Платономъ и Аристотелемъ, опиравшимися будто бы на наблюденія дѣйствительности; въ этомъ послѣднемъ обстоятельствѣ лежитъ, по мнѣнію Мэна, преимущество ея предъ теоріей, вновь созданной. Но, на нашъ взглядъ, ссылки греческихъ философовъ на общественныя формы, существовавшія въ ихъ время, не доказываютъ того, что патріархальный строй общества былъ исконнымъ; то, что Платонъ и Аристотель наблюдали у современныхъ имъ варваровъ, могло стоять далеко выше первобытнаго строя. Мы знаемъ свидѣтельства другихъ грековъ, имѣвшихъ возможность наблюдать современные имъ порядки у варваровъ, и эти свидѣтельства говорятъ намъ о гетеризмѣ. Почему мы должны предпочесть отвлеченныя, теоретическія выкладки греческихъ философовъ реальнымъ бытописаніямъ греческихъ историковъ? „Свое описаніе оба (названные) автора иллюстрируютъ гомеровскимъ разсказомъ о циклопахъ, которые не имѣли ни совѣщательныхъ собраній, ни судовъ, но каждый распоряжался судьбой своихъ женъ и дѣтей, не обращая никакого вниманія на другихъ“, говоритъ Мэнъ (р. 151). Но этотъ примѣръ и указываетъ, что Платонъ и Аристотель имѣли передъ собой не первобытный строй, такъ какъ въ сказаніяхъ Гомера, на котораго они опираются, упоминается постоянно о куплѣ женщинъ для брака, т. е. объ одной изъ формъ брака индивидуальнаго.—Про-

¹⁾ Древній Законъ и Обычай. Переводъ Аммона и Дерюжинскаго подъ редакц. М. Ковалевскаго. М. 1884.

тивъ правдоподобности соціологической теоріи Мэнъ выставляетъ, да-
лѣе, аргументъ изъ области фізіологіи. „Главнымъ или по крайней
мѣрѣ однимъ изъ главныхъ свидѣтельствъ гетеризма, по словамъ Мэна,
является обыкновение считать родство только черезъ женщинъ; но изъ
этого, по его мнѣнію, нельзя вывести, что кочевая орда древнѣе семьи,
которая во всѣхъ своихъ формахъ предполагаетъ наличность родства
черезъ мужчинъ (р. 154). „Фізіологическіе элементы семьи всегда дол-
жны были быть на лице и всегда они именно являлись источникомъ
болѣе обширныхъ группъ. Какъ человѣческое существо не можетъ
быть ребенкомъ двухъ матерей, такъ съ фізіологической стороны не
можетъ быть оно и ребенкомъ двухъ отцевъ. . . . Этимъ Мэнъ хо-
четъ сказать, что семья должна была существовать всегда, хотя тѣмъ
не менѣе она могла быть не признаваема въ силу господствующихъ
правовъ.“ Я полагаю, напротивъ, что въ первичное время семьи въ
смыслѣ сожитія опредѣленныхъ лицъ разнаго пола могло и не быть:
если женщина въ періодъ зачатія могла совокупляться съ различны-
ми, а не опредѣленными только мужчинами, то было вполне неизвѣстно,
отъ кого она зачала, а потому нельзя было говорить о семьѣ; эта со-
кровенность зачатія—какъ сказано уже выше—и была обстоятель-
ствомъ, мѣшавшимъ дикарямъ отереть патернитетъ, а очевидность ро-
жденія побудила признать материнство: фізіологическіе элементы семьи
всегда должны были на лице и дикари не думали, конечно, что дитя
могло родиться безъ совокупленія женщины съ мужчиной; но отсюда
еще не слѣдуетъ, что они должны были придти къ признанію инди-
видуальной связи между родителемъ и рожденнымъ.

Началами фізіологіи Мэнъ и еще разъ пытается воспользоваться
для опроверженія теоріи соціологовъ. „Макъ-Ленанъ, говоритъ онъ
(р. 156), строй отношеній, изъ которыхъ развилось человѣческое об-
щество, сравниваетъ съ тѣмъ состояніемъ, въ какомъ въ настоящее
время находятся такъ называемые падшіе классы населенія большихъ
европейскихъ городовъ. Но при этомъ сравненіи слѣдуетъ имѣть въ
виду, что классы эти отличаются почти совершенной бесплодностію;
хотя, конечно, и могутъ быть указаны объясненія этому явленію, од-
нако весьма многочисленныя данныя показываютъ, что то состояніе
первобытнаго полового смѣшенія, отъ котораго отправляются Макъ-
Ленанъ и Морганъ, въ наши дни влечетъ за собою такое патологи-
ческое состояніе, которое сказывается чрезвычайно неблагоприятнымъ

для произрожденія; а для дикарей, ведущихъ постоянныя войны, бесплодіе равносильно съ слабостію и наконецъ съ полнѣйшимъ вырожденіемъ ихъ обществъ.“ По поводу этого возраженія Мэна должно сказать, что сравненія, проводимыя Морганомъ, идутъ слишкомъ далеко, а потому и выводъ Мэна страдаетъ погрѣшностями. Состояніе, въ которомъ находятся падшіе классы, лишь только подобно первобытному гетеризму, но не можетъ быть съ нимъ отождествлено: у первобытнаго человѣка не было такого сладострастія, какое можно встрѣтить теперь и которое уменьшаетъ рождаемость, затѣмъ—и это главное—женщины того времени не имѣли назначенія, какъ теперешнія проститутки, непрестанно служить для удовлетворенія половой похоти мужчинъ, а потому беспорядочность половыхъ сношеній не могла вызвать полного бесплодія, но могла, конечно, ослаблять плодородность. Это обстоятельство, между прочимъ, послужило, вѣроятно, мотивомъ для перехода къ браку индивидуальному, но объ этомъ дальше.—Затѣмъ Мэнь упрекаетъ противниковъ, что они не считались съ одной изъ самыхъ сильныхъ человѣческихъ страстей—ревностью, страстью, присущей людямъ на ряду съ животными высшаго порядка (р. 159) и несомнѣнимою съ теоріей противниковъ; между тѣмъ какъ эта половая ревность является существеннѣйшей чертой патріархальной семьи (р. 160). Свои слова Мэнь подтверждаетъ ссылкой на сочиненіе Дарвина „Происхожденіе человѣка,“ находящаго беспорядочность половыхъ сношеній въ естественномъ состояніи невѣроятной и полагающаго, что распущенность, приписываемая первобытному человѣку, относится къ болѣе позднему періоду, когда человѣкъ подвинулся впередъ въ развитіи своихъ интеллектуальныхъ способностей, но ретроградировалъ въ своихъ инстинктахъ.—По нашему мнѣнію, и этотъ упрекъ Мэна можетъ быть отстраненъ. Нельзя, конечно, отрицать, что у людей, какъ и у животныхъ, есть и всегда было чувство половой ревности; но, съ другой стороны, нельзя отождествлять признаніе этого чувства съ признаніемъ патріархальной семьи у первобытнаго человѣка. Ревность у него, подобно животнымъ, могла проявляться лишь во время и на время совокупленія; разъ же половой инстинктъ удовлетворенъ, это чувство падало и даже совсѣмъ погасало. Такимъ образомъ, ревность и беспорядочность половыхъ общеній могутъ быть соединены. Чтобы мое утвержденіе не показалось голословнымъ, я позволю себѣ привести нѣсколько фак-

товъ изъ половой жизни наиболѣе близко къ намъ стоящихъ и потому подлежащихъ постоянному наблюденію животныхъ—именно собахъ. У нихъ, несомнѣнно, есть половая ревность и происходятъ ссоры и драки, вызываемыя этимъ чувствомъ, но тѣмъ не менѣе онѣ живутъ въ беспорядочномъ половомъ общеніи и ихъ половыя сношенія далеко не бесплодны. Вотъ—фактъ, говорящій въ пользу соціологической теоріи. Я не натуралистъ и допускаю, что въ области естествознанія могу легко ошибаться; но фактъ этотъ у всѣхъ на глазахъ; его легко провѣрить. Я не отрицаю утвержденія Дарвина, что „чувство половой ревности имѣетъ громадное вліяніе въ животномъ мірѣ,“ но не думаю, чтобы это вліяніе исключало возможность гетеризма¹⁾. Дарвинъ, какъ сказано выше, допускаетъ справедливость заключеній, къ которымъ пришли соціологи, но въ тоже время онъ полагаетъ, что распущенность, замѣчавшаяся у дикарей, относится къ болѣе позднему періоду, когда человѣкъ подвинулся впередъ въ развитіи своихъ интеллектуальныхъ способностей, но ретроградировалъ въ своихъ инстинктахъ (Мэнъ, р. 159). Такое заключеніе, однако, слѣдуетъ признать голословнымъ и невѣроятнымъ. Какія же причины могли привести человѣка къ тому, чтобы онъ оставилъ благодѣтельные учрежденія патріархальной семьи и обратился къ дивому беспорядку. Поэтому я думаю, что Мэнъ напрасно поддерживаетъ мнѣніе Дарвина и даже беретъ его за опору своихъ положеній. Также напрасно пытается онъ объяснить возможность ретроградации человѣчества отъ патріархальной семьи къ гетеризму ссылкой на возможный недостатокъ женщинъ въ первобытныхъ сообществахъ, приведшій будто бы къ установленію гетеризма. Данныя, собранныя соціологами о жизни первобытнаго человѣка и современныхъ дикаряхъ, говорятъ скорѣе въ пользу излишка женщинъ²⁾; такъ, въ особенности за это говоритъ до-

¹⁾ Любопытно извѣстіе Геродота (IV, § 104) о Агаирсахъ; „они пользуются женщинами сообща съ тою цѣлю, чтобы всѣмъ быть братьями между собою и родными и не возбуждать другъ въ другѣ ни зависти (т. е. ревности), ни вражды.“ Если только мотивъ практиковавшагося у Агаирсовъ гетеризма не подставленъ самимъ Геродотомъ, то извѣстіе это очень характерно; оно вполне подтверждаетъ сказанное въ текстѣ о совмѣстности гетеризма и ревности и даже больше—говоритъ объ устраненіи ревности посредствомъ гетеризма.

²⁾ *Ковалевскій*. Родъ, р. 104.

вольно распространенный обычай убивать новорожденных дѣвочек; за это же говорятъ и соображенія, приводимыя самимъ Мэномъ, о болѣе быстромъ уменьшеніи мужской половины рода человѣческаго въслѣдствіе войнъ и рискованныхъ предпріятій.—Наконецъ, Мэнь предлагаетъ предпочесть теорію патріархальную въ виду того, что будто бы съ ней только можетъ быть соединенъ тотъ общезвѣстный фактъ, что главнымъ факторомъ образованія родовыхъ группъ является власть; теорія же противоположная патріархальной, по его мнѣнію, предполагаетъ, что власть въ теченіе длиннаго ряда вѣковъ вовсе не имѣла мѣста. Но мнѣ кажется, что власть, какъ образующій факторъ, вовсе не противна первоначальному гетеризму, такъ какъ и въ этомъ состояніи женщины находились подъ властію мужчинъ—своихъ родственниковъ. Таковы, на примѣръ, родственныя группы у германцевъ и у кавказскихъ горцевъ¹⁾. Несомнѣнно, однако, что начало власти въ періодъ допатріархальный не играло такой роли, какъ при утвержденіи принципа патріархальнаго, и что патріархальная семья въ началѣ была построена исключительно на принципѣ власти.

Отстраняя такимъ образомъ возраженія Мэна противъ соціологической теоріи, я тѣмъ самымъ признаю себя приверженцемъ ея; но и выше была сдѣлана мной оговорка и теперь еще разъ повторяю, что, по моему мнѣнію, въ настоящее время невозможно еще окончательно рѣшить,—всѣ ли народы прошли черезъ стадію гетеризма, или только нѣкоторые изъ нихъ, остальные же уже въ началѣ своего существованія знали семью патріархальную. Мэнь правильно замѣтилъ, что стадіи въ развитіи семейныхъ и брачныхъ формъ у различныхъ народовъ были различны²⁾. Можетъ быть, также различны были и начальные пункты развитія; но вѣроятно же, что разныя народности вышли изъ одного и того же исходнаго пункта—гетеризма—и пришли къ одной и той же цѣли—индивидуальной семьѣ и браку,—но при этомъ шли различными путями.—Мэнь не признаетъ существованія гетеризма у арійцевъ даже въ видѣ послѣдующей ретроградациі, по-

1) Ковалевскій., *ibid.* p. 129. *Dargun*, *ibid.* p. 57.

2) Такого же мнѣнія держится одинъ изъ самыхъ дѣятельныхъ изслѣдователей гетеризма нѣмецкій писатель *Post*, въ новой своей работѣ—*Studien zur Entwicklungsgeschichte des Familienrechts*. 1890, p. 58.

лагая, что эта выдающаяся и болѣе богато одаренная вѣтвь чело-
вѣчества сохранила патріархальную семью непрерывно, съ начала и до
настоящаго времени (р. 169); въ частности, онъ не признаетъ гете-
ризма и у Римлянъ. Оставивъ пока въ сторонѣ вопросъ о Римлянахъ,
остановимся на арійцахъ вообще и, встати, упомянемъ о совпадающемъ
съ мнѣніемъ Мэна, недавно высказанномъ мнѣніи нѣмецкаго юриста
Leist'a въ его послѣднемъ трудѣ „*Alt-arisches Jus Gentium*“¹⁾.

Leist, на основаніи древнеиндусскихъ памятниковъ, намѣревался
возсоздать первыя основы правовыхъ понятій и первичный строй жиз-
ни у древнихъ аріевъ; но характеръ самихъ источниковъ привелъ его
къ тому, что онъ ограничился изложеніемъ правовыхъ понятій, за-
ключавшихся въ сборникахъ освященныхъ религіей правилъ для жиз-
ни домашней и общественной (*Sūtras* и въ особенности *Dharma—*
Sūtras = *fas*). Онъ признаетъ впрочемъ еще періодъ, предшествующій
этому, называемый имъ *Rita* (*ratio naturalis*, р. 77), и характернымъ при-
знакомъ этого періода выставляетъ существующую—по его мнѣнію—
уже въ то время исконную арійскую семью, какъ общеніе людей, под-
чиненныхъ главенству домовладыки и его жены вмѣстѣ взятыхъ. Со-
участіе жены во власти отличаетъ—по мнѣнію Leist'a—эту арійскую
семью отъ семьи патріархальной, подъ которой слѣдуетъ будто бы
разумѣть только такую, гдѣ дѣти происходятъ отъ рабынь (у древ-
нихъ евреевъ) или отъ временныхъ браковъ (р. 72, *Ann.* 5).—Съ дру-
гой стороны, лежащій въ основаніи этой семьи индивидуальный бракъ
отличаетъ ее существенно и рѣзко отъ семьи материнской, сопутству-
ющей гетеризму. Такимъ образомъ, уже въ самый ранній періодъ жиз-
ни индусы знали власть отеческую—патернитетъ, а потому вопросъ
о существованіи у нихъ гетеризма, съ точки зрѣнія Leist'a, долженъ
быть рѣшенъ отрицательно. И дѣйствительно, Leist сходится въ отри-
цаніи гетеризма у аріевъ съ Мэномъ (р. 169) и расходится съ нимъ
лишь въ характеристикѣ древнеарійской семьи. На самомъ дѣлѣ древне-
индусская семья должна быть названа также патріархальной, потому
что принадлежность власти отцу и матери вмѣстѣ Leist'омъ не до-
казана (объ этомъ подробности ниже). Leist относится вполне отри-
цательно къ теоріямъ социологовъ, но не считаетъ нужнымъ входить

¹⁾ *Alt-arisches Jus Gentium*. Von Dr. B. W. Leist. Jena. 1889.

въ разсмотрѣніе ихъ основаній и доказательствъ въ виду того, что они относятся главнымъ образомъ къ жизни народовъ не арійскаго корня. Онъ останавливается только на извѣстіяхъ о гетеризмѣ и материнствѣ у Наировъ¹⁾—высшей касты въ странѣ Kegal, на малабарскомъ берегу¹⁾—конечно, вслѣдствіе того, что они были арійцами и близко стояли къ сферѣ браминскаго вліянія, и пытается эти извѣстія объяснить помимо гетеризма (р. 54 fg.). Подобно Дарвину и Мэну, онъ объясняетъ свидѣтельства о преобладаніи женщинъ у Наировъ и о переходѣ имущества и власти по женской линіи, явившейся въ послѣдствіи испорченностію (р. 53) и послѣдующей необходимостію приспособляться къ обстоятельствамъ (р. 54), признавая, что въ началѣ Наиры, какъ и всѣ арійцы, знали семью отеческую. Но то и другое утвержденіе Leist'a суть предположенія, ничѣмъ не доказанныя и потому столь же мало заслуживающія довѣрія, сколько, по его мнѣнію, заслуживаютъ теоріи его противниковъ.—Наконецъ надо сказать, что Leist и принципиально высказывается противъ возможности гетеризма, какъ первичнаго порядка половыхъ сношеній (р. 113. Anm. 5); онъ обращается при этомъ къ міру животныхъ и думаетъ тамъ найти, подобно Летурно, формы полигамическихъ и даже моногамическихъ соединеній. Но мысль свою онъ высказалъ мимоходомъ и не развилъ ее достаточно; поэтому я считаю возможнымъ на ней не останавливаться, сославшись на сказанное по поводу мнѣнія Летурно.—Кромѣ такимъ образомъ устранимыхъ замѣчаній противъ признанія гетеризма у древнихъ аріевъ ни Мэнъ, ни Leist не приводятъ болѣе возраженій, а потому ихъ собственная теорія объ исконности патриархальной семьи у арійцевъ должна считаться недоказанною. Нельзя впрочемъ сказать, чтобы и теорія социологическая по отношенію къ арійской народности была хорошо обоснована. До сихъ поръ нѣтъ еще ни одного сочиненія, специально посвященнаго гетеризму у древнихъ аріевъ, между тѣмъ какъ рѣшеніе этого вопроса имѣетъ принципиальное значеніе для признанія гетеризма у аріевъ европейскихъ. Теорія, признающая агнатическую семью исконнымъ явленіемъ у

¹⁾ Ср. напр. *Giraud-Teulon*, *ibid.* p. 153: „la fortune de la famille appartient strictement aux femmes, c'est—à—dire à la mère ou à la soeur aînée qui dirige la famille.... La succession aux biens, aux dignités se transmet par les femmes. etc.

арійцевъ, поддерживается главнымъ образомъ филологами на основаніи истолкованія смысла терминовъ, обозначающихъ семейныя связи и родство. Не имѣя возможности входить въ подробное изложеніе этихъ основаній и ихъ опроверженіе, укажу лишь на то, что смыслъ древне-арійскихъ терминовъ иногда можетъ быть истолкованъ и въ пользу существованія первобытнаго гетеризма. Такъ, выраженіе: *pater*—исконное арійское слово—не указываетъ еще на то, что арійской народности съ самаго начала была присуща патриархальная семья. Это выраженіе производятъ отъ корня *pa*, переводимаго одними-словами ¹⁾: защищать, господствовать, а другими: кормить, поить etc. ²⁾. И то и другое толкованіе не указываетъ непременно на патернитетъ, такъ какъ и дядю по матери, являвшагося при гетеризмѣ главой материнской семьи, можно было назвать: защитникомъ, господиномъ, а также: кормящимъ и поящимъ. На дѣторожденіе этотъ терминъ не указываетъ. Въ этомъ же смыслѣ, согласно съ теоріей соціологической, могутъ быть истолкованы и нѣкоторые другіе термины, означающіе родство ³⁾. Кромѣ того и „въ юридическихъ памятникахъ Индіи сохранились слѣды нѣкогда существовавшего въ ней материнства“⁴⁾. Они собраны съ большою тщательностію у проф. *Ковалевскаго* ⁴⁾, и между ними наибольшее значеніе, на нашъ взглядъ, имѣетъ извѣстіе о запрещеніи браковъ съ родственниками по матери. Проф. *Сокольскій* ⁵⁾ и проф. *Ефимовъ* ⁶⁾, опираясь на изслѣдованіе В. Миллера (Очерки арійской міеологіи), считаютъ возможнымъ высказать предположеніе, что семья и родъ у древнихъ арійцевъ исходили изъ начального гетеризма. Въ совершенно особомъ положеніи по отношенію къ занимающему насъ вопросу стоитъ нѣмецкій писатель, проф. *Bernhöft* ⁷⁾. Будучи

¹⁾ Ср. *Шлейхеръ*, Краткій очеркъ доисторической жизни сѣверо-восточнаго отдѣла индо-германскихъ народовъ. Спб. 1865., толкованія заимствованы, кажется, авторомъ у *Kuhn* изъ статьи въ *Indischen Studien* Вебера.

²⁾ Ср. ссылки *Dargun*, ib. p. 73, на *Decke*.

³⁾ См. *Dargun*, ib. и Проф. *Сокольскій*. Къ ученію объ организаціи семьи и родства въ первобытныхъ обществахъ, преимущественно у Кельтовъ и Германцевъ. p. 12 слѣд., опирающійся на выводы *Pictet* *Les origines indo-européennes*.

⁴⁾ Первоб. право. Родъ. p. 146.

⁵⁾ ib. p. 16 и 97.

⁶⁾ Очерки по исторіи древне-римскаго родства и наследованія, p. 39 слѣд.

⁷⁾ *Bernhöft Franz*, Staat und Recht der römischen Königszeit im Verhältniss zu verwandten Rechten. Stuttg. 1882.

послѣдователемъ соціологической теоріи и, слѣдовательно, признавая гетеризмъ и родство по матери за первичныя основы семейнаго строя у большинства народовъ, онъ однако выдѣляетъ изъ ихъ среды арійцевъ и признаетъ исконнымъ явленіемъ у нихъ семью патріархальную и бракъ индивидуальный (р. 202 fg.). Но тѣ изъ арійцевъ, говорить онъ, которые переселились въ Европу, переняли у покоренныхъ ими автохтоновъ понятія о гетеризмѣ и привили постепенно эти понятія себѣ; вслѣдствіе чего и находятся въ переживаніяхъ у этихъ народовъ черты былаго безпорядка въ половыхъ сношеніяхъ. Напротивъ, протовоположное мнѣніе, согласно которому и арійцы (или индогерманцы) знали въ началѣ родство по матери и только мало по малу выработали агнатическую семью, онъ считаетъ неудачнымъ и несогласнымъ съ тѣмъ единообразіемъ формъ, въ которыхъ проявляется патернитетъ у всѣхъ арійскихъ народностей.—Мнѣніе Bernhöft'a стоитъ близко къ мнѣніямъ Дарвина и Мэна, только послѣдующее отступленіе отъ патріархальнаго строя и водвореніе семьи материнской онъ объясняетъ не ухудшеніемъ нравовъ, а просто заимствованіемъ. Такой переходъ отъ патернитета къ материнской семьѣ Мэнъ мѣтко называетъ ретроградаціей. Но такая ретроградація, ничѣмъ не мотивированная, ничѣмъ не вызванная—болѣе чѣмъ удивительна: зачѣмъ понадобилось индогерманцамъ бросать свои благодѣтельные учрежденія и воспринимать обычаи дикихъ, чтобы зачѣмъ вновь перейти къ разъ оставленному. Заимствованія между народами возможны и часто случаются; но чтобы заимствовались болѣе культурнымъ народомъ у некультурнаго такія коренныя понятія, какъ понятіе о семьѣ, о родствѣ, о бракѣ, этому нельзя найти историческихъ примѣровъ. Татарское иго было тяжело для Русскихъ и продолжительно, но не измѣнило существеннымъ образомъ бытовыхъ понятій народа.—Отвергая, такимъ образомъ, мнѣніе Bernhöft'a о заимствованіи гетеризма и родства по матери европейскими аріями у покоренныхъ автохтоновъ, нельзя, съ другой стороны, признать правильнымъ и другое мнѣніе его объ исконности агнатической семьи у аріевъ на томъ только основаніи, что учрежденія этой семьи и главнѣйшія положенія о ней у всѣхъ аріевъ одинаковы. Dargun¹⁾), возражая Bernhöft'у,

¹⁾ Ibid. p. 14.

правильно говорить, что таковъ же строй патриархальной семьи и у древнихъ евреевъ—народа семитическаго. Самъ Dargun выступаетъ убѣжденнымъ приверженцемъ благо гетеризма у арійцевъ: древніе аріи, говоритъ онъ ¹⁾, во время ихъ раздѣленія на отдѣльные народы смотрѣли на связь по матери, какъ на единственное или главнѣйшее основаніе кровнаго родства, и положенія своего семейнаго права выработали сообразно съ этимъ принципомъ ²⁾.

Я старался опровергнуть возраженія самыхъ сильныхъ и выдающихся противниковъ соціологической теоріи, какъ вовсе ее не признающихъ, такъ и выдѣляющихъ, по крайней мѣрѣ, арійцевъ изъ числа народностей, упражнявшихъ въ началѣ гетеризмъ; этимъ отрицательнымъ путемъ я желалъ доставить подкрѣпленіе оспариваемой теоріи. Тѣмъ не менѣе однако я не рѣшаюсь вмѣстѣ съ Dargun'омъ утверждать, что древніе арійцы знали материнство и гетеризмъ; для рѣшенія этого вопроса, какъ и вообще вопроса у гетеризмъ у всего человѣчества, нѣтъ достаточно данныхъ ³⁾. Однако болѣе вѣроятнымъ представляется намъ, что и аріи въ этомъ отношеніи ничѣмъ не отличались отъ прочихъ народовъ и, вѣроятно, въ началѣ придерживались гетеризма.—Слѣдуетъ, наконецъ, и еще оговориться, что не всѣ изъ извѣстныхъ теперь народовъ прошли непосредственно эту стадію половыхъ отношеній, такъ какъ не всѣ народности столь древняго происхожденія: есть между ними такія, которыя получили свое начало во времена позднѣйшія, когда ступень полового безразличія, повидимому, осталась уже позади. Правда, что и такіе народы, какъ наприм. явившіеся отъ сліянія или раздѣленія прежде бывшихъ, имѣютъ своихъ предковъ, нѣкогда, быть можетъ, перешедшихъ черезъ гетеризмъ; но все же вновь-то образовавшуюся народность можно считать непричастной къ условіямъ пройденнаго ея предками бы-

¹⁾ p. 13.

²⁾ Развивая свою мысль объ исконности патриархальной семьи у аріевъ, Bernhöft въ статьѣ, помѣщенной въ Z. f. v. R. Bd. IX p. 1 fg. подъ заглавіемъ: Altindische Familienorganisation, указываетъ, что первичной формой семейной организаціи у арійцевъ былъ союзъ полиандрической (p. 2 и 10); но вмѣстѣ съ тѣмъ утверждаетъ, что у нѣкоторыхъ современныхъ индусскихъ племенъ система родства основывается не на происхожденіи одного отъ другаго, а на фактѣ совмѣстной жизни въ видѣ семьи (!). О полиандрическихъ союзахъ индусскихъ будемъ говорить ниже.

³⁾ Ср. Post, Studien zur Entwicklungsgeschichte des Familienrechts, p. 7.

та, хотя у нея могутъ сохраниться въ обычаяхъ и нравахъ указанія на эти древнѣйшія бытовыя условія.

Къ какой категоріи народностей отнесемъ мы народъ римскій? Онъ произошелъ въ сравнительно позднее время изъ сліянія нѣсколькихъ италійскихъ племенъ, какъ свидѣтельствуютъ намъ историки, основываясь на древнихъ преданіяхъ и на изученіи бытовыхъ условій его и народовъ, его окружающихъ. Если говорить поэтому о народѣ римскомъ, какъ таковомъ, не принимая во вниманіе, что онъ относится къ арійцамъ, вышедшимъ изъ глубины Азіи, то какъ разрѣшить поставленный вопросъ? Можно предположить, что Римляне, какъ нація сравнительно новая, явились уже тогда, когда ихъ предки перешли ступень беспорядочнаго половаго общенія, и что у нихъ поэтому мы не найдемъ прямыхъ указаній на это бытовое явленіе; но рядомъ съ этимъ можно ожидать найти у нихъ въ переживаніяхъ воспоминанія о гетеризмѣ, практиковавшемся ихъ предками. Посмотримъ, насколько эти предположенія оправдываются данными римскаго доисторическаго и историческаго быта.

То обстоятельство, что римская нація образовалась изъ соединенія нѣсколькихъ народностей арійскаго происхожденія, не можетъ помочь рѣшить вопросъ въ ту или другую сторону въ виду того, что въ настоящее время, какъ указано, нельзя еще сказать положительно: былъ ли гетеризмъ у древнихъ арійцевъ. Вѣроятноже однако, сказали мы дальше, что древніе аріи, подобно другимъ народностямъ, прошли черезъ первоначальную ступень половаго безразличія, и столь же вѣроятно, прибавимъ теперь, что арійская вѣтвь, выселившаяся въ Европу и давшая начало народамъ, населившимъ Грецію и Италію, знала и упражняла гетеризмъ.—Leist ¹⁾ утверждаетъ, что Италики (въ числѣ ихъ Латины, Сабинны etc.) отдѣлились отъ главнаго арійскаго корня въ то время, когда сложилось уже понятіе о бракѣ, семьѣ и *sacra privata* или культѣ предковъ; такъ что Италики, по его мнѣнію, не могли уже упражнять гетеризмъ, если бы даже онъ и былъ ранѣе у аріевъ. Противъ этого мнѣнія говоритъ уже то, что семья римская во многомъ и существенномъ отличалась отъ семьи древне-арійской въ томъ видѣ, какъ представляетъ ее намъ самъ Leist; онъ говоритъ ²⁾, что

¹⁾ Jus gentium. p. 78 и 113.

²⁾ p. 115.

древнимъ аріямъ власть римскаго домовладыки и положеніе его жены—*filiae loco*—были чужды; онъ самъ далѣе указываетъ ¹⁾, что у древнихъ аріевъ сынъ, достигшій возмужалости и женившійся, возжигалъ огонь на своемъ домашнемъ жертвенникѣ и становился самостоятельнымъ въ противоположность римскому *filius familias*. Такъ ли было на самомъ дѣлѣ, это—другой вопросъ; но эти указанія могутъ навести на мысль, что Италики не принесли съ собой готоваго патриархальнаго строя, а выработали его вполне или отчасти сами. Сходства же въ семейномъ устройствѣ Италиковъ и древнихъ аріевъ могутъ быть объяснены или тѣми зачатками понятій о патриархальномъ строѣ, которые явились до отдѣленія Италиковъ, или же просто единствомъ происхожденія. Такимъ образомъ, приступая къ вопросу о гетеризмѣ у Римлянъ, мы должны скорѣе предполагать, что Италики, давшіе начало тѣмъ народностямъ, изъ которыхъ сложился народъ римскій, жили еще въ беспорядочномъ половомъ общеніи—полномъ или уже съ ограниченіями; поэтому и въ обычаяхъ и понятіяхъ римскихъ мы можемъ ожидать встрѣтить переживанія изъ временъ допатриархальныхъ.

Нѣкоторые писатели пытаются возстановить семейный бытъ народностей, части которыхъ, какъ думаютъ, вошли въ составъ народа римскаго. Важнѣйшая попытка въ этомъ направленіи принадлежитъ Бахофену ²⁾, который посредствомъ истолкованія мифовъ, преимущественно религіознаго содержанія, пытался доказать существованіе гетеризма у Сабинцевъ, Латинянъ и Этрусковъ. Къ сожалѣнію, бытъ Латинянъ и Сабинянъ исчезъ для насъ безслѣдно; тѣ же немногочисленные и неувѣренные утвержденія, которыя рѣшился сдѣлать Бахофенъ, опираются на столь шаткія основанія и столь туманныя свидѣтельства, что трудно на основаніи ихъ придти къ какому либо положительному выводу. Единственный, сколько нибудь значащій фактъ есть извѣстіе, что сабинскій родъ Фабіи вели генеалогію по женской линіи. Нѣсколько иначе стоитъ дѣло по отношенію къ Этрускамъ. Именно: Müller, написавшій въ началѣ нашего столѣтія книгу объ Этрускахъ ³⁾, указавъ, что въ надписяхъ на могильныхъ памятникахъ

¹⁾ p. 111.

²⁾ Die Sage von Tanaquil. Heidelb. 1870, p. 73—80 и 282 fg.

³⁾ Die Etrusker. 1828. B. I p. 403 и 276.

ихъ чаще всего встрѣчается обозначеніе умершихъ по матери, а не по отцу. Это обстоятельство онъ объясняетъ, согласно съ древними писателями (Геродотомъ etc.), какъ признакъ преобладанія женскаго пола. Съ этимъ сходятся извѣстія греческихъ писателей о равномъ положеніи за обѣденнымъ столомъ женщинъ и мужчинъ (Vd. I р. 276). Этими данными и пользуются, главнымъ образомъ, для признанія у Этрусковъ гетеризма. И основательно. Одно только мѣшаетъ утилизировать и намъ эти свидѣтельства для нашей цѣли—это сомнѣніе въ прикосновенности Этрусковъ къ образованію римской народности и о принадлежности ихъ къ народамъ арійскаго корня; если Этруски не были аріями и не составили элемента для созданія *populus romanus*, то и самыя достовѣрныя извѣстія о гетеризмѣ у нихъ для нашего вопроса не принесутъ пользы.

Перехода къ вопросу о гетеризмѣ или, по крайней мѣрѣ, о слѣдахъ его у Римлянъ, рассмотримъ всѣ собранныя наукой факты, могущіе дать намъ основанія для его рѣшенія ¹⁾. Бахофенъ въ видѣ аргумента въ пользу существованія гетеризма у Римлянъ въ доисторическій періодъ выставляетъ, въ 1-хъ, легендарныя извѣстія. Таково связаніе о *sogotium tigillum* ²⁾—перевладинѣ, подъ которой долженъ былъ пройти одинъ изъ Гораціевъ, побѣдившій Куріаціевъ и убившій одного изъ нихъ, жениха своей сестры, а также убившій и сестру, когда она стала упрекать его въ смерти жениха. Гораціи и Куріаціи были *consobriti*, т. е. двоюродные братья по матери ³⁾. Бахофенъ видитъ въ этомъ преданіи указаніе на господство въ первичное время родственныхъ связей исключительно по матери, т. е. материнства, всегда сопутствующаго гетеризму. Но такое заключеніе не основательно: одинъ фактъ существованія родства по матери не означаетъ еще его исключительнаго господства или даже преобладанія; родство по отцу, даже въ самое древнее время своего существованія,

¹⁾ Мы рассмотримъ большинство доказательствъ, собранныхъ въ трудахъ *Бахофена, Жиро-Тейлона, Бернефта, Дарюна, Летурно, Поста*, изъ русскихъ *Капустина М. Н.* История права р. 65 слѣд. Проф. *В. В. Сокольскаго, Ковалевскаго М.* и проф. *Ефимова*, при чемъ будемъ слѣдовать главнымъ образомъ тому порядку, котораго придерживается послѣдній изъ названныхъ авторовъ.

²⁾ *Antiquarische Briefe*, XXIII.

³⁾ Діонисій Галикар. III. 23.

не исключало и родственной связи по матери, какъ основанной на очевидномъ для всѣхъ актѣ рожденія; слѣдовательно, отчество и материнство могли существовать и донинѣ существуютъ рядомъ.—Другое сказаніе о Танакилѣ, содѣйствовавшей воцаренію Тарквинія Приска и Сервія Туллія и имѣющей, по мнѣнію Бахофена ¹⁾, много сходнаго съ восточными гетерами, также не даетъ ничего для подтвержденія существованія гетеризма у Римлянъ, такъ какъ сравненіе не можетъ еще считаться доказательствомъ.—Гораздо болѣе можетъ дать преданіе объ Асса Ларентіа, бывшей сначала гетерой и вступившей въ связь съ Аполлономъ, а потомъ ставшей женой нѣкоего Тарутія ²⁾. Здѣсь отмѣченъ преемственный ходъ развитія половыхъ отношеній отъ гетеризма въ индивидуальному браку. Но преданіе это имѣетъ столько разнообразныхъ вариантовъ, другъ другу рѣзко противорѣчащихъ ³⁾, что полагаться на него рисковано.

Слѣды первичнаго гетеризма и сопровождающаго его родства по матери у Римлянъ проф. Сокольскій и Ефимовъ видятъ въ тѣхъ свѣдѣніяхъ о когнатскомъ родствѣ, которыя собралъ Кленце въ своей статьѣ о когнатахъ и свойственникахъ ⁴⁾. По догадкѣ, высказанной первымъ авторомъ и поддерживаемой вторымъ, возникновеніе когнатической связи можно, на основаніи выводовъ Кленце, отнести ко времени, предшествовавшему родству агнатскому, откуда слѣдуетъ, что и обосновывающая агнатское родство патриархальная семья не была первичной формой семейнаго строя. Работа Кленце, дѣйствительно, измѣнила, какъ говоритъ проф. Сокольскій ⁵⁾, господствовавшіе до нея взгляды на взаимныя отношенія между когнатствомъ и агнатствомъ; она установила, что и во время наивысшаго развитія вліяній агнатства когнатство имѣло однако значеніе родственной связи, обусловливавшей нѣкоторыя права и обязанности, что, слѣдовательно,

¹⁾ Die Sage von Tanaquil. Подробное изложеніе этой саги у проф. Ефимова, р. 53 слѣд.

²⁾ *Плутархъ*, *Quaestiones romanae*, 35, а также интересное извѣстіе и *Gellius*, *Noctes Atticae*, VII. 7: sed Асса Larentia corpus in vulgus dabat . . . etc.

³⁾ Ср. у *Ефимова*, р. 57.

⁴⁾ *Zeitschrift für geschichtliche Rechtswissenschaft*. VI Band. 1828. р. 1 fg: Die Cognaten und Affinen nach römischem Rechte in Vergleichung mit andern verwandten Rechten.

⁵⁾ р. 5.

когнатское родство явилось не въ позднѣйшее время, когда агнатство уже падало, а есть столь же старое явленіе, какъ и агнатство. Но изслѣдованіе Кленце вовсе не касается вопроса о возникновеніи когнатства раньше агнатскаго родства, и изъ свѣдѣній, сообщаемыхъ этимъ авторомъ, едва ли можно вывести такое заключеніе. Изъ факта совмѣстнаго существованія двухъ видовъ родства нельзя еще заключить, что одно произошло раньше другаго. Правда, что такое заключеніе можно сдѣлать изъ сопоставленія понятій того и другаго родства; но изъ этого не будетъ еще слѣдовать, что Римляне дѣйствительно знали раньше одно когнатство, а потомъ узнали и родство агнатическое. *Cognati*, говоритъ Ульпіанъ ¹⁾, *autem appellati sunt quasi ex uno nati, aut, ut Labeo ait, quasi commune nascendi initium habuerint*, и въ дополненіе къ этому Юстиніанъ въ Институціяхъ (3. 5. 4) говоритъ:.... *sunt agnatio a patre, cognatio sit a matre*. Изъ этихъ мѣстъ Bernhöft ²⁾ справедливо выводитъ заключеніе, что *cognati*, по первоначальному смыслу слова, суть родственники по материнскому колѣну, хотя впоследствии *cognatio* получаетъ болѣе обширный смыслъ—родства вообще. *Agnati* или *adgnati*, по первоначальному смыслу слова, суть прирожденные, приплодившіеся отъ жены (Bernhöft, *ib.* p. 210), даже и въ томъ случаѣ, если зачатіе произошло не отъ мужа (о чемъ подробности ниже) ³⁾, лишь бы жена была подъ властію его. Въ дальнѣйшемъ развитіи понятія того и другаго родства потерпѣли видоизмѣненія: *cognatio* получило болѣе обширный смыслъ родства вообще, а *agnatio* присоединило себѣ признакъ кровной связи. Гай (кн. I, § 156) говоритъ: *sunt autem agnati per virilis sexus personas cognatione juncti, quasi a patre cognati . . . At hi qui per feminini sexus personas cognatione conjunguntur non sunt agnati, sed alias naturali jure cognati*; и еще (кн. III § 10): *vocantur autem agnati qui legitima cognatione juncti sunt: legitima autem cognatio est ea, quae per virilis sexus personas conjungitur* ⁴⁾; когнатство Гай называетъ

¹⁾ D. 38. 8. 1. 1.

²⁾ Zeitschrift f. vergl. Rechtswissenschaft. Band VIII, H. 2-te, p. 209 fg. Zur Geschichte des europäischen Familienrechts.

³⁾ Bernhöft, *ibid.* ссылается на D. 20. 1. 29. 1. (Th. Mommsen). *Dargun* *ib.* p. 75.

⁴⁾ Также Ulpianus: *Fragmenta Tit. XI, § 4: agnati sunt a patre cognati virilis sexus, per virilem sexum descendentes, ejusdem familiae . . .*

родствомъ естественнаго права (*naturali jure*), а агнатство—родствомъ цивильнаго права (*legitima cognatione*). Изъ опредѣлений понятія того и другаго родства въ первоначальномъ и послѣдующемъ смыслѣ можно видѣть, что понятіе объ агнатской связи болѣе трудно для пониманія неразвитаго человѣка, что эта связь есть болѣе искусственная, чѣмъ когнатство, а потому можно думать, что первое понятіе является позже втораго. Агнатство, даже видоизмѣнивъ свое понятіе съ присоединеніемъ признака кровнаго родства (*quasi a patre cognati*), не приобрѣтаетъ однако той наглядности, какую имѣетъ отъ природы связь когнатская. Поэтому для своего утвержденія агнатство требовало содѣйствія закона (или обычая). Lex, конечно, не создалъ понятія объ агнатствѣ¹⁾, а лишь закрѣпилъ созданное жизнью, но онъ былъ нуженъ для устраненія возможныхъ, вслѣдствіе скрытости момента зачатія, сомнѣвій въ подчиненіи одного лица отеческой власти другаго (презумпція: *pater est, quem nuptiae demonstrant*).—Все это такъ. Но что же отсюда слѣдуетъ по отношенію къ вопросу о гетеризмѣ у Римлянъ? Вѣдь, изъ того, что когнатское родство вообще возникло раньше агнатскаго, не слѣдуетъ еще, что такой переходъ отъ одного родства къ другому возникъ именно у Римлянъ, а не раньше образованія народа римскаго. Такимъ образомъ, изъ соотношенія понятій о родствѣ, самихъ по себѣ взятыхъ, внѣ связи съ какими-либо фактическими данными, указывающими на возникновеніе такого соотношенія именно въ Римѣ, нельзя придти къ рѣшительному заключенію о существованіи у народа римскаго періода господства исключительно когнатическаго родства, сопровождающаго гетеризмъ. Согласно съ этимъ, и тѣ отдѣльные факты, въ которыхъ, по словамъ Кленце, выражалось вліяніе когнатической связи, не могутъ дать достаточно основаній для признанія указаннаго предположенія. Проф. Ефимовъ²⁾, подробно разобравшій статью Кленце и искавшій въ ней подтвержденія мысли о допатріархальномъ строѣ у Римлянъ, не нашелъ однако никакого подтвержденія въ извѣстіяхъ:

¹⁾ Такой же характеръ, вѣроятно, имѣетъ lex, установившій, по словамъ Папиньяна, *jus vitae necis que in filium*. Папиньянъ (*Collatio leg. M. et R. IV. 8*) говоритъ: *cum patri lex regia dederit in filium vitae necisque potestatem . . .* Проф. Сокольскій (р. 20) и проф. Ефимовъ (р. 70) видятъ въ словахъ Папиньяна подтвержденіе существованія допатріархальнаго строя у Римлянъ.

²⁾ р. 60 слѣд.

объ *officium lugendi* и *charistia*. Первое—обязанность носить трауръ по умершемъ когнатѣ—возникло, по мнѣнію г-на Ефимова, въ патриархальный періодъ; второе—общіе торжественные обѣды когнатовъ и свойственниковъ—не имѣеть никакого значенія для вопроса о гетеризмѣ и вромѣ того время его возникновенія вполнѣ неопредѣленно.—Вліяніе когнатской связи сказалось далѣе въ участіи когнатовъ въ судѣ домовладыки надъ его подвластными—въ судѣ семейномъ. Но эти суды, какъ показано будетъ ниже, возникли въ періодъ патриархальный; когнаты въ этомъ судѣ явились не сразу, а лишь съ водвореніемъ мирной формы совершенія (индивидуальнаго) брака—покупки жены,—когда стало возможно выговаривать болѣе сносное положеніе для женщины и вообще создавалась возможность для родныхъ вмѣшательства ради защиты женщины отъ ея мужа и его родственниковъ. Выйдя замужъ (или точнѣе говоря: будучи продана въ замужество), женщина разрывала агнатическую связь съ своей семьей, потому то и говорится объ участіи въ судѣ съ ея стороны только когнатовъ. Проф. Ефимовъ ¹⁾ полагаетъ, что „въ эпоху агнатической семьи не было никакихъ шансовъ на появленіе этого суда.“ Я же думаю, напротивъ, что именно въ патриархальный періодъ онъ и появился, такъ какъ онъ носитъ на себѣ всѣ признаки патриархального времени. Если признать существованіе семьи допатриархальной у Римлянъ, то можно, конечно, предполагать, что тогда же существовалъ судъ когнатовъ. Но этотъ судъ не имѣлъ бы связи съ судомъ патриархального времени, когда судьей былъ домовладыка, а когнаты жены его и вообще близкіе родственники и свойственники и затѣмъ друзья присутствовали лишь какъ послухи или совѣтчики; имѣли ли они рѣшающій голосъ, это—вопросъ сомнительный.—Далѣе, когнаты имѣли право и обязанность родственнаго поцѣлуя ²⁾, и сообразно съ этимъ запрещенъ былъ между ними бракъ до степени *consobrinii* ³⁾ (или даже *sobrinii* ⁴⁾). Счетъ родства велся здѣсь со стороны матери, говоритъ проф.

¹⁾ p. 65, 66.

²⁾ *Plutarchus*. *Quaestiones romanae*. C. 6. *Gellius* N. A. 10. 28. 1.

³⁾ *Ulpiani*, *Fragmenta* V. 6: *olim usque ad quartum gradum matrimonia contrahi non poterant*. По словамъ *Marquardt*, *Das Privatleben der Römer*. Leipzig. 1879 p. 30, бракъ между *consobrinii* явился со 2-ой пунич. войны, а раньше было запрещеніе до 6-ой степени.

⁴⁾ *Tacitus*. *Annales* XII 6.

Ефимовъ ¹⁾, а потому можно предполагать, что и *jus osculi* и запрещеніе брака въ однихъ и тѣхъ же степеняхъ родства возникли въ періодъ допатріархальный. Это предположеніе довольно вѣроятно. У тѣхъ народностей, у которыхъ существованіе первобытнаго гетеризма почти несомнѣнно, встрѣчаются запрещенія ко вступленію въ бракъ именно со стороны когнатическаго родства по матери; то-же могло сохраниться и въ Римѣ. Однако есть показанія и противъ: именно слѣдуетъ сказать, что консобринами назывались въ послѣдующее время (какъ указываетъ и самъ авторъ) вообще двоюродные—по матери или по отцу, все равно; слѣдовательно, запрещеніе брака между ними не могло указывать непременно на періодъ гетеризма и родства по матери. Такъ, Павелъ (D. 38. 10. 10. 15) говорятъ: . . . *fratres patrueles . . . sorores patrueles, amitinos, amitinas, consobrinos, consobrinas, quasi sororinos, sed plerique hos omnes consobrinos vocant, sicut Trebatius* ²⁾. Можно думать, что это болѣе обширное употребленіе слова явилось впоследствии; но доказательствъ этого предположенія нѣтъ.

Далѣе, воспоминаніе о быломъ гетеризмѣ въ Римѣ видятъ ³⁾ во встрѣчающемся у Плавта выраженіи: *tusco modo tute tibi dotem quaeris cogroge*, понимаемомъ въ смыслѣ приобрѣтенія приданого путемъ проституціи. Несомнѣнно, такое выраженіе могло бы дать намѣкъ на былой гетеризмъ ⁴⁾, если бы оно обозначало обычай собственно римскій; но въ этомъ можно сомнѣваться,—скорѣе это обычай этрусскій, перенятый нѣкоторыми изъ римскихъ женщинъ уже въ позднее время, на что указываетъ и названіе: *tusco modo*.

Одно изъ самыхъ вѣсскихъ доказательствъ существованія гетеризма у Римлянъ представляетъ, повидимому, семейный бытъ плебеевъ.

¹⁾ р. 68—71., ссылается на толкованіе *Rosbach*, *Untersuchungen über die römische Ehe*. 1853. р. 433., приводящаго свидѣтельства, что *consobrinus quasi sororinus, sobrinus enim sunt ex duabus sororibus*.

²⁾ Ср. *Gajus* (D. 38. 10. 1. 6).

³⁾ *Letourneau*, *ib.* р. 64. Проф. *Ефимовъ*, *ib.* р. 73.

⁴⁾ Аналогичный этому обычай, указывающій на былой гетеризмъ, наблюдался на Кипрѣ: дѣвушекъ посылали передъ бракомъ на нѣсколько дней на берегъ моря, чтобы они тамъ приобрѣли себѣ денегъ для приданого. Ср. *Bernhöft*, *Zeitsch. f. v. Rechtswissenschaft*, VIII р. 175. Также было у Лидянъ, по свидѣтельству Геродота (I, 98): . . . всѣ дочери занимаются проституціей, собирая себѣ такимъ образомъ приданое.

Изъ социологовъ Жиро-Тейлонъ, а изъ юристовъ Bernhöft и слѣдующій за Жиро проф. Ефимовъ ¹⁾ въ обстоятельствахъ этого быта видятъ прямыя указанія или по крайней мѣрѣ ясныя намеки на первобытную половую беспорядочность. По предположенію Жиро-Тейлона ²⁾, разница между патриціями и плебеями сказывалась въ различіи понятій о родствѣ: патриціи въ историческое время имѣли уже семью патриархальную, а плебеи не вышли еще изъ гетеризма. Свою гипотезу Жиро-Тейлонъ пытается подтвердить объясненіемъ слова: „patricius“, встрѣченнымъ имъ у Тита Ливія (X. 8) и Діонисія Галикарнасскаго (II. 8). Ливій, говоря о проникновеніи плебеевъ въ понтифинатъ и излагая яко бы происходившія по этому поводу дебаты въ собраніи, влагасть въ уста оратора слѣдующія слова: „patricios . . . qui patrem siere possunt, id est nihil ultra quam ingenuos.“ Въ словахъ: qui patrem siere possunt—Жиро-Тейлонъ и видитъ, съ одной стороны, указаніе на патриархальный строй у патриціевъ, съ другой—на гетеризмъ у плебеевъ: если плебеи не могли указать на своего отца, то они, слѣдовательно, знали только родство по матери, сопровождающее первобытный гетеризмъ. Таково толкованіе Жиро-Тейлона; но его слѣдуетъ признать слишкомъ рискованнымъ. Самъ Ливій поясняетъ, что признакъ, выраженный словами: qui patrem siere possunt—означаетъ то же самое, что выражается словомъ: ingenuus. Ingenuus есть прежде всего человѣкъ свободнорожденный. Имѣя это въ виду, легко объяснить смыслъ указанной фразы контрастомъ между плебеями, становившимися иногда таковыми вслѣдствіе manumissio и называвшимися вольно-отпущенниками (libertini), и патриціями, всегда свободнорожденными. Первые de jure не имѣли отца (а иногда и de facto онъ былъ неизвѣстенъ) и не могли поэтому на него указывать и пользоваться отъ него и черезъ него какими-либо правами состоянія; вторые были свободнорождены и пользовались всѣми правами отцевъ своихъ. Далѣе, патриціи должны были быть ingenui не только сами, но и имѣть такого же отца, другими словами—не должны были имѣть предковъ рабовъ, иначе они опять не могли patrem siere и считались бы происходящими отъ incerta proles. Это можно заключить изъ словъ Цицерона ³⁾,

¹⁾ ibid. p. 78 слѣд.

²⁾ Ib. p. 413 sq.

³⁾ Topica. V, 29.

говорящаго: *gentiles sunt inter se, qui eodem nomine sunt, qui ab ingenuis oriundi sunt, quorum majorum nemo servitutem servivit.* Плебеи же могли быть лично свободнорожденными, но среди предковъ—имѣть раба. Festus (sub hoc voce) вполне категорично выражается (ссылаясь на болѣе стараго автора Цинція), что патриціями обыкновенно называли свободнорожденных: *patricios Cincius ait in libro de comitiis eos appellari solitos, qui nunc ingenui vocentur.* Наконецъ, и другое мѣсто источниковъ, на которое ссылается Жиро-Тейлонъ, по смыслу стоитъ близко къ первому. Діонисій Галикарнаскій (*Antiquitates romanae*, II, 8) говоритъ (переводъ Reiske): *patricios eos appellatos ajunt, quod soli patrem scire possent, quasi alii essent fugitivi nec suos patres ingenuos ostendere possent.* Онъ, подобно указанному выше авторамъ, приравниваетъ выражение: *patrem scire possunt*—слову: *ingenui* (свободнорожденные), разумѣя подъ лицами, не могущими указать на своего отца, вольноотпущенниковъ и бѣглыхъ (*fugitivi*).¹⁾—Такимъ образомъ, выражение—*patrem scire (non) possunt*—указываетъ не на отсутствіе или неизвѣстность отца вслѣдствіе гетеризма²⁾, а—на лицъ, происхождение которыхъ *de facto* (бѣглые и иностранные переселенцы) или *de jure* (вольноотпущенники, незаконнорожденные) неизвѣстно³⁾. Слѣдовательно, ссылка Жиро-Тейлоня на

¹⁾ То же говоритъ *Плутархъ*, *Romulus* с. 13, и еще Діонисій Галикарн. въ другомъ мѣстѣ, IV, 8.

²⁾ Ср. *Letourneau*, *ib.* p. 420. *Estein*, *Mélanges d'histoire du droit et de critique*. Paris. 1886. p. 61, высказываетъ такой же взглядъ на значеніе фразы—*qui patrem scire possunt*—, но дѣлаетъ отсюда невѣрный выводъ, что плебеи жили не въ законномъ бракѣ, а въ связи, подобной позднѣйшему конкубинату, и что дѣти слѣдовали за матерью. О бракѣ плебейскомъ рѣчь ниже. *Cuno* (въ сочиненіи *Vorgeschichte Roms*) объясняетъ смыслъ даннаго выраженія иначе, приводя его въ связь не со словомъ: *pater*, а съ греческимъ: *φάτρα*—и указывая на аналогичное выраженіе: *patricidium*, понимаемое имъ не въ смыслѣ: отцеубійцы, а убійцы равнаго (*par*) себѣ. Можно было бы въ этомъ направленіи предложить еще такую версію: *pater*, по утвержденію нѣкоторыхъ филологовъ (ср. *Dargun*, p. 73) есть не лице *родящее*, а защищающее и господствующее; можетъ быть въ названіи: *patres, patricii* сохранилось это древнѣйшее значеніе слова; тогда слово: *patres*—будетъ значить: господа, правители, защитники, однимъ словомъ—высшій классъ. Въ этомъ смыслѣ предлагаетъ объяснить выраженіе: *patricii*—проф. *Д. Н. Азаревичъ*, въ сочиненіи „Патриціи и Плебеи.“

³⁾ *Bernhöft* (*Staat und Recht*, p. 138 fg.) дѣлаетъ замѣчаніе, что выраженіе: *ingenui*—не означаетъ только свободнорожденныхъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ правильно—или законнорожденныхъ (*echtgeborenen*); такъ что незаконнорожденные могутъ быть свободнорожденными, но не быть *ingenui*. Это замѣчаніе вѣрно, но оно не измѣняетъ сущности дѣла.

это выраженіе въ подтвержденіе гипотезы о гетеризмѣ у плебеевъ неудачна. Между тѣмъ, исходя изъ своего основнаго положенія, Жиро-Тейлонъ утверждаетъ далѣе, что переходу плебеевъ въ браку (индивидуальному) патриціанскому препятствовали долгое время непричастность ихъ къ культу патриціевъ и отсутствіе у нихъ квинритской собственности. Подобно патриціямъ, говоритъ этотъ авторъ, плебеи имѣли *gens* и *nomen gentilicium*, имѣли *agnomen*, права опеки и наслѣдованія между гентилами; но они не имѣли *paterfamilias*'а—патріарха, власть котораго освящена религіей, а потому не имѣли *justae nuptiae*, напротивъ, жили въ гетеризмѣ: *connubia promiscua habent more ferarum* (Livius). Мнѣніе Жиро-Тейлоня поддерживаетъ г. Ковалевскій ¹⁾.—На нашъ взглядъ, возможная непричастность плебеевъ къ патриціанскимъ *sacra* и *auspicia* не могутъ еще доказывать отсутствія у нихъ агнатической семьи. Эта семья не есть принадлежность только народа римскаго и не обусловлена римской религіей. Не у однихъ же только римскихъ патриціевъ была она. Напротивъ, она была и есть у всѣхъ народностей арійскаго корня, а потому могла быть и у плебеевъ; происшедшихъ главнымъ образомъ изъ племенъ арійскихъ и, слѣдовательно, имѣвшихъ въ сущности ту же религію, что и патриціи. Точно также слѣдуетъ признать, что плебеи имѣли и отеческую власть; они, быть можетъ, не имѣли ея въ такомъ строгомъ и рѣзко очерченномъ видѣ, какъ патриціи, но, подобно вообще аріямъ, они ее знали. Плебеи, какъ увидимъ ниже, не могли совершать брака въ патриціанской формѣ (*confarreatio*); но они могли совершать его въ тѣхъ формахъ, которыя являются всеобщими не только у народовъ арійскаго корня, но и у другихъ, напр. у семитовъ ²⁾—въ формѣ похищенія и особенно покупки жены. Такимъ образомъ изъ того, что плебеямъ не была доступна *confarreatio*, нельзя сдѣлать вывода, что они жили въ безпорядочномъ половомъ общеніи—гетеризмѣ. Этого нельзя подтвердить и приводимую обыкновенно фразой: *connubia promiscua habent more ferarum*. Это выраженіе есть, очевидно, перефразировка слѣдующаго мѣста Ливія (lib. IV, с. 2): *quam enim aliam vim connubia promiscua habere, nisi ut ferarum prope ritu vulgentur concubitus plebis patrum-*

¹⁾ Первобытное право. Родъ. р. 143.

²⁾ Подробности ниже.

que? ut, qui natus sit, ignoret, cujus sanguinis, quorum sacrorum fit, dimidius patrum fit, dimidius plebis nec secum quidem ipse concors. Сама по себѣ взятая фраза: *connubia promiscua habent more ferarum*—дѣйствительно могла бы указывать на существованіе гетеризма,—она такъ живо напоминаетъ свидѣтельства о первобытномъ беспорядочномъ общеніи Геродота и Козьмы Пражскаго. Но въ связи съ другими предложеніями въ текстѣ изъ Ливія эта фраза значить совершенно иное. Ливій и не думалъ о гетеризмѣ; онъ говоритъ о смѣшанномъ или взаимномъ (*promiscua*) бракѣ патриціевъ и плебеевъ и о томъ, что отъ такихъ браковъ безъ различія состояній произошло бы потомство, не знающее, какая кровь течетъ въ его жилахъ: плебейская или патриціанская, какия сага оно должно соблюдать, въ какому сословію оно относится и т. д. Такъ, безъ всякаго различія на племена и сословія, говоритъ онъ, живутъ только дикіе звѣри. Такимъ образомъ не объ отсутствіи брака у плебеевъ, подобно дикимъ звѣрямъ, говоритъ Ливій, а о бракѣ ниспровергающемъ всѣ условія тогдашняго быта.

Далѣе, обстоятельствомъ, задерживавшимъ появленіе агнатической семьи у плебеевъ, Жиро-Тейлонъ считаетъ отсутствіе у нихъ права собственности (р. 422). Правда, что появленіе индивидуальнаго брака стоитъ въ нѣкоторой связи съ образованіемъ понятія объ индивидуальной собственности, но отсутствіе таковой у плебеевъ ничѣмъ не подтверждается. Проф. Ефимовъ (р. 79, прим. 1) говоритъ, объ отсутствіи у плебеевъ въ теченіе долгаго времени собственности квиритской. Это, быть можетъ, и вѣрно, но не имѣетъ значенія для настоящаго вопроса, потому что отсутствіе квиритской собственности еще не указываетъ на полное отсутствіе понятія о собственности индивидуальной. Это послѣднее понятіе—по крайней мѣрѣ относительно подвижности—существуетъ у людей на самыхъ низкихъ ступеняхъ развитія. Жена, бывшая въ началѣ въ положеніи рабы, относилась къ подвижнымъ вещамъ, и собственность на нее могла явиться очень рано. У плебеевъ могло не быть квиритской собственности, но, конечно, была собственность, свойственная всѣмъ народностямъ—собственность *juris gentium*. Плебей не такъ прибрѣтали и не такъ защищали свою собственность отъ нарушенія; но тѣмъ не менѣе они ее имѣли. Такимъ образомъ, историческая справка о правѣ собственности у плебеевъ не можетъ служить подтвержденіемъ существованія у нихъ допатріархальнаго быта.

Наконецъ, по мнѣнію Жиро-Тейлона, на существованіе въ Римѣ допатріархальнаго быта указываетъ историческій ходъ развитія наследственнаго преемства. Авторъ держится мысли, что наследниками, по закону или обычаю, были сначала *gentiles*, а затѣмъ кругъ наследниковъ постепенно суживался и низшелъ до *sui heredes*; это постепенное суживаніе класса лицъ, призываемыхъ къ наследованію, подобно переходу собственности коммунальной или общинной въ индивидуальную. „Тѣ, говоритъ Жиро ¹⁾, которые предполагаютъ, что семья въ порядкѣ времени предшествовала роду, должны необходимо допустить, что Римляне, уважавши индивидуальную собственность, соответствующую патріархальной семьѣ, возвратились назадъ и признали затѣмъ собственность общинную, родовую.“ Этотъ послѣдній упрекъ, однако, можетъ быть легко отстраненъ. Если противники социологическихъ теорій полагаютъ, что родъ есть явленіе болѣе позднее, чѣмъ семья, то не будетъ для нихъ ничего удивительнаго въ признаніи происхожденія собственности родовой или общинной позже собственности индивидуальной; эта родовая собственность затѣмъ, съ ослабленіемъ родовыхъ узъ, вышла изъ употребленія. Что же тутъ невѣроятнаго? Также совершенно вѣроятно объясняютъ и систему призванія къ наследованію, въ которой ближайшіе исключаютъ дальнѣйшихъ. Основаніе и порядокъ призванія къ наследованію защитники патріархальной теоріи видятъ не въ той или иной собственности на вещи, а въ близости степеней родства: члены семьи умершаго наследуютъ раньше, какъ болѣе близкіе, затѣмъ слѣдуютъ лица недавно еще существовавшей и распавшейся семьи—агнаты и, наконецъ, болѣе отдаленные родственники, ведущіе свой родъ отъ одного предка—*gentiles*.—Жиро-Тейлонъ ничѣмъ не доказалъ, что его предположеніе о порядкѣ наследованія правдоподобнѣе или вѣрнѣе, чѣмъ предположеніе его противниковъ, а потому нѣтъ основанія предпочитать его теорію.

Проф. Ефимовъ (р. 83. слѣд.) и Ковалевскій (Родъ, р. 148) обращаютъ вниманіе еще на бракъ *per usum* и видятъ въ обстоятельствахъ, его сопровождающихъ, указаніе на первобытный гетеризмъ у Римлянъ. Вопросъ объ этомъ бракѣ, какъ формѣ возникновенія индивидуальной связи между лицами и какъ основаніи патріархальной семьи,

¹⁾ р. 428.

тѣсно связанъ съ вопросомъ о происхожденіи индивидуальнаго брака вообще; поэтому мы попытаемся разрѣшить его тогда, когда будемъ говорить о формахъ индивидуальнаго брака. Здѣсь замѣтимъ только, что, по нашему мнѣнію, бракъ *regnum* въ томъ видѣ, въ какомъ мы находимъ его, напр., у Гал, есть явленіе позднѣйшаго времени, болѣе позднее даже, чѣмъ *coemptio* и *confarreatio*; поэтому говорить о связи этого брака съ гетеризмомъ невозможно.

Такимъ образомъ, всѣ просмотрѣнныя нами доказательства въ пользу существованія гетеризма въ Римѣ не даютъ почти никакой опоры для подтвержденія гипотезы соціологовъ; прямыхъ указаній въ источникахъ нѣтъ, а косвенныя улики, найденныя соціологами, могутъ быть объяснены, какъ мы видѣли, не въ пользу гетеризма съ такой же вѣроятностію, какъ и въ пользу его. Однако это отсутствіе прямыхъ и даже косвенныхъ доказательствъ не должно еще совершенно обезкураживать изслѣдователя. Говоря до сихъ поръ протівъ приводимыхъ соціологами свидѣтельствъ въ пользу гетеризма въ Римѣ, мы хотѣли только показать ихъ шаткость, не желая однако рѣшительно встать на сторону противниковъ теоріи соціологической. Римскія преданія, римскія понятія не даютъ положительныхъ свидѣтельствъ въ подтвержденіе соціологической гипотезы; но въ нихъ можно найти то болѣе, то менѣе ясныя намѣки на былой гетеризмъ. Имѣя въ виду сохранившіяся въ видѣ переживаній указанія на первобытную половую беспорядочность у различныхъ народовъ арійскаго и неарійскаго происхожденія, можно надѣяться найти намѣки на эти первичныя учрежденія и у Римлянъ въ видѣ переживаній отъ тѣхъ отдаленнѣйшихъ временъ, когда народъ римскій, какъ таковой, не существовалъ еще или, лучше сказать, не выдѣлился изъ среды арійцевъ. Такіе намеки можно ожидать встрѣтить въ религиозныхъ обрядахъ, всего долѣе сохраняющихъ завѣты старины, и въ понятіяхъ юридическихъ, сложившихся еще у древнихъ аріевъ и съ тѣхъ поръ оставшихся дѣйствующими въ видѣ т. н. *jus gentium*. Примѣромъ первыхъ можетъ служить приводимое у Bernhöft'a (p. 138) мѣсто Сервія (*Servius ad Vergil. 4. 58*) относительно обрядовъ при богослуженіи богинѣ *Ceres*: „*Romae cum Ceresi sacra fiunt, observatur, ne quis patrem aut filium nominet, quod fructus matrimonii per liberos constat*“. Запрещеніе упоминать имя отца или сына при богослуженіи этой богинѣ не указываетъ на ненависть ея къ браву, она, напротивъ, была его покровительницей, а есть непо-

натный уже для самихъ Римлянъ остатокъ стариннаго гетеризма, при которомъ не было извѣстно отношеній между родителемъ и рожденнымъ. Примѣромъ вторыхъ можетъ служить правило *juris gentium: liberi jure gentium matris conditionem sequuntur* ¹⁾. Это правило формулировано, конечно, уже въ періодъ патриархальный, когда дѣйствовало противоположное ему положеніе о слѣдованіи дѣтей состоянію отца; но его происхожденіе скорѣе можетъ относиться къ періоду допатриархальному. Широкое распространеніе этого правила у народовъ арійскихъ и субсидіарное примѣненіе его во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда почему-либо не дѣйствовалъ патриархальный принципъ ²⁾ о подчиненіи домовладыгѣ,—все это, на мой взглядъ, можетъ дать основаніе предполагать, что правило это возникло тогда, когда арійская народность не распалась еще на отдѣльныя племена и когда она не знала семьи патриархальной.—Но и эти намѣки указываютъ, какъ сказано, на гетеризмъ не у народа римскаго, какъ такового, а у его прародителей, азіатскихъ аріевъ. Народъ римскій гетеризма уже не зналъ. Онъ возникъ въ то время, когда этотъ первичный порядокъ семейныхъ отношеній отступилъ передъ патриархальной семьей. Возникновеніе Рима происходитъ въ то время, когда появился уже индивидуальный бракъ и именно въ самой первой и грубой формѣ—похищенія. На это указываетъ одна изъ первыхъ легендъ римскихъ—легенда о похищеніи сабинянокъ.

¹⁾ *Gajus*, I. 86.

²⁾ Ср. *Dargun* *ibid.* p. 10, 11.

§ 3. Происхождение брака. Бракъ индивидуальный и его историческія формы въ Римѣ.

Всѣ народности, практиковавшія гетеризмъ въ началѣ своего существованія, переходятъ затѣмъ къ брагу, т. е. половому союзу индивидуально опредѣленныхъ лицъ для болѣе или менѣе продолжительнаго сожитія. Этотъ переходъ, а также и образованіе понятія о бракѣ совершаются не сразу, а шагъ за шагомъ, такъ что можно прослѣдить постепенное вымираніе беспорядочныхъ половыхъ отношеній и усиленіе идеи о союзѣ индивидуальномъ. Сначала бракъ является въ видѣ господства мужа надъ женою, подобнаго господству его надъ вещами, и лишь со времени возникновенія покупки женщины, какъ способа установленія половой индивидуальной связи, является возможность смягченія положенія жены въ силу договора между отцемъ невѣсты и ея женихомъ; наконецъ, понятіе о бракѣ, какъ союзѣ индивидуально опредѣленныхъ лицъ, создается съ выработкой личныхъ правъ женщины.—Вмѣстѣ съ перемѣной формы половыхъ соединеній измѣняется и понятіе о семьѣ и ея связующемъ началѣ —родствѣ. Материнство, служившее раньше единственной связью для родственной группы материнской семьи, теперь отходитъ назадъ, уступая первое мѣсто патерниту, какъ связи по подчиненію всѣхъ членовъ семьи единой власти домовладыки. Мѣсто материнской семьи поэтому занимаетъ семья патриархальная. Кровная связь между отцемъ и дѣтьми или, точнѣе, между господиномъ и подвластными ему домашними не играла при этомъ еще никакой роли, потому въ особен-

ности, что не была еще, вѣроятно, и открыта Домочадцы подчинялись домовладыкѣ, какъ плодъ или приплодъ, принесенный ему его подвластной женщиной. Понятіе о кровной связи между отцемъ и дѣтьми явилось впоследствии и окончательно сложилось лишь съ достиженіемъ человѣчествомъ болѣе высокой степени культуры. Кровная связь по матери съ водвореніемъ патернитета не потеряла совсѣмъ своего значенія, но лишь отступила, какъ сказано, назадъ. Правда, что при установленіи патернитета, сопровождавшемся потрясеніями въ семейномъ строѣ и насиліемъ надъ женщинами, родство по матери на нѣкоторое время лишилось всякаго значенія; но затѣмъ съ водвореніемъ мирной формы установленія патріархальной семьи—покупки женщинъ—оно получаетъ свое значеніе вновь, хотя играетъ уже второстепенную роль.

Причины, которые вызвали этотъ повсемѣстный переходъ отъ первобытнаго гетеризма къ браку, до сихъ поръ еще не установлены съ точностью, да едва ли когданибудь и будутъ установлены. Въ нашу задачу не входитъ, однако, всестороннее разсмотрѣніе созданныхъ учеными въ этой области предположеній¹⁾, и потому мы скажемъ объ этомъ лишь нѣсколько словъ.—Причины, вызвавшія такую безпримѣрную революцію въ семейномъ строѣ, были, вѣроятно, многочисленны и многообразны, и у отдѣльныхъ народностей—неодинаковы. Между ними наибольшую правдоподобность отличаютъ слѣдующія. Во первыхъ—вліяніе экономическаго быта и способа веденія хозяйства, намѣченное г. Н. Зиберомъ²⁾ и разработанное въ подробностяхъ проф. М. Ковалевскимъ³⁾. Естественный ростъ населенія въ предѣлахъ материнскаго рода, при первобытномъ способѣ добыванія средствъ къ жизни посредствомъ охоты и рыболовства, долженъ былъ необходимо повести къ расчлененію материнскаго рода на отдѣльныя маленькія группы, среди которыхъ отдѣльныя лица находятся въ болѣе близкомъ и постоянномъ общеніи, приводящемъ, наконецъ, къ индивидуальной половой связи и къ заступленію мужемъ по отношенію къ

¹⁾ Проф. *Ефимовъ* въ вышеуказанномъ трудѣ (р. 18 слѣд., 31 слѣд.) собралъ всѣ существующія гипотезы этнологовъ относительно причинъ перехода къ браку.

²⁾ Очерки первобытной экономической культуры, р. 351—368.

³⁾ Первобытное право. Родъ. р. 150 и слѣд. Выводамъ этого автора мы слѣдуемъ въ большинствѣ случаевъ.

женѣ мѣста прежняго старѣйшины ея—дяди или брата по матери. Если нація придерживалась безусловной эндогаміи, бывшей, какъ кажется, всеобщимъ явленіемъ въ началѣ существованія человѣческаго рода, то установленіе индивидуальной половой связи и господства мужа надъ женою происходило медленно, такъ какъ этому препятствовали воспоминанія о первоначальной независимости женщинъ. Но эндогамія, какъ увидимъ, сохранилась лишь у немногихъ народовъ, подавляющее же большинство ихъ перешло къ экзогаміи. При экзогаміи и особенно при господствѣ первой формы ея возникновенія т. е. похищенія женщинъ изъ другихъ общинъ—индивидуальная половая связь и господство мужа надъ женою могли и явиться скорѣе и быстрѣе укорениться. Преимущества новаго строя семейныхъ отношеній, конечно, не замедлили связаться въ бѣльшемъ приростѣ потомства, составляющаго силу и славу первобытнаго человѣка. Это послужило въ свою очередь къ усиленію новаго порядка вещей. Далѣе, немаловажнымъ обстоятельствомъ въ индивидуализаціи брачныхъ отношеній и установленіи господства мужа надъ женою и дѣтьми является развитіе права индивидуальной собственности. Какъ индивидуальный половой союзъ или бракъ, такъ и индивидуальная собственность выдвигаются постепенно изъ первобытнаго общенія. Впрочемъ, собственность является раньше брака; по крайней мѣрѣ это такъ относительно вещей движимыхъ; относительно же недвижимостей и изъ движимыхъ относительно вещей болѣе важныхъ или интересныхъ, въ которыхъ несомнѣнно надо отнести и женщинъ, такая собственность является лишь впоследствии ¹⁾. Индивидуализація имущественныхъ отношеній и накопленіе имущества вызвало естественное желаніе у отца передать свое достояніе дѣтямъ, а это, въ свою очередь, вызвало усиленіе связи между отцемъ и дѣтьми. Вотъ важнѣйшія причины, которыя всѣ вмѣстѣ или взятыя порознь и, вѣроятно, въ соединеніи съ другими менѣе значительными привели первобытное человѣчество къ переходу отъ гетеризма къ индивидуальной половой связи, называемой бракомъ.

¹⁾ Вотъ, между прочимъ, мѣсто *Страбона*, подтверждающее сказанное въ текстѣ. Склонъ „gladio poculoque excerptis reliqua omnia communia inter se habent inque primis uxores et liberos, Platonis instituto convenienter“ (*Strabo*, I. VII, с. 3, § 7).—Зависимость между законами развитія брака и собственности указываетъ *Giraud—Teulon*, ib. p. 3.—Проф. *Ковалевскій*, *Перв. Право. Семья*, p. 19.

Средства, при помощи которыхъ произошелъ этотъ переходъ къ индивидуальному браку, были у различныхъ народностей различны. У народовъ, практиковавшихъ экзогамію, первымъ средствомъ для этого было похищеніе женщинъ изъ другой народности. Впрочемъ слѣдуетъ замѣтить, что похищеніе не указываетъ еще непременно на индивидуальный бракъ; оно возможно и при гетеризмѣ, и экзогамическій гетеризмъ есть самая древняя форма экзогаміи ¹⁾. Похищеніе могло производиться всей общиной, а не однимъ членомъ ея; при этомъ похищенныя женщины могли поступать въ общее пользованіе всѣхъ мужчинъ по правиламъ гетеризма ²⁾. И то же самое похищеніе могло послужить средствомъ для перехода къ браку индивидуальному. Похищенныя женщины даже при существованіи гетеризма находились, вѣроятно, какъ плѣнницы, въ положеніи довольно зависимомъ отъ старѣйшины; эта зависимость ихъ съ распаденіемъ большаго материнскаго рода на мелкія группы, подъ вліяніемъ указанныхъ выше причинъ, не ослабла, а скорѣе усилилась и сложилась постепенно въ обязанность подчиненія женщины ея похитителю—мужу. Раздѣльность хозяйства и жизни этихъ мелкихъ соединеній вызвали и похищеніе женщины однимъ мужчиной и пользованіе ею преимущественно, если не исключительно, со стороны его же одного. Если эта фактическая узурпація женщины и не создала сразу права для мужчины на женщину и, съ другой стороны, не уничтожила для другихъ мужчинъ возможности пользоваться той же женщиной, то все-таки она указала цѣль, въ которой мужчина отнынѣ стремится, а также и всѣ выгоды достиженія этой цѣли. Стремленіе присвоить себѣ рождаемыхъ женщиною дѣтей и тѣмъ усилить себя и свое хозяйство, повидимому, можно наблюдать въ зачаткахъ еще въ періодѣ господства гетеризма. Въ этомъ смыслѣ, намъ вѣжется, слѣдуетъ понимать сказаніе Геродота объ Авсеяхъ (IV, 180): „и сообщеніе съ женщинами у нихъ смѣшанное, браковъ они не знаютъ и сообщаются, какъ животныя. Каждый мѣсяцъ мужчины ихъ собираются въ одно мѣсто, и если ребенокъ какой нибудь женщины пришелъ къ тому времени въ возрастъ, то онъ считается сыномъ того изъ мужчинъ, на

¹⁾ Ковалевскій, Законъ и обычай на Кавказѣ, р. 21. *Bernhöft*, Zeitschrift f. v. R. Bd. VIII р. 396. *Dargun*, ib. р. 83.

²⁾ Ковалевскій, Семья, р. 83.

котораго онъ похожъ“¹⁾. Если это такъ, то тѣмъ болѣе при образованіи индивидуальной связи между лицами разнаго пола естественно было появленіе у мужчины, господствующаго надъ женщиной, желанія присвоить себѣ всѣ плоды, этой женщиной приносимые. Но одного господства надъ женщиной было еще недостаточно, такъ какъ оно не было исключительнымъ, а считалось принадлежностью всѣхъ мужчинъ племени. Вотъ здѣсь могли придти на помощь искусственныя средства и различныя фивціи, которыя, какъ доказалъ Мэнъ, играли немаловажную роль въ устроеніи жизни первобытнаго человѣка. Къ такимъ средствамъ могутъ быть отнесены слѣдующія: обычай, называемый *la souvade* и представляющій изъ себя симуляцію акта рожденія со стороны мужчины²⁾, затѣмъ усыновленіе и принятіе новорожденнаго его отцемъ³⁾. Но при этомъ сказать, что патернитетъ устанавливается не иначе, какъ искусственнымъ путемъ, какъ дѣлаетъ это проф. Ковалевскій (р. 162), едва ли можно. Не вѣрнѣе ли признать, что эти искусственныя средства лишь подкрѣпили и дали внѣшній обликъ всему, совершенному главнымъ факторомъ въ этой области — узурпаціей въ пользованіи женщиной со стороны одного мужчины; это фактическое господство, эта узурпація, если угодно, этотъ продолжительный *usus* и былъ главнымъ факторомъ, создавшимъ подчиненіе всѣхъ, рожденныхъ женщиной, господствующему надъ ней мужчинѣ⁴⁾. Такимъ образомъ индивидуальный бракъ и присвоеніе мужчиной плодовъ отъ него возникли постепенно вслѣдствіе продолжительнаго фактическаго пользованія (*usus*) женщиной и всѣмъ рождаемымъ ею или вслѣдствіе застарѣлаго фактическаго господства надъ ними. Похищеніе, лежавшее въ основѣ этого господства, сначала создавало лишь удобныя условія для него. Но, затѣмъ, когда понятія

¹⁾ Ср. также *Post, Studien* p. 55.

²⁾ Обычай этотъ имѣлъ обширное распространеніе и даже практикуется еще теперь. Ср. *Страбонъ* (кн. III гл. 4. § 17) „женщины Иберіи послѣ родовъ укладываютъ въ постель мужей и ухаживаютъ за ними.“ Далѣе, *Ковалевскій*, Родъ p. 159, и приводимая имъ ссылка на *Cordier, La famille dans les Pyrénées*, описывающаго этотъ обычай, какъ дѣйствующій еще у Басковъ.

³⁾ Эти случаи разсмотрѣны и снабжены историческими примѣрами проф. *Ковалевскимъ* ib. p. 155—162.

⁴⁾ Ср. *Леббокъ*. Начало цивилизаціи, p. 72. *Letourneau*, ib. p. 341.

объ индивидуальной половой связи и объ ея послѣдствіяхъ установились и не нуждались болѣе ни въ какихъ побочныхъ и искусственныхъ средствахъ для своего существованія, тогда индивидуальная связь возникала съ момента овладѣнія женщиной со стороны мужчины, другими словами, тогда похищеніе само по себѣ, безъ продолжительнаго *usus*, создавало для мужчины право на женщину и на все ея потомство.—Можно думать, что народы, придерживавшіеся долгое время эндогаміи, также дошли до признанія индивидуальности въ половыхъ отношеніяхъ, хотя и запаздали, вѣроятно, сравнительно съ практиковавшими уже экзогамію. У нихъ *usus*, какъ средство образованія индивидуальнаго брака, не опирался на похищеніе, а потому гораздо медленнѣе и съ болѣшимъ участіемъ искусственныхъ средствъ привелъ къ желанному результату.

Было упомянуто раньше, что эндогамію можно считать общимъ явленіемъ у всего человѣческаго рода въ первыя времена его существованія. И хотя прямыхъ доказательствъ этого предположенія вообще не существуетъ, однако можно, кажется, настаивать на его правильности ¹⁾. Но затѣмъ, несомнѣнно, большинство народовъ оставляетъ этотъ первичный порядокъ и переходитъ къ установленію половыхъ сношеній съ членами другихъ обществъ—къ экзогаміи. Поэтому дѣйствіе эндогаміи или по крайней мѣрѣ воспоминаніе о ней можно найти лишь у очень немногихъ народовъ ²⁾. На первомъ мѣстѣ слѣдуетъ поставить евреевъ. Библейскій рассказъ о сотвореніи только одного мужчины и одной женщины и о размноженіи человѣческаго рода отъ этой пары прямо указываетъ на тѣсную эндогамію, на половыя сношенія по крайней мѣрѣ между братьями и сестрами; этотъ разсказъ, между прочимъ, можетъ навести на мысль, что эндогамія была вначалѣ всеобщимъ явленіемъ у людей. Затѣмъ на эндогамію у евреевъ указываютъ примѣры Авраама, женившагося на сестрѣ по отцу—Сарѣ ³⁾, и Лота, находившагося въ половыхъ сношеніяхъ съ родными

¹⁾ Намекъ на первоначальную эндогамію можно видѣть въ гимнахъ Ригъ—Веды: въ отказѣ сестры Ями вступить въ сожителство съ своимъ братомъ Яма. См. *Ковалевскій* Родъ р. 110, ссылается на *Миллера* *Вс. Очерки аріійской мѣологіи*.

²⁾ Ср. *Post*, *Die Grundlagen des Rechts und die Grundzüge seiner Entwicklungsgeschichte*. р. 198.

³⁾ Бытія XX 16, XXIV 53, XXXI 43.

дочерьми. Wilken ¹⁾ указываетъ, что эндогамія дѣйствовала у Арабовъ въ видѣ общаго правила. Евреи, какъ народъ тоже семитическаго корня, вѣроятно, также какъ и Арабы, придерживались эндогаміи въ видѣ общаго правила; это видно и изъ того, что отдѣльные случаи экзогамическихъ браковъ, упоминаемые въ книгѣ Бытія (Измаилъ женился на Египтянкѣ, а Исавъ на Хаттеянкахъ), всегда порицались ²⁾. Подъ вліяніемъ религіозныхъ началъ еврейскій бракъ сохранилъ свой эндогамическій характеръ и впоследствии.—Затѣмъ можно указать на былую эндогамію въ древней Индіи ³⁾ и современную у арійскаго племени Chins ⁴⁾, на эндогамію у Персовъ ⁵⁾ и рядъ примѣровъ, приводимыхъ Letourneau ⁶⁾.

Большинство народностей держалось и въ настоящее время держится экзогаміи. Если вѣрно предположеніе, что эндогамія вначалѣ была всеобщимъ явленіемъ и что лишь впоследствии большинство перешло къ экзогаміи, то можетъ возникнуть вопросъ, какими же причинами вызванъ былъ этотъ переходъ. Не вдаваясь въ подробности, замѣчу, что причины эти многочисленны, и каждый изъ авторовъ, касавшихся этого вопроса, настаиваетъ на своей. Особенно важной причиной представляется намъ недостатокъ внутри данной общины женщинъ, отчего бы это ни происходило—отъ причинъ естественныхъ, или отъ истребленія дѣтей женскаго пола, какъ являющихся излиш-

¹⁾ Das Matriarchat, p. 62. Мнѣніе этого автора можно подтвердить ссылкой на Страбона, который въ 16-ой книгѣ, главѣ 4-ой, § 25 (перевода Мищенко) говоритъ: „въ счастливой Аравіи имущество принадлежитъ сообща всемъ родственникамъ. Всѣ имѣютъ одну жену. Вошедшій къ ней прежде имѣетъ сообщеніе съ ней, поставивши предварительно передъ дверями палку. Ночь же супруга проводитъ съ самымъ старшимъ. Сообщаются у нихъ и съ матерями. Прелюбодѣяніе наказывается смертію, при чемъ прелюбодѣемъ считается всякій изъ *другаго рода*. Дочь одного изъ царей имѣла 15 братьевъ, которые всѣ любили ее и потому одинъ за другимъ входили къ ней непрерывно, пока царская дочь, уже истомленная, не придумала хитрости: она ставила палки, похожія на палки братьевъ“.

²⁾ XXI 21, XXIV 40, XXVI 34, 35, XXVIII 2, Исходъ XXXIV 16. Ср. *Лопухинъ* Законодательство Моисея p. 44, 45.

³⁾ Kohler, Indisches Ehe-und Familienrecht, въ Zeitschrift f. vergl. R. Bd. III p. 362 Anm.

⁴⁾ Kohler, въ Zeitschrift f. v. R. Bd. VI p. 187.

⁵⁾ Ср. Post, Grundlagen. p. 197, который утверждаетъ, что по Авестѣ бракъ въ близкихъ степеняхъ родства есть особенно богоугодное дѣло.

⁶⁾ L'Evolution du mariage et de la famille, p. 365.

ней обузой при кочевой жизни ¹⁾). Затѣмъ также важной причиной является произведеіе лучшаго потомства отъ скрещиванія, отъ половаго подбора и наоборотъ происхожденіе потомства слабаго отъ браковъ въ близкихъ степеняхъ родства. Знакомство съ этимъ закономъ природы могло явиться у человѣчества съ прирученіемъ домашнихъ животныхъ и съ того времени онъ оказалъ, несомнѣнно, вліаніе на брачныя сопряженія въ смыслѣ запрещенія ихъ между близкими родственниками сначала по матери, а затѣмъ и по отцу ²⁾). Эти запрещенія поддѣржались религіею, и такимъ образомъ возникло понятіе о грѣхѣ брака въ близкихъ степеняхъ ³⁾). Наличности этихъ двухъ причинъ совершенно достаточно для оправданія перехода къ экзогаміи. Вѣроятно, что эндогамія является признакомъ особой неразвитости международныхъ отношеній и что при иныхъ обстоятельствахъ она должна была уступить мѣсто экзогаміи, какъ болѣе удобной формѣ брачныхъ сопряженій, не препятствующей развитію понятія о родствѣ въ нашемъ смыслѣ слова и возникновенію столь естественнаго чувства отвращенія къ браку съ близкими родственниками ⁴⁾ ⁵⁾).—

¹⁾ Известно, что *Макъ-Ленанъ* выводитъ экзогамію именно изъ этого истребленія женскаго потомства. Но мысль его встрѣтила серьезныя возраженія. Возраженія *Мона* ми касались уже выше, здѣсь укажемъ на возраженіе *Wilken*, справедливо замѣчающаго (ib. p. 56), что избіеніе дѣвушекъ у всѣхъ народностей есть явленіе невозможное; тогда нельзя было бы говорить объ обычаяхъ похищенія дѣвицъ, такъ какъ некого было бы похищать. Далѣе, см. Проф. *Ефимовъ*, ib. p. 22 прим., и особенно его замѣчаніе, что экзогамія бываетъ и тамъ, гдѣ имѣется излишекъ женщинъ. *Ковалевскій М.* Родъ p. 113, 114, и особенно *Bernhöft Z. VIII* p. 178, который изъ обычая убивать дѣвушекъ, въ противоположность *Макъ-Ленану*, выводитъ не экзогамію, а эндогамію, такъ какъ недостатокъ въ женщинахъ и невозможность ихъ достать заставляютъ дорожить ими и удерживать въ той общинѣ, гдѣ онѣ родились.

²⁾ Проф. *Ковалевскій*, ib. p. 111, напрасно устраняетъ эту причину. Выставляемая имъ причина перехода къ экзогаміи—желаніе устранить проявленія ревности внутри общины, неумѣства. Развѣ приобрѣтеніе женщинъ изъ другой общины могло устранить ревность? Я полагаю: нѣтъ, и женщина и при экзогамическомъ гетеризмѣ также должна была являться яблокомъ раздора. Противъ мнѣнія г. Ковалевскаго говоритъ приведенный имъ (p. 110) примѣръ перехода къ экзогаміи у австралійскаго народа Камиларои, рѣшившагося запретить браки въ близкихъ степеняхъ родства въ виду ихъ дурныхъ послѣдствій.

³⁾ *Leist*, Altarisches Jus gentium, p. 396.

⁴⁾ *Letourneau*, ib. p. 81.

⁵⁾ *Post*, Studien p. 180, между прочимъ, какъ на причину экзогаміи, указываетъ на необходимость союза между родовыми сообществами ради внѣшней защиты. Таковъ былъ,

Исключительное господство экзогаміи, не допускающее рядомъ еще дѣйствія эндогаміи, существовало только среди общинъ, ограниченныхъ довольно тѣснымъ кругомъ и отличающихся, обыкновенно, отъ другихъ, подобныхъ себѣ соединеній, общимъ именемъ ¹⁾, присваиваемымъ каждому члену ея. Понятіе объ экзогаміи и эндогаміи здѣсь очень тѣсное. Съ образованіемъ болѣе обширныхъ общественныхъ группъ, заключающихъ внутри себя нѣсколько экзогамическихъ общинъ, понятіе объ экзогаміи остается въ прежнемъ видѣ и потому не препятствуетъ совершенію браковъ внутри такого обширнаго соединенія. Скорѣе подъ вліяніемъ политическихъ или религіозныхъ причинъ слагается запрещеніе совершать браки съ чужестранцами и такимъ образомъ возникаетъ вновь эндогамія. Но эта эндогамія можетъ существовать рядомъ съ прежде возникшей экзогаміей: родовой или общинной. Въ этомъ видѣ экзогамія и эндогамія не различаются рѣзко, какъ справедливо замѣтилъ Мэнъ ²⁾, но отсюда еще не слѣдуетъ, какъ утверждаетъ онъ, чтобы и раньше между ними не было рѣзкаго различія.

Похищеніе женщины изъ другихъ общинъ, послужившее средствомъ для созданія индивидуальной половой связи, со временемъ, съ наступленіемъ болѣе мирныхъ отношеній, замѣняется и болѣе мирнымъ способомъ совершенія индивидуальнаго брака—обмѣномъ женщинъ между общинами и покупкой ихъ. Такимъ образомъ, о покупке женщинъ слѣдовало бы говорить не какъ о средствѣ, приведшемъ къ возникновенію индивидуальнаго брака, а какъ о новомъ способѣ совершенія его. Но съ этимъ считаютъ невозможнымъ согласить, съ одной стороны, встрѣчающіяся извѣстія о покупке невѣсты цѣлымъ родомъ на общія средства, какъ показываетъ обычай черкесовъ: составлять нужный для приобрѣтенія невѣсты валымъ изъ добровольныхъ приношеній всѣхъ „братьевъ“ союза ³⁾, а съ

по его мнѣнію, договоръ между Ramnes и Tities. *Bernhöft* въ *Zeitschrift f. v. R.* Bd. VIII p. 178, 212 и 387 fg. указываетъ на вліяніе аскетизма и въ связи съ этимъ на отвращеніе отъ половыхъ сношеній внутри общины и допускаемое, въ видѣ исключенія, насиліе надъ женщинами другихъ общинъ.

¹⁾ У самоѣдовъ не совершается брака между носящими одно общее семейное имя. Ср. *Kohler*, *Zeitschrift f. v. R.* Bd. V p. 340.

²⁾ Древній законъ и обычай, p. 171.

³⁾ Ср. Проф. *Ковалевскій*. Законъ и Обычай на Кавказѣ, p. 11, 19.

другой—намеки на получение цѣны за проданную дѣвицу дядей ея по матери, являвшася старѣйшиной материнскаго рода ¹⁾. Г. Ковалевскій предлагаетъ признать, на основаніи подобныхъ извѣстій, куплю женщинъ существовавшю у народовъ еще во время гетеризма и материнской семьи ²⁾; причемъ продавцемъ дѣвицы и получающимъ за нее плату могъ быть старѣйшина материнскаго рода или въ его лицѣ вся община. „Этнографическія данныя до нѣкоторой степени оправдываютъ, говоритъ г. Ковалевскій, такую догадку: сплошь и рядомъ мы находимъ у этнографовъ примѣры народностей, которыя, при господствѣ материнства въ ихъ средѣ, въ то же время знаютъ покупку невѣсты ея женихомъ.“ Этотъ исконный обычай покупки г. Ковалевскій совмѣщаетъ съ общераспространеннымъ обычаемъ похищенія женщинъ ради брака, допуская его примѣненіе „въ средѣ самихъ родовыхъ сообществъ, которыя, какъ древнѣйшіе союзы мира, не могли, конечно, мириться съ порядкомъ заключенія брака путемъ похищенія; похищеніе же употреблялось для заключенія брака съ женщиной чужаго рода.“—Если утвержденіе г. Ковалевскаго о широкой распространенности обычая покупки женщинъ при существованіи материнства можетъ быть дѣйствительно подтверждено этнографическими данными, то не останется ничего другаго, какъ принять гипотезу о первоначальномъ примѣненіи покупки внутри родоваго общества. Но, въ сожалѣнію, кромѣ приведенныхъ выше извѣстій, извѣстій малочисленныхъ и скудныхъ, въ этомъ отношеніи больше ничего намъ не извѣстно. Подавляющее же число этнографическихъ фактовъ, напротивъ, указываетъ на покупку женщинъ, какъ на способъ совершенія брака, слѣдовавшій за похищеніемъ. При этомъ нѣкоторые авторы обычай покупки выводятъ изъ откупа или выкупа, даваемого похитившимъ дѣвицу ея родственникамъ ради прекращенія враждебныхъ дѣйствій съ ихъ стороны ³⁾.

Воспомяніе объ установленіи индивидуальной половой связи, приобрѣвшей со временемъ признаки современнаго намъ брака, сохранилось въ памяти нѣкоторыхъ народностей. Такъ, въ преданіяхъ гре-

¹⁾ Ср. напр. *Kohler, Zeitschrift f. v. R. Bd. VI p. 189*, о народности, называемой *Chins*.

²⁾ Первоб. право Семья, р. 82 слѣд.

³⁾ *Kohler, Zeitschrift f. v. R. Bd. V, p. 338*.

ковъ говорится ¹⁾, что основателемъ брака былъ Жекропсъ. Особенно ясно представляеть намъ этотъ переходъ отъ гетеризма къ браку указанное уже выше мѣсто Діонисія Галикарнаскаго (lib. II, с. 24. Переводъ Reiske): „quum agitur de nuptiis et consuetudine viroꝝ cum feminis . . . . alii quidem exemplum a brutis (τῶν θηρίων) sumentes, solutos et communes (κοινὰς) concubitus maris cum femina fecerunt. . . . alii vero *expulerunt e civitate protervos istos et belluinos concubitus, viros singulos cum singulis mulieribus conjungentes.*—Этотъ важный переворотъ въ жизни человѣчества, являющійся однимъ изъ самыхъ рѣшительныхъ шаговъ по пути прогресса, произошелъ, какъ мы видѣли, посредствомъ насилія, захвата женщинъ и отчасти, быть можетъ, путемъ продолжительнаго пользованія и покупки ихъ. Разнаго рода причины привели первобытнаго человѣка къ тому, что онъ предпочитаетъ имѣть свою особенную женщину—рабу и обладать всѣмъ ея потомствомъ; для достиженія этой цѣли онъ прибѣгаетъ въ насилію. Вотъ первый образъ того индивидуальнаго и моногамическаго брака, который составляетъ отличительную черту современной цивилизаціи.

Похищеніе женщинъ, явившееся главнѣйшимъ, если не единственнымъ, средствомъ возникновенія индивидуальной половой связи, было затѣмъ и первымъ способомъ совершенія ея. Исторія застаеть этотъ обычай у нѣкоторыхъ народовъ еще дѣйствующимъ, гдѣ мы и можемъ наблюдать его непосредственно. У другихъ народностей этотъ обычай исчезаетъ еще въ доисторическое время; но сохраняются ясныя слѣды его въ переживаніяхъ, преимущественно въ обрядахъ брачныхъ, которые, будучи разъ установлены, держатся долгое время, держатся даже тогда, когда смыслъ ихъ для дѣйствующихъ лицъ уже утраченъ или искаженъ.—Обращаясь теперь къ обзорѣнію свидѣтельствъ о существованіи похищенія или умычки женщинъ для брака у различныхъ народностей, мы остановимся только на выдающихся фактахъ въ этой области, посвятивши главное вниманіе вопросу о похищеніи у Римлянъ.

Начнемъ съ Индусовъ, какъ націи, сохранившей въ болѣе чистомъ видѣ древнеарійскія учрежденія. Въ сборникахъ сакрального

¹⁾ *Diodor*, I, 29. Ср. *Lasaulx*, *Geschichte und Philosophie der Ehe bei den Griechen*. р. 34.

права этого народа умычка для брака упоминается вполне ясно. Напр. *Arastamba* (*Arphorisms on the sacred Law*) II 5, 12, 2, говоритъ: „если (женихъ и его друзья) отнимутъ невѣсту, поборовши (силой) ее родителей (или родственниковъ), то это называется *Rākshasa*—свадьбой съ похищеніемъ“¹⁾. Въ такомъ же смыслѣ выражаются и другіе сборники индусскаго сакральнаго права, подобные *Arastamba*²⁾. Болѣе поздній сборникъ индусскаго права—*Ману*³⁾ представляетъ намъ похищеніе невѣсты, какъ особую гражданскую форму брака. Между восьмью формами совершенія брака *Ману* допускаетъ одну, называемую старымъ названіемъ—*Rākshasa* (*mode de géants*) и состоящую въ насильственномъ овладѣніи невѣстой. Она принадлежала специально кастѣ воиновъ⁴⁾. *Ману* говоритъ⁵⁾: „*quand on enlève par force, de la maison paternelle, une jeune fille, qui crie au secours et qui pleure, après avoir tué ou blessé (ceux qui veulent s'opposer à cette violence) et fait brèche (aux murs), ce mode est dit celui des Géants.* Этимъ текстомъ подтверждается прямое и очевидное насиліе. И этотъ способъ практиковался, согласно *Ману*, наряду съ другими, болѣе совершенными и цивилизованными (*ib. v. 25*). Мало того, *Ману* сохранилъ намъ способъ совершенія брака, пожалуй, еще болѣе низкій, чѣмъ бракъ воиновъ, но имѣющій въ своемъ основаніи то же первобытное похищеніе или насиліе. Это способъ, вампировъ (*Pisatchas*), описываемый въ *Ману* слѣдующимъ образомъ (*ib. v. 34*): „*lorsqu'un amant s'introduit secrètement auprès d'une femme endormie, ou enivrée par une liqueur spiritueuse, ou dont la raison est égarée, cet execrable mariage, appelé mode des Vampires est le huitième et le plus vil.*“ Но этотъ способъ былъ тогда же почти запрещенъ.—Похищеніе женщинъ для брака находимъ и въ правахъ народовъ, родственниковныхъ индусамъ. Такъ, объ этомъ бракѣ упоминается въ правѣ *Бирманцевъ* и въ правѣ *Пенджаба*⁶⁾.

¹⁾ Ср. *Leist*, *Altar. I. G.* p. 126, ann. 2.

²⁾ *Gautama, Vasishtha, Baudhāyana, Vishnu.* См. *Leist*, *ib.*

³⁾ Относительно времени, къ которому относится сборникъ *Ману*, см. *Мэнъ*, Древній законъ и обычай, p. 7.

⁴⁾ *Manava—Dharma—Sastra* (lois de Manou) trad. par *Loiseleur Deslongchamps* L. III v. 23. Ср. *Gibelin*, *ibid.* p. 27.

⁵⁾ L. III v. 33.

⁶⁾ Ср. *Kohler*, *Zeitschrift f. v. R.* Bd. VI, p. 168 и Bd. VII, p. 227.

Переходимъ теперь къ арійцамъ, переселившимся въ Европу. Похищеніе невѣстъ у Славянъ засвидѣтельствовано намъ столь же ясно, какъ и въ законахъ Ману, нашимъ лѣтописцемъ Несторомъ. „Древляне живяху звѣриньскимъ образомъ, живуще скотьски . . . и брака у нихъ не бываше, но умыкиваху у воды дѣвица. И Радимичи и Вятичи и Сѣверъ одинъ обычай имяху: живяху въ лѣсѣ, яко же всякій звѣрь . . . браци не бываху въ нихъ, но игрища межю селы. Схожахуся на игрища, на плясанье и на вся бѣсовская игрища и ту умыкаху жены себѣ, съ нею же кто свѣщашеся; имяху по двѣ и по три жены“ ¹⁾. Похищеніе или умычка ²⁾ практиковались также и у другихъ славянскихъ племенъ; но наиболѣе яркій примѣръ представляетъ сербская „отмица“, о которой повѣствуетъ Вукъ Караджичъ въ слѣдующихъ словахъ ³⁾: „на отмицу выходятъ съ оружіемъ, какъ на войну; иногда похитители поджидаютъ дѣвушку у стада или когда она пойдетъ за водою, хватаютъ ее и уводятъ; а иногда нападаютъ на домъ ночью, какъ разбойники, окружаютъ домъ и связываютъ отца и братьевъ, пока не найдутъ дѣвушки и не уведутъ ее. Иногда братья и родственники дѣвушки дерутся съ похитителемъ и бой бываетъ кровавый . . . Всему селу срамота, если изъ села уведутъ дѣвушку, а похитителямъ—еще больше, если воротятся одни.“ Сюда же надо отнести приводимыя *Шулминымъ* (О состояніи женщинъ въ Россіи до Петра В. р. 85) слова Мелетія: . . . . non ducuntur, sed rapiuntur in matrimonium. Далѣе, есть множество свадебныхъ обрядовъ, практиковавшихся и даже практикующихся теперь, въ которыхъ сказывается древнѣйшій обычай умычки ⁴⁾. Проф. Загоровскій выражаетъ сомнѣніе, можно ли отнести засвидѣтельствованную намъ лѣтописцемъ умычку къ первоначальной эпохѣ возникновенія индивидуальнаго брака; онъ справедливо говоритъ, что умычка въ лѣтописи обставлена нѣкоторыми условіями, указывающими на болѣе высокую

¹⁾ Лаврентьев. списокъ. 6. Приведено у проф. А. И. Загоровскаго—О разводѣ по русскому праву.

²⁾ Терминъ встрѣчается и въ Уставѣ Ярослава. Ср. Проф. Загоровскій, ib. р. 7.

³⁾ Заимствуемъ ихъ изъ сочиненія проф. *Шилевскаго*, Семейныя власти у древнихъ Славянъ и Германцевъ. Каз. 1869. р. 21.

⁴⁾ См. у проф. *Загоровскаго*, ib. р. 5. *Шилевскаго*, ib. *Смирновъ*, Очерки семейныхъ отношеній по обычному праву русскаго народа. М. 1878.

степень культуры (напр. соглашеніе между похитителемъ и похищаемой). Но это, по нашему мнѣнію, не устраняетъ возможности признавать, что въ болѣе раннее время та же умычка или, если угодно, въ болѣе грубомъ видѣ была способомъ добыванія женщ¹⁾. У русскихъ инородцевъ похищеніе для брака сохраняется также: иногда въ видѣ воспоминаній о былой умычкѣ, а иногда въ видѣ дѣйствительнаго еще обычая²⁾.

Похищеніе женщинъ для брака было однимъ изъ самыхъ распространенныхъ обычаевъ между западно-европейскими народами, съ которыми долгое время должны были бороться христіанская религія и законодательство. Доказательства существованія его у Германцевъ и Кельтовъ собраны у проф. Шилевскаго³⁾ и Сокольскаго⁴⁾. Особенно выдается въ этомъ отношеніи древне-ирландское право, собранное въ „Великой Книгѣ Древняго Закона (Senchus—Mor).“

Наконецъ, можно привести рядъ свидѣтельствъ въ пользу существованія умычки у Грековъ и Римлянъ. Діонисій Галикарнасскій (I. II с. 30), говоря о похищеніи Сабинянокъ, даетъ интересныя объясненія и сопоставленія древне-римской жизни съ древне-греческой. Онъ говоритъ (переводъ Reiske): *Quum undique multae gentes et magnae et bellicosae essent urbi finitimae, quorum nulla Romanis amica erat, has per connubia sibi conciliare volens (qui mos contrahendae amicitiae a priscis firmissimus habebatur) . . . . decrevit (quod etiam Numitor avus ejus probavit) captis non paucis virginibus connubia facere . . . . junioribus impetravit, ut . . . . raperent virgines . . . docuit (virgines) non injuriae sed connubii causa ipsas raptas fuisse: et demonstravit morem istum et graecum et antiquum esse (ἑλληνικὸν τε καὶ*

¹⁾ На былую умычку указываетъ и современный терминъ для обозначенія совершенія брака—*свадьба*, по корню и по смыслу сходный съ древне-русскимъ словомъ *свадь*.

²⁾ У черкесовъ похищенія невѣстъ были весьма частыми и бракъ съ похищеніемъ предпочитался браку обыкновенному. Сутки, проведенныя дѣвицей въ домѣ похитителя, дѣлали ее законною женою. Ср. Проф. *Леонтовичъ*, Адамы кавказскихъ горцевъ, р. 172 слѣд., 228, и *Дубровинъ*, Исторія войны и владѣтельства Русскихъ на Кавказѣ. Т. 1-й р. 133, 134. — Воспоминаніе о похищеніи сохраняется у Туркменовъ. Ср. статью „Наши сосѣди въ средней Азіи: Хива и Туркменія“. Спб. 1873 р. 50. — *Пржевальскій* свидѣтельствуетъ о дѣйствительномъ похищеніи женщ у Тангутовъ.

³⁾ ib. р. 28.

⁴⁾ Къ ученію объ организаціи семьи и родства, р. 22.

ἀρχαῖον ἀποράντων τὸ ἔθος). Здѣсь засвидѣтельствовано, что бракъ у Грековъ совершался нѣкогда черезъ умычку, и похищеніе сабинянокъ ставится съ ней на одну ступень; здѣсь же указывается между прочимъ и на болѣе мирныя формы совершенія брака, именно на соглашенія между сосѣдними народами о вступленіи въ бракъ (connubium); но это соглашеніе завязывается послѣ замиренія враждующихъ сторонъ и превращенія умычки женщинъ. Затѣмъ имѣется подобное же извѣстіе о Грекахъ (именно Лакедемонцахъ) у Плутарха. (Lucurgus c. 15, Переводъ Doehner): *rapiabant autem eas, quas ducerent . . . Raptas sibi que traditae caput pronuba radit . . etc.*—То же самое можно вывести изъ Илліады, в. IX, ст. 343 и в. I, ст. 184.

Въ Римѣ, какъ сказано выше, не было гетеризма, какъ первичной стадіи въ развитіи понятія о бракѣ, такъ какъ римская нація, по нашему мнѣнію, возникла тогда, когда первичная стадія беспорядочности въ половыхъ сношеніяхъ была уже перейдена народами, изъ сложенія которыхъ образовалось римское государство. Но въ дальнѣйшемъ развитіи брачной идеи народъ римскій идетъ тѣмъ же путемъ, какъ и народности, упражнявшія гетеризмъ. Мы полагаемъ, что Римъ возникъ въ то время, когда народы, его образовавшіе, совершали бракъ посредствомъ умычки. На существованіе такого способа совершенія брака указываетъ упомянутое уже преданіе о похищеніи сабинянокъ во время общаго праздника въ честь Нептуна ¹⁾. Это похищеніе, какъ говоритъ Діонисій, произошло не съ цѣлю какой либо обиды, а ради брака (ἐπὶ γάμῳ); тоже самое говоритъ и Плутархъ ²⁾.—Что этотъ случай умычки не былъ единичнымъ, какъ можно было бы думать, указываетъ приведенное выше мѣсто Діонисія, называющее обычай похищенія стародавнимъ (antiquum), а съ другой стороны на это указываетъ цѣлый рядъ брачныхъ обрядовъ послѣдующаго времени, представлявшихъ переживанія отъ временъ давно минувшихъ. Свадебные обряды римскіе свидѣлствуютъ объ этомъ ясно и опредѣленно. Такъ, одной изъ необходимыхъ по древне-римскимъ понятіямъ обрядностей брачныхъ является символическое похищеніе невѣсты. Этотъ обрядъ совершался послѣ другихъ символическихъ и религіозныхъ

¹⁾ Livius I c. 9., Strabo V. 4. 2., Діонисій Галикарнасскій II c. 30.

²⁾ Romulus c. 14, 15. Comparatio Thesei cum Romulo c. 6.

дѣйстви́й (ауспицій, *dextrarum junctio*)¹⁾ и относился скорѣе къ исполненію, чѣмъ къ совершенію брака. Фестъ такъ описываетъ обрядъ похищенія:

Rapi simulatur virgo ex gremio matris aut si ea non est, ex proxima necessitudine, cum ad virum trahitur.

Не менѣе ясно выражается Макробій въ *Saturnalia* (I 15, 21). . . . *nuptiae, in quibus vis fieri virgini videtur.*

Невѣста отнимается у матери и влечется въ домъ своего будущаго мужа (*domum deducitur*): ее ведутъ за руки²⁾ и переносятъ на рукахъ черезъ порогъ мужняго дома. Перенесеніе черезъ порогъ, получившее впоследствии другое объясненіе³⁾, было въ дѣйствительности лишь послѣднимъ актомъ похищенія женщины. Связь его съ первобытной умышкой даетъ намъ Плутархъ въ слѣдующемъ мѣстѣ о похищеніи сабинянокъ:

*Servatur hinc etiam hodie, ne limen sponsa ipsa transcendet in cubiculum, sed sublata inferatur, quod vi tunc illatae non ingressae essent*⁴⁾.

Итакъ, отнятіе невѣсты у матери ея, *domum deductio* при участіи сверстниковъ жениха и, наконецъ, перенесеніе черезъ порогъ представляютъ собой всю процедуру похищенія и нагляднымъ образомъ удостовѣряютъ совершеніе брака. Эта наглядность, свойственная вообще Римлянамъ, и была, вѣроятно, причиной того, что символъ похищенія существовалъ такъ долго и игралъ столь существенную роль въ совершеніи позднѣйшаго брака⁵⁾—Обрядъ похищенія у Римлянъ

¹⁾ Уже *dextrarum junctio* напоминаетъ былую умышку, такъ какъ невѣста передается жениху не родителями, а свахой—*pronuba, connuba*.

²⁾ *Plutarchi Quaestiones romanae* 29; *Festus* s. v. *Patrimi et matrimi* . . . . *unus qui facem praefert ex spina alba, quia noctu nubebant, duo qui tenent nubentem.*

³⁾ *Plutarchus* ib. Полагали, что перенесеніе черезъ порогъ совершалось ради избѣжанія дурныхъ примѣтъ отъ прикосновенія къ порогу. Но этотъ предразсудокъ—новѣйшаго происхожденія, онъ сложился потомъ, когда надо было объяснить старій и уже неопытный обычай.

⁴⁾ *Romulus* c. 15. *Дюнисій Галикарнасскій* II с. 30.º

⁵⁾ На похищеніе указываетъ еще римскій обычай, по которому невѣсты передъ бракомъ расчесываютъ волосы инструментомъ на подобіе копья (*hasta coelibaris*), которое по предположенію Феста (s. h. v.) есть символъ подчиненія физическому насялію мужчинъ: *vel quod nuptiali jure imperio viri subjicitur etc.*

имѣть много общаго съ таковыми же у другихъ народовъ и въ особенности съ обрядами русской свадьбы ¹⁾. Это обстоятельство указываетъ на одинаковую причину ихъ происхожденія, т. е. на первобытную умычку.

Послѣ всего сказаннаго о похищеніи женщинъ, полагаю, можно съ достовѣрностью заключить, что въ жизни многихъ народовъ арийскаго корня, какъ населившихъ Европу, такъ и оставшихся въ Азіи, былъ извѣстный періодъ времени, когда бракъ совершался посредствомъ умычки.—Но этимъ не предрѣшается еще вопросъ: было ли похищеніе явленіемъ всеобщимъ, общечеловѣческимъ и является ли оно необходимой переходной ступенью къ слѣдующей формѣ брака посредствомъ покупки. Post въ одномъ изъ своихъ первыхъ трудовъ ²⁾ полагалъ именно такъ, что умычку женщинъ можно считать за явленіе непремѣнно появляющееся у всякой народности на извѣстной ступени развитія. Letourneau ³⁾ высказывается противъ такого распространенія, но по причинѣ, которую нельзя признать вполне правильной. Онъ говоритъ, что желавшій могъ всегда приобрести себѣ женщину посредствомъ обмѣна. Но это можно сказать только о болѣе позднемъ времени, когда рядомъ съ умычкой возникла мирная форма овладѣнія женою—обмѣнъ или покупка. Это можно сказать также о возникновеніи индивидуальнаго брака внутри общины; но при эзотгаміи на первыхъ порахъ такой обмѣнъ невозможенъ.

Женщина, похищенная изъ другой общины, была плѣнницей и потому попадала въ рабское положеніе. Ея похититель былъ ея господиномъ, который могъ распоряжаться ея жизнью и смертію ⁴⁾. И

¹⁾ Проф. *Загоревскій* *ibid.* p. 8, 9. Перенесеніе новобрачной въ домъ мужа на рукахъ въ Великороссіи. См. *Ковалевскій* Перв. право. Семья p. 96.—У Грековъ невѣста убѣгала къ домашнему алтарю и оттуда бралась силой и отводилась или отвозилась въ домъ жениха. *Roszbach* *ibid.* p. 213 fg.—У Киргизовъ обрядъ похищенія съ притворнымъ сопротивленіемъ невѣсты составляетъ необходимый обрядъ брака. См. „Русскій Туркестанъ.“ статья *Ибраимова* p. 143. Также у Туркменъ. См. „Наши сосѣди“ p. 49. *Дубровинъ* *ibid.* p. 143, 147; выводъ невѣсты.

²⁾ *Die Geschlechtsgenossenschaft der Urzeit und die Entstehung der Ehe.* 1875. p. 56.

³⁾ *ibid.* p. 127.

⁴⁾ Страннымъ представляется намъ мнѣніе *Gide* (*ib.* p. 26), который, признавая предшествующій браку гетеризмъ, говоритъ, что съ появленіемъ брака положеніе женщины радикально измѣнилось: потерявъ прежнюю независимость (при гетеризмѣ), она приобрѣла моральное достоинство.—Напротивъ, она была въ началѣ рабой и только долго спустя подъ вліяніемъ религіи etc. стала подниматься изъ первоначальнаго ничтожества.

не только она сама, но и все ее потомство, подобно плодамъ отъ вещи плодоприносящей, принадлежало всецѣло ея господину. Такъ объясняется древне-римское понятіе о семьѣ—*familia*, какъ о совокупности предметовъ, подвластныхъ властелину; съ чѣмъ стоитъ въ связи и этимологическое производство термина *familia* отъ *famulus*—рабъ, порабощенный¹⁾.—Такое полное подчиненіе женщины и такое низкое положеніе ея не согласно съ понятіемъ о бракѣ, какъ союзѣ мужчины и женщины, требующемъ для своего возникновенія хотя нѣботораго признанія личности жены; но жена-раба по древнеримскому понятію приравнивалась къ вещи, а потому о союзѣ между господиномъ и ею, конечно, не могло быть и рѣчи. Letourneau справедливо, хотя и нѣсколько рѣзко говоритъ²⁾, что видѣтъ въ такихъ примитивныхъ, звѣриныхъ обычаяхъ что либо подобное современному браку, это значило бы быть одержиму маніей, и что на основаніи ихъ слѣдуетъ говорить не о возникновеніи брака чрезъ умычку, а просто о рабствѣ. Въ виду этого слѣдуетъ полагать, что понятіе о бракѣ въ собственномъ смыслѣ зародилось гораздо позднѣе и именно при слѣдующей за умычкой формѣ приобрѣтенія жены—посредствомъ купли.

Умычка женщинъ не всегда, конечно, проходила безнаказанно, скорѣе слѣдуетъ думать, что она обыкновенно вызвала репрессалии со стороны родственниковъ похищенной, стремившихся отнять ее и вообще отомстить за похищеніе. Такимъ образомъ возникали даже войны между сосѣдними общинами. Чтобы умиротворить обиженныхъ и избѣжать ихъ мести, похитители прибѣгаютъ къ выкупу, подобному выкупу за голову, замѣнившему кровную месть. Этотъ выкупъ служилъ средствомъ сближенія враждовавшихъ сторонъ, и такимъ образомъ война смѣнялась миромъ. Возникновеніе мирныхъ отношеній изъ брака засвидѣтельствовано намъ ясно Діонисіемъ относительно древнихъ Римлянъ³⁾; то же самое можно наблюдать и у другихъ народностей⁴⁾.

1) *Festus* s. h. v *Famuli origo ab Oscis dependet, apud quos servus „famel“ nominabatur, unde et familia vocata.*

2) *Ibid.* p. 118: Pour voir dans ces coutumes bestiales quelque chose qui ressemble à un mariage, il faut être en proie à une idée fixe, à une vraie monomanie matrimoniale. Il n'y a point là de mariage par capture, mais bien de l'esclavage par capture.

3) Діонисій Галикарнасскій, II 30, приведено выше.

4) Дубровинъ, *Ib.* p. 134, говоритъ, что сутки, проведенные дѣвушкой въ домѣ похитителя, дѣлали ее законною женою черкеса. Тогда никто не въ правѣ былъ отнять ее

Затѣмъ практика выкупа постепенно привела къ образованію обычая покупать жену или, говоря точнѣе, вымѣнивать ее на другіе движимые предметы, напр. оружіе, скотъ, а потомъ вымѣнивать ее на другую женщину—родственницу, напр. на сестру¹⁾. Обмѣнъ есть спутникъ мирныхъ сношеній; но такія сношенія въ первобытныя времена постоянно прерываются, смѣняются враждою, а потому нельзя ожидать, чтобы съ возникновеніемъ обмѣна похищеніе уничтожилось навсегда; сверхъ того оно практикуется еще и во время мира со стороны тѣхъ мужчинъ, которые не имѣютъ средствъ для вымѣна жены. Такимъ образомъ постепенно возникаетъ вторая форма приобрѣтенія жены—мѣна, а съ появленіемъ понятія о деньгахъ, роль которыхъ въ Римѣ первоначально игралъ мелкій скотъ, появилось понятіе купли. Этотъ способъ приобрѣтенія жены былъ болѣе сообразенъ съ условіями внѣшней и внутренней жизни народовъ, а потому скоро нашелъ себѣ самое широкое примѣненіе. Мы изложимъ здѣсь вопросъ о покупкѣ женъ только у тѣхъ народностей, права и обычаи которыхъ могутъ представлять интересъ при сравненіи ихъ съ правами и обычаями римскими.

Въ Индіи существованіе покупки женщинъ для брака несомнѣнно. Такъ, сборники сакрального права, цитируемые Лейстомъ²⁾, говорятъ: *Arastamba* II 5, 12, 1: „если свободный человѣкъ заплатитъ (за свою невѣсту) по своимъ средствамъ и затѣмъ женится на ней, то эта форма брака называется *Asura*“. Или еще: *Vāsishtha Dharmaçāstra*, I. 35, говорятъ: „если свободный, совершивши куплю съ отцемъ, женится на купленной дѣвицѣ, то эта форма брака называется *Mānusha—gītus*“. Въ законахъ Ману, сборникѣ, относящемся къ болѣе позднему времени, когда купля женъ уже запрещалась, можно ожидать встрѣтить только слѣды этого обычая. И дѣйствительно, только въ нѣкоторыхъ стихахъ содержатся указанія на практикующуюся еще куплю женъ, въ большинствѣ же мѣстъ преподается наставленіе не только избѣгать ея, но даже презирать. Такое запрещеніе высказано въ сти-

и дѣло обыкновенно кончалось третейскимъ судомъ, который назначалъ калымъ.—Ib. p. 329 о выкупѣ за похищеніе у Осетинъ. Калымъ приравнивается выкупу у Хивинцевъ, см. статью: „Наши сосѣди“ p. 112.

¹⁾ Ср. *Letourneau*, p. 113. *Kohler*, *Zeitschrift f. v. R.* Bd. III p. 345 объ обмѣнѣ дѣвушками въ Индіи. Проф. *Ковалевскій*. Семья p. 111.

²⁾ *Jus gentium*, p. 127, Anm.

хахъ 31 и 25 книги 3-ей ¹⁾: 31. Si le prétendu reçoit de son plein gré la main d'une fille, en faisant aux parens et à la jeune fille des présens selon ses facultés, ce mariage est dit celui des mauvais Génies (Asouras). Повидимому, купля женъ, практиковавшаяся согласно сказанному выше въ Arastamba, практикуется еще и во времена Ману. Но стихъ 25-ый говоритъ, что бракъ Asoura уже запрещенъ: Mais ici (dans ce livre), parmi les cinq (derniers mariages), trois sont reconnus légaux et deux illégaux; le mode de Vampires (Pisâtchas) et celui des mauvais Génies ne doivent jamais être mis en pratique. Въ подаркахъ родителямъ невѣсты законъ усматриваетъ запрещенную куплю женъ, что особенно ясно видно изъ стиха 51-го: un père qui connaît la loi ne doit pas recevoir la moindre gratification en mariant sa fille; car l'homme qui, par cupidité, accepte une (semblable) gratification, est considéré comme ayant vendu son enfant. Это вытекаетъ также изъ сопоставленія указанныхъ стиховъ со стихомъ 29-мъ, гдѣ описывается форма совершенія брака, называемая Richis, и гдѣ допускается передача женихомъ родителямъ невѣсты коровы и быка, но не ради вознагражденія за дѣвицу, а для жертвоприношенія. Только такіе подарки со стороны жениха и не воспрещены. Впрочемъ, какъ сказано уже, въ другихъ стихахъ той же книги говорится не столь рѣшительно о воспрещеніи подарковъ или даже вовсе не говорится о немъ, что указываетъ на живучесть обычая покупки женщинъ. Такъ, въ стихѣ 93-мъ книги 9-ой говорится: celui qui épouse une fille nubile ne donnera pas de gratification au père. Практика подарковъ и связь ихъ съ бывшей куплей ясно отмѣчена далѣе стихами 97-мъ и 98-мъ: si une gratification a été donnée pour (obtenir la main) d'une demoiselle et si le prétendu vient à mourir . . . etc. Un Soudra même ne doit point recevoir de gratification en donnant sa fille en mariage; car le père qui reçoit une gratification vend sa fille d'une manière tacite. Наконецъ, въ связи со стихами, трактующими о послѣдствіяхъ обмана продавцемъ покупщика, стоитъ стихъ 204-ый книги восьмой, который вполне ясно указываетъ на куплю женъ: si après avoir montré au prétendu une jeune fille (dont la main lui est accordée moyennant une gratification) on lui en donne une autre pour épouse,

¹⁾ Заимствовано у *Loisieur Deslongchamps*.

il devient le mari de toutes les deux pour le même prix; telle est la décision de Manou.—Существованіе купли женъ въ Индіи подтверждается намъ также извѣстіемъ Страбона ¹⁾, который говорить: . . . multas nuptas habent, quas a parentibus accipiunt, pari bonum emptas etc. ²⁾.

Существованіе покупки женщинъ у семитовъ и особенно у евреевъ можно признать также несомнѣннымъ. Правда, цѣлый рядъ ученыхъ отвергаетъ куплю женщинъ у евреевъ; но ихъ утвержденія истекаютъ изъ предвзятой идеи—возвеличенія народа еврейскаго, съ чѣмъ, по ихъ мнѣнію, несомнѣнно допустить куплю женщинъ для брака. Въ нашей литературѣ существуетъ трудъ проф. Осипова, представившаго вопросъ съ объективною ясностію и доказавшаго, что купля у евреевъ была ³⁾. Съ особенною силою подтверждаетъ существованіе покупки женщинъ у Евреевъ ссылка на примѣры Іакова ⁴⁾, получившаго своихъ женъ въ вознагражденіе за службу (в. Бытія XXIX, 15 и слѣд.), а также Осія (Осія III, 2) и Сихема (в. Бытія XXXIV, 11, 12) ⁵⁾. Правда, что источники еврейскаго права не говорятъ прямо о куплѣ, а, большею частію, о подаркахъ родственникамъ невѣсты; но эти подарки суть такіе-же остатки прямой купли, какими они являются въ правѣ индусскомъ. Къ тѣмъ же выводамъ и по тѣмъ же основаніямъ пришелъ Мауег въ своемъ сравнительномъ изложеніи правъ еврейскаго, греческаго и римскаго ⁶⁾; онъ же показываетъ намъ и послѣдующія видоизмѣненія купли женщинъ: обращеніе цѣны въ приданое дѣвицѣ, запрещеніе купли и затѣмъ форму брака съ передачей отцу невѣсты какой либо монеты, какъ воспоминанія о прежде бывшемъ обычаѣ покупки ⁷⁾.

¹⁾ Lib. 15 c. 1. § 54. Также *Bohlen*, Das alte Indien p. 145.

²⁾ Купля женъ была въ Арменіи, см. *Leist*, *ibid* p. 49, и въ Пенджабѣ, см. *Kohler*, *Zeitschrift f. v. R.* Bd. VII, p. 227.

³⁾ Брачное право древняго востока. Вып. 1-ый 1872, p. 179 слѣд.

⁴⁾ Примѣръ приобрѣтенія жены за службу, подобно Іакову, можно найти у кавказскихъ горцевъ. См. *Дубровинъ*, *ibid*. p. 333, и у Хивинцевъ, см. „Наши сосѣди etc.“ p. 118. Ср. еще *Post*, *Geschlechtsgenossenschaft*, p. 71.

⁵⁾ Сюда же относятся слѣдующія мѣста Библии: Кн. Бытія XII, 16; XX, 16; Второзаконіе XXII, 29.

⁶⁾ *Mayer Sam*. Die Rechte der Israeliten, Athener und Römer. Zweiter Band. Das Privatrecht. Leip. 1861. p. 325 fg.

⁷⁾ Ср. еще *Капустинъ М. Н.* Исторія права, p. 168.—Противъ примѣненія у Евреевъ купли, какъ способа приобрѣтенія жены, выступаетъ *Saalschütz*, *Mosaisches Recht*,

У европейскихъ аріевъ существованіе покупки женщины для брака стоитъ внѣ всякаго сомнѣнія. У славянъ существованіе ея доказывается, между прочимъ, слѣдующими свидѣтельствами. Нашъ лѣтописецъ часто упоминаетъ о вѣнѣ, подъ которымъ надо разумѣть плату за невѣсту. Напримѣръ: „въ си же времена вѣсть Ярославъ сестру свою за Казимира, и вѣсть Казимиръ за *стѣ*лю людей 8 сотъ“¹⁾. Напротивъ, попытка объяснить выдачу вѣна не въ смыслѣ покупки, а въ смыслѣ подарковъ²⁾, вполне опровергается доказательствами проф. Шпилевскаго:³⁾ онъ справедливо указываетъ, что смыслъ слова „вѣно“ хорошо объясняется производнымъ глаголомъ „вѣнити“ (vendere), означающимъ „продавать“, „оцѣнивать.“ Въ этомъ смыслѣ слово это употребляется, по словамъ проф. Шпилевскаго, въ церковно-славянскомъ языкѣ, на примѣръ въ славянскомъ переводѣ Библии⁴⁾. Существованіе купли у Славянъ подтверждается, далѣе, извѣстіемъ о примѣненіи ея у славянъ балтійскихъ. Такъ, проф. Котляревскій⁵⁾ говоритъ объ этихъ славянахъ, что „бракъ у нихъ совершался посредствомъ купли—продажи: отецъ семьи покупалъ для себя и для сына невѣсту у ея родителей; купленная жена считалась семейною собственностію или имуществомъ и, по смерти мужа, переходила къ пасынку или деверю, какъ всякое другое наслѣдство.“ Сюда же должно отнести свидѣтельство арабскаго писателя Казвини, говорящаго о Руссахъ: „тотъ, у кого родилось двѣ или три дочери, обогащается, тогда какъ имѣющій двухъ, трехъ сыновей дѣлается бѣднякомъ,“ а также свидѣтельства Караджича о славянахъ сербскихъ⁶⁾. Наконецъ, существованіе обычая покупки женъ у славянъ подтверждается сохранившимися у насъ даже до сего дня свадебными обычаями, между

р. 733, а вслѣдъ за нимъ *г. Лопухинъ* въ указанномъ уже сочиненіи „Законодательство Моисея.“ Они объясняютъ иначе приведенные въ текстѣ примѣры; но ихъ толкованіе не подтверждается ни историческимъ ходомъ развитія брачныхъ отношеній, ни аналогичными примѣрами другихъ семитическихъ народовъ, напр. арабовъ, ни примѣмъ, наконецъ, смысломъ словъ Священнаго Писанія.

1) Лаврентьев. списокъ стр. 67 г. 6551. Приведено у проф. *Загоровскаго*, *ibid.* р. 17.

2) *Шульгинъ*, *ibid.* р. 28, и *Добряковъ*. Русская женщина въ домонгольскій періодъ.

3) *Ibid.* р. 33, опирается на мнѣніе *С. М. Соловьева*. Исторія I, пр. 63.

4) То же толкованіе слова „вѣно“ поддерживаетъ и проф. *Загоровскій*, *ibid.* р. 18.

5) Древности права балтійскихъ Славянъ р. 89.

6) См. у проф. *М. Ф. Влад.-Буданова*, Обзоръ, р. 90, и проф. *Шпилевскаго*, р. 30.

которыми особенно выдается приводимый г. Терещенко ¹⁾ обычай въ г. Нерехтѣ: покупать невѣсту за деньги. Поэтому-то въ брачныхъ обрядахъ женихъ „постоянно называется купцемъ, невѣста—товаромъ,“ а передача ея сходна съ обрядомъ передачи проданной вещи ²⁾.

Существованіе покупки женщинъ у Германцевъ доказывается прежде всего свидѣтельствомъ Тацита (*Germania* с. 18), говорящаго: *dotem non uxor marito, sed uxori maritus offert. Intersunt parentes ac propinqui ac probant munera, non ad delicias muliebres quaesita nec quibus nova nupta comatur, sed boves et frenatum equum et scutum cum framea gladioque. In haec munera uxor accipitur atque in vicem ipsa armorum aliquid viro adfert.* Хотя Тацитъ и говорить не о платѣ, а только о подаркахъ; но здѣсь подарки эти прямо являются вознагражденіемъ (*in haec munera uxor accipitur*); да и повсюду, гдѣ купля продажа нѣсколько смягчается, мѣсто платы за невѣсту занимаютъ подарки. Затѣмъ, обычай покупки женъ доказывается свидѣтельствами, собранными у проф. Шпилевскаго, въ особенности—слѣдующими словами закона саксонскаго: „*uxorem ducturus 300 solidos det parentibus ejus*“ и „*liceat uxorem emere sed non liceat vendere*“. Тотъ же самый законъ (*lex saxonica* 7. 3. 4) говорить: *qui viduam ducere velit, offeret tutori pretium emptionis ejus h. e. sol. 300.* Далѣе *lex Visigot.* (3. 4. 2) говорить слѣдующее: *si inter sponsum et sponsae parentes . . . . dato pretio de futuro conjugio facta fuerit definitio.* По смыслу этихъ словъ, женщина является продаваемымъ объектомъ ³⁾. Наконецъ, на существованіе покупки женщинъ для брака указываетъ болѣе поздняя форма покупки *mundium* надъ женщиной у ея родственниковъ. Брава съ платою за *mundium* назывались: *connubia venalia* ⁴⁾. Въ правѣ скандинавскомъ (*Gragas*) плата за жену была необходима для дѣйствительности брака ⁵⁾. Также и въ правѣ лонгобардскомъ ⁶⁾ ⁷⁾.

¹⁾ Быть русскаго народа. II р. 170. См. у проф. Шпилевскаго, р. 30.

²⁾ Пр. Шпилевскій, *ib.* р. 31 л.

³⁾ Ср. *Grimm*, *Deutsche Rechtsalterthümer*, р. 421, 422, 447, 450.

⁴⁾ Проф. Шпилевскій, *ibid.* р. 41. Проф. Сокольскій, *ibid.* р. 62. Ср. еще *Roszbach*, *Untersuchungen über die römische Ehe.* Stutt. 1853. р. 230.

⁵⁾ Шульгинъ, *ib.* р. 19, 90.

⁶⁾ *Dargun*, *ib.* р. 24.

⁷⁾ Купля женщинъ у кавказскихъ горцевъ практикуется еще и въ настоящее время. Ср. *Дубровинъ*, р. 134, 141. Характерно, что купля у Черкесовъ не имѣетъ мѣста, если

Перехода, затѣмъ, къ народамъ классической древности, остановимся сначала на Грекахъ. Относительно существованія покупки женщинъ въ древней Греціи время Гомера мы имѣемъ указанія въ Иліадѣ и Одиссеѣ. Слѣдующія мѣста изъ Иліады: книга XI ст. 244; XXI 178, 190; XXII, 472, и изъ Одиссеи: VI, 159; VIII, 318; XI, 281; XV, 18, 367; XVI, 391 и XX, 343—говорятъ о полученіи подарковъ за невѣсту и именно въ смыслѣ вознагражденія за уступку ея, т. е. въ смыслѣ купли—продажи, сохранившейся однако уже въ иномъ видѣ. Напримѣръ, въ Одиссеѣ говорится (XV 367. Переводъ Жуковскаго): выдали замужь въ Самосѣ ея, *взявъ большіе подарки*. Ср. VIII 318. Купля могла быть замѣнена какими либо работами или услугами, подобно тому, какъ Іаковъ работалъ за своихъ женъ у Лавана; Иліада представляетъ подобный примѣръ въ стихѣ 366-мъ книги 13-ой: „онъ (Оеріаней) у Пріама Кассандры, прекраснѣйшей дочери старца, гордый *просилъ безъ даровъ*, но самъ совершить обѣщалъ онъ подвигъ великій: изъ Трои изгнать мѣднолатныхъ Данаевъ.“ Существованіе купли женщинъ въ древнѣйшей Греціи признается такимъ знаткомъ греческой исторіи и быта, каковъ К. Ф. Негманн ¹⁾, опирающійся въ своихъ выводахъ на приведенныя выше мѣста изъ Иліады и Одиссеи, а также на свидѣтельство Аристотеля (Политика II. 8), говорящаго: *οἱ Ἕλληνας . . . τὰς γυναῖκας ἐπωοῦντο παρ' ἀλλήλων.*— Въ русской литературѣ, напротивъ, существуетъ мнѣніе, несогласное съ только что указаннымъ. Оно принадлежитъ проф. Осипову. Въ упомянутомъ раньше трудѣ о брачномъ правѣ древняго востока (р. 199 слѣд.) проф. Осиповъ возражаетъ противъ существованія обычая покупки женщинъ у Грековъ. „Ученые, говоритъ онъ, упускаютъ изъ виду, что Гомеръ говоритъ не о суммѣ, уплачиваемой женихомъ за невѣсту, а о подаркахъ (*ἔδνα*), которые дѣлались женихомъ не только отцу невѣсты, но и ей самой. Приданое также называется *ἔδνα*, поэтому пришлось бы и приданое признать цѣною, за которую отецъ покупалъ для своей дочери мужа.“ Авторъ, однако, упускаетъ

у дѣвушки нѣтъ родныхъ. Это указываетъ, что плату за дѣвицу получаютъ ея присные, и ей самой первоначально ничего изъ этой платы не достается. О куплѣ женъ у Осетинъ см. *Ковалевскій*, Современный обычай и древній законъ, р. 246.

¹⁾ Lehrbuch der griech. Antiquitäten Bd. IV Lehrbuch der griech. Privat-alterthümer. 3-te verb. Aufl. von Blümner. Zürich. р. 262.—Въ томъ же смыслѣ высказывается *Leist*, I. G. р. 128.

изъ виду, что подарки эти суть именно остатки существовавшей платы за дѣвушку; въ этомъ убѣждаетъ насъ необходимость ихъ при выдачѣ невѣсты ¹⁾. Это не подарки въ современномъ смыслѣ т. е. дарственное, безвозмездное предоставленіе имущества, а именно возмездіе за передачу невѣсты. Такіе подарки суть необходимая принадлежность брака, какъ показываетъ рядъ мѣстъ изъ Одиссеи и Илліады. Въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ выдача дѣвушки происходитъ, повидимому, безъ подарковъ (Илліада IX, 47, 289; XIII 366), ихъ замѣняетъ какое нибудь другое вознагражденіе: услуга, возмѣщеніе вреда или обиды. Наконецъ, связь приданаго съ платой за невѣсту есть явленіе совершенно естественное. Приданое, какъ показано будетъ ниже, получило свое начало именно при существованіи купли женщинъ и представляетъ часть платы или всю плату, получаемую отцемъ за невѣсту и предоставляемую ей ради облегченія ея положенія въ домѣ мужа.

Существованіе покупки женщинъ въ древнѣйшемъ Римѣ также не подлежитъ сомнѣнію. Воспоминаніе объ этомъ обычаѣ сохранилось у Римлянъ въ теченіе почти всей послѣдующей исторіи въ формѣ брака *per coemptioem*, представляющаго собою обрядъ купли—продажи, форму ея, но уже безъ реального содержанія. Нѣкоторые изъ ученыхъ изслѣдователей древней жизни, опираясь на отсутствіе у Римлянъ историческихъ свидѣтельствъ о куплѣ женщинъ для брака, утверждаютъ, что ея никогда и не было въ Римѣ. Въ *coemptio*, являющейся, на нашъ взглядъ, остаткомъ раньше бывшей дѣйствительной купли, они видятъ формальность, несоотвѣтствовавшую никогда реальному содержанію и кромѣ того не принадлежавшую въ совершенію браку искони, а заимствованную изъ области имущественныхъ правъ и искусственно примѣненную къ браку ²⁾. Противъ мнѣнія этихъ авторовъ прежде всего говоритъ аналогія между римской жизнію, съ одной стороны, и греческой и германской—съ другой. Греки и Германцы суть народности одного (арійскаго) корня съ Римлянами; и если купля—продажа женъ у нихъ существовала, что подтверждается ясно источниками, то вполне естественно предположить,

¹⁾ Ср. *Roszbach*, *ibid.* p. 245. Anm.

²⁾ *Rein*, *Civilrecht der Bõmer*, p. 178; *Huschke*, *Verfassung des Servius*, p. 602; *Becker*, *Gallus*, 2. p. 28 (2 Aufl.). См. *Roszbach*, *ibid.* p. 87, Anm. 303, 304.

что она существовала и у Римлянъ ¹⁾. Предположеніе это подтверждается ссылкой на существованіе въ Римѣ права у отца продавать своихъ дѣтей, что ясно видно изъ свидѣтельства Діонисія Галикарвасскаго (II. 27): *patri . . . filium vendere permisit . . . lex sive scripta, sive non scripta*. Историческія времена не представляютъ, правда, примѣра дѣйствительной продажи дѣтей; но это не можетъ служить основаніемъ отвергать существованіе этой продажи, по крайней мѣрѣ, во времена доисторическія. Продажа дочери въ замужество есть одинъ изъ видовъ продажи дѣтей отцемъ и потому признаніе послѣдней есть вмѣстѣ съ тѣмъ признаніе и первой.—Если мы оставимъ въ сторонѣ ни на чемъ не основанное и противорѣчащее исторической параллели предположеніе о заимствованіи *coemptio* изъ сдѣлокъ имущественныхъ, то останется признать его продолженіемъ или переживаніемъ дѣйствительной купли-продажи женщинъ, практиковавшейся нѣкогда въ Римѣ ²⁾.—Въ жизни народа, практикующаго куплю женъ, рано или поздно наступаетъ моментъ, когда дѣйствительная купля начинаетъ считаться несогласною съ идеей брачнаго и семейнаго союза и потому постепенно выходитъ изъ употребленія, а иногда прямо запрещается закономъ. Переставши быть дѣйствительной, купля—продажа обыкновенно сохраняется по внѣшности въ видѣ особой формы совершенія брака (напр. *Asuga*—въ Индіи) ³⁾ или въ видѣ свадебнаго обряда, не имѣющаго юридической силы, но сохраняющагося по привычкѣ и ради наглядности при приобрѣтеніи мужемъ власти надъ женою ⁴⁾. Такой же оборотъ приняло дѣло съ куплей женъ и въ Римѣ: дѣйствительная купля выхо-

¹⁾ Ср. *Leist.* I. G. p. 129.

²⁾ *Bernhöft*, *Staat und Recht* —p. 186, признаетъ *coemptio* за позднѣйшій институтъ, введенный изъ цѣлей политико-правовыхъ именно для поднятія плебейскихъ браковъ на уровень съ браками патриціанскими (p. 188). Сказанное въ текстѣ опровергаетъ такое мнѣніе *Bernhöft*'а. Затѣмъ онъ говоритъ, что *coemptio* есть институтъ не чисто индогерманскій, а составленный изъ сліянія индогерманскихъ элементовъ съ элементами права аборигеновъ (p. 189). Это мнѣніе стоитъ въ зависимости отъ общей мысли *Bernhöft*'а о гетеризмѣ у индоевропейцевъ, о которой было сказано уже выше.

³⁾ *Kohler*, *Zeitschrift f. v. R.* III p. 346: *Asuga* есть, подобно *coemptio*, только юридическая формула безъ хозяйственнаго значенія.

⁴⁾ Таковы наши свадебные обряды и особенно выкупъ невѣсты. Такъ было у Франковъ, гдѣ дѣвушку во времена Салическаго закона (*lex Salica tit. 48*) продавали для виду за одну монету Ср. *Grimm*, *ibid.* p. 423, 424. *Rosbach*, *ib.* p. 234.

дить изъ употребленія, но воспоминаніе о ней сохраняется въ одной изъ послѣдующихъ формъ совершенія брака—соemptio. Когда закончилось это превращеніе,—сказать невозможно за отсутствіемъ какихъ либо данныхъ; но можно предположить, что оно совершилось не въ очень раннее время, потому что о соemptio впервые упоминаютъ Варронъ и Цицеронъ ¹⁾.—Гай въ § 113 первой книги своихъ комментариевъ говоритъ: *soemptio in manum conveniunt per mancipationem, id est per quandam imaginariam venditionem, adhibitis non minus quam V testibus civibus romanis puberibus item libripende . . . mulierem cujus in manum convenit* ²⁾. Соemptio, стало быть, во времена Гая относилась къ mancipatio, а mancipatio была *imaginarium venditio*. Mancipatio была раньше дѣйствительной куплей—продажей и получила характеръ мнимой купли съ того времени, когда она превратилась въ общую формулу, подъ которую можно было подвести сделки разнообразнаго содержанія; подобно этому и соemptio, какъ видъ mancipatio, имѣло своимъ началомъ дѣйствительную куплю женъ, но затѣмъ сохранила только ея формальные признаки.

Противъ тѣсной связи соemptio съ куплей существуетъ цѣлый рядъ возраженій, основанныхъ якобы на свойствахъ самого соemptio. Остановимся на одномъ изъ нихъ, относящемся къ вопросу, кого надо считать продавцемъ при соemptio, если оно есть купля—продажа. Нѣкоторые ученые ³⁾ признаютъ въ соemptio взаимную куплю—продажу между женихомъ и невѣстою. Если бы это было вѣрно, то подъ соemptio слѣдовало бы признать юридическій актъ, не имѣющій ничего общаго съ дѣйствительной куплей—продажей. Мнѣніе этихъ ученыхъ опираются на прямые свидѣтельства римскихъ авторовъ позднѣйшаго времени и тѣмъ не менѣе оно не можетъ быть принято. Грамматикъ 4-го вѣка по Р. Х., Servius въ комментаріяхъ на сочи-

¹⁾ *Varro*, De lingua latina, VI, 43. *Cicero*, pro Flacco. 34; de oratore, I, 56; pro Murena, 12.

²⁾ Ср. *Gaji*, I, 119. Est autem mancipatio . . . imaginaria quidem venditio . . . is, qui mancipio accipit, rem tenens ita dicit: hunc ego hominem . . . deinde aere percutit libram idque aes dat ei, a quo mancipio accipit, quasi pretii loco.

³⁾ *Gans*, Scholien zu Gajus. p. 147. *Göttling*, Geschichte d. r. Staatsverfassung p. 90. *Burchardi*, Lehrbuch d. röm. Rechts, II, p. 246. См. у *Roszbach*, ibid. p. 73. и *Bernhöft*, Staat u. Recht. p. 188.

ненія Вергилія говоритъ ¹⁾: *ad antiquam nuptiarum pertinet ritum, quo se maritus et uxor in vicem coeuebant, sicut habemus in iure*. Далѣе, философъ Боецій того же вѣка въ своихъ комментаріяхъ къ Цицерону ²⁾ говоритъ: *coemptio vero certis solemnitatibus peragebatur et sese in coemendo in vicem interrogabant . . . .* Дѣйствительно, изъ сказаннаго Сервіемъ прямо выходитъ, что *coemptio* есть взаимная покупка между брачующимися и, какъ таковая, должна быть признана искусственно созданной формулой. Но не надо забывать, что *coemptio* во времена названныхъ авторовъ уже вышла изъ употребленія, и они судятъ о ней, какъ о фактѣ прошедшей жизни ³⁾. Далѣе, не надо забывать, что *coemptio* уже въ классическомъ вѣкѣ римской юриспруденціи представляла лишь формальный актъ, бывшее содержаніе котораго т. е. дѣйствительная купля уже забылась; а при такихъ условіяхъ и форма могла легко видоизмѣняться, сообразно со вкусами даннаго времени. Наконецъ, сличеніе опредѣленій Боеція и Сервія съ мѣстами изъ Гая, который говоритъ о *coemptionator'f* при *coemptio*, какъ о лицѣ приобретающемъ власть ⁴⁾, прямо указываетъ, что во времена комментаторовъ историческій смыслъ *coemptio* былъ уже утраченъ. Правда, Боецій тоже говоритъ о возникновеніи *manus* изъ *coemptio* (*itaque mulier viri conveniebat in manus*); но какъ же это совмѣстить со взаимной покупкой? *Marquardt* ⁵⁾ справедливо замѣтилъ, что, принимая толкованія Сервія и Боеція, пришлось бы признать *manus* двустороннимъ ⁶⁾. Все это приводитъ насъ къ заключенію, что

¹⁾ Ad Georgic. I, 31.

²⁾ Ad. Topica, c. 3, § 14 (M. Tullii Ciceronis opera. Ed. Orellius. Vol. V, pars I, p. 299).

³⁾ *Coemptio . . . . apud priscos peragebatur*. Ad. Aen. 4, 214. Ad *antiquum nuptiarum pertinet ritum*.

⁴⁾ *Gaji*, I, 115, 118, 118 a, 166. III, 89, и *Ulpiani*, Fragmenta, VI, 5.

⁵⁾ *Marquardt und Bekker*, Handbuch d. r. Alterthümer. V, 1-te Abtheil. Ср. также *Virey*, De la manus, p. 34. *Voigt*, Die XII Tafeln. Bd. I, p. 699. Anm. 24.

⁶⁾ *Roszbach*, ib. p. 76, справедливо отвергаетъ, какъ доказательство взаимности *coemptio*, этимологическое толкованіе самого слова: *coemptio*, будто бы сложеннаго изъ *sum* и *emptio* и потому означающаго совмѣстное дѣйствіе. *Roszbach* приводитъ рядъ примѣровъ, показывающихъ, что предлогъ *sum* (сокращенное: *co*) обыкновенно не измѣняетъ кореннаго значенія слова. Таковы С. 11. 24. 2. D. 14. 3. 5. 1., D. 47. 11. 6. p. Интересное подтвержденіе мысли *Roszbach*'а можно видѣть въ приводимыхъ *Hase*, (De manu juris romani. Hal. 1847, p. 51) надписяхъ слѣдующаго содержанія (взято изъ *Orelli*, Inscript. Coll. I, II, p. 351): 1) *Volumniam virginem volentem . . . . e parentibus coemit*; 2) . . . *Tulliam virginem volentem auspicato e parentibus coemit*.

взаимной купли—продажи при *coemptio* не было, а была обыкновенная продажа одному лицу другому. Покупщикомъ является, конечно, женихъ (или, быть можетъ, его отецъ). Но кто же является продавцемъ? Утверждаютъ, что женщина сама себя продаетъ, и въ этомъ видятъ обстоятельство, противорѣчащее связи *coemptio* съ дѣйствительной куплей женщинъ для брака. Утвержденіе это опирается, по видимому, на выраженіе: *coemptionem facit cum viro* (См. Cicero, de oratore I, 56, и Gajus I, 162). Но если это и имѣетъ какое нибудь значеніе, то только для женщинъ, неподчиненныхъ уже отеческой власти, и въ то только время, когда права пожизненнаго опекуна надъ женщиной пришли въ упадокъ или уничтожились вовсе; до тѣхъ же поръ невозможно признать подопечную и тѣмъ болѣе подвластную женщину дѣйствовавшею самостоятельно и даже самолично¹⁾. Отвергая такимъ образомъ попытку разорвать связь между *coemptio* и куплей продажей, мы утверждаемъ, что въ основѣ *coemptio* лежала купля. Во времена доисторическія и, вѣроятно, въ первое время исторіи римской, когда семейная власть была сильна, а опека была ея подразжаніемъ, бракъ совершался посредствомъ покупки невѣсты у ея домовладыки или у ея родичей. Параллельное этому явленіе представляетъ германская жизнь, въ которой исторія застаеъ не только сильную и всеобъемлющую отеческую власть съ правомъ продажи дѣтей, но даже власть опекуна продать опекаемую въ замужество. *Coemptio*, правда, не есть уже дѣйствительная купля—продажа, но она сохраняетъ всѣ внѣшніе признаки послѣдней. Купля женщинъ для брака была признана несогласною съ сущностію брачнаго союза и потому вышла изъ употребленія или была запрещена; а *coemptio* сохранила ея форму и встала навсегда живымъ свидѣтелемъ былаго²⁾.

1) Picot, Du mariage romain, chretien et français. 1849. p. 96, утверждаетъ, что *coemptio* не могло быть совершаемо самой женщиной, потому что она не могла участвовать въ народныхъ комиціяхъ, а *coemptio* есть актъ публичный и торжественный, создающій, по образцу комицій центуриатскихъ, *lex*, но *lex privata*.

2) Съ этимъ не согласенъ французскій авторъ Esmein. (Mélanges d'histoire du droit et de critique. P. 1886. p. 5). Онъ отрицаетъ всякую связь *coemptio* съ былой куплей въ виду, во 1-хъ, того, что женщина является въ актѣ *coemptio* въ качествѣ дѣйствующаго лица, а ея отецъ или опекунъ даютъ только согласіе на актъ, во 2-хъ, въ виду отличія *coemptio* отъ акта продажи (*mancipatio*), связывающагося въ особенности въ томъ, что первый не создаетъ такихъ послѣдствій для жены, какія создаетъ второй—по отно-

Такимъ образомъ должно признать, что и народъ римскій нѣ-
 когда практиковалъ покупку женщинъ для брака.—Приведенный нами
 рядъ народностей, имѣвшихъ обычай покупки женъ, захватываетъ гро-
 мадный районъ земнаго шара; но рядъ этотъ могъ бы быть и еще

шенію къ дочери.—Но возраженія Esmein'a неубѣдительны. Онъ, правда, опирается на вы-
 раженія источниковъ, указывающихъ, по его мнѣнію, на самостоятельную роль женщины при
 coemptio: таково выраженіе Галя (I, 114): cum marito suo coemptionem facit. Но про-
 тивъ этого должно замѣтить, что coemptio есть лишь воспоминаніе о былой куплѣ и при-
 томъ—актъ искусственный, первоначальный смыслъ котораго могъ уже забыться; поэтому
 позднѣйшіе авторы могутъ выражаться о немъ неточно, неправильно, представляя себѣ
 дѣло даже такъ, будто при coemptio жена и мужъ взаимно другъ друга покупаютъ (ср.
 мѣста изъ Сервія и Боеція, приведенныя выше въ текстѣ), что уже есть очевидная не-
 лѣпость. Далѣе, авторъ опирается на мѣсто изъ Цицерона: pro Flacco, XXXIV, 85, и изъ
 Collatio I. M. et R. IV, 2. 3. (мы могли бы прибавить еще Галя I, 115), въ которыхъ па-
 terfamilias и tutor женщинамъ при coemptio выставляются не какъ дѣйствующія лица, а
 какъ соучастники, дающіе ей лишь свою auctoritas. Это возраженіе Esmein'a болѣе вѣс-
 ко, но и его можно устранить. Можно предполагать, что со временемъ, когда первоначаль-
 ный смыслъ coemptio забылся, измѣнились не только выраженія, употребляемыя при
 немъ, но измѣнились даже и дѣйствія, изъ которыхъ оно состояло; въ то время могло по-
 казаться безразличнымъ, будетъ ли соблюдаться старинный обрядъ въ точности, т. е.
 будетъ ли выступать дѣйствующимъ лицомъ при coemptio отецъ или опекунъ женщины, а
 она сама будетъ занимать положеніе продаваемой вещи, или актъ coemptio будетъ совер-
 шаться женщиной и ея отцемъ совмѣстно. Первоначально, стало быть, при coemptio юри-
 дически дѣйствующимъ лицомъ былъ отецъ или опекунъ, продававшій, хотя уже только
 для виду, подчиненную ему женщину. На это указываетъ свидѣтельство Галя (I, 113, 115),
 говорящаго, что coemptio происходитъ посредствомъ mancipatio, и хотя mancipatio было
 во времена Галя только imaginaria venditio, но въ древнее время оно было куплей дѣй-
 ствительной, что можно заключить и изъ словъ самого Галя (I, 119). Это значеніе ман-
 cipatio указываетъ на близкую связь между куплей и coemptio. Впрочемъ, Esmeinъ пытается
 приведенныя выраженія изъ Галя истолковать въ свою пользу, но, на нашъ взглядъ, не ос-
 новательно; онъ опирается при этомъ (въ виду словъ того же Галя въ книгѣ I, § 123) на
 различіе между coemptio и mancipatio. Правда, что различіе между coemptio и ман-
 cipatio во времена Галя существовало, но оно не устраняло, однако, сопчисленія coemptio
 къ mancipatio, какъ видоваго понятія къ родовому. Различіе между этими актами состо-
 яло (во времена Галя) въ томъ, что женщина, поступающая въ силу coemptio въ manus
 своего мужа, non deducitur in servilem conditionem, и занимаетъ положеніе не рабы, а
 дочери (filiae loco); это отклоненіе отъ правилъ mancipatio, вообще производящей dominium
 на купленный объектъ, было вызвано въ раннее время и мотивъ его указанъ намъ Гаемъ
 въ слѣдующемъ мѣстѣ (I, 123): (si tamen quaerat aliquis, quare si qua coemptionem fe-
 cit, differat a mancipatis), illa quidem, quae coemptionem facit, (non deducitur in) servi-
 lem conditionem, (a parentibus vero et a coemptionatoribus) mancipati mancipataeve ser-
 vorum loco constituuntur, adeo quidem, ut ab eo, cujus in mancipio sunt neque heredita-
 tem neque legata aliter capere possint, quam si simul eodem testamento liberi esse jube-

продолжаемъ, если бы въ этомъ была надобность. Я полагаю, что едва ли найдется среди народовъ древняго и новаго міра хотя одинъ, у котораго нельзя было бы найти слѣдовъ покупки женъ. Поэтому можно и должно вполне согласиться съ Постомъ ¹⁾, что въ жизни всякаго народа купля женъ представляетъ необходимую ступень въ развитіи брачныхъ формъ.

Похищеніе женщинъ было отодвинуто куплей ихъ на задній планъ, но не уничтожилось вовсе. Люди, не имѣвшіе средствъ для покупки женщины или не желавшіе тратиться на этотъ предметъ, затѣмъ женихи, не находившіе благосклонности въ глазахъ родителей невѣсты, прибѣгали и потомъ къ похищенію. Такимъ образомъ можно объяснить странный на первый взглядъ, но кое-гдѣ встрѣчающійся обычай умычки по соглашенію, такъ напр. бываетъ, по словамъ Letourneau ²⁾, у племени Soliga, и также было у славянъ русскихъ, согласно выраженію нашей лѣтописи: *умывиваху жены собѣ, съ нею же кто съвѣщашеса*. Въ этомъ случаѣ можно говорить о похищеніи только по отношенію къ родителямъ невѣсты, права которыхъ на полученіе платы за дочь

---

antur, sicut juris est in persona servorum. Sed differentiae ratio manifesta est, cum a parentibus et a coemptionatoribus iisdem verbis mancipio accipiuntur quibus servi; quod non similiter fit in coemptione. Но это различіе не мѣшаетъ все таки видѣть въ *coemptio* актъ *манципаціонный*, какъ не мѣшаетъ признать *манципаціей* актъ отдачи дочери въ кабалу (*in mancipium*) то обстоятельство, что здѣсь дѣйствительной продажи нѣтъ, и дочь рабой не становится. Далѣе, жена можетъ быть *манципирована* своимъ мужемъ, какъ и дочь отцемъ, и здѣсь уже она попадаетъ на общемъ основаніи *in servilem conditionem* по отношенію къ 3-му лицу, принимающему ея *in mancipium*. Такимъ образомъ, при *манципацио* ради брака (*coemptio*) было сдѣлано отступленіе отъ общихъ правилъ, но отъ этого характеръ его не потерялся. Это можно видѣть еще и изъ того, что такое отступленіе имѣло мѣсто (въ виду указанныхъ выше мотивовъ) только при *coemptio* ради брака; если же *coemptio* совершалось съ другою цѣлью (по отдѣленіи *manus* отъ брака), то оно сохраняло всѣ признаки *манципацио*, какъ говоритъ Гай (I, 118); здѣсь не было нужды дѣлать отступленія, ибо женщина не становилась здѣсь *filiae loco* по отношенію къ *coemptionator*'у (ср. Гай I, 136). Чтобы сдѣлать очевиднымъ указанное различіе, римскіе юристы видоизмѣнили формулу при *coemptio* ради брака сравнительно съ формулой при *манципацио*, отбросивши всѣ признаки бываго *servilis conditionis* и уничтоживши положеніе женщины, какъ продаваемого объекта. Это можно заключить изъ послѣднихъ словъ приведеннаго выше мѣста.—Въ виду всего сказаннаго должно признать, что *coemptio* во времена Гаия не воспроизводило уже вполне *манципаціоннаго* акта; но связь того и другаго и именно *преемственная* очевидна.

¹⁾ *Geschlechtsgenossenschaft*, p. 65.

²⁾ *Ibid.* p. 121.

и вообще право распоряжаться ея судьбою нарушаются. Умычка по соглашенію, наконецъ, могла происходить даже съ вѣдома родителей и послѣ состоявшейся купли, именно въ томъ случаѣ, когда желали избѣжать свадебныхъ церемоній, сложившихся при бракѣ посредствомъ покупки и особенно при бракѣ религіозномъ (о чемъ—ниже); но это — явленіе позднѣйшаго времени. Въ видѣ исключенія похищеніе, какъ способъ приобрѣтенія жены, продолжалъ иногда существовать неприкосновенно и при господствѣ купли женъ и даже въ то время, когда эта купля вышла изъ употребленія и была запрещена. Такъ, индусское право, содержащееся въ сборникѣ Ману (Ш 33), оставляетъ въ полной силѣ бракъ посредствомъ похищенія для касты воиновъ.

Несогласіе похищенія, какъ способа совершенія брака, съ мирными отношеніями и вообще съ началами гражданственности вызываетъ со временемъ репрессивныя мѣры со стороны государства, направленные противъ этого, тогда уже нетерпимаго, обычая. Такъ, появляются запрещеніе похищенія женщинъ ¹⁾ и уголовные законы, карающіе похищеніе нерѣдко тяжелыми наказаніями. Нужно впрочемъ замѣтить, что борьба закона съ обычаемъ похищенія продолжалась долго и, пожалуй, продолжается даже теперь. Римское право представляетъ намъ въ этомъ направленіи законъ, появившійся уже въ концѣ его исторіи—въ царствованіе императора Θεодосія ²⁾. Но эти запрещенія не помѣшали сохраненію похищенія въ обычаяхъ въ видѣ символа съ болѣе или менѣе рѣзкими признаками, смотря по степени культурности и по характеру народа. При водвореніи покупки женщинъ похищеніе невѣсты остается, какъ обрядъ исполненія покупки. Это можно объяснить наклонностію маловульгарнаго челоуѣ-

¹⁾ Цѣлый рядъ примѣровъ запрещеній похищенія можно видѣть въ трудѣ проф. Шпилескаго, Семейныя власти, р. 23—29. Такъ, исландскій законъ (Grágas) угрожаетъ лишеніемъ мира похитителю и всѣмъ его помощникамъ. Англосаксонскій законъ Этельберта взыскиваетъ съ похитителя пеню, предоставляя ему право купить похищенную. Нѣмецкіе законы (Салическій, Рипуарскій, Саксонскій) запрещаютъ похищеніе (Ср. *Grimm* ib. у. 440). Такъ же законъ Фризовъ.—У Сербовъ запрещеніе издано Георгіемъ Чернымъ. Уставы князей Ярослава и Владиміра запрещаютъ „умычку дѣвок“. Ср. Проф. Загоровскій, *ibid.* р. 7. прим. 1.—О запрещеніи похищенія въ Аенвахъ говоритъ Плутархъ (Solon с. 23): *sin vero liberam faeminam rapuerit quis, eique vim intulerit, huic centum drachmarum praeфинivit mulctam.*

²⁾ С. Th. 9, 24, 2.

ка то только приобрѣтеніе считать вполне надежнымъ и вѣрнымъ, которое произведено вооруженною рукою и вообще при посредствѣ личной силы. Такъ, между прочимъ, думали и Римляне первыхъ временъ и этотъ взглядъ ихъ отразился на первичной формѣ производнаго приобрѣтенія—на *mancipatio*, видимымъ основаніемъ котораго является не взаимное соглашеніе, не добровольная уступка права однимъ другому, а захватъ силою имущества одного лица другимъ. Въ такомъ же смыслѣ сохраняется похищеніе рядомъ съ покупкой женщины для брака, какъ вполне очевидный признакъ приобрѣтенія права на женщину.

Съ появленіемъ покупки женщины индивидуальная половая связь возникаетъ мирно, по договору между родителями невѣсты и женихомъ или его родителями. Этотъ договоръ не имѣетъ сначала строго-юридическаго характера и первоначально нѣтъ средствъ для принужденія къ исполненію его; однако, съ образованіемъ государственной власти и суда, онъ признается обязательнымъ, подобно вообще куплѣ—продажѣ¹⁾, и съ того времени появляется возможность жалобы на неисполненіе и возможность принужденія къ исполненію его или къ уплатѣ штрафа. Такой договоръ или, по старинному русскому выраженію, сговоръ носилъ въ Римѣ названіе: *sponsalia*—и былъ въ началѣ историческихъ временъ обязательнъ, какъ показываетъ сохранившійся до позднѣйшихъ временъ примѣръ *sponsalia* въ Лаціумѣ.

¹⁾ Противъ положенія, что *sponsalia* были договоромъ о продажѣ, выступаетъ *Voigt*, (*Die XII Tafeln*, Bd. I, p. 688 Anm. 13), утверждая, что *sponsalia* въ Римѣ были одностороннимъ обѣщаніемъ, какъ у Грековъ, но не двустороннимъ, какъ у Латинянъ; по этому Римляне не допускали и иска изъ *sponsalia*. Латинскія *sponsalia*, по его мнѣнію, представляютъ явленіе позднѣйшаго времени, а римскія—исключное, старое. Противъ этого возраженія *Voigt*'а, кромѣ историческихъ соображеній о происхожденіи договора брачнаго изъ договора купли, говоритъ мѣсто Гелмія, приводимое дальше въ текстѣ, въ которомъ говорится о *sponsalia* въ смыслѣ обязательнаго договора, какъ о явленіи прошедшемъ и прекратившемся со времени покоренія Лаціума и водворенія въ немъ права римскихъ гражданъ. Римъ былъ частію Лаціума, но въ юриспруденціи стоялъ выше его и раньше другихъ народовъ пересталъ упражнять куплю—продажу, а договору о запродажѣ придалъ другой характеръ. Такимъ образомъ, намъ представляется историческій ходъ развитія *sponsalia* обратнымъ, чѣмъ *Voigt*'у: въ Лаціумѣ мы видимъ первоначальную форму *sponsalia*, а въ Римѣ—позднѣйшую.—Ср. о русской рядной записи, Проф. *Заюровскій*, *ib.* p. 277, и вообще о сговорѣ и сродныхъ чертахъ его съ римскимъ соештіо и *sponsalia* у проф. *М. Ф. Влад.-Буданова*. Обзоръ, p. 90.

Въ подтвержденіе сказаннаго можно привести слѣдующее мѣсто Геллія, ссылающагося на одного изъ *veteres jurisconsulti*—Сервія Сульпиція Руфа. Вотъ это мѣсто ¹⁾: *sponsalia in ea parte Italiae, quae Latium appellabatur, hoc more atque jure solita fieri, scripsit Servius Sulpicius in libro, quem scripsit de dotibus: qui uxorem, inquit, ducturus erat, ab eo, unde ducenda erat, stipulabatur, eam in matrimonium ducturum iri. Cui ducturus erat, itidem spondebat. Is contractus stipulationum sponsionumque dicebatur „sponsalia.“ Tunc quae promissa erat „sponsa“ appellabatur, qui sponderat ducturum „sponsus.“ Sed si post eas stipulationes uxor non dabatur aut non ducebatur, qui stipulabatur *ex sponsu agebat*. *Judices cognoscebant. Iudex quam ob rem data acceptave non est uxor, quaerebat. Si nihil justae causae videbatur, litem pecunia aestimabat, quantique interfuerat eam uxorem accipi aut dari, eum, qui sponderat, ei, qui stipulatus erat, condemnabat.* Hoc jus sponsaliorum observatum dicit Servius ad id tempus, quo civitas universo Latio lege Julia data est. . . Въ этихъ обязательныхъ и снабженныхъ искомъ спонзаліяхъ Лаціума мы имѣемъ, несомнѣнно, остатокъ старинны, исчезнувшій лишь подъ напоромъ новыхъ понятій, пришедшихъ съ водвореніемъ въ Лаціумъ полного права римскаго гражданства ²⁾.—*Sponsalia* и слѣдовавшія за ней обрядности были, собственно говоря, дѣломъ частнымъ, затрогивавшимъ интересы только отдѣльныхъ семей. Община въ это дѣло по собственному побужденію не имѣла надобности вмѣшиваться, пока участниками договора были ея члены. Но тотъ же самый договоръ становился интереснымъ и для всей общины, если онъ совершался между членами ея и иностранцами. Уменьшеніе и увеличеніе числа членовъ отдѣльныхъ семей вслѣдствіе брачныхъ договоровъ съ чужеродцами интересовало всю общину и потому она вмѣшивалась въ сдѣлки подобнаго рода. Такимъ образомъ, мирное пріобрѣтеніе женщины изъ другой общины могло происходить только тогда, когда община, теряющая своего члена, соглашалась на это или, какъ говорили Римляне, давала право на *gentis enuptio*. Обыкновенно такое согласіе, въ виду*

¹⁾ *Noctes Atticae*, IV, 4.

²⁾ Такой же характеръ имѣлъ сговоръ въ Индусскомъ правѣ. Ср. *Post, Die Grundlagen*, p. 231. *Kohler, Zeitschrift f. v. R.* Bd. III, p. 355, 358.

взаимнаго интереса, устанавливалось не въ каждомъ частномъ случаѣ, а въ видѣ общаго соглашенія съ сосѣдними народами объ обмѣнѣ женщинами. По всей вѣроятности этотъ договоръ и носилъ у Римлянъ названіе: *connubium* ^{1) 2)}).

Покупка женщинъ у родныхъ, какъ и похищеніе, ставила ее одинаково въ положеніе прибрѣтенной вещи, въ положеніе рабы у мужа и господина ея ³⁾. Какъ при похищеніи женщина попадала въ положеніе плѣнницы, т. е. рабыни, такъ теперь женщина купленная попадала въ положеніе вещи, т. е. тоже рабское. Мужъ имѣетъ всѣ

¹⁾ *Lippert*, ib. p. 42, 96. *Cuno*, *Vorgeschichte Roms*. p. 564. Не со всѣми сосѣдними племенами Римляне обмѣнивались женщинами, а только съ тѣми, съ которыми жили въ мирѣ и совершили особое условіе на этотъ счетъ. *Livius*, VIII, 14, говоритъ о подобномъ договорѣ съ Латинцами: *ceteris latinis populis connubia commerciaque et concilia inter se ademerunt*. Далѣе, *Livius*, IV, 3, *connubia petimus, quod finitimis extremisque dari solet*. *Livius*, XXXVIII, 36. *Страбонъ*, V, 3. 4. Албанцы сначала жили въ согласіи съ Римлянами, будучи сами Латинцами и говоря однимъ съ ними языкомъ, хотя оба народа имѣли особыхъ царей; они вступали между собою въ бракъ, имѣли общія жертвоприношенія въ Альбѣ. *Плутархъ*. *Romulus*. 15. Мысль *Линперта*, (*Kulturgeschichte der Menschheit*. См. у *Bernhöft*, *Zeitschrift f. v. R.* VIII, p. 397), что Римъ возникъ вслѣдствіе договора о *connubium* между Латинцами и Сабинцами, невѣрна; такой договоръ политическаго единства образовать не могъ. Это ясно изъ словъ *Страбона*, V, 3. 2.

²⁾ *Gentis enuptio* имѣетъ, по моему мнѣнію, связь съ *connubium*. Позднѣйшее представленіе о *gentis enuptio* не отклоняется рѣшительно отъ его первоначальнаго понятія. Нѣкоторые ученые утверждаютъ, что въ историческія времена *gentis enuptio* давалось только по исключенію. Но это едва ли вѣрно. Правда, *Livius* (XXXIX. 19) говоритъ, что *gentis enuptio* было дано, между прочимъ, въ награду Феценніи Гиспалѣ за обнаруженіе Вакханалій; но отсюда нельзя вывести заключенія объ его исключительности. Ф. Гиспала получила возможность вступить въ бракъ съ лицомъ высшаго класса (*utique ei ingenio pubere liceret*) и при томъ съ тѣмъ преимуществомъ, что этотъ бракъ не могъ, не долженъ былъ повлечь за собой никакого безчестія (*Hispala была libertina Livius, ibid. 12*), ни невыгоды для мужа, хотя бы послѣдній былъ состоянія высшаго (*neu quid ei, qui eam duxisset, ab id fraudi ignominiaeve esset*). Особенность этого случая, слѣдовательно, состоитъ не въ томъ, что дарована въ видѣ исключенія *gentis enuptio*, вообще же недопускаемая и въ древнѣйшемъ Римѣ даже неизвѣстная, а въ томъ, что здѣсь женщинѣ низкаго происхожденія дана была возможность вступить въ бракъ съ лицомъ высшаго состоянія безъ всякихъ дурныхъ послѣдствій, имѣвшихъ мѣсто при неравныхъ бракахъ. Ср., впрочемъ, Проф. Д. И. Азаревичъ. Пат. и Пл. p. 114, и *Th. Mommsen*, *Römische Forschungen*. p. 10. Ап.

³⁾ *Bernhöft*, *Staat und Recht*, p. 175, 176. *Дубровинъ*, ib. p. 163. У черкесовъ мужъ считаетъ своихъ женъ рабынями; такое рабство происходитъ отъ обычая платить калымъ родителямъ невѣсты. Ср. положеніе женщины у древнихъ балтійскихъ славянъ. *Котляревскій*, ib. p. 89, 90.

права надъ женой—рабой, а она противъ него безправна и безгласна. Мужъ смотритъ на жену, какъ на рабочую силу, возлагая на нее тяжелыя и грязныя работы. Онъ видитъ, далѣе, въ женѣ не только средство для удовлетворенія половыхъ отправленій, но—и средство къ приобрѣтенію дѣтей, увеличивающихъ его благосостояніе, какъ рабочая сила. Мужъ могъ даже торговать тѣломъ своей жены, присваивая себѣ все, ею рождаемое, подобно тому какъ присваивалъ себѣ приплодъ отъ скота или какъ собиралъ плоды съ своего поля¹⁾. Таково было положеніе женщины въ домѣ мужа при похищеніи ея и въ первое время при покупке. Будучи похищена или продана, она разрывала всякія связи со своей прежней семьей и вполне подчинялась мужу и семьѣ новой.—Но покупка была уже явленіемъ болѣе высокой культуры и именно такой формой приобрѣтенія, которая не стояла уже, какъ похищеніе, препятствіемъ къ дальнѣйшему прогрессу въ области семейныхъ отношеній. Естественное чувство родительской любви къ дѣтямъ, получившее при водвореніи мирнаго способа совершенія брака болѣе простора, было побуждающимъ обстоятельствомъ къ смягченію положенія жены. Родители начинаютъ заботиться о болѣе сносномъ положеніи дочери въ домѣ ея мужа и при договорѣ покупки выговариваютъ ей облегченія²⁾. Прежде всего выговариваютъ ей свободу отъ грубыхъ и черныхъ домашнихъ работъ, составляющихъ удѣлъ рабовъ; мужу ставится условіе, чтобы жена его совершала, по возможности, только легкія работы, преимущественно относящіяся къ заготовленію бѣлья и одежды³⁾. И въ Греціи, и въ Римѣ первыхъ временъ исторіи говорится о женѣ, что она сидитъ дома и прядетъ шерсть, управляя служанками. Любопытно въ этомъ отношеніи свидѣтельство Плутарха (Romulus. 15), подтверждающаго наши слова. Онъ говоритъ: *nam in foedere, quod Sabini post bellum pepigerunt cum Romanis, convenit, ne aliam operam viris, quam circa lanificium praestarent uxores; qui mos sequutis nuptiis permansit. ... ad nullum aliud munus quam lanificium sponsam abduci.* Изъ словъ

¹⁾ Сравненіе жены съ плодороднымъ полемъ встрѣчаемъ въ Индіи, о чемъ было уже говорено выше. Затѣмъ тотъ же взглядъ существовалъ у кавказскихъ горцевъ: осетинъ (Ковалевскій. Зак. и Об. р. 22.), дигорцевъ (Проф. Леонтовичъ. Адамы, II, р. 37).

²⁾ *Letourneau*, ib. р. 128.

³⁾ *Lanifica. Plinius*, Hist. Natur. VIII, 48.

Плутарха видно, что заботы объ облегченіи положенія женщины въ домѣ ея мужа входятъ даже въ договоры между общинами объ обмѣнѣ женщинами (*connubia*)¹⁾. Любопытно еще извѣстіе Геродота (I. 196), свидѣтельствующаго, что въ *connubia* входили и условія о томъ, чтобы покупающіе женщину пользовались только сами половыми сношеніями съ ней и не проституировали ее (*ne prostituatur*). Очевидно, здѣсь отражается еще переходъ отъ первичнаго гетеризма въ браку индивидуальному. Тоже стремленіе въ облегченію положенія жены въ домѣ мужа вызвало появленіе понятія о приданомъ. Получая плату за дочь или родственницу, продающій, съ цѣлю предоставить дѣвушкѣ болѣе сносное положеніе въ домѣ ея будущаго мужа и тѣмъ вывести ее изъ рабскаго положенія, даетъ ей или ея мужу часть изъ полученнаго и этимъ какъ бы покупаетъ благосклонность мужчины въ продаваемой. Эта придача (приданое) и, быть можетъ, возможность обратнаго востребованія ея при несоблюденіи условія или вообще отмщеніе (месть) за неисполненіе условія были, вѣроятно, самымъ дѣйствительнымъ средствомъ, обезпечивавшимъ положеніе женщины. Имущественное обезпеченіе и до нашихъ дней еще оказываетъ нерѣдко вліяніе на положеніе женщины въ домѣ ея мужа, тѣмъ болѣе — въ древнее время, когда имущественная состоятельность служила нагляднымъ признакомъ превосходства или благородства индивида²⁾. Такимъ образомъ, женщина-раба сдѣлала первый шагъ по пути въ освобожденію отъ бывшей въ началѣ безграничной власти ея мужа и господина. Затѣмъ мы попытаемся прослѣдить дальнѣйшіе шаги женщины на этомъ пути, насколько это касается римской исторіи.

Объ разобранныя до сихъ поръ формы установленія индивидуальных половыхъ отношеній называли мы формами возникновенія индивидуальнаго брака; но теперь слѣдуетъ оговориться, что это названіе употреблялось нами не въ собственномъ смыслѣ. Бракъ, въ настоящемъ смыслѣ слова, есть союзъ мужчины и женщины, предполагающій взаимныя права и обязанности и указывающій, слѣдовательно, хотя на нѣкоторую правоспособность жены. Но этой то способности

¹⁾ Тоже самое въ другомъ мѣстѣ у Плутарха. *Quaestiones romanae*, с. 85.

²⁾ Укажу, для иллюстраціи сказаннаго, на основаніе сервіевой реформы — дѣленіе на классы по имущественному цензу.

въ правамъ и не было у женщины при поступленіи ея подъ власть мужа посредствомъ похищенія ея и даже посредствомъ похищенія ¹⁾. Какъ сказано выше, женщина и въ томъ, и въ другомъ случаѣ попадала въ рабское положеніе, не допускавшее и мысли о союзѣ или договорѣ брачномъ. Поэтому можно думать, что понятіе о бракѣ, въ смыслѣ союза между мужчиной и женщиной, явилось не ранѣе того времени, когда купля женщинъ начинаетъ смягчаться въ своихъ послѣдствіяхъ ²⁾. Первое историческое понятіе о бракѣ у Римлянъ, какъ половомъ сожитіи *liberogum quaerendogum gratia*, не указываетъ еще на союзъ между мужчиной и женщиной и потому должно быть отнесено ко времени довольно раннему; оно еще ничего не говоритъ о женѣ, а только о дѣтяхъ; слѣдовательно, жена была на второмъ планѣ и только потомъ заняла мѣсто дочери. Вслѣдствіе консерватизма Римлянъ это опредѣленіе брака держалось долго и даже въ то время, когда оно не соответствовало уже дѣйствительному строю отношеній.

Мы уже упоминали, что смягченіе положенія женщины исходило, во первыхъ, изъ особаго условія между женихомъ или его родителемъ и отцемъ невѣсты объ освобожденіи ея отъ тяжелыхъ и грязныхъ работъ, вообще отъ рабскаго труда, и что это условіе иногда подкрѣплялось выдачей приданаго. Далѣе, такое же смягченіе было вызвано развитіемъ религіозныхъ вѣрованій. Можно предполагать, что второе смягчающее обстоятельство явилось не позже перваго и что оно даже играло немаловажную роль при возникновеніи заботъ объ участи продаваемой дѣвицы. Религіозныя воззрѣнія, какъ доказалъ Фюстель-де-Куланжъ ³⁾, глубоко проникаютъ въ жизнь людей уже

¹⁾ Даже согласія на бракъ не требовалось отъ дочери, ибо бракъ совершался родителями. Еще въ позднѣйшее время дочь могла отказаться отъ жениха, избраннаго ей отцемъ, только тогда, когда могла представить вполне основательныя причины. *D. de sponsal. 12. 1; fr. 14. Pauli, Recceptae sententiae, II, 19. 1.*—*Leist, (J. G. p. 161)* говорить, что вообще у древнихъ аріевъ согласіе дочери не составляло юридически необходимой составной части совершенія брака.

²⁾ *Leist, J. G. p. 125* правильно говоритъ, что положеніе: *consensus facit nuptias*, указывающее на союзъ между мужчиной и женщиной, есть созданіе гражданскаго брачнаго права (*jus civile*) и, слѣдовательно, явилось съ образованіемъ этого права. Но слѣдуетъ думать, что подъ *consensus* разумѣлось сначала не соглашеніе брачующихся, а ихъ родителей, и только потомъ стало требоваться согласіе жениха и невѣсты.

³⁾ Гражданская община античнаго міра. Пер. Е. Корша. М. 1867.

на первых ступеняхъ развитія и рѣшительно вліяють на ту или другую организацію семьи и общины; въ особенности же они имѣють значеніе при организаціи первой. Предполагають ¹⁾, что религія получила свое начало отъ культа предковъ и что этотъ культъ вызвалъ религіозное освященіе семьи и брака. Поклоненіе тѣнямъ умершихъ предковъ мужскаго пола и отправленіе требуемыхъ ими жертвоприношеній ²⁾ отецъ семьи исполнялъ въ началѣ одинъ; но со временемъ и жена находитъ себѣ доступъ къ участию въ этихъ обрадахъ. На мужчинѣ, далѣе, лежала священная обязанность позаботиться о непрерывности семейныхъ жертвоприношеній на будущее время, другими словами—обязанность вступить въ бракъ съ цѣлю произведенія потомства. Культъ предковъ требовалъ непремѣнно продолженія въ потомствѣ, для чего жена являлась необходимымъ орудіемъ, а бракъ—необходимымъ условіемъ. Отсюда—обязательность брака для мужчины. Отсюда—религіозное значеніе брака ³⁾. Отсюда—признаніе дѣтей самымъ дорогимъ достояніемъ семьи ⁴⁾. Наконецъ, отсюда же смягченіе положенія женщины, какъ помощницы мужа при отправленіи культа ⁵⁾, ставящаго ее неизмѣримо вышею надъ прежнимъ

¹⁾ Культъ предковъ является первичной религіей, возникшей изъ боязни предъ мстительностію тѣней умершихъ. *Lippert*, Kulturgeschichte d. M. См. у *Bernhöft*, Zeitschrift. f. v. R. Bd. VIII, p. 389. *Тэйлоръ*. Первобытная культура. Т. 2-ой, p. 179, 181, 186. Переводъ Корончевскаго. *Манъ*, Древ. Зак. Об. p. 40 слѣд., 54. Особенно наглядно и драматично представляетъ происхожденіе культа проф. *Ковалевскій*, Законъ и Обычай p. 34. и Соврем. Обычай и древній законъ, p. 251.—Хотя всѣ умершіе считались божественными существами (*Post*, Studien. p. 21), однако „божествами, которымъ приносятся жертвы, являются души отца, дѣда, прадѣда“ (*Arastamba* 11. VII. 16. 3.—древнѣйшій изъ сборниковъ индусскаго священнаго права). Культъ предковъ, по свидѣтельству *Бастіана*, принадлежитъ къ числу общераспространеннѣйшихъ явленій въ исторіи человѣческихъ расъ. *Ковалевскій*, Семья. p. 129. *Leist*, J. G. p. 101.

²⁾ *Sacra privata perpetuo manent. Deorum manium jura sacra sunt. Cicero*, de legibus, II, 9. *Perpetua sint sacra . . . ut ne morte patris familias sacrorum memoria accideret. Ibid.* II, 19.

³⁾ *Uxorem liberum quaerendorum causa ducere religiosum est. Macrobius*, Satur. I. 16.

⁴⁾ *Livius*, I. 9: *illas tamen in matrimonio, in societate fortunarum omnium civitatisque et quo nihil carius humano generi sit, liberorum fore.*

⁵⁾ Жена становится рядомъ съ мужемъ при жертвоприношеніяхъ. *Ману*, IX, 96. Она должна быть одной касты съ мужемъ. *Bohlen*, Das alte Indien. p. 144. Также и въ Римѣ жена помогаетъ мужу при жертвоприношеніяхъ. *Плутархъ*. *Quaest. Romanae*, с. 50. Ср. *Gibelin*, *ibid.* p. 25.—О смягчающемъ вліяніи культа на положеніе женщины см. *Leist*, J. G. p. 112.

рабскимъ положеніемъ и дѣлающаго ее подругой мужа. „Weil uns welten, unendlichkeit und erreichung des himmels durch sohn, enkel und urenkel zu theil werden, deshalb muss mann die frauen ehren und wohl bewachen“, говорить позднѣйшій сборникъ индусскаго права *Jājñawalkya* ¹⁾. Прежняя зависимость женщины, вытекавшая изъ положенія ея, какъ купленной вещи, давала мужу право распоряжаться женою также, какъ и другими вещами, и въ частности право продать ее другому. Религіозное освященіе брака уничтожило это право, какъ несогласное съ новымъ положеніемъ жены, и опредѣлило, что мужъ, продавшій жену, есть преступникъ предъ священными законами (*jus sacrum*) и долженъ считаться *homo sacer* ²⁾.

Религіозное освященіе союза брачнаго и въ особенности вызванныя этимъ освященіемъ религіозныя обрядности при совершеніи брака явились, вѣроятно, впервые при бракѣ, совершаемомъ покупкой ³⁾. Браку посредствомъ похищенія и безусловно рабскому положенію женщины при этомъ бракѣ не могло соответствовать религіозное освященіе ⁴⁾. Съ другой стороны, есть положительныя свидѣтельства, что бракъ, совершаемый покупкой, сопровождался религіозными церемоніями; такъ Тацитъ (*Germania*, с. 18), описывая нравы древнихъ германцевъ, говоритъ въ вышеприведенномъ мѣстѣ: *ipsis incipientis matrimonii auspiciis admonetur venire etc.*, относя эти слова къ куплѣ жень ⁵⁾.—Съ появленіемъ культа предковъ затрудняется переходъ изъ одной семьи въ другую; женщина, совершающая этотъ переходъ,

¹⁾ *Jājñawalkya's Gesetzbuch. Sanskrit und deutsch herausgegeben von Dr. A. Stenzler. 1849. I. 78.*

²⁾ *Плутархъ, Romulus*, с. 22. (переводъ и толкованіе *Bruns, Fontes juris romani antiqui*): *qui autem venderet uxorem, diis inferis immolari*. Ср. *Lange, Römische Alterthümer*, p. 94.

³⁾ Ср. *Gide*, *ib.* p. 34.

⁴⁾ Примѣръ индусскаго брака *Rākshasaa*, совершаемаго похищеніемъ съ насиліемъ, при полномъ отсутствіи какихъ-либо религіозныхъ обрядностей, служитъ яркимъ подтвержденіемъ сказаннаго. Въ то время, какъ при другихъ формахъ требованіе религіозныхъ церемоній доходитъ до скрупулезности, здѣсь о нихъ вовсе не говорится.

⁵⁾ *Valerius Maximus*, (*lib. II c. 1*) говоритъ, что религіозное освященіе брака было всегда: *apud antiquos non solum publice, sed etiam privatim nihil gerebatur nisi auspicio prius sumpto . . . nuptiis interponuntur*. Но отсюда, конечно, нельзя заключить, что религіозное освященіе брака было и раньше покупки.

вступаетъ въ семью своего мужа съ соблюденіемъ особыхъ обрядностей сопричисленія ея въ культу предковъ. Такимъ образомъ, къ гражданскому акту купли—продажи присоединяются религіозныя церемоніи. Эти послѣднія подняли сильно положеніе женщины въ глазахъ ея властелина—мужа и всей общины; съ того времени рабство для жены можно считать оконченнымъ, хотя по внѣшности власть мужа сохраняетъ всё свои атрибуты неограниченной власти господина.

Приобрѣтеніе жены посредствомъ купли существовало долгое время. Этотъ мирный способъ легко соединялся съ развитіемъ внѣшней культуры человѣческаго рода и сталъ отступать на задній планъ только тогда, когда получили болѣе сильное развитіе понятія нравственно-религіозныя. Дальнѣйшее развитіе религіозныхъ понятій споспѣшествуется дифференціаціей общественныхъ классовъ. Въ началѣ единообразный составъ народонаселенія общины со временемъ распадается на соціальныя классы, что не остается безъ вліянія на религіозныя воззрѣнія и на формы совершенія брака. Образование особаго класса жрецовъ быстро подвигаетъ впередъ развитіе религіознаго культа, который получаетъ первенствующее значеніе для нѣкоторыхъ сторонъ жизни и, между прочимъ, для брака. Бракъ и ранѣе былъ уже религіозною обязанностію для мужчины по отношенію къ семейнымъ богамъ—ларамъ¹⁾, вслѣдствіе чего вырабатывается обычай вопрошать боговъ предварительно о предстоящемъ бракѣ (*auspicia*) и призывать ихъ благословеніе на бракъ состоявшійся (жертвоприношенія при бракѣ)²⁾. Но всё эти обряды могли играть второстепенную роль, будучи соединены съ гражданскимъ договоромъ купли—продажи невѣсты и являясь лишь религіознымъ освященіемъ ея. Выдвинувшійся изъ массы народонаселенія классъ жрецовъ, считавшихъ себя посредниками между богами и людьми, взираетъ на свой бракъ съ особою строгостію и заботится о сообщеніи ему преимущественно или даже исключительно религіознаго характера, можетъ быть и для того, между прочимъ, чтобы отличить себя въ этомъ отношеніи отъ другихъ классовъ народонаселенія. Такъ было, вѣроятно, въ Индіи.

¹⁾ Отсюда запрещеніе или, по крайней мѣрѣ, невыгодныя послѣдствія холостой жизни послѣ извѣстнаго возраста.

²⁾ См. *Roszbach*, *ibid.* p. 293—327.

Въ Римѣ особаго жреческаго сословія не было, жрецы брались изъ сословія патриціевъ; но и тамъ вліяніе ихъ на бракъ могло быть таково-же. При такихъ-то условіяхъ вырабатываются религіозныя формы брака: въ Римѣ—*confarreatio*, въ Индіи—*Brahma* и *Dévas* ¹⁾ и религіозная форма брака у Грековъ ²⁾. Болѣе возвышенный взглядъ на бракъ, выработавшійся у жрецовъ, стоялъ въ противорѣчій съ гражданско-правовой формой брака посредствомъ купли-продажи. Этотъ способъ, всегда указывающій на рабское подчиненіе женщины, не смотря на всевозможныя смягченія положенія жены, становится несогласнымъ съ пробивающейся идеей о равенствѣ мужа и жены предъ богами. Поэтому изъ среды жрецовъ исходитъ мысль объ исключеніи купли изъ брачнаго обряда и о расширеніи значенія другаго составнаго элемента его—дѣйствій религіознаго характера. Такъ постепенно складывается пренебреженіе къ куплѣ и даже запрещеніе ея, по крайней мѣрѣ, для высшихъ классовъ ³⁾. При такихъ условіяхъ является въ Римѣ религіозная форма совершенія брака—*confarreatio*, вѣроятно, существовавшая въ началѣ рядомъ съ куплей-продажей и доступная только высшему классу ⁴⁾, а для жрецовъ, по крайней мѣрѣ, для высшихъ фламинновъ (*Flamines Dialis, Martialis, Quirinalis* ⁵⁾ даже обязательная ⁶⁾).

¹⁾ Ср. *Marquardt*, Das Privatleben der Römer. 1-ter Theil. p. 34. *Roszbach*, *ibid.*, p. 207.

²⁾ Ср. *Осиновъ*, *ibid.* p. 202.

³⁾ *Roszbach*, *ib.* Было-ли такое запрещеніе въ Римѣ всеобщимъ, сомнительно. Скорѣе слѣдуетъ думать, что не было и что купля отпала сама по себѣ, ставши несогласною съ религіозными и этическими воззрѣніями народа.

⁴⁾ *ibid.* p. 97, прим. 336.

⁵⁾ *Tacitus*, *Annal.* 4.16. *Gajus*, *Comment.* I, 112. *Roszbach*, *ibid.* p. 96, 97, 332—334. Ср. *Manou*, III. 35.

⁶⁾ У индусовъ бракъ посредствомъ покупки жены былъ вообще запрещенъ; но это запрещеніе настало не сразу. По моему мнѣнію, въ параграфахъ 23—25 книги 3-ей законовъ Ману отразилась исторія запрещенія купли женъ. § 23 говоритъ, что шесть формъ брака (*Brahmâ, Dévas, Richis, Pradjâpatis, Asouras* и *Gandharbas*) были доступны браминямъ, четыре (*Asouras, Gandharbas, Râkchasas* и *Pisâtchas*) были доступны вшатриямъ, а вайсіямъ и судра—тѣ-же, за исключеніемъ *Râkchasas*. Согласно этому параграфу браминни еще могли совершать бракъ въ формѣ купли-продажи (*asouras*). § 24 говоритъ уже, что браминнямъ, вслѣдствіе постановленій закона, доступны только первыя четыре формы; слѣдовательно пятая—купля-продажа имъ уже недоступна. Наконецъ § 25, содержащій правило, относящееся ко времени Ману, запрещаетъ куплю (*asouras*) совершенно и для

Религиозная форма брака въ Римѣ—*confarreatio*—производила однако все тѣже послѣдствія въ гражданскомъ отношеніи, какія производила и гражданская форма—купля. Жена находилась во власти мужа и подчинялась ему вполне. Но ея положеніе при этомъ бракѣ, какъ сказано, было несравненно выше, чѣмъ при куплѣ. Самый способъ совершенія брака не указываетъ уже на рабское положеніе жены; напротивъ, обрядъ при *confarreatio* указываетъ скорѣе на равенство жены съ мужемъ предъ лицомъ боговъ¹⁾. Впрочемъ, въ этомъ обрядѣ можно найти и элементы гражданско-правовой сдѣлки. Бракъ и власть мужа въ этомъ случаѣ возникаютъ, съ одной стороны, вслѣдствіе соглашенія самихъ брачующихся въ присутствіи жрецовъ и десяти свидѣтелей²⁾; съ другой—вслѣдствіе согласія данаго отцемъ невѣсты, а также вслѣдствіе безвозмездной передачи жениху правъ на нее³⁾.

Появленіе *confarreatio* можно отнести къ періоду земледѣлія въ виду того, что одна изъ самыхъ важныхъ церемоній при ней, давая имя всему акту, состояла въ употребленіи хлѣба изъ пшеничной муки—*farreum libum* или *panis farreus*. Такъ, Гай (I, 112) говоритъ: *farreo in manum conveniunt per quoddam genus sacrificii, quod salso farreo fit, in quo farreus panis adhibetur, unde etiam confarreatio dicitur etc.* Связь *confarreatio* съ земледѣліемъ доказывается и предметами, приносимыми въ жертву⁴⁾, а также и тѣмъ, что жертвоприношенія при немъ совершались въ честь боговъ земледѣлія и плодородія (*Ceres, Tellus, Juno*⁵⁾).—Такимъ образомъ, и по времени появленія, и по содержанію своему, какъ форма преимущественно рели-

---

всѣхъ, называя ее способомъ незаконнымъ. Такимъ образомъ, высшая каста—брамины, скорѣе всѣхъ отшатнулась отъ возникшей исторически формы брака посредствомъ купли жень.—Священное право запретило куплю жень еще раньше Ману, какъ это можно видѣть изъ *Baudhayana Dharmasāstra* I, 11, 21, 2. 3: „известно, что жена, купленная за деньги, не есть жена (т. е. не принимается въ семейный культъ). Продавшій дочь за деньги совершаетъ страшный грѣхъ.“

1) Это довольно ясно выражено въ индусскомъ правѣ: „*Le mari ne fait qu'une même personne avec son épouse*“. IX. 45.

2) *Ulpianus*, IX, 1. *Servius*, Ad Georg. I. 31 (*Bruns, Fontes*, p. 324).

3) Такъ, у индусовъ основаніемъ брака религиознаго служитъ передача невѣсты отцемъ. *Leist*, J. G. p. 142.

4) *Karlowa*, Die Formen der römischen Ehe und Manus, p. 10.

5) *Rosbach*, p. 106, 250.

гозная¹⁾, *confarreatio* должна быть признана происшедшей позже другихъ формъ, упомянутыхъ выше.

Судя по сложнымъ религиознымъ обрядамъ и присутствію нѣсколькихъ жрецовъ, *confarreatio* назначалась прежде всего для лицъ, имѣвшихъ желаніе стать жрецами, каковыя въ Римѣ первоначально избирались только изъ патриціевъ, имѣвшихъ право отправленія всѣхъ религиозныхъ обрядовъ. Для прочаго населенія, а также и для патриціевъ, не желавшихъ соблюдать затруднительныхъ обрядовъ при *confarreatio*, съ уничтоженіемъ купли не было бы формы для совершенія брака; между тѣмъ формализмъ, присущій Римлянамъ того времени, требовалъ такой формы и при томъ рѣзко очерченной, такъ сказать драматической. Для этихъ то цѣлей и была удержана форма купли-продажи, подъ именемъ *coemptio*. Слѣдовательно, *coemptio* есть форма искусственная²⁾, но не вымышленная. Она есть образъ или, если угодно, призракъ (*imago*) раньше существовавшей купли (*imaginaria venditio*). Получивши отвращеніе къ дѣйствительной куплѣ женъ, человечество, обыкновенно, долгое время сохраняетъ ее подъ видомъ передачи подарковъ женихомъ родителямъ или родственникамъ невѣсты (примѣры указаны выше). Затѣмъ и выдача подарковъ перестаетъ быть дѣйствительнымъ вознагражденіемъ за невѣсту и сохраняется какъ простая обрядность въ видѣ передачи какой либо одной монеты etc. Съ этого времени бракъ совершается вслѣдствіе соглашенія между родителемъ невѣсты и женихомъ или его отцемъ о безвозмездной передачѣ невѣсты. Въ такомъ направленіи шло преобразование купли-продажи для брака у всѣхъ народностей, даже у тѣхъ, у которыхъ купля была потомъ прямо запрещена. Въ такомъ же направленіи шло преобразование и римскаго брака. Но было и различіе. Ни одинъ народъ древняго міра не былъ такъ склоненъ къ установленію твердыхъ, рѣзкихъ формъ въ области гражданскаго права и, между прочимъ, потому ни одинъ народъ не выработалъ своего права до такого совершенства, какъ Римляне. Вслѣдствіе этого въ то время, какъ другія народности сохраняли форму былой купли женъ лишь въ качествѣ бытовой обрядности, служащей средствомъ распо-

¹⁾ Ibid. p. 102.

²⁾ Ср. *Karlowa*, *ibid.* p. 53.

знаванія совершившагося договора брачнаго и потому обыкновенно соблюдаемой, но не обязательной (таковъ, напр., выкупъ невѣсты въ русской свадьбѣ¹⁾), Римляне, напротивъ, создали изъ обрядовъ былой купли-продажи особый обязательный, юридическій актъ, подъ названіемъ *coemptio*. Совершеніе этого акта было необходимо для того, чтобы половая связь была признана законнымъ бракомъ (*justae purtiae*) и чтобы мужъ получилъ власть надъ женою и дѣтьми. Такимъ образомъ, если купля женъ съ ея послѣдующими видоизмѣненіями была способомъ совершенія брака, свойственнымъ всѣмъ народамъ, стоявшимъ на извѣстной ступени развитія, и потому относящимся къ разряду правоотношеній *juris gentium*, то *coemptio* было способомъ чисто римскимъ (*juris civilis Romanorum*), на что и указываетъ Гай въ слѣдующихъ мѣстахъ своихъ институцій: (I, 113) „*coemptione vero in manum conveniunt per mancipationem id est per quandam imaginariam venditionem*“, а *mancipatio* (I. 119) „*est, ut supra quoque diximus, imaginaria quaedam venditio, quod et ipsum jus proprium civium Romanorum est.*“

Чрезвычайно интересный вопросъ о томъ, прекратилась-ли дѣйствительная купля—продажа у Римлянъ раньше, чѣмъ у другихъ народовъ, сосѣднихъ съ Римомъ, не можетъ быть рѣшенъ, за отсутствіемъ историческихъ свѣдѣній о правовыхъ возрѣніяхъ этихъ сосѣдей Рима. Но можно предполагать съ достаточной вѣроятностію, что Римъ опередилъ въ этомъ отношеніи своихъ сосѣдей, какъ и вообще опередилъ ихъ въ развитіи правосознанія. Это предположеніе подтверждается довольно ясно указаннымъ уже выше мѣстомъ изъ Геллія относительно *sponsalia* (*Gellius, Noctes Atticae IV. 4*). Геллій говоритъ, что *sponsalia* въ Лаціумѣ имѣли силу обязательственнаго договора, снабженнаго, подобно договорамъ вообще, искомъ и что такой характеръ *sponsalia* потеряли лишь со времени дарованія Лаціуму права полного римскаго гражданства. Стало быть, въ Римѣ этотъ договоръ давно не имѣлъ уже обязательнаго характера или, лучше сказать, потерялъ подобный характеръ, именно вскорѣ послѣ уничтоженія дѣйствительной купли женъ, правовымъ титуломъ кото-

¹⁾ Впрочемъ, по мнѣнію проф. М. Ф. Влад.-Буданова, простая передача купленной невѣсты уже въ древнія времена развилась въ весьма сложныя формы, очень напоминающія римскую форму брака черезъ *coemptio*. (Обзоръ. р. 90).

рой онъ былъ. Первоначальное значеніе спонзалій удерживалось въ Лаціумѣ долѣе, чѣмъ въ Римѣ; отсюда можно заключить, что совершавшаяся нѣкогда въ формѣ спонзалій купля женъ практиковалась въ Лаціумѣ и послѣ того, какъ вышла уже изъ употребленія у народа римскаго.—Внутри государства на смѣну купли женъ выступила *coemptio*; но она была, какъ сказано выше, формою національно-римскою и потому была недоступна для перегриновъ. Римлянинъ для совершенія брака и приобрѣтенія власти надъ женою (*manus*) могъ совершить или *confarreatio*, или *coemptio*. Но ни то, ни другое не было доступно иностранцамъ. Первое было недоступно по основаніямъ религіознымъ, второе—по основаніямъ политическимъ, вліявшимъ и на частныя правоотношенія (на *caput* частнаго лица), ибо иностранецъ въ то время (при господствѣ *juris civilis*) въ Римѣ не считался правоспособнымъ и не могъ совершать юридическихъ сдѣлокъ, тѣмъ болѣе такихъ формальныхъ, какъ *coemptio*, требовавшее присутствія свидѣтелей и *libripens'a*. Между тѣмъ бракъ съ перегринами былъ въ это время въ большемъ ходу у Римлянъ ¹⁾, и потому требовалась какая-либо форма для него и для установленія власти надъ женою. Положеніе жены въ римской семьѣ, какъ сказано нѣсколько выше, видоизмѣнилось, но болѣе *de facto*, чѣмъ *de jure*; *de jure* жена продолжала пребывать подъ строгою властію мужа. Патріархальный бытъ съ его всеобъемлющими властями и строгимъ подчиненіемъ былъ закрѣпленъ въ Римѣ опредѣленіями права и потому сохранялся долѣе, чѣмъ у другихъ народовъ. Съ другой стороны Римляне довольно рано пришли къ обособленію религіи и морали отъ права, и потому у нихъ рано уже ослабло взаимодѣйствіе между этими силами. Вслѣдствіе этого жена, на самомъ дѣлѣ уже не покупаемая, подпадала, однако, *de jure* строгой власти мужа, потому что считалась какъ бы купленной, разъ было совершено *coemptio*; но безграничная раньше власть мужа была уже ограничена, и жена занимала то же положеніе, что и дочь (*filiae loco*), а рабой уже не считалась. Склонность Римлянъ къ консерватизму въ области правовой обуславливала упорное постоянство и приверженность ихъ къ сохраненію существовавшихъ формъ юридическаго быта. Вслѣдствіе этого *coemptio* со всѣми его тягостями для жены продолжало существовать у Римлянъ, не смотря

¹⁾ См. выше, стр. 90, прим. 1.

на фактическое и отчасти юридическое видоизмѣненіе внутренняго быта семьи въ смыслѣ смягченія положенія жены. При такихъ обстоятельствахъ вышеуказанная потребность въ какой либо формѣ для брака Римлянина съ перегринкой была особенно настоятельна. Для приобрѣтенія власти надъ женою, что составляло еще существенный признакъ брака, необходима была форма, внѣшнимъ образомъ указывающая на подчиненіе жены. Мы думаемъ, что такою формою явился *usus*—форма возникновенія брака въ силу истечения годовой давности сожитія или, точнѣе, давности владѣнія женою ¹⁾. *Usus* есть понятіе, аналогичное *usucapio*—давности приобрѣтательной по отношенію къ вещамъ—и созданное по типу этого послѣдняго ²⁾. Онъ относился къ *coemptio* такъ, какъ *usucapio* относилось къ *emptio—venditio* или къ его прототипу—къ *mancipatio*. Онъ появился еще въ то время, когда на жену взирали, по крайней мѣрѣ *de jure*, какъ на вещь, которою можно было владѣть, или какъ на свою собственность ³⁾. Процессъ его образованія начался, вѣроятно, задолго еще до XII таблицъ, но установленіе и утвержденіе срока, повидимому, состоялось или въ XII таблицахъ, или не задолго до нихъ. Децемвиры же сочли необходимымъ внести въ свои законы положеніе о возможности прерыва этой давности (*usurpatio*) ⁴⁾. Мы полагаемъ, что образованіе и развитіе понятія о давностномъ приобрѣтеніи жены шло параллельно развитію давностнаго приобрѣтенія вещей или лишь немного отставало отъ него. При посредствѣ этого то давностнаго владѣнія Римлянинъ присваивалъ себѣ власть надъ женою—перегринкой, подводя такимъ об-

¹⁾ *Gaji*, I. 111. *Usu in manum conveniebat, quae anno continuo nupta perseverabat, quae enim veluti annua possessione usucapiebatur.*

²⁾ *Roszbach*, ib. p. 243. *Bluntschli*, Die verschiedenen Formen der römisch. Ehe. (Schweizerl. Museum. 1837. Bd. 1.) p. 264. *Lange*, ibid. p. 94. *Bernhöft*, Staat und R. p. 175.

³⁾ Это возрѣніе *de jure* сохраняется и въ то время, когда уже *liberos homines. usucapi non posse manifestum est. Gajus*, II, 48.

⁴⁾ *Usurpatio trinocitii*. Cp. *Gellius*, III, 2, 12. *Macrobius*. Satur I, 3, 9: *Quintum quoque Mucium jureconsultum dicere solitum legi: lege non esse usurpatam mulierem quae, cum Kalendis Ianuariis apud virum matrimonii causa esse caepisset a. d. IV Kalendas Ianuaris sequentes usurpatum isset: non enim posse impleri trinocitium quo abesse a viro usurpandi causa ex duodecim tabulis deberet, quoniam tertiae noctis posteriores sex horae alterius anni essent, qui inciperet ex Kalendis.*

разомъ ненормальный, съ точки зрѣнія его согражданъ, бракъ sine manu подѣ общую норму браковъ cum manu. Вотъ случай и первоначально, быть можетъ, единственный, гдѣ для заключенія строгаго римскаго брака понадобилась новая форма, дополнительная къ двумъ уже существовавшимъ ¹⁾. Возможно, впрочемъ, предположить, что usus примѣнялся и для браковъ между Римлянами, именно въ видѣ дополнительной формы при непримѣнимости по чему-либо одной изъ основныхъ формъ или въ случаѣ существеннаго недостатка въ актахъ конфарраціи или коемпціи ²⁾.

Такимъ образомъ, бракъ *reg usum* мы считаемъ появившимся позже двухъ первыхъ формъ брака *cum manu* и именно въ видахъ дополненія и подведенія подѣ общее правило отклоняющихся случаевъ. Несправедливо поэтому утверждаетъ *Roszbach* (*ibid.* p. 158), что *usus* былъ созданъ для перехода отъ строгаго брака (*cum manu*) къ свободному браку (*sine manu*). Введеніе его имѣло цѣлю не ослабленіе и тѣмъ болѣе не уничтоженіе стараго строя брачныхъ отношеній, а, напротивъ, поддержку его и примиреніе съ нимъ всѣхъ отклоняющихся случаевъ. Съ другой стороны, нельзя согласиться со взглядомъ тѣхъ ученыхъ, которые *usus* XII таблицъ приводятъ въ связь съ древнѣйшимъ, допатріархальнымъ строемъ матримоніальныхъ отношеній. Такъ, говорятъ ³⁾, что „происхожденіе брака *reg usum* надо искать въ глубокой древности, въ эпоху первой стадіи развитія брачныхъ отношеній. Во время первобытнаго гетеризма стали появляться мало по малу отдѣльные случаи индивидуальнаго брака сперва посредствомъ захвата женщинъ на войнѣ, а затѣмъ при помощи покупки женъ. Разумѣется, тотъ, кто отвоевы-

¹⁾ Ср. *Picot*, *Du mariage romain, chrétien et français*. Par. 1849. p. 21 и 99.

²⁾ Таковъ, напримѣръ, можетъ быть случай брака между патриціемъ и его клиенткой.—*Karlowa*, *ib.* p. 65, говоритъ, что *usus* есть суррогатъ пропущенной или порочной коемпціи. Также *Hasse*, *Das Güterrecht der Ehegatten nach römischem Recht*. p. 77. Ср. *Voigt*, *Die XII Tafeln*. Bd. 2-ter, p. 703—704.—Замѣтимъ здѣсь кстати, что римскій *usus* не есть пробный годъ, ибо ничего не говорится о возможности для супруговъ разойтись и о судьбѣ дѣтей. *Usus*, слѣдовательно, непремѣнно приводилъ къ браку. Любопытную параллель, но уже въ смыслѣ пробнаго года, представляетъ древнее право Ютландіи, по которому конкубина становится законною женою, если она останется въ домѣ три зимы и во все это время будетъ раздѣлять столъ и ложе хозяина дома и будетъ завѣдывать ключами. См. *Estein*, *Mélanges d'histoire du droit et de critique*, p. 5, слова *Daresté*.—Ср. еще проф. Д. И. *Азаревичъ*. Патриціи и Плебеи. p. 128.

³⁾ Проф. *Ефимовъ*, въ вышеуказанномъ трудѣ, p. 83 слѣд.

валъ или покупалъ женщину, дорожилъ ею, какъ своею собственностію; но сначала онъ не былъ обезпеченъ въ этой собственности, потому что сильнѣйшій всегда могъ отнять жену у слабѣйшаго. Однако, со временемъ и выгоды челоуѣка, приобрѣтшаго жену, равно какъ и сочувствіе другихъ людей, вызванное тѣмъ-же побужденіемъ, заставили людей оберегать болѣе или менѣе продолжительное обладаніе или пользованіе (*usus*) одною женщиною. Такой обычай шелъ параллельно съ развитіемъ права собственности индивидуальной⁴ и привелъ къ тому, что „*usus* сдѣлался отдѣльнымъ способомъ заключенія брака на ряду съ другими брачными формами, *confarreatio* и *coemptio*.“ Не соглашаясь съ высказаннымъ въ приведенныхъ словахъ взглядомъ, замѣчу прежде всего, что если бы *usus* произошелъ такимъ образомъ, то онъ прекратился бы со времени утвержденія купли женъ. Авторъ приведеннаго мнѣнія, правда, говоритъ, что захватившій на войнѣ или купившій жену сначала не былъ обезпеченъ въ своемъ правѣ, и только путемъ давности закрѣпилась за нимъ собственность на женщину. Но если такъ было въ первичныя времена, то съ дальнѣйшимъ развитіемъ долженъ былъ укрѣпиться и дѣйствительно укрѣпился противоположный взглядъ о безусловной принадлежности захваченной или купленной вещи. Римляне въ древнее время, какъ извѣстно, считали неотъемлемою собственностію то, что было захвачено у непріятеля, и этотъ способъ приобрѣтенія права на вещи послужилъ у нихъ прототипомъ для приобрѣтенія собственности и въ мирное время— для акта *mancipatio*, сущность котораго состояла въ заявленія со стороны приобрѣтающаго о самовластномъ захватѣ вещи. Такимъ образомъ слѣдуетъ признать, что добыча, *mancipatio* и его частный видъ—*coemptio* устанавливали право неотъемлемой частной собственности. При этомъ положеніи дѣлъ *usus*, какъ способъ закрѣпленія приобрѣтенія, долженъ былъ потерять свое значеніе, и не видно, какія обстоятельства могли бы вызывать продолженіе его существованія. Такимъ образомъ между *usus* первобытнаго времени и *usus* временъ историческихъ, по нашему мнѣнію, нельзя установить преемственной связи; вслѣдствіе чего мы и признаемъ, что послѣдній есть явленіе новое. Нельзя, далѣе, видѣть подтвержденія мнѣнія о возникновеніи *usus* въ допатріархальный періодъ и въ томъ обстоятельствѣ, что онъ прекратился, по словамъ Гая¹⁾, ранѣе другихъ формъ

¹⁾ I, 111: Sed hoc totum jus patrum legibus sublatum est, partim ipsa desuetudine obliteratum est. Cp. *Servius*, ad Georg. I, 21

брака *sui iuris*. Такое прекращеніе его будетъ вполне понятно, если признать, что *usus* былъ формой добавочной, созданной для подведе- нія подъ общую норму случаевъ, прямо ей неподчиняющихся. Когда бракъ и *manus* раздѣлились и *confarreatio*, *coemptio* и *usus* стали формами приобрѣтенія *manus*, а бракъ существовалъ независимо отъ нихъ, тогда уничтожилось стремленіе къ совершенію браковъ непременно *sui iuris* и потому потерялъ свое значеніе *usus*. Съ тѣхъ поръ же- лавшіе совершить бракъ *sui iuris* могли остановиться на одной изъ двухъ основныхъ формъ: *confarreatio* и *coemptio*, а тѣ, которые не могли этого сдѣлать, оставались въ свободномъ (то же законномъ) бракѣ. Стало-быть, *usus* прекратилъ свое существованіе ранѣе дру- гихъ формъ строгаго брака за минованіемъ въ немъ надобности. На- конецъ, если признать *usus* остаткомъ гетеризма, то можно было бы ожидать, что онъ потеряетъ свое значеніе съ появленіемъ болѣе со- вершенныхъ формъ патриархальнаго брака—*coemptio* и *confarreatio*. Но этого не случилось, ибо еще Гай упоминаетъ объ *usus*, какъ о формѣ брака, хотя уже въ его время и не практиковавшейся.—Прот- ивъ связи *usus* XII таблицъ съ гетеризмомъ говоритъ, далѣе, несо- отвѣтствіе первобытнаго порядка вещей съ патриархальнымъ строемъ. Развѣ патриархальный бытъ могъ терпѣть, чтобы въ основной его ин- ститутъ—семью—вносилось колебаніе вслѣдствіе переживаній изъ времянь предшествующаго гетеризма? Патриархальный строй не могъ признать свободы развода со стороны женщины и тѣмъ болѣе не могъ признать возможности беспорядочныхъ половыхъ сношеній въ теченіе перваго года при *usus*, что утверждаютъ держащіеся противополож- наго взгляда на эту форму брака. Всѣ эти несогласныя съ общимъ направленіемъ явленія должны были уничтожиться вскорѣ за водво- реніемъ патриархальной семьи. Патриархальный бракъ *sui iuris* та- рити сталъ съ того времени единственной формой брака, и всѣ жен- щины были подъ властію отцевъ или мужей; какъ же допустить при этомъ допатриархальную свободу для женщины въ первый годъ брака *per usum*?—Наконецъ, указываютъ еще на историческое соотношеніе брачныхъ формъ и отсюда заключаютъ, что *usus* была формой болѣе ранней; „всѣ классическіе писатели, говорятъ, смотрѣли на *usus*, какъ на одну изъ наиболѣе раннихъ формъ, ибо единогласно ведутъ рѣчь о немъ прежде, чѣмъ о *confarreatio* и *coemptio*.“ Но намъ кажется, что одна лишь разстановка этихъ формъ при ихъ перечисленіи (напр. у Гая) не можетъ дать основанія къ какому-либо заключенію.

Такимъ образомъ, мы видимъ въ бракѣ *per usum* явленіе новое. Патріархальный бытъ не могъ терпѣть переживаній изъ временъ гетеризма въ томъ видѣ, въ какомъ это предполагають. Затѣмъ, рано или поздно патріархальный бытъ долженъ былъ уступить и дѣйствительно уступилъ новымъ порядкамъ семейныхъ и брачныхъ отношеній, и бракъ *per usum*, думаемъ мы, былъ той областью, черезъ которую проникли новыя понятія въ патріархальную семью; но это случилось позже XII-ти таблицъ. Определеніе этихъ таблицъ объ *usurpatio tripositii* вовсе не имѣло въ виду уравненія правъ супруговъ, которое произошло послѣ ¹⁾, а есть определеніе, подобное определенію тѣхъ же таблицъ о срокахъ давности на вещи; этимъ XII таблицъ твердо установили срокъ давностнаго обладанія, а также срокъ и способъ для прерванія его.

Овидывая взглядомъ все, сказанное до сихъ поръ о происхожденіи индивидуальнаго брака у Римлянъ, мы замѣчаемъ, что этотъ народъ сначала шелъ тѣмъ же путемъ, которому слѣдовали и другія арійскія народности, но затѣмъ уклонился и создалъ особыя формы брака. Начало индивидуальнаго брака положено было у Римлянъ похищеніемъ женщинъ изъ другихъ общинъ; причемъ женщина, какъ плѣнница, находилась въ рабскомъ положеніи. Затѣмъ, съ развитіемъ мирныхъ сношеній между общинами, появляется купля женщинъ, ставящая ихъ также въ положеніе рабское, но допускающая уже смягченія по взаимнымъ условіямъ контрагентовъ. Развитие религиозныхъ вѣрованій и обрядностей вызываетъ новую форму—*confarreatio*—для тѣхъ классовъ народонаселенія, которые считаютъ себя предназначенными въ отправленію публичнаго культа. Вмѣстѣ съ тѣмъ у лицъ этихъ классовъ развивается презрѣніе къ куплѣ-продажѣ женщинъ для брака, хотя эта форма продолжаетъ существовать безпрепятственно для классовъ низшихъ. Напротивъ, первичная форма—похищеніе—какъ несогласная съ началами развившейся гражданственности, теперь прямо запрещается. Презрѣніе высшихъ классовъ къ куплѣ женъ

---

¹⁾ Проф. *Ефимовъ*, *ibid.*, справедливо возражаетъ *Луице*, что поиски въ XII таблицахъ того уравненія въ правахъ, которое стало проникать въ жизнь позже, несвоевременны.

и въ особности несогласіе ея съ религіознымъ значеніемъ брачнаго союза и значеніемъ жены, какъ пособницы мужа при домашнихъ жертвоприношеніяхъ, приводятъ къ тому, что купля-продажа женщинъ выходитъ изъ употребленія и у низшихъ классовъ. Недоступность или неудобство для послѣднихъ религіозной формы—*confarreatio*—вызываетъ, однако, продолженіе обряда купли, въ видѣ *coemptio*, какъ вѣшняго признака возникающаго брака. Бракъ возникаетъ не въ силу договора купли, а посредствомъ безвозмездной передачи женщины, но при этомъ должна быть совершена ставшая юридически-обязательной форма мнимой купли-продажи. Это исчезновеніе дѣйствительной купли отразилось на положеніи жены,—она перестала быть купленной вещью, хотя еще *de jure* считалась таковою въ виду того, что суровые военные нравы древнихъ Римлянъ и патриархальный складъ семьи требовали полнаго подчиненія женщины мужчине, какъ ея защитнику и господину. Уничтоженіе купли, такимъ образомъ, не превратило власти мужа надъ женою; первоначальнаго приобрѣтенія права собственности на жену уже нѣтъ, но политическія и социальныя условія требуютъ продолженія строгаго подчиненія жены подъ руку (*manus*) мужа. Титуломъ приобрѣтенія таковой власти мужа надъ женою является *coemptio, imaginaria venditio*. Такимъ образомъ, купля-продажа жены не превращается въ простую бытовую обрядность, какъ похищеніе, а переходитъ въ актъ, хотя и символическій, но юридически-необходимый. Этою особенностію формы римскій бракъ отличается отъ брака другихъ народностей. Этимъ обстоятельствомъ, далѣе, объясняется продолжительность существованія власти мужа надъ женою у Римлянъ сравнительно съ другими народностями, что и навело Гая на мысль, будто бы власть мужа надъ женою въ римскомъ бракѣ и способъ ея установленія—*coemptio, per mancipationem*—были національно-римскими учрежденіями. Въ дѣйствительности и у другихъ народовъ была такая же власть мужа, но она не нашла себѣ строгой юридической постановки и, такъ сказать, расплылась подъ вліяніемъ бытовыхъ условій; въ Римѣ-же эта власть продолжаетъ *de jure* существовать и тогда, когда *de facto* семейное положеніе жены уже измѣнилось. Рядомъ съ *confarreatio* и *coemptio* появилась у Римлянъ третья форма брака—*usus*, созданная, по нашему мнѣнію, ради приведенія подъ норму тѣхъ случаевъ, которые почему-либо отклонялись отъ обыкновеннаго порядка.

Три указанная формы совершенія относятся въ браку строгому, съ властію мужа надъ женой (*cum manu*). Кромѣ этого брака во время между XII таблицами и пуническими войнами появляется въ Римѣ особый видъ брака, такъ называемый, бракъ свободный, безъ власти мужа надъ женою (*sine manu*). Вопросъ о происхожденіи этого брака много разъ занималъ ученыхъ изслѣдователей римскаго права; но и до сихъ поръ не найдено болѣе или менѣе удовлетворительнаго рѣшенія его. Любимѣйшимъ способомъ объясненія того, какъ произошли различныя формы брака у Римлянъ, у старѣхъ ученыхъ было указаніе на заимствованіе этихъ формъ у другихъ народовъ; такъ, *confarreatio* и *coemptio* прямо признавались заимствованными у сосѣдей. Россбаху принадлежитъ заслуга опроверженія этихъ старѣхъ теорій и указанія на то, что различныя формы римскаго брака созданы путемъ развитія первоначальноединой формы, существовавшей у всѣхъ италійскихъ народностей. По отношенію къ происхожденію брака свободнаго существуетъ меньше указаній на заимствованія; но все-же есть. Такъ, Rein ¹⁾ говоритъ, что свободный бракъ явился въ Римѣ при посредствѣ перегриновъ, Этруссковъ или кліентовъ, и у коренныхъ Римлянъ сначала считался конкубинатомъ, пока не приобрѣлъ всѣхъ признаковъ законнаго брака. Нельзя отрицать, что между сосѣдними народами есть и должно быть взаимодѣйствіе, сказывающееся во вліяніи на понятія и строй юридическихъ отношеній; но прямое заимствованіе въ древнее время бывало рѣдко. Съ другой стороны, слѣдуетъ замѣтить, что и тѣ народности, у которыхъ будто бы было заимствовано понятіе о свободномъ бракѣ, имѣли это понятіе не искони, не какъ прирожденную и дею, а дошли до нея тѣмъ же путемъ, которымъ дошли до нея и Римляне. И еще вопросъ: кто изъ нихъ дошелъ до нея раньше.

Въ развитіи формъ индивидуальнаго брака у различныхъ народовъ можно наблюдать, по моему мнѣнію, одинъ и тотъ же порядокъ смѣны брачныхъ формъ; только одни народы подъ вліяніемъ особенностей своего быта проходятъ намѣченный путь скорѣе, другіе-же, напротивъ, медленнѣе. Особенности быта Римлянъ: ихъ склонность къ войнамъ, повліявшая на строй ихъ публичной жизни, ихъ способ-

¹⁾ Das Privatrecht und der Civilprozess der Römer. Leip. 1858. p. 391. Anm. 3.

ность къ созиданію рѣзко очерченныхъ правовыхъ институтовъ, ихъ консерватизмъ и строгая замѣнотость и строгое подчиненіе въ ихъ семьѣ были причиной того, что Римъ долѣе другихъ народовъ сохранялъ первичныя формы брака и даже перерабатывалъ ихъ, приспосабливая къ измѣнившимся обстоятельствамъ, въ то время, какъ другіе народы, не находившіеся въ подобныхъ условіяхъ и ведшіе болѣе спокойную жизнь, раньше перешли и къ болѣе мягкой и, на современный взглядъ, болѣе совершенной формѣ установленія брака—въ силу простаго соглашенія. То же самое въ послѣдствіи сдѣлали и Римляне, но, можетъ быть, въ значительной степени подъ вліяніемъ существовавшихъ у сосѣднихъ народовъ примѣровъ.

Что арійскія народности имѣли первоначально однѣ и тѣже формы брака, это мы пытались показать раньше, когда рѣчь шла о похищеніи и покупкѣ для брака. Изъ существованія этихъ формъ примитивнаго брака можно апіорнымъ уже путемъ вывести заключеніе о существованіи у всѣхъ аріевъ власти надъ женою (*manus*) и ея прототипа—власти отеческой (*patria potestas*)¹⁾. Похищеніе и покупка создавали для мужчины сначала право собственности, а затѣмъ вообще господство, власть надъ женщиной и ея дѣтьми; а такъ какъ эти формы были у аріевъ всеобщі, то, слѣдовательно, всеобщею должна была быть и власть мужа и отца²⁾. Одинаковыя причины, вызвавшія появленіе этой власти у различныхъ арійскихъ народностей, обусловили и первоначальную одинаковость содержанія ея.—Затѣмъ, подъ вліяніемъ различно дѣйствующихъ обстоятельствъ, эта власть у разныхъ народностей получаетъ различныя формы; и прекращеніе ея

¹⁾ *Patria potestas, manus* и *mancipium* первоначально произошли изъ единой власти патріарха; это видно изъ того, что первоначально всѣ названія употреблялись безразлично; такъ, *Gellius*, N. A. 4. 3. 3. говоритъ: *matres familias in mariti manu mancipioque*.. Въ послѣдствіи жена выходитъ изъ рабскаго положенія (*Gaji* I, 123) и потому относительно ея невозможно уже *mancipium* и *manumissio*. Ср. *Gaji*, I, 115, и приводимую имъ разницу между *filiae loco* и *servae loco*. *Marquardt*, *Privatleben*. p. 33, и *Voigt*, *Die XII Tafeln*. p. 325.

²⁾ Ср. *Bernhöft*, S. u. R. p. 34. *Dargun*, ib. p. 20. Сродство власти отеческой и *manus* съ правомъ собственности на вещи сказалось въ томъ, что по отношенію къ дѣтямъ подвластнымъ и подвластной женѣ возможно было совершеніе кражи (*furtum*). Такъ, *Гай* (III, 199) говоритъ: *interdum autem etiam liberorum hominum furtum fit, velut si quis liberorum nostrorum qui in potestate nostra sint, sive etiam uxor quae in manu nostra sit.. subreptus fuerit*.

происходить не у всѣхъ народовъ одинаково: такъ, въ то время какъ въ Римѣ власть отца продолжалась до смерти его, у другихъ народностей, большею частію, она снималась съ достиженіемъ совершенныхъ лѣтъ или—при женитбѣ сына и устройствѣ отдѣльнаго очага для жертвоприношеній семейнымъ богамъ ¹⁾.

Противъ положенія, что отеческая и мужская власть произошли изъ первоначальнаго права собственности и потому имѣли въ началѣ рѣзкій характеръ, выступаетъ, повидимому, *Leist*, въ указанномъ трудѣ о древнеарійскомъ *jus gentium*. Онъ утверждаетъ (р. 76—80, 115, 204), что древніе аріи не знали патриархальнаго строя, не знали и суровой отеческой власти, а имѣли семейную власть, принадлежавшую обоимъ супругамъ (*parentelrecht*); оба они родили дитя, оба они имѣли и власть продавать его, изгонять, отдавать въ усыновленіе; древніе аріи не знали, будто бы, такой всеобъемлющей власти отца и мужа и такого полного подчиненія жены и дѣтей, какое знали Римляне; эти послѣдніе, стало быть, выработали имѣвшіяся у нихъ рѣзкія формы самостоятельно.—Но эти положенія Лейста, на первый взглядъ, такіа опредѣленныя, въ дѣйствительности не такъ рѣшительны. Онъ самъ говоритъ, что мягкость власти домовладыки и почти полное равенство мужу жены относятся въ періоду господства сакрального права (*dharma, fas*) и вызваны установленіемъ религиозно-нравственныхъ обязанностей; но въ періодъ, предшествовавшій этому (реально-естественный, *ratio naturalis, rita*), отношенія опредѣлялись грубою силой (р. 112), а потому, прибавимъ мы, и власть въ семействѣ должна была являться болѣе строгою. Да и въ періодѣ *Dharma (fas)* власти отца и мужа сохраняли свои прежніе строгіе атрибуты, хотя на самомъ дѣлѣ были уже смягчены, такъ какъ религиозно-нравственный характеръ брака препятствовалъ мужу упражнять свои права во всей ихъ строгости. Такъ произошло разногласіе между внѣшностію и содержаніемъ супружескаго союза ²⁾, между юридическимъ и фактическимъ положеніемъ женщины. Но то же самое было

¹⁾ *Bernhöft*, р. 432. Такъ у Индусовъ. *Leist*, J. G. р. 124.

²⁾ Ср. *Bernhöft*, *ib.* р. 179. Впрочемъ, въ *Zeitschrift f. v. R.* Bd. VIII, р. 402, этотъ авторъ, какъ будто, склоняется на сторону Лейста, говоря по поводу гетеризма, что слѣдуетъ признать въ началѣ существованіе отношеній къ обоимъ супругамъ и что чистаго материнства и отечества нигдѣ еще не найдено.

и въ Римѣ, а потому положеніе домовладыки въ древней Индіи, вопреки мнѣнію Лейста ¹⁾, должно признать такимъ же, какимъ оно было и въ Римѣ. Да и самъ Лейстъ въ другомъ мѣстѣ опредѣляетъ его власть такими же чертами, какъ въ Римѣ: онъ говоритъ, что отецъ семьи есть господинъ (Herr) своей жены (р. 124, 488) и дѣтей (р. 495), что онъ относится къ домочадцамъ, какъ къ „своимъ“ (suam, uxorem meam esse, rem meam esse), а это указываетъ на обоснованіе его власти въ правѣ собственности (р. 488, 492), что всѣ домочадцы являются лишь орудіями приобрѣтенія для него (р. 499), что онъ прсдаетъ жениху власть надъ дочерью (р. 131), что онъ есть судья жены (р. 497), что жена всецѣло переходитъ въ семью мужа (р. 500) и что, при самомъ мягкомъ положеніи для жены, рѣшающій голосъ въ семьѣ принадлежитъ мужу, жена же выступаетъ какъ совѣтница ²⁾.

Другой ученый, французъ *Gide*, (въ своемъ трудѣ: *Étude sur la condition privée de la femme dans le droit ancien et moderne etc.*) вопреки взгляду, что *manus mariti* и *patria potestas* одного происхожденія и первоначально были нераздѣльны, пытается доказать, что эти власти имѣютъ въ своей основѣ различные принципы.—Позволимъ себѣ нѣкоторое отступленіе отъ излагаемаго нами вопроса о существованіи *patriae potestatis* и *manus* у арійскихъ народовъ и попытаемся опровергнуть положеніе *Gide*. *Patria potestas*, по его мнѣнію (р. 133, 134), имѣетъ своимъ объектомъ лицо дитяти, а *manus*, какъ и опека,—имущество, лица же не касается. Поэтому, отецъ можетъ продать своего сына или выдать его головою (при *noxae datio*), а жена (въ бракѣ *cum manu*) не можетъ быть ни продана, ни выдана по *noxae datio*; мужъ можетъ только назначить ей опекуна, ибо опе-

¹⁾ *Ib.* р. 115. Власть отеческую у Римлянъ онъ считаетъ ихъ особенностію, не бывшею у древнихъ аріевъ. Римляне (Латиняне), привнесъ съ собою общеарійскія понятія о бракѣ и семьѣ,—понятія мягкія, выработали, будто бы, въ послѣдствіи у себя строгія формы. *Leist* готовъ даже признать эти формы признакомъ не прогресса, а паденія. Такое заключеніе указываетъ на неудачность его выводовъ вообще. Религія смягчила внутреннюю жизнь семьи; но внѣшній строй ея оставался въ Римѣ долгое время въ первоначальномъ видѣ вслѣдствіе того, что Римляне, будучи вообще склонны къ правосознанію и рѣзкому опредѣленію отношеній, были вмѣстѣ съ тѣмъ консервативны и не ставили религіи выше права. Восточные же аріи никогда не дошли до выдѣленія права изъ религіи и потому ихъ правовыя возрѣнія были поработены религиозными, а правовыя опредѣленія слабы.

²⁾ *Bernhöft*, *Zeitsch. f. v. R. B.* VIII, р. 12, справедливо замѣтилъ, что *Leist*, не признавая патриархальной власти за отцемъ у индуссовъ, хватилъ черезъ край.

ка касается имущества. Мужъ имѣеть, конечно, права на личность жены, но они проистекають не изъ manus, а изъ брака; manus тутъ не прибавляетъ ничего. Въ виду сказаннаго, бракъ cum manu является не болѣе, какъ особой формой брака съ общимъ имуществомъ; это-то положеніе и выражается словами: *filiae loco*. Въ подтвержденіе своего мнѣнія Gide ссылается въ особенности на Гая (II, 89, 90), откуда, по его мнѣнію, можно заключить, что мужъ не имѣеть власти надъ личностію, надъ тѣломъ жены.—Съ этимъ взглядомъ автора, однако, согласиться нельзя. Противъ него говоритъ уже все выше сказанное о происхожденіи власти мужа—*manus*. Жена была первоначально его рабой и подлежала поэтому его полному распоряженію. Ея положеніе въ домѣ мужа нѣсколько смягчилось, когда улучшилось положеніе дѣтей и она была сравнена со своею дочерью (*filiae loco*); затѣмъ, значительное вліяніе на ея положеніе оказывали заступничество со стороны ея когнатовъ и образовавшійся впоследствии семейный совѣтъ. Подъ вліяніемъ этихъ обстоятельствъ и, главнымъ образомъ, подъ вліяніемъ религіозныхъ воззрѣній жена выходитъ изъ рабскаго положенія и за ней утверждаются такія же права, какъ за дочерью. Что таково было происхожденіе *manus*, можно видѣть изъ того, что онъ возникалъ въ древности изъ купли-продажи, а въ историческое время, между прочимъ, изъ *coemptio*, представлявшей позднѣйшее видоизмѣненіе первоначальной купли женъ. Правда, *coemptio* не производитъ уже рабской зависимости для женщины (Gajus I, 123); но тѣмъ не менѣе у мужа и вообще у *coemptiorator*'а было право, подобное праву отца, манципировать женщину (Gajus, I, 117, 118, 137, 138), т. е. поставить ее въ положеніе рабы, изъ котораго она освобождалась посредствомъ *manumissio* (Gajus I, 137, 115, 123). Не очевидно ли отсюда, что *manus* имѣлъ отношеніе и къ лицу подвластной, а не къ имуществу ея только? Gide въ подтвержденіе своего мнѣнія ссылается, какъ сказано, на Гая II, 89, 90, гдѣ говорится:

§ 89: *non solum autem proprietates per eos, quos in potestate habemus, adquiruntur nobis, sed etiam possessio: cujus enim rei possessionem adepti fuerint, id nos possidere videmur;* unde etiam per eos *usucapio procedit.*

§ 90. *Per eas vero personas, quas in manu mancipiove habemus, proprietates quidem adquiruntur nobis ex omnibus causis, sicut per eos qui in potestate nostra sunt: an autem possessio adquiratur, quare solet, quia ipsas non possidemus.*

Изъ сопоставленія этихъ мѣстъ выходитъ, что черезъ лицъ, подчиненныхъ нашему *manus* или *mancipium*, мы не можемъ приобрѣсть владѣнія, потому что ими самими не владѣемъ, а черезъ дѣтей, подчиненныхъ нашей *potestas*, можемъ; отсюда Gide дѣлаетъ выводъ, что *patria potestas* касается личности дѣтей, а *manus*—нѣтъ. Но этотъ выводъ вѣренъ не абсолютно, а лишь относительно времени Гая, когда уже не рѣшались говорить о владѣніи женой, какъ говорили раньше (Gajus I, 111: *veluti annua possessione usucapiebatur*), и вообще избѣгали всего того, что напоминало о быломъ рабствѣ жены (ср. Gajus I, 123, объ отличіи *coemptio* отъ *mancipatio*). Само собой разумѣется, что это позднѣйшее положеніе объ отношеніи мужа къ подвластной ему женѣ не можетъ быть признано таковымъ же во все время римской исторіи. Гай намъ указываетъ въ отмѣченныхъ у Gide словахъ (*quia ipsas non possidemus*) на одинъ изъ историческихъ моментовъ въ развитіи личности женщины, а не на всегдашнее положеніе ея въ семьѣ мужа. На основаніи другихъ мѣстъ того же Гая, мы пришли выше къ заключенію о распространеніи *manus* и на личность жены; но и этотъ выводъ сдѣланъ нами косвеннымъ путемъ, прямо Гай не говоритъ этого. Нельзя и ожидать, что въ трудѣ Гая можно найти ясное подтвержденіе былого рабства и послѣдующей строгой зависимости жены, такъ какъ въ его время эти отношенія или уничтожились, или настолько видоизмѣнились, что съ трудомъ можно ихъ распознать.

Возвращаемся теперь къ прерванному изложенію.—Существованіе отеческой власти и происшедшей изъ нея власти надъ женою у различныхъ народовъ, и именно въ смыслѣ римскихъ *patriae potestatis* и *manus*, можетъ быть доказано не только путемъ логическихъ посылокъ, но ближе и проще всего можетъ быть подтверждено историческими свидѣтельствами.

Patria potestas была у аріевъ явленіемъ общераспространеннымъ ¹⁾, о чемъ сохранились еще ясныя свидѣтельства. Въ позднѣйшемъ индусскомъ сборникѣ *Jājñawalkya* (кн. 2-я, ст. 175, и кн. 3-я, ст. 236) говорится еще о прежней неограниченной власти отца надъ дѣтьми, проявлявшейся прежде всего въ правѣ жизни и смерти и въ правѣ

¹⁾ Ср. Gide, ib. p. 27.

продажи дѣтей; но объ ней упоминается уже какъ объ явленіи отжившемъ и даже запрещенномъ религіей: именно запрещается дарить и продавать дѣтей.—У Грековъ отношенія между отцемъ и взрослымъ сыномъ раньше, чѣмъ у другихъ народовъ, потеряли характеръ власти и замѣнились взаимными правами и обязанностями; но это не значитъ, что греки не знали отеческой власти. Напротивъ, изъ свидѣтельства Плутарха (Solon, с. XIII) озапрещенія продавать дѣтей слѣдуетъ *per argumentum a contrario*, что раньше эта продажа существовала и не была запрещена. Быстрое исчезновеніе строгой отеческой и мужней власти у Грековъ объясняется тѣмъ, что государство у нихъ почти поглотило интересы семьи,—последняя имѣла значеніе лишь только какъ учрежденіе, дающее государству гражданъ; при этомъ отеческая и мужняя власть сводились къ отвѣтственной опека надъ женщиной, и каждый гражданинъ могъ возбудить искъ противъ другаго за неправильное обращеніе съ женою или дочерью ¹⁾. Да и въ такомъ видѣ отеческая власть продолжалась у Грековъ лишь до совершеннолѣтія или до брака сына ²⁾.—Отеческая власть у Славянъ въ историческія времена представляется уже въ смягченномъ видѣ; но однако сохраняетъ еще довольно признаковъ былой суровости. Проф. М. Ф. Влад.-Будановъ ³⁾ говоритъ, что первое проявленіе рабства есть право родителей на свободу дѣтей; о немъ мы находимъ свидѣтельства не только въ лѣтописныхъ свазаніяхъ о продажѣ дѣтей въ рабство въ голодное время . . . но и въ законодательныхъ кодексахъ московскаго періода; . . . право отдачи дѣтей въ вѣчное холопство исчезло безъ законодательной отмѣны его въ XVI вѣкѣ. Стало быть, долгое время—до XVI вѣка—держалось на Руси одно изъ самыхъ суровыхъ правомочій отца: распоряжаться свободой сына на вѣчныя времена.—У Германцевъ отеческая власть представляется также въ смягченномъ видѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ у Славянъ, у нихъ можно найти остатки стараго порядка и безграничной власти

¹⁾ Ср. *Gide*, ib. p. 88, 89.

²⁾ *Діонисій Галикарн.* II, 26.

³⁾ Обзоръ p. 138. Того же взгляда держится проф. *Штливескій*, ib. p. 169. Проф. *А. И. Загоровскій* (ib. p. 275) говоритъ, что отецъ семейства въ древней Руси располагалъ громадною властью по отношенію къ домочадцамъ—это свойство всякой патріархальной семьи.

отца ¹⁾. Семейное положеніе у Славянъ и Германцевъ нерѣдко противопологается римскому, причѣмъ утверждаютъ, что обѣ эти народности никогда не знали такихъ формъ семейнаго строя, какой сохранялся долгое время у Римлянъ ²⁾. Но эти выводы, на мой взглядъ, получаются отъ того, что сравниваютъ семейное устройство у названныхъ народностей въ довольно позднее время, когда подъ вліяніемъ разныхъ условій быта однѣ изъ нихъ (Славяне и Германцы) пришли къ болѣе мягкимъ формамъ семейной подчиненности ³⁾, а другія, напротивъ, (Римляне) сохранили дольше первоначальные порядки и заключили ихъ въ рѣзко очерченныя юридическія формы. Разница между этими народностями лежитъ не въ различіи исходныхъ началъ, а въ нѣкоторомъ различіи результатовъ и тѣхъ путей, которыми онѣ пришли къ порядкамъ, наблюдаемымъ у нихъ во времена историческія ⁴⁾. Римъ сохранилъ несравненно дольше, чѣмъ другія народности, черты первобытнаго семейнаго строя, вотъ въ чемъ вся особенность его. Такъ, еще Сіцега въ *oratio pro domo sua*, въ главѣ 29 ⁵⁾, вспоминаетъ о правѣ отца надъ жизнію и смертію сына (*jus vitae necisque*). Впрочемъ, и народъ римскій въ то время, когда достигъ значительной степени культуры, не примѣнялъ уже отеческой власти во всей ея юридической строгости: религія и нравы внесли постепенно смягченіе; и императоръ Адріанъ, по словамъ юриста Марціана ⁶⁾, высказалъ такое положеніе, что *patria potestas in pietate debet, non atrocitate consistere*. Несомнѣнно, что это произошло въ значительной степени подъ вліяніемъ знакомства съ болѣе мягкими правопо-

¹⁾ Ср. Проф. Шнилевскій, *ib.* р. 158 и слѣд. *Dargun*, *ib.* р. 49, утверждаетъ, что отецъ у Германцевъ имѣлъ безграничную власть и могъ, въ частности, продать сына.

²⁾ Ср. наприм. мнѣніе Гербера, у проф. Шнилевскаго, *ib.*

³⁾ *Gide*, *ib.* р. 225.

⁴⁾ У Черкесовъ власть отца не ограничена; онъ можетъ убить сына, не подвергаясь отвѣтственности. Ср. *Дубровинъ*, *ib.* р. 168.

⁵⁾ Также *Gellius*. N. A. V, 19, 9. Другія мѣста см. у *Marquardt*. *Privatleben*. р. 3.—Воспоминаніе о дѣйствительной продажѣ сына можно найти у *Діонисія Галикарнасскаго* II, 27: . . . *filium vendere permisit . . . usque ad tertiam venditionem . . . Hanc legem prisci illi reges sive scriptam, sive non scriptam . . . si pater permisit filio uxorem ducere, quae ex legibus particeps et sacrorum et bonorum, patri post hac nullum jus esto vendendi filium*. Любопытная параллель между положеніемъ власти отеческой у Грековъ и Римлянъ находится у *Діонисія Галикарнасскаго*, II, 26.

⁶⁾ D. 48. 9. 5.

ложеніями другихъ народовъ древности, въ особенности Грековъ; но тѣмъ не менѣе должно сказать, что и сами Римляне рано или поздно отказались бы отъ своихъ особенныхъ воззрѣній и вступили бы на общую стезю развитія семейныхъ правоотношеній. Въ то время, какъ другія цивилизованныя народности древности подъ вліяніемъ мирной жизни, развитія торговли, богатствъ, наукъ и искусствъ вышли изъ патріархальнаго режима и двинулись по пути къ развитію индивидуальной личности, Римъ, бывшій испови военнымъ лагеремъ, все и вся старался приспособить къ своимъ военнымъ цѣлямъ и тѣмъ болѣе крѣпко удерживалъ то, что было завѣщано ему предшествовавшей исторіей и вполне подходило къ его цѣлямъ, какъ напр. патріархальный строй семьи. Этими причинами объясняется вообще замѣчаемое у Римлянъ преобладаніе цѣлесообразности и разсудочности въ развитіи всѣхъ сторонъ жизни ¹⁾, хотя нельзя, конечно, отрицать, что у нихъ участвовали и обычныя силы постепеннаго нарастанія понятій и учреждений.—Въ виду всего сказаннаго, мы полагаемъ, что слова Гаая (I, 55) (*item in potestate nostra liberi nostri quos justis nuptiis procreavimus; quod jus proprium civium Romanorum est; fere enim nulli alii sunt homines, qui talem in filios suos habent potestatem, qualem nos habemus*), будто *patria potestas* есть особенность римскаго семейнаго строя, слѣдуетъ понимать не въ томъ смыслѣ, что Римляне имѣли нѣчто такое, чего другія народности никогда не имѣли, а въ томъ, что типическая форма института *patria potestatis* вслѣдствіе особыхъ условій держалась у нихъ упорнѣе и долѣе, между тѣмъ какъ у другихъ народовъ исчезла скорѣе.

Совершенно тоже должно сказать и о власти мужа надъ женою—*manus*. Подъ вліяніемъ тѣхъ же причинъ и ради достиженія тѣхъ же цѣлей эта власть, свойственная человечеству на первоначальныхъ ступеняхъ развитія, сохраняется у Римлянъ до позднѣйшихъ временъ и приспособляется къ послѣдующимъ обстоятельствамъ. Другіе народы также имѣли власть мужа надъ женою; но у нихъ она не нашла себѣ такого строгаго облика и прекратилась раньше ²⁾.

¹⁾ Ср. *Jhering*, *Geist d. r. R.* I, p. 97, 100.

²⁾ *Roszbach*, *ib.* p. 37.

Существованіе ея у арійскихъ народностей можно подтвердить ссылками на историческія свидѣтельства.

Ближе всего къ римскому *manus* подходитъ власть мужа у Германцевъ, носящая сходное по корню съ *manus* названіе: *mund*, *mundium*, и отличающаяся не меньшей строгостію даже въ историческія времена. Мужъ могъ продать жену, казнить, наказывать тѣлесно, передать по завѣщанію и подарить, подобно рабынѣ ¹⁾. Затѣмъ сохранились ясныя слѣды *manus* у Индусовъ. Мы уже касались этого вопроса выше, говоря, по поводу мнѣнія Лейста, о двойственности семейной власти у нихъ. Здѣсь отмѣтимъ, что *manus* въ индусскомъ правѣ, содержащемся въ сборникахъ Ману и Яжнавалкіа, сохранился уже въ смягченномъ видѣ; право жизни и смерти, право продажи жены вышли уже изъ употребленія, что ясно изъ находящихся въ этихъ сборникахъ запрещеній ²⁾. Осталась только общая зависимость жены въ теченіе всей ея жизни; Такъ, Ману (V, 148) говорятъ: *pendant son enfance une femme doit dépendre de son père; pendant sa jeunesse elle dépend de son mari; son mari étant mort, de ses fils . . . une femme ne doit jamais se gouverner à sa guise* ³⁾. Затѣмъ въ книгѣ VIII, ст. 416, говорится, что жена, на раду съ сыномъ и рабомъ, неспособна чѣмъ либо владѣть, и все, что она приобрѣтаетъ, составляетъ собственность ихъ господина: *une épouse, un fils et un esclave sont déclarés par la loi ne rien posséder par eux mêmes; tout ce qu'ils peuvent acquérir est la propriété de celui, dont ils dépendent*. Ср. IX, ст. 3. ⁴⁾.—У Грековъ патриархальный строй семьи и патриархальная власть исчезли быстро, чѣмъ гдѣ либо ⁵⁾; поэтому, положеніе замуж-

¹⁾ *Dargun* (ib. p. 47) говорятъ: у германцевъ власть мужа надъ женою была первоначально подобна власти надъ вещами,—въ сѣверныхъ сагахъ сохранились преданія, что жену можно было передать по наслѣдству, подарить и продать. *Grimm* (ib. p. 447, 450, 452): *verkaufen, tödten etc.* Ср. еще *Gide*, p. 225.

²⁾ *Jājñawalkya* III, 236, 242. Ману, IX, 46.

³⁾ Ср. *Jājñawalkya* I, 85, 86.

⁴⁾ Проф. *Осиновъ*, въ своемъ трудѣ „Брачное право древняго востока“, p. 42, утверждаетъ, что и дѣвушкѣ и замужней женщинѣ не возбраняется имѣть свое отдѣльное имущество. Но въ указываемыхъ имъ мѣстахъ, на нашъ взглядъ, говорится о *resulium*, предоставленномъ дочери и даже женѣ, распоряженіе которымъ было невозможно безъ согласія мужа и отца. Ср. *Gide*, p. 49, 52. *Roszbach*, ib. p. 200. Впрочемъ, надо замѣтить, что въ законахъ Ману признаются рядомъ съ строгими формами брака и свободныя, поэтому неудивительно здѣсь встрѣтить и имуществовую независимость женщины.

⁵⁾ *Roszbach*, ib. p. 239. *Spurlos ist die Manus wie fast die ganze alte Familienverfassung bei den Griechen verschwunden, nur einzelne Ueberreste geben sich noch Kund in dem Rechte: die ehebrecherische Frau zu tödten und das Kind aussetzen.*

ней женщины во времена историческія у нихъ было аналогично положенію римской женщины въ бракѣ *sine manu*: жена имѣла *dos*, не прерывала юридической связи съ семьей своего отца и могла потребовать у мужа развода. Но все это не говоритъ еще противъ возможности патриархальнаго строя у Грековъ въ періодъ болѣе ранній, какъ не говоритъ этого существованіе брака свободнаго (*sine manu*) у Римлянъ.—У Славянъ сохранились болѣе ясныя слѣды существовавшей власти мужа надъ женою. Такъ, у балтійскихъ Славянъ власть мужа была подобна римскому *manus*. Это можно видѣть изъ того, что жена была обязана слѣдовать за умершимъ мужемъ въ могилу ¹⁾. У Славянъ русскихъ рабство жены во времена историческія уже не существовало; но это не исключало зависимости жены отъ власти мужа, и власть эта, какъ показываютъ древне-русскія источники, была очень значительна ²⁾.—Существованіе *manus* у Римлянъ даже до временъ имперіи есть общезвѣстный фактъ. Нельзя, конечно, думать, что характеръ этой власти оставался во все время ея существованія однороднымъ; развивающіяся понятія объ индивидуальныхъ правахъ постепенно отодвигали назадъ возрѣніе на женщину, какъ на безправное и вполнѣ зависимое существо. Подъ вліяніемъ религіи и нравовъ возникло разногласіе между юридическимъ положеніемъ жены и ея фактической ролью въ домѣ мужа. Если по наружности жена была подчинена тяжелой власти своего властелина; то, въ дѣйствительности, этого, обыкновенно, не было, и власть въ семьѣ двоилась, принадлежа *de facto* супругамъ вмѣстѣ. Во время пуническихъ войнъ положеніе жены въ бракѣ *sine manu* даже съ внѣшней стороны было уже несравненно выше, чѣмъ прежде. L. Valerius въ своемъ возраженіи М. П. Катону по поводу *lex Oppia* (557 г.) говоритъ: *vos in manu et tutela, non in servitia debetis habere eas* ³⁾.—Къ римскому *manus*, какъ сказано, очень близко подходитъ германскій *mundium* и власть надъ женою у Индусовъ. Не у однихъ, стало быть, Римлянъ была такая власть надъ женою. Поэтому Гай опять таки неправъ, говоря, что *manus* есть особенность римской семьи: (I, 108): (*in* *de*

¹⁾ Котляревскій, Древности, р. 102, 103. Ср. Пр. Шпилевскій, *ib.* р. 54.

²⁾ Проф. М. Ф. Влад.-Будановъ, *ib.* р. 122. Ср. проф. А. И. Захаровскій, *ib.* р. 278.

³⁾ Livius, lib. XXXIV, с. 7.

his personis videamus quae in manu nostra sunt; quod) et ipsum jus proprium civium Romanorum est.

Существовавшая, такимъ образомъ, у всѣхъ, по крайней мѣрѣ, арійскихъ народностей власть мужа надъ женою со временемъ смѣнилась простымъ авторитетомъ его, вмѣстѣ съ переходомъ отъ строгихъ формъ брака къ болѣе мягкой—въ силу простаго соглашенія. Вѣроятно, этотъ то бракъ и носилъ у Римлянъ названіе: *matrimonium juris gentium*. Римляне, съ своей точки зрѣнія, сначала не признавали за нимъ обычныхъ послѣдствій, напр., не признавали власти отца надъ дѣтьми, если одинъ изъ супруговъ былъ не Римлянинъ и при томъ не имѣлъ дарованнаго *jus connubii*; между тѣмъ какъ другіе народы придавали ему полное значеніе, но, конечно, съ особенностями, свойственными каждому изъ нихъ. Римскій свободный бракъ (*sine manu*) былъ, по моему мнѣнію, проявленіемъ на почвѣ Рима той же вновь создавшейся, общенародной идея о бракѣ, какъ простомъ, неформальномъ договорѣ.—Какимъ образомъ произошла эта замѣна браковъ первобытнаго характера съ обширною властью мужа надъ женою браками свободными, гдѣ жена подчинялась уже не власти мужа, а его авторитету, это—вопросъ, для разрѣшенія котораго, по отношенію къ каждому данному народу, должно принять во вниманіе внутренній бытъ его. Изложеніе этого вопроса по отношенію ко всѣмъ арійскимъ народностямъ для насъ не доступно, да и не входитъ въ нашъ планъ; мы отмѣчаемъ только общій законъ смѣны брака строгаго бракомъ свободнымъ. Такая смѣна наблюдается у Германцевъ, Грековъ ¹⁾, Славянъ, но особенно наглядно она отразилась въ индійскомъ правѣ, сохранившемъ намъ 8-мь формъ совершенія брака, отъ самыхъ примитивныхъ до самыхъ совершенныхъ. Между ними имѣются формы совершенія по соглашенію между родителями невѣсты и женихомъ (или его родителями),—такова *Pradjaratis*, въ которой отецъ, при выдачѣ замужъ, даетъ благословеніе, говоря: „исполняйте оба предписанныя обязанности“; далѣе, таковы же формы *Brahma*, *Dévas* и *Richis* съ тою разницею, что въ нихъ прибавлены религиозныя церемоніи, совершаемыя обыкновенно жрецами. Наконецъ, есть форма брака, возникающаго по взаимному со-

¹⁾ Ср. *Rosbach*, ib. p. 198 fg.

гласію самихъ брачущихся, это—Gāndharbas ¹⁾. Очевидно, что все это—формы болѣе мягкія сравнительно съ прочими, оставшимися отъ первобытнаго времени, среди которыхъ выдаются покупка (Asougas) и похищеніе (Rachchasas). Очевидно также, что выше перечисленныя формы болѣе поздняго происхожденія и явились въ то время, когда строгій бракъ сталъ уступать мѣсто свободному.—Любопытный примѣръ свободнаго брака (sine manu) представляетъ недавно открытый законъ гортинскій ²⁾. Въ этомъ законѣ, по предположенію ученыхъ, болѣе древнемъ, чѣмъ XII таблицъ ³⁾, встрѣчается уже свободный бракъ, подобный римскому, именно: жена не находится подъ властью своего мужа и удерживаетъ все свое имущество, разводъ свободенъ для обѣихъ сторонъ, адѣти подчиняются власти отца, хотя эта власть мягче римской patria potestas. Этотъ примѣръ свободнаго брака яснѣе всѣхъ другихъ указываетъ, что римскій свободный бракъ не былъ единичнымъ явленіемъ въ древности, напротивъ, былъ отраженіемъ въ жизни Римлянъ общенародной идеи о постепенномъ ослабленіи власти мужа и о замѣнѣ брака строгаго бракомъ свободнымъ. Законъ гортинскій, правда, не даетъ намъ указаній на эту смѣну формъ брака, онъ говоритъ только о бракѣ свободномъ; но все, сказанное нами выше о происхожденіи брака вообще и о первичныхъ формахъ его, даетъ намъ основаніе предполагать, что и въ законѣ гортинскомъ строгій бракъ предшествовалъ свободному. Противоположнаго мнѣнія держится Bernhöft, видящій въ постановленіяхъ этого закона подтвержденіе своей мысли о непосредственной связи свободнаго брака съ гетеризмомъ и родствомъ по матери ⁴⁾; но съ его мнѣніемъ согласиться невозможно. У народовъ, которые, вслѣдствіе своего характера или по обстоятельствамъ своей жизни, вели миролюбивый образъ жизни, индивидуальный бракъ вырабатывается скорѣе путемъ эндогаміи, чѣмъ экзогаміи и потому развивается медленнѣе; въ жизни этихъ народовъ можно поэтому найти переходныя ступени, на кото-

¹⁾ Bernhöft, Z. f. v. R. Bd. VIII, p. 195, неправильно отождествляетъ бракъ Gāndharbas съ конкубинатомъ.

²⁾ Das Gesetz von Gortyn. Ср. Bernhöft, Z. f. v. R. Bd. VI, p. 281 fg.

³⁾ Bernhöft, ib. Bd. VI, p. 433.

⁴⁾ Zeitschrift f. v. R. Bd. VIII, p. 10, Anm.; Bd. VI, p. 430 fg.; Staat und Recht, p. 179, 182. Мысль этого автора нашелъ себѣ поддержку у Dargun, ib. p. 12.

рыхъ индивидуальный бракъ представляется въ видѣ, далеко еще незаконченномъ и имѣющемъ много общаго съ гетеризмомъ. Таково положеніе матримоніальныхъ отношеній у древнихъ Кельтовъ, описываемое проф. Сокольскимъ ¹⁾, полагающимъ, что „союзъ брачный у Кельтовъ Ирландіи и Валлиса является институтомъ слагающимся, не вполне устойчивымъ, не вполне отличеннымъ, въ особенности относительно юридическихъ послѣдствій, отъ виѣбрачнаго полового сожителства.“ Но не таково это положеніе въ законѣ Гортинскомъ, согласно которому дѣти слѣдуютъ всегда и непременно за отцемъ, а потому въ этомъ законѣ нельзя видѣть ни отраженія, ни даже воспоминанія о гетеризмѣ. Вслѣдъ за гетеризмомъ, какъ мы пытались доказать, идетъ бракъ строгій, уступившій, въ свою очередь, мѣсто браку свободному. Послѣдняя смѣна брачныхъ формъ, повлекшая ослабленіе и даже уничтоженіе власти мужа, не возвратила однако матримоніальныхъ отношеній къ первоначальной безпорядочности; вслѣдствіе чего свободный бракъ, смѣнившій строгій, не можетъ быть ни въ какомъ случаѣ приведенъ въ связь съ гетеризмомъ и родствомъ по матери. Этому не противорѣчатъ и брачные порядки у Германцевъ, описываемые Даргуномъ ²⁾, говорящимъ, что у этой націи бракъ не совпадалъ съ *mundium* (*manus*) и были возможны браки безъ *mundium*, при которыхъ дѣти принадлежали не къ фамиліи отца, а матери (р. 39, 42). Этотъ строй брачныхъ отношеній есть уже явленіе, относящееся ко времени смѣны брака строгаго бракомъ свободнымъ и потому опять таки не имѣющее ничего общаго съ первобытнымъ гетеризмомъ. Дѣти здѣсь слѣдуютъ за матерью не потому, что не установлено или не признается отчество, а потому, что отецъ не приобрѣлъ права на женщину, не приобрѣлъ *mundium* надъ нею, не купилъ ее. Такія послѣдствія наступали, слѣдовательно, при полномъ господствѣ брака индивидуальнаго, совершаемаго посредствомъ покупки *mundium*'а, и представляютъ съ этой точки зрѣнія лишь отступленіе отъ общаго правила. Такое явленіе могло бы быть и въ Римѣ, при всей строгости римскихъ воззрѣній на бракъ во время процвѣтанія патриархальной семьи, если бы Римляне не были болѣе

¹⁾ Къ ученію объ организаціи семьи etc. р. 24 слѣд.

²⁾ Mutterrecht und Raubehe. р. 23 fg.

чутви къ опредѣленію юридическихъ отношеній и не установили, рядомъ съ *coemptio*, совершеніе брака строгаго въ силу давности (*usus*). Изъ всего сказаннаго заключаемъ, что т. н. первобытный свободный бракъ, слѣдующій непосредственно за гетеризмомъ, есть въ дѣйствительности тотъ же гетеризмъ¹⁾; поэтому о такомъ бракѣ можно говорить только тамъ, гдѣ есть признаки беспорядочнаго полового сожитія; бракъ свободный позднѣйшаго времени съ гетеризмомъ ничего общаго не имѣетъ, онъ представляетъ связь строго индивидуальную, но безъ власти мужа надъ женою.—Относительно римскаго свободнаго брака *Bernhöft*²⁾ также полагаетъ, что онъ былъ подобенъ первобытному беспорядочному общенію, такъ какъ дѣти, по его мнѣнію, первоначально слѣдовали за матерью, и только *lex Canuleja* установилъ патернитетъ для нихъ по аналогіи съ бракомъ *cum manu*; такой бракъ практиковался у плебеевъ. Но предположенія *Bernhöft*'а не имѣютъ опоры въ источникахъ римскихъ. Въ бракѣ плебейскомъ и до закона Канулея дѣти уже слѣдовали за отцемъ, какъ показываетъ выраженіе Ливія (IV, 4), влагающаго слѣдующія слова въ уста Канулея: *quid enim in re est aliud, si plebejam patricius duxerit, si patriciam plebejus? quid juris tandem mutatur? nempe patrem sequuntur liberi? Nec, quod nos ex connubio vestro petamus, quidquam est, praeterquam ut hominum, ut civium numero simus.* Съ другой стороны, какъ показано выше, нѣтъ никакихъ данныхъ ни въ римской исторіи, ни въ римскихъ преданіяхъ для признанія у Римлянъ существованія гетеризма, а потому нечего и думать объ установкѣ связи его съ бракомъ свободнымъ³⁾.

Попытаемся теперь выяснить: когда, подъ вліяніемъ какихъ причинъ и какими способами водворился въ Римѣ свободный бракъ (*sine manu*). Мы полагаемъ, что послѣдняя изъ формъ строгаго брака—*usus*—была той областью, черезъ которую идея свободнаго брака проникла въ римскую жизнь. До истеченія годовой давности женщина была *sine manu*, а потому, съ точки зрѣнія древнихъ Римлянъ, не могла считаться женою. Спрашивается, въ какомъ же положеніи она была? Взгляды ученыхъ, трактовавшихъ объ этомъ вопросѣ, раздѣли-

1) Это признаетъ *Kohler*, *Zeitschrift f. v. R.* Bd. VI, p. 321.

2) *ibid.*

3) Къ браку плебейскому мы возвратимся нѣсколько ниже.

лись. Одни ¹⁾ полагаютъ, что половая связь предъ *usus* была подобна конкубинату; другіе ²⁾ это отвергаютъ, предлагая, съ своей стороны, признать это явленіе—правоотношеніемъ *sui generis* и считая его подобіемъ брака (*pro matrimonio*), а женщину, въ такомъ положеніи стоящую,—подобіемъ жены (*pro uxore*) ³⁾. На нашъ взглядъ, нельзя согласиться ни съ тѣми, ни съ другими. Данное отношеніе нельзя назвать конкубинатомъ по тому простому соображенію, что при конкубинатѣ женщина сама заботилась бы о превращеніи фактическаго сожитія въ бракъ, между тѣмъ какъ въ дѣйствительности было наоборотъ: мужчина заботился о приобрѣтеніи власти надъ женою въ силу годовой давности владѣнія. Съ другой стороны, должно сказать, что намѣренія сторонъ, заключавшихъ бракъ (т. е. прежде всего родителей брачующихся), влонились не къ тому, чтобы установить только подобіе брака. Мужчина, вступившій въ сожитіе такого рода, имѣлъ намѣреніе приобрѣсти право на жену, но или не желалъ, или не могъ этого сдѣлать способами обыкновенными, а приобрѣталъ это право по истеченіи года; въ виду этого отрицать у такого мужа матримоніальныя намѣренія, отрицать у супруговъ *affectus maritalis* было невозможно, а потому невозможно было смотрѣть на женщину, какъ на наложницу, на это не согласились бы и родители женщины, отдавашіе ее въ замужество. Съ точки зрѣнія строгаго права, женщина, конечно, не могла быть названа женою (*uxor*); но тѣмъ не менѣе и въ теченіе перваго года ее слѣдовало называть замушнею. Это ясно подтверждается словами Гая въ слѣдующемъ мѣстѣ (I, 111): *usu in manum conveniebat quae anno continuo nupta perseverabat*. Выраженіе: *nupta*—указываетъ, что женщина считалась замушнею ⁴⁾. Этому

¹⁾ *Bluntschli*, ib. p. 271, и *Grimm*, *Rechtsalt.* p. 489, а также *Bernhöft*, (*Zeitsch. f. v. R.* Bd. VIII, p. 197). *Rein*, *ibid.* p. 391. *Anm. 3. Picot*, *ibid.* на стр. 95 называетъ свободный бракъ естественнымъ и говоритъ, что онъ не производитъ никакихъ юридическихъ послѣдствій, а на стр. 184 правниваетъ его къ конкубинату.

²⁾ *Lange*, *Röm. Alterth.* p. 95.

³⁾ *Mommsen*, *Röm. Geschichte*, 4. Aufl., I, p. 57. *Anm. 1. Karlowa*. *Die Formen der röm. Ehe m. manus.* p. 70. Въ подтвержденіе своего мнѣнія *Mommsen* ссылается на выраженіе у *Cicero*. *Topica* 3, 14: *uxor tantummodo etc.*; но *Karlowa* справедливо возражаетъ, что изъ словъ Цицерона должно сдѣлать совсѣмъ противоположный выводъ.

⁴⁾ Выраженіе „*nupta*“ одного корня и значенія съ *nuptiae*, которые, по опредѣленію *Феста* (s. h. v.), названы такъ потому, quia flammis caput nubentis obvolvatur, quod antiqui obnubere vocarint.

не противорѣчитъ и выраженіе Сервія ¹⁾: *tribus enim modis apud veteres nuptiae fiebant: usu, si mulier anno uno cum viro, licet sine legibus, fuisset*. Выраженіе: „*sine legibus*“ указываетъ не на незаконную въ собственномъ смыслѣ связь, а на связь, несогласную съ положеніями древнѣйшаго права о бракѣ *cum manu*. Незаконна въ собственномъ смыслѣ была связь съ *pellex* ²⁾, вызывавшая нѣкоторыя невыгоды для женщины; но связь въ бракѣ *sine manu* не вызывала никакихъ такихъ послѣдствій, такъ какъ была дозволенною и лишь не подходила подъ строгія формы стараго брака. Карлова ³⁾ правильно сравниваетъ бракъ при *usus* до истеченія годовой давности съ вещнымъ правоотношеніемъ, называемымъ: *in bonis habere* и представляющимъ отраженіе въ римской жизни началъ общенародныхъ.—Такое состояніе матримоніальныхъ отношеній близко подходило къ браку свободному, но не было еще свободнымъ бракомъ въ собственномъ смыслѣ; это было отношеніе временное, переходное, превращающееся необходимо въ бракъ *cum manu*. Съ введеніемъ *usurpatio trinoctii*, какъ способа перерыва давности, создавшаго возможность продленія даннаго правоотношенія за предѣлы перваго года, это отношеніе также еще не стало дѣйствительнымъ свободнымъ бракомъ, хотя и получило полную возможность стать таковымъ. *Usurpatio trinoctii* было введено въ XII таблицахъ: *lege duodecim tabularum cautum est, ut si qua nollet eo modo in manum mariti convenire, ea quotannis trinoctio abesset atque eo modo (usum) cujusque annis interrumperet* ⁴⁾. Но XII таблицъ представляли собой оплотъ строгаго, патриархальнаго порядка семьи и потому, какъ сказано уже раньше, несвоевременно еще искать въ нихъ положеній, разрушающихъ этотъ порядокъ. *Usurpatio* было введено, очевидно, не съ тѣмъ, чтобы дать возможность привиться свободному браку ⁵⁾, а для тѣхъ случаевъ, когда передавшій женщину въ замужество домовладыка находилъ необходимымъ, подъ вліаніемъ какихъ либо соображеній, прервать давностный срокъ одинъ, много два раза, напр. съ тою цѣлю, чтобы ближе

¹⁾ In *Georgica*. I. 31. Ср. *Bruns*, *Fontes*, p. 324. Ed. quarta.

²⁾ См. выше стр. 8, прим. 1. Ср. *Gellius* XVII 21. *Festus*, s. v. *pellices*.

³⁾ *ibid.* p. 70.

⁴⁾ *Gaji*, I, 111. Ср. *Gellius*, N. A. III, 2, 12: non enim posse impleri trinoctium, quod abesse a viro usurpandi causa ex duodecim tabulis deberet. *Macrobius*. *Saturnal.* I. I, c. 3.

⁵⁾ Contra: *Padelletti* *Lehrbuch d. röm. Rg.* p. 106. Anm. 2.

ознакомиться съ характеромъ и нравственными взглядами и поведеніемъ своего зятя и затѣмъ уже или предоставитъ ему приобрѣтеніе *manus* надъ дочерью, или возвратитъ ее къ себѣ обратно. Но затѣмъ подъ вліяніемъ причинъ, о которыхъ рѣчь будетъ ниже, у домовладыки невѣсты является цѣль не допускать до возникновенія *manus* по давности, чего онъ и достигаетъ, приказывая ей дѣлать *usurpatio* изъ года въ годъ и вслѣдствіе этого удерживая ее въ своей власти. Увеличеніе числа подобныхъ положеній постепенно выводило ихъ изъ разряда случайностей или отступленій и складывало мало по малу правило о свободномъ бракѣ. Время, когда это правило сложилось и когда, стало быть, бракъ свободный можно считать возникшимъ, не можетъ быть опредѣлено точно, съ указаніемъ на годъ римской исторіи; все это произошло постепенно и мало по малу укоренилось въ жизни Римлянъ. Домовладыка, отдавая свою дочь въ замужество, могъ вполслѣдствіи заранѣе уговориться съ зятемъ (или его родителями) о томъ, чтобы годовая давность не влекла за собою *manus* и чтобы бракъ оставался свободнымъ и послѣ перваго года. Могъ ли этому противиться зять, когда онъ зналъ, что домовладыка его жены имѣетъ всегда возможность приказать ей производить ежегодную *usurpatio trinoctii*? Вслѣдствіе этой и подобныхъ ей причинъ ежегодный перерывъ въ теченіе трехъ ночей (*quotannis trinoctio abesset*) постепенно выходитъ изъ употребленія и бракъ, согласно намѣренію сторонъ, и безъ перерыва остается свободнымъ, не производя власти для мужа. Съ этого времени свободный бракъ становится институтомъ самостоятельнымъ, независимымъ отъ строгаго брака *per usum*.

Когда произошелъ этотъ переворотъ, съ точностью опредѣлить нельзя, сказали мы выше; но есть нѣсколько данныхъ, по крайней мѣрѣ, для приблизительнаго установленія его даты. Такъ, Плавтъ въ сочиненіи *Stichus* (I. 2, 73) говоритъ о правѣ отца потребовать обратно свою дочь и данное ей имущество, что возможно только при бракѣ свободномъ. Такъ, далѣе, *Sato major* въ своей рѣчи за *lex Voconia* (585 г.) говоритъ объ имуществѣ жены, которое она удерживаетъ для себя, что опять таки можетъ имѣть мѣсто только при бракѣ свободномъ¹⁾. Наконецъ, Цицеронъ намъ свидѣтельствуеетъ,

¹⁾ *Gellius*, XVII. 6. 1. (*Rosbach*, *ibid.* p. 44).

что въ его время жены раздѣлялись на двѣ категоріи: „matres familias“ и „uxores tantum;“ онъ говоритъ ¹⁾: *genus enim est uxor; ejus duae formae: una matrumfamilias, eae sunt, quae in manum conueniunt; altera earum, quae tantummodo uxores habentur.* Къ первой категоріи относились, стало быть, всѣ жены, находившіяся in manu mariti, а ко второй — жены, состоявшія въ бракѣ свободномъ ²⁾. — Изъ всѣхъ этихъ свидѣтельствъ можно вывести заключеніе, что свободный бракъ существовалъ уже какъ особый институтъ ко второй половинѣ шестаго столѣтія, а ко времени Цицерона сталъ даже равноправенъ съ бракомъ строгимъ ³⁾.

Образованіе этой новой формы брака сопровождалось глубокой реформой во взглядахъ Римлянъ на семейный строй. До сихъ поръ всѣ браки были cum manu mariti, и потому понятія: manus и бракъ другъ друга взаимно дополняли. Теперь же бракъ и manus получаютъ самостоятельное бытіе и совершеніе перваго не обуславливаетъ возникновенія послѣдняго; для возникновенія manus требовалось совершеніе одного изъ формальныхъ актовъ: confarreatio или coemptio, или же нужна была годовая давность сожитія, между тѣмъ какъ для брака безъ власти достаточно было совершенія религиозныхъ обрядовъ и простаго неформального соглашенія между сторонами, т. е. прежде всего между родителями брачующихся, а затѣмъ и между ними самими. — Вслѣдствіе отсутствія manus въ свободномъ бракѣ женщина, вступавшая въ этотъ бракъ, не разрывала юридической связи со своей прежней, т. е. отцовской семьей, напротивъ, она оставалась подъ властію своего прежняго домовладыки и безусловно подчинялась его приказаніямъ. Въ новой своей семьѣ, т. е. семьѣ мужа она не приобрѣтала правъ агнатскаго родства и потому сначала не считалась юридически членомъ ея, а стояла особнякомъ, подчиняясь лишь

¹⁾ Topica. с. 3.

²⁾ Ср. *Roszbach*, ib. p. 89.

³⁾ Намекъ на существованіе свободнаго брака можно видѣть во время, гораздо болѣе раннее. Именно, таковымъ представляется бракъ между римлянами и латинами еще въ 257 г. ab urbe condita (Ср. *Діонисій Галикарнассскій*, ib. lib. VI. с. 1). Но это не можетъ имѣть значенія для исторіи римскаго свободнаго брака, такъ какъ въ то время въ Римѣ о немъ не могло быть и рѣчи, напротивъ, гдѣ браки были единообразны, т. е. cum manu mariti.

авторитету мужа и то настолько, насколько это угодно было допустить ея домовладыкѣ. Даже по отношенію къ своимъ дѣтямъ она считалась сначала чужой, пока смягченныя положенія преторскаго права не установили родственной связи когнатской. Въ отвѣтствіи съ этимъ и въ имущественномъ отношеніи женщина была независима отъ мужа и зависѣла отъ своего отца; все приносимое женою въ бракъ имущество оставалось въ ея рукахъ и лишь часть его, подъ именемъ *dos*, поступала въ распоряженіе и даже собственность мужа. Напротивъ, положеніе дѣтей при этомъ бракѣ было соответственно положенію ихъ въ бракѣ строгомъ. Бракъ *sine manu* считался такимъ же законнымъ бракомъ, какъ и бракъ *cum manu*, а потому и дѣти, изъ него происшедшія, считались законными и попадали власти отца.

Попытаемся теперь намѣтить причины, которыми было вызвано появленіе этого брака, столь рѣзко противорѣчащаго въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ браку строгому. Мы выше пытались показать, что появленіе свободнаго брака есть событіе естественное, необходимо повторяющееся у всѣхъ арійскихъ народностей, и что Римляне этотъ то бракъ называли *matrimonium juris gentium*. Римскій свободный бракъ представлялъ собой примѣненіе на почвѣ Рима этой общенародной идеи о бракѣ. Впрочемъ, отъ *matrimonium juris gentium* римскій свободный бракъ отличался необходимостію *connubium* между брачующимися. Этимъ требованіемъ общая идея была прикрѣплена къ римской почвѣ, такъ какъ *connubium*, т. е. *uxoris jure ducendae facultas* ¹⁾—былъ обусловленъ въ (древнемъ) Римѣ правомъ гражданства и былъ, слѣдовательно, правомъ гражданскимъ.—Затѣмъ, появленіе и развитіе свободнаго брака было сообразно съ общимъ ходомъ развитія римскаго права. Подъ вліяніемъ вновь образовавшихся потребностей и смягченія нравовъ, явившихся слѣдствіемъ знакомства съ болѣе культурными народами запада и востока, Римляне начинаютъ отступать отъ суровыхъ положеній своего *jus civile*, рассчитаннаго на удовлетвореніе немногосложныхъ и грубыхъ потребностей мелкаго землепашца, и постепенно, въ видѣ преторскаго права, слагаютъ новую правовую систему, пронизанную началами справедливости и дающую опредѣ-

¹⁾ *Ulpianus. Fragm. V. 3.*

ленія отношеніямъ вновь образующагося торговаго и денежнаго оборота. Развитіе денежнаго хозяйства, въ противоположность хозяйству натуральному, оказываетъ значительное вліяніе на строй гражданскихъ правоотношеній и, въ частности, на отношенія въ семьѣ; оно видоизмѣняетъ нравы и дѣлаетъ болѣе свободными и подвижными старинныя твердыя связи родоваго порядка ¹⁾; экономическое единство семьи распадается, и между членами ея становятся возможными обязательственныя отношенія, какъ между чужими. Всѣ эти новообразованія не могли ужиться со старымъ строемъ семьи и настойчиво выдвигали впередъ свободный бракъ и опирающуюся на него новую семью.—Кромѣ этихъ отдаленныхъ причинъ были и ближайшіе поводы, давшіе, такъ сказать, первый толчекъ къ появленію и развитію свободнаго брака. Здѣсь главнымъ образомъ вліяли интересы домовладыки женщины и ея ближайшихъ родственниковъ, а также и интересы ея самой ²⁾. Еще при полномъ господствѣ строгаго брака, сказали мы выше, явилось у отца женщины стремленіе облегчить ея положеніе въ домѣ ея мужа посредствомъ договоровъ, подтвержденныхъ выдачею приданаго. Свободный бракъ былъ вызванъ главнымъ образомъ тѣми же стремленіями ³⁾. Удерживая дочь въ своей власти, при этомъ бракѣ отецъ могъ разсчитывать болѣе сильно вліять на ея положеніе въ домѣ ея мужа; у него находилось въ рукахъ могущественнѣйшее средство противъ строптивости зятя, именно возможность потребовать свою дочь обратно или, просто говоря, развести ее съ мужемъ. Затѣмъ, и въ отношеніи къ имуществу, данному дочери по поводу брака, отцу ея принадлежало при бракѣ свободномъ неизмѣримо болѣе правъ, такъ какъ онъ удерживалъ это имущество въ своей власти, подобно пекулію сына. Вслѣдствіе этихъ причинъ положеніе женщины въ бракѣ *sine manu* было гораздо свободнѣе, удобнѣе, и потому она и ея родители начинаютъ предпочитать новый бракъ старому. Старый бракъ при этомъ начинаетъ вызывать ненависть и даже преступленія ⁴⁾. Такія обстоятельства спо-

¹⁾ Ср. *Arnold W. Cultur und Recht der Römer. Berl. 1868. p. 352. Leist. Jus gent. p. 15.*

²⁾ *Roszbach, ibid. p. 49, 50. Karlowa, ibid. p. 79.*

³⁾ Ср. *Esmein, ib. p. 32.*

⁴⁾ Ср. *Marquardt, Privatleben, p. 67. Anm.*

спѣшествовали усиленному развитію брака *sine manu*, помогая ему подняться изъ первоначально второстепеннаго и зависимаго положенія въ положеніе равное съ бракомъ строгимъ, а затѣмъ доставили ему даже преобладаніе. Такъ, уже въ концѣ республики высшіе классы отклоняются отъ *confarreatio* (и, конечно, *coemptio*), вслѣдствіе затруднительности развода при немъ ¹⁾. Во время Августа строгіе браки становятся еще болѣе рѣдкими, а во время Тиверія нашли необходимымъ сдѣлать отступленіе отъ стараго правила о бракѣ *flamen Dialis*; требовавшіяся для этой должности происхожденіе отъ брака *sine manu* и состояніе въ такомъ бракѣ стали такою рѣдкостью, что второе требованіе было смягчено: по свидѣтельству Тацита ²⁾. императоръ нашелъ возможнымъ отмѣнить гражданскія послѣдствія *manus*, оставивши его въ силѣ только по отношенію къ дѣламъ религіознымъ. *Sed lata lex*, говоритъ Тацитъ. *qua flaminica Dialis sacrorum causa in potestate viri, cetera promisco feminarum jure ageret.* Еще яснѣе говоритъ это Гай (I, 136): . . . *Maximi et Tuberonis cautum est, ut haec quod ad sacra tantum videatur in manu esse, quod vero ad ceteras causas perinde habeatur, atque si in manum non convenisset.* Повидимому, тотъ же Гай въ другомъ мѣстѣ говоритъ о *confarreatio* и *coemptio*, какъ о формахъ брака, дѣйствующихъ еще и въ его время. Но, въ дѣйствительности, не такъ. *Confarreatio*, по его словамъ ³⁾, примѣняется въ видѣ исключенія въ бракахъ высшихъ фламиновъ, а о *coemptio*, какъ дѣйствующей формѣ брака, онъ и не говоритъ: описавши, въ чемъ состоятъ *coemptio*, Гай приводитъ случаи ея непрямаго примѣненія (*fiduciae causa*), а о бракѣ *per coemptionem* молчитъ и не прибавляетъ о немъ того, что сказано о бракѣ *per confarreationem*: *quod jus etiam nostris temporibus in usu est.*—Дальше, бракъ *sine manu* упоминаютъ еще Папиньянъ и Павелъ ⁴⁾ и, согласно Боецію ⁵⁾, Ульпіанъ, а потомъ всякія свѣдѣнія о немъ прекращаются, почему и можно сказать, что онъ вышелъ окончательно изъ употреб-

¹⁾ Ср. *Voigt. Die römische Alterthümer. Privatalterthümer und Kulturgeschichte.* Помѣщено въ *Handbuch der klassischen Altertumswissenschaft.* Von. J. Müller. p. 916.

²⁾ *Annales.* IV, 16.

³⁾ I, 112.

⁴⁾ См. *Collatio leg. Mosaic. et Roman.* 4, 7 и 4, 2, 3.

⁵⁾ Смъ слѣдующее примѣчаніе.

ленія въ 3-мъ вѣкѣ ab u. c., если не раньше. — Во времена комментаторовъ Боеція и Сервія, жившихъ въ 4-мъ вѣкѣ христіанской эры, формы строгаго брака представляются настолько отдаленными, что забылось уже ихъ дѣйствительное содержаніе, и авторы въ своихъ толкованіяхъ, какъ сказано было выше, извращаютъ ихъ смыслъ ¹⁾.

Изъ историческаго соотношенія между строгимъ и свободнымъ бракомъ, а также и изъ сравненія понятій ихъ слѣдуетъ, что послѣдняя форма брака представляетъ собою высшую культурную ступень сравнительно съ формой первой ²⁾. Освободивши женщину изъ подъ всеобъемлющей власти мужа и подерѣпивши ея самостоятельность имущественной независимостью, она создала для женщины возможность индивидуальнаго развитія и поставила ее въ разрядъ равноправныхъ членовъ общества. Неправильнъ, поэтому, взглядъ ученыхъ ³⁾, выдающихъ въ свободномъ бракѣ и развившемся вмѣстѣ съ нимъ индивидуализмѣ признакъ паденія римской соціальной жизни. Развитие индивидуализма, напротивъ, является признакомъ прогресса сравнительно съ предшествовавшимъ закрѣпощеніемъ семьи въ отношеніи къ ея главамъ. Нельзя, впрочемъ, отрицать, что появленіе и укорененіе свободнаго брака въ Римѣ сопровождалось потрясеніями въ области семейной жизни и паденіемъ нравственности; но эти послѣдствія были вызваны не самимъ по себѣ свободнымъ бракомъ, а въ соединеніи съ другими причинами, о которыхъ будетъ рѣчь въ слѣдующей главѣ. Самъ по себѣ свободный бракъ могъ и не вызвать такихъ послѣдствій и по-

¹⁾ См. *Bruns. Fontes*, p. 319.

²⁾ Ср. *Сokolovskій*, О постепенномъ развитіи идеи брака въ древнемъ мірѣ Спб. 1843 г. 95 Противоположное мнѣніе высказалъ *Bernhöft*, выдающій въ свободномъ бракѣ стародавнюю форму аборигеновъ Италіи, покоренныхъ арійскими пришельцами. Вслѣдствіе такого воззрѣнія на происхожденіе свободнаго брака, *Bernhöft* считаетъ водвореніе его у Римлянъ паденіемъ болѣе высокаго, арійскаго взгляда на бракъ (p. 179 sq.). *Esmein* (*ibid.* p. 27) готовъ признать это мнѣніе *Bernhöft'a* и навязываетъ римскому законодателью непрінадлежащій ему взглядъ на строгій бракъ, какъ на бракъ нормальный. Бракъ снмъ тапи былъ нормальною формой только въ началѣ, затѣмъ, онъ постепенно уступаетъ мѣсто браку свободному, какъ высшей формѣ брачныхъ узъ, какъ формѣ, соответствовавшей принципамъ *juris gentium*, получившимъ уже въ началѣ имперіи перевѣсъ надъ *jus civile*. Мнѣніе *Bernhöft'a* о происхожденіи свободнаго брака разобрано выше; здѣсь остается только сказать, что неправильность въ пониманіи происхожденія и характера свободнаго брака привели этого автора къ неправильному пониманію его значенія въ исторіи римской культуры.

³⁾ *Picot*, *Du mariage romain, chretien et français* p. 182 sq.

явленіе его у другихъ народовъ, насколько извѣстно, не сопровожда-лось такими потрясеніями, какъ въ Римѣ.

Бракъ *sine manu* былъ послѣднею и самою совершенною формою, созданною языческою жизнію Рима. Дальнѣйшее движеніе въ этой области совершалось подѣ влияніемъ христіанства. Но это лежитъ уже за предѣлами нашей темы, поэтому изложеніемъ вопроса о свободномъ бракѣ мы и заканчиваемъ рѣчь объ историческихъ формахъ римскаго брака, переходя теперь въ главному предмету нашей работы—къ вопросу о разводѣ. Однако, въ заключеніе этой первой главы не можемъ не остановиться еще на одномъ интересномъ и запутанномъ вопросѣ изъ области брачныхъ правоотношеній.

Большою загадкою представляется для ученыхъ бракъ плебеевъ въ періодъ до закона Канулея (305 года), допустившаго для нихъ *connubium* съ патриціями. Мы нерѣдко въ предшествующемъ изложеніи соприкасались съ этимъ вопросомъ, но отълаживали его обсужденіе до конца; теперь попытаемся дать сильное его рѣшеніе, не претендуя на полноту и не считая умѣстнымъ излагать всѣ существующія теоріи ученыхъ во всемъ ихъ разнообразіи. — По отношенію къ происхожденію плебса мы держимся того взгляда, что онъ составился изъ различныхъ элементовъ. Прежде всего въ его составъ вошли покоренные и оставленные свободными аборигены Италіи (*Siculi*)¹⁾, затѣмъ переселенцы изъ другихъ латинскихъ и не латинскихъ общинъ²⁾, и, наконецъ, вольноотпущенники³⁾. Этотъ классъ римскаго народонаселенія сложился не сразу, а постепенно, и потому не сразу выступилъ въ политической жизни римскаго государства. Вѣроятно, прошло нѣкоторое время, пока различные элементы, вошедшіе въ составъ этого класса, слились и выработали общіе взгляды и интересы. Съ этого времени онъ приходитъ въ столкновеніе съ высшимъ классомъ патриціевъ и противопоставается послѣднему, какъ иного рода *gentes*. О такомъ противоположеніи можно заключить изъ Ливія, который

¹⁾ *Bernhöft*. S. u. R. p. 44.

²⁾ *Livius*. I, 33. Ancus . . . secutusque morem regum priorum, qui rem romanam auxerant hostibus in civitatem accipiendis, multitudinem omnem romanam traduxit . . . Aventinum novae multitudini datum. Ср. *Cicero*, de republ. II, XVIII, 3. 3.

³⁾ *Argum. Dionisius Halicarn.* II. 8. *Plutarchus*, Romulus, c. 13. Ср. *Voigt*, Röm. Alterthümer. p. 753.

въ первой книгѣ своей исторіи, въ 1-ой и 2-ой главахъ, по поводу закона Канулея, говоритъ: *confundique jura gentium rebantur; collusionem gentium, perturbationem auspicioꝝ publicoꝝ privatoꝝ-que affere* ¹⁾. *Connubium* между различными родами (*gentes*) въ началѣ зависѣлъ отъ взаимнаго соглашенія между ними, а такъ какъ плебеи во всѣхъ отношеніяхъ составляли классъ населенія низшій, то патриціи, не желая смѣшиваться съ ними, и въ бракъ съ ними вступать не желали. Это нежеланіе было настолько велико, что патриціи имѣли *connubium* съ сосѣдними латинскими родами ²⁾ и не имѣли его съ плебеями. Намъ кажется, однако, вѣроятнымъ, что невозможность взаимныхъ браковъ между сословіями и въ особенности прямое запрещеніе подобныхъ браковъ существовали не искони; сначала вступленіе въ бракъ съ плебеями было возможно для патриціевъ, но не имѣло мѣста или встрѣчалось очень рѣдко по причинамъ чисто бытовымъ ³⁾, подобно тому какъ и у другихъ народовъ обыкновенно не допускается бракъ высшаго сословія съ низшимъ ⁴⁾. Запрещеніе взаимнаго *connubium* и возведеніе этого запрещенія въ законъ, въ XII таблицахъ, происходитъ только тогда, когда усиливается между сословіями антагонизмъ и разгорается борьба ⁵⁾. Что такого законнаго запрещенія не было раньше XII таблицъ, это видно изъ словъ Ливія (IV, 4): *Nos ipsum, ne connubium patribus cum plebe esset, non decemviri tulerunt paucis his annis pessimo exemplo publico, cum summa injuria plebis?* ⁶⁾. До XII таблицъ бракъ между сословіями не практиковался, но не былъ и запрещенъ; XII

¹⁾ Это мѣсто служитъ иногда опорой для противоположнаго утвержденія, будто плебеи вовсе не имѣли *gentes*. Но прямой смыслъ словъ и выраженій говоритъ противъ такого вывода. Точно также другое мѣсто изъ Ливія (X 8, 9): *semper ista audita sunt eadem, penes vos auspicia esse, vos solos gentem habere* — говоритъ, по смыслу, не противъ, а за существованіе *gentes* у плебеевъ. Это же, между прочимъ, подтверждается и тѣмъ, что *leges sacrae* носили всѣ признаки международнаго договора (*foedus*). Ср. *Cuno, Vorgeschichte Roms*, p. 298. Contra: проф. Д. П. Азаревичъ. II. и II. p. 101.

²⁾ *Livius*; IV. 3 . . . . *connubium petimus, quod finitimis extremisque dari solet. Dionysius Halic.* II. 30.

³⁾ Ср. *Bernhöft. S. u. R.* p. 141.

⁴⁾ Подобную характеристику отношеній между патриціями и плебеями даетъ *Дионисій Галикарн.* (II. 8). Тоже утверждаетъ *Cuno, ib.* p. 299.

⁵⁾ *Dionysii Halic.* X 60.

⁶⁾ Ср. *Cicero, de republica*, II 37 (63).

таблицъ, напротивъ, запретили его прямо и рѣшительно, чѣмъ и нанесли сильную обиду плебеямъ ¹⁾. Плебеямъ обидно было не то, что патриціи не желали вступать съ ними въ бракъ, а то, что они это запретили закономъ и такимъ образомъ перенесли въ отношенія частнопровольныя ту же вражду, которая имѣла мѣсто въ отношеніяхъ публичныхъ (*pessimo exemplo publico*) ²⁾.—Итакъ, патриціанскіе роды не имѣли *connubium* съ родами плебейскими въ виду того, что послѣдніе стояли во всѣхъ отношеніяхъ ниже. Но внутри класса плебейскаго *connubium*, конечно, имѣлъ мѣсто безпрепятственно. Спрашивается, какими формами пользовались плебеи для совершенія брака въ своей средѣ? На нашъ взглядъ, ихъ бракъ долженъ былъ пройти тѣже ступени развитія, что и бракъ патриціевъ. Трудно связать, конечно, въ какой стадіи развитія брачной идеи сложились плебейскіе роды, но можно съ достовѣрностію утверждать, что индивиды, изъ которыхъ сложился плебсъ, сами по себѣ (аборигены) или вмѣстѣ съ другими народностями (переселенцы) прошли черезъ стадіи похищенія и покупки женъ, свойственныя, думаемъ мы, почти всему человѣчеству, и, наконецъ, достигли брака свободнаго. Но, затѣмъ, темнымъ представляется вопросъ: доступны ли были плебеямъ смѣшавшія куплю женъ усовершенствованныя формы: *confarreatio*, *coemptio* и *usus*? Утверждаютъ ³⁾ вообще, что бракъ *cum manu* былъ сначала недоступенъ плебеямъ, потому что былъ основанъ на *jus sacrum* патриціевъ. Но это, на нашъ взглядъ, невѣрно. *Manus* есть учрежденіе, свойственное не однимъ только Римлянамъ, и ставить его въ зависимость отъ римскаго *jus sacrum* нельзя. Съ другой стороны, разница въ религіозныхъ воззрѣніяхъ и обрядахъ между патриціями и плебеями не могла быть такой большой, чтобы создать рѣзкую противоположность во взглядахъ на бракъ; плебеи принадлежали, главнымъ образомъ, къ тѣмъ же италійскимъ племенамъ, къ которымъ

¹⁾ *Livius*, IV. 4 . . . . . *vero lege id prohiberi et connubium tolli Patrum ac plebis, id demum contumeliosum plebi est.*

²⁾ Предлагаемое толкованіе смысла запрещенія XII таб. относительно *connubium* между патриціями и плебеями подтверждается, далѣе, выраженіями того же Ливія (IV, 5): *connubiis redditis; decemviros connubium diremisse*,—указывающими на лишеніе *connubium* и желаніе его вернуть.

³⁾ *Marquardt und Bekker. Handbuch d. r. Alterth. V, 1-te Abtheil. p. 35, а также Marquardt. Privatleben, p. 35.*

принадлежали и патрициі; кромѣ того есть нѣкоторые извѣстія, что первоначально не было разницы между религіозными воззрѣніями народовъ, образовавшихъ Римъ ¹⁾. Другіе ²⁾, признавая у всѣхъ италійскихъ народовъ общность религіозныхъ обрядовъ при бракѣ, утверждаютъ, однако, что съ патриціями плебеи не могли вступать въ бракъ потому, что не имѣли ауспицій и вслѣдствіе этого не могли имѣть патриціанскаго manus, а имѣли свой особенный, дѣйствительный только внутри плебейской общины ³⁾. Но существованіе особаго manus у плебеевъ ничѣмъ этими авторами не доказано, а, съ нашей точки зрѣнія, совсѣмъ неестественно и невѣрно. Затѣмъ, вѣрное замѣчаніе ихъ объ общности религіозныхъ обрядовъ при бракѣ у италійскихъ народовъ разбивается о другое положеніе—о недоступности для плебеевъ ауспицій. Плебеямъ, будто бы, былъ недоступенъ патриціанскій manus или, что тоже, были недоступны имъ три формы патриціанскаго брака, потому что они не имѣли ауспицій. Но и съ этимъ положеніемъ согласиться вполне нельзя. Слѣдуетъ скорѣе думать, что ауспиціи не имѣли особеннаго значенія для чисто гражданскихъ формъ брака: соemptio и usus, а, съ другой стороны, слѣдуетъ предположить, что эти ауспиціи не были вполне чужды и плебейскимъ родамъ. Правда, Ливій въ нѣсколькихъ мѣстахъ ⁴⁾ своей исторіи говоритъ, что плебеи не имѣли ауспицій, но и онъ не могъ не сказать, что плебеямъ было доступно и практиковалось у нихъ частное почитаніе римскихъ бо-

¹⁾ Совмѣстныя жертвоприношенія Римлянъ и Латинянъ Зевсу см. *Strabo*. V, 3. 2. Общность въ религіозныхъ воззрѣніяхъ этихъ народовъ отмѣчена *Ливіемъ* (I, 45). Далѣе, *Діонисій Галикарнаскій* (IV 26) свидѣтельствуетъ о постройкѣ храма Діаны на Авентинѣ всѣми Латинянами.—Проф. *Д. И. Азаревичъ* (II. и П. р. 95) отвергаетъ различіе по культу между патриціями и плебеями. Ср. Проф. *Загурскій*, Личныя отношенія между родителями и дѣтьми по римскому и французскому праву, Хар. 1880 г. р. 178, прим. 3.

²⁾ *Karlowa*. Die Formen der r. Ehe und Manus, p. 43—45.

³⁾ Приблизительно такого же мнѣнія на manus у плебеевъ держатся *Lange*, *Röm. Alterth.* p. 94, 96, признающій особый jus connubii для плебеевъ и потому допускающій для нихъ manus и въ частности соemptio.

⁴⁾ Таковы: IV. 6: quod nemo plebejus auspicia haberet, ideoque decemviros connubium diremisse, ne incerta prole auspicia turbarentur. VI 41: penes quos igitur sunt auspicia more majorum? nempe penes Patres? nam plebejus quidem magistratus nullus auspicio creatur. Nobis . . . propria sunt auspicia . . . et privatim auspicia habemus, quae isti ne in magistratibus quidem habent. Послѣдняя фраза, какъ будто, указываетъ на отсутствіе у плебеевъ и частныхъ ауспицій, но ср. слѣд. примѣчаніе.

говъ и, слѣдовательно, совершеніе ауспицій внутри своего дома ¹⁾. При этомъ должно сказать, что нѣтъ никакихъ данныхъ къ признанію за ауспиціями при бракѣ характера публичнаго; напротивъ, одно уже то обстоятельство, что такія ауспиціи могъ совершать самъ *paterfamilias* ²⁾, указываетъ, что они имѣли характеръ частный. Общественный интересъ въ актахъ *usus* и *coemptio* сосредоточивался на совершеніи извѣстныхъ публичныхъ дѣйствій или наступленіи такихъ-же событій, производящихъ, однако, частно правовыя послѣдствія, и съ этой стороны ничто не мѣшало доступу плебеевъ къ названнымъ актамъ съ тѣхъ поръ, какъ имъ сталъ принадлежать *commercium* римскаго гражданина и участіе въ народныхъ собраніяхъ ³⁾. Публичный характеръ имѣли ауспиціи при совершеніи религиозной формы брака—*confarreatio*, и потому эта форма была недоступна плебеямъ ⁴⁾. Указаніе на это, хотя и не вполне ясное, находится у Цицерона въ его рѣчи *pro Placco* (34), гдѣ авторъ, говоря о бракѣ плебей, упоминаетъ только *coemptio* и *usus*, оставляя въ сторонѣ *confarreatio*.

Итакъ, можно, кажется, съ нѣкоторой вѣроятностью полагать, что плебеямъ были доступны *coemptio* и *usus*, и недоступно было *confarreatio*. Вмѣстѣ съ тѣмъ мы должны признать существованіе у нихъ *manus mariti*. Затѣмъ, плебеи, какъ и вообще Римляне, переходятъ къ браку свободному и появленіе у нихъ этого брака, повидимому, произошло раньше, чѣмъ у патриціевъ ⁵⁾. Хотя плебеямъ были доступны патриціанскія формы брака и ихъ бракъ ничѣмъ не отличался отъ брака патриціевъ, слѣдовательно, былъ въ полномъ смыслѣ

¹⁾ Ливій, X, 7: *deorum magis, quam nostra causa expetamus, ut, quos privatim colimus, publice colamus* Ср. *Буассье*, Римская религія отъ Августа до Антониновъ. Перев. М. Корсака. М. 1878 г. 32.

²⁾ *Rosbach*, *ibid.* p. 296.

³⁾ Гражданскій характеръ этихъ формъ признаетъ *Bluntschli*, i b. p. 264, 265, хотя онъ смотритъ съ иной точки зрѣнія. *Voigt*, XII Tafeln. p. 704, признаетъ *coemptio* искони плебейскою формой, но безъ основаній. *Esmein*, *ib.* p. 9, правильно утверждаетъ, что *coemptio* лишь современемъ стало доступно плебеямъ, но не ради узаконенія ихъ браковъ, какъ думаетъ онъ, такъ какъ браки ихъ были законными и раньше.

⁴⁾ *Bluntschli*, *ib.* p. 264—6, и приводимыя имъ ссылки на Плинія, XVIII. 3, и Сервія, *Ad. Verg. Aeneid.* IV, 103. *Esmein*, *ib.* p. 6. *Фюстель-де-Куланжъ*. Гражданская община p. 313.

⁵⁾ Ср. *Karlowa*, *ib.* p. 69. *Hase. De manu juris romani antiquioris*, Hal. 1847. *Hase, Das Güterrecht der Ehegatten nach röm. R.* 1824. p. 37, и особенно *Bernhöft*. S. u. R. p. 187.

слова законнымъ и производилъ всѣ обыкновенныя послѣдствія законнаго брака ¹⁾); однако плебеи, не связанные такъ сильно родовыми традиціями, какъ патриціи, вѣроятно, тяготились строгостію патриціанскихъ формъ и перешли раньше патриціевъ въ браку свободному, а ихъ примѣръ могъ въ значительной степени повліять на ихъ политическихъ противниковъ.

---

¹⁾ Это засвидѣтельствовано намъ Ливіемъ (IV, 4: *quid enim in re est aliud, si plebejam patricius duxerit, si patriciam plebejus? quid juris tandem mutatur? nempe patrem sequuntur liberi*) и можно заключить изъ успѣха рогаціи Канулея, въ силу которой былъ допущенъ *connubium* съ патриціями, но ни о какихъ измѣненіяхъ въ послѣдствіяхъ плебейскаго брака или о приспособленіи формы этого брака не упоминается.

Теорія функцій комплекснаго перемѣннаго.

Курсъ лекцій Проф. П. М. Покровскаго.

ВВЕДЕНІЕ.

Теорія функцій комплекснаго перемѣннаго, благодаря открытіямъ *Gauss'a*, *Cauchy*, *Puiseux*, *Liouville'я*, *Riemann'a*, *Weierstrass'a* и другихъ выдающихся ученыхъ, достигла высокой степени развитія. При современномъ состояніи науки теорія эта является могущественнымъ орудіемъ для рѣшенія различныхъ вопросовъ не только чистой, но и прикладной математики. Въ западно-европейской литературѣ, кромѣ ряда блестящихъ оригинальныхъ изслѣдованій, мы находимъ также замѣчательно обработанныя руководства по теоріи функцій комплекснаго перемѣннаго: таковы труды *Briot et Bouquet*, *Neumann'a*, *Hoüel'я*, *Hermite'a* и другихъ. Къ сожалѣнію, у насъ—въ Россіи теорія функцій комплекснаго перемѣннаго далеко не пользуется популярностью и не вошла даже въ число *дополнительныхъ* университетскихъ курсовъ. Желаніе дать начинающимъ возможность ознакоми́ться съ основами теоріи функцій комплекснаго перемѣннаго служить для насъ главнымъ мотивомъ къ изданію нашего курса лекцій по этому предмету, читаннаго въ Университетахъ Московскомъ и Св. Владиміра.

Теорія функцій комплекснаго перемѣннаго, помимо ряда разнообразныхъ приложений, имѣетъ также громадное значеніе при изученіи теоріи эллиптическихъ функцій. Методъ *Liouville'я*, обработанный его учениками *Briot et Bouquet*, сдѣлалъ теорію эллиптическихъ функцій вполне доступной для университетскихъ чтеній. Въ виду отсутствія въ русской литературѣ руководствъ по этому послѣднему предмету, мы въ 1886 году издали курсъ *Теорія эллиптическихъ функцій* (Москва, 1886), въ основаніе котораго положили методъ *Liouville'я*. Въ этомъ курсѣ мы, впрочемъ, существенно отступили отъ изложенія учениковъ *Liouville'я*—*Briot et Bouquet*: мы приняли за исходную точку теорію эллиптическихъ интеграловъ и за-

дачу ихъ обращенія, а также удержали *Якобьевскія* обозначенія для эллиптическихъ функцій, какъ классическія. Нашъ взглядъ на университетское преподаваніе теории эллиптическихъ функцій мы подробно развиваемъ въ появившейся недавно брошюрѣ *Краткое введеніе въ теорію эллиптическихъ функцій* (Кіевъ, 1891). Къ сожалѣнію, въ курсѣ *Теорія эллиптическихъ функцій*, читанномъ нами впервые въ Московскомъ Университетѣ, мы не имѣли возможности коснуться теории функцій комплекснаго переменнаго и привели основныя положенія этой послѣдней теории безъ доказательствъ. Появляющійся теперь трудъ нашъ послужитъ также необходимымъ дополненіемъ къ курсу по теории эллиптическихъ функцій.

Преслѣдуя указанныя цѣли, мы не задавались вопросомъ объ оригинальности курса, а рѣшили изложить основы теории функцій комплекснаго переменнаго по лучшимъ иностраннымъ руководствамъ. При составленіи курса мы пользовались главнѣйшимъ образомъ сочиненіемъ

Briot et Bouquet—Théorie des fonctions elliptiques (Paris, 1875);

нѣкоторыя измѣненія и дополненія сдѣланы нами при помощи сочиненій:

Hoüel'a—Cours de Calcul infinitésimal (Paris, 1878—81),

Neumann'a—Vorlesungen über Riemann's Theorie der Abelschen Integrale (Leipzig, 1884, zweite Auflage),

Weierstrass'a—Abhandlungen aus der Functionenlehre (Berlin, 1886),

Hermite'a—Cours professé pendant le 2. Semestre 1881—82, redigé par Andoyer (Paris, 1882),

В. П. Ермакова—Теорія векторовъ на плоскости (Кіевъ, 1887).

Вотъ краткое содержаніе нашего курса.

Глава I. О функціяхъ комплекснаго переменнаго.

§ 1. Комплексныя количества и основныя дѣйствія надъ ними.

§ 2. Понятіе о функціяхъ комплекснаго переменнаго.

§ 3. Функціи монотропныя и политропныя.

§ 4. Функціи голоморфныя и мероморфныя.

§ 5. Сфера *Неймана*.

§ 6. Функціи комплекснаго переменнаго, опредѣляемыя рядами.

Глава II. Интегрированіе по комплексному переменному.

§ 7. Общія свойства интеграловъ по комплексному переменному.

§ 8. Интегралы функцій комплекснаго переменнаго, взятые по длинѣ даннаго контура. Теорема *Коши*.

§ 9. О вычетахъ.

§ 10. Нѣкоторыя приложенія вычетовъ къ опредѣленнымъ интеграламъ.

Глава III. Разложенія функций комплекснаго переменнаго въ ряды и произведенія.

§ 11. Представленіе функций чрезъ интегралы по контуру.

§ 12. Рядъ Коши.

§ 13. Рядъ Лорана въ начальномъ и обобщенномъ видѣ.

§ 14. Рядъ Фурье.

§ 15. Разложеніе функций въ безконечныя произведенія.

Глава IV. Общія свойства функций комплекснаго переменнаго.

§ 16. Основныя теоремы, относящіяся къ функциямъ монотропнымъ (голоморфнымъ и мероморфнымъ).

§ 17. Опредѣленіе функций при помощи дифференціальныхъ уравненій.

§ 18. Изслѣдованія Вейерштрасса и Миттаг-Леффлера.

Смѣемъ надѣяться, что наши курсы *Теорія функций комплекснаго переменнаго* и *Теорія эллиптическихъ функций*, содержащія въ краткомъ изложеніи всѣ основныя положенія, могутъ послужить руководствами для начальнаго изученія функций комплекснаго переменнаго и эллиптическихъ.

Глава I.

О функціяхъ комплекснаго переменнаго.

§ 1. Комплексная количества и основныя дѣйствія надъ ними.

Комплекснымъ (мнимымъ) количествомъ называется выраженіе вида $z = x + yi$, гдѣ x и y дѣйствительныя количества, а $i = \sqrt{-1}$. Прежде чѣмъ приступить къ изложенію теоріи функцій комплекснаго переменнаго, мы считаемъ необходимымъ указать реальное (геометрическое) значеніе комплексныхъ количествъ, а также дать понятіе объ основныяхъ дѣйствіяхъ надъ ними. Послѣдніе вопросы стоятъ въ тѣсной связи съ теоріей векторовъ на плоскости; къ краткому изложенію главныхъ свойствъ векторовъ мы и перейдемъ теперь, пользуясь сочиненіемъ *Проф. В. П. Ермакова—Теорія векторовъ на плоскости.*

Векторомъ называется отрѣзокъ прямой линіи, имѣющій опредѣленное направленіе; геометрически векторъ выражаетъ простой переходъ отъ одной точки къ другой.

Переходъ отъ точки A къ точкѣ B и потомъ отъ B къ A въ результатѣ даетъ нуль, слѣдовательно

$$AB + BA = 0 \quad , \quad BA = -AB. \quad (1)$$

Такимъ образомъ съ измѣненіемъ своего направленія на противоположное векторъ измѣняетъ знакъ на обратный, т. е. умножается на -1 .

По самому опредѣленію, векторы будутъ равны, если длины ихъ равны, если они расположены на одной прямой или на двухъ параллельныхъ

прямых и направлены в одну и ту же сторону. Таким образом без изменения своего значения векторъ можетъ быть передвинутъ по собственному направленію в ту или другую сторону, а также перенесенъ параллельно самому себѣ.

Разсмотримъ отношеніе двухъ векторовъ $OB:OA$, опредѣливъ его изъ слѣдующаго тождества:

$$\frac{OB}{OA} OA = OB. \quad (2)$$

Отношеніе $OB:OA$ можно принять за нѣкоторое дѣйствіе, при помощи котораго векторъ OA превращается въ векторъ OB . Дѣйствіе это состоитъ въ слѣдующемъ: векторъ OA поворачивается на уголъ BOA , и длина его измѣняется въ отношеніи длины вектора OB къ длинѣ OA . Положимъ, что отношеніе $OB:OA$ оказываетъ такое же дѣйствіе на произвольный векторъ OC ; пусть

$$\frac{OB}{OA} OC = OD. \quad (3)$$

По нашему предположенію векторъ OD получается изъ вектора OC точно такъ же, какъ векторъ OB получается изъ OA . Поэтому, чтобы получить векторъ OD , нужно векторъ OC (черт. 1) поворотить на уголъ $DOC = BOA$ и измѣнить его длину въ отношеніи длины вектора OB къ длинѣ OA , т. е.

$$\frac{|OD|}{|OC|} = \frac{|OB|}{|OA|}; \quad (4)$$

(скобочками отличаемъ длины векторовъ отъ самихъ векторовъ). Отношеніе двухъ векторовъ можно замѣнить отношеніемъ двухъ другихъ векторовъ, если отношеніе длинъ первыхъ двухъ векторовъ равно отношенію длинъ послѣднихъ двухъ векторовъ, и уголъ между двумя первыми векторами равенъ углу между двумя послѣдними векторами; поэтому если

$$\frac{OB}{OA} OC = OD, \quad (3)$$

то

$$\frac{OB}{OA} = \frac{OD}{OC}. \quad (5)$$

Отношеніе двухъ векторовъ можетъ имѣть слѣдующія значенія. Если два вектора имѣютъ одно и то же направленіе, т. е. расположены на одной и той же прямой или на параллельныхъ прямыхъ и отсчитываются въ одну и ту же сторону, то отношеніе между ними равно нѣкоторому положительному числу, выражающему отношеніе между ихъ длинами. Если два вектора имѣютъ взаимно противоположныя направленія, т. е. расположены на одной прямой или параллельныхъ прямыхъ и отсчитываются въ противоположныя стороны, то отношеніе между ними выражается нѣкоторымъ отрицательнымъ числомъ, абсолютная величина котораго равна отношенію между длинами векторовъ.

Если длины векторовъ OB и OA равны, то отношеніе $OB:OA$ выражаетъ вращеніе на уголъ между ними, т. е. на уголъ BOA .

Обозначимъ вращеніе на прямой уголъ чрезъ i ; двойное вращеніе на прямой уголъ (ii или i^2) измѣняетъ направленіе вектора на противоположное, т. е. умножаетъ его на -1 , слѣдовательно

$$i^2 = -1. \tag{6}$$

Продолжая вращенія вектора, получимъ:

$$i^3 = -i, \quad i^4 = +1, \quad i^5 = i \dots \dots ; \tag{7}$$

отсюда видимъ, что $i = \sqrt{-1}$.

Если векторы OA и OB взаимно перпендикулярны, то

$$\frac{OB}{OA} = mi, \tag{8}$$

гдѣ i есть символъ вращенія на прямой уголъ, а m есть нѣкоторое положительное или отрицательное число, абсолютная величина котораго равна отношенію между длинами векторовъ. Число m будетъ положительнымъ, если послѣ поворота на прямой уголъ векторъ OA будетъ имѣть одинаковое направленіе съ векторомъ OB ; если же послѣ такого поворота векторъ OA будетъ имѣть направленіе прямо противоположное вектору OB , то число m будетъ отрицательнымъ.

Остановимся теперь на четырехъ дѣйствіяхъ надъ векторами.

Сложеніе векторовъ.

Пусть требуется сложить два вектора OA и OB (черт. 2). Для этой цѣли проведемъ изъ точки A прямую AC , равную и параллельную OB . По опредѣленію векторовъ переходъ отъ O къ A и затѣмъ отъ A къ C

въ результатѣ даетъ переходъ отъ O къ C , кромѣ того $OB = AC$, слѣдовательно

$$OA + OB = OA + AC = OC. \quad (9)$$

Соединивъ B съ C , получимъ параллелограммъ $OACB$. Диагональ OC параллелограмма, построеннаго на векторахъ OA и OB , представляетъ собой сумму этихъ векторовъ.

Положимъ, что требуется сложить нѣсколько векторовъ, напр. четыре: OA , OB , OC и OD (черт. 3). Проводимъ отрѣзокъ AE , равный и параллельный OB , далѣе проводимъ отрѣзокъ EF , равный и параллельный OC , наконецъ—отрѣзокъ FG , равный и параллельный OD . По опредѣленію векторовъ имѣемъ:

$$OB = AE, \quad OC = EF, \quad OD = FG;$$

слѣдовательно

$$OA + OB + OC + OD = OA + AE + EF + FG = OG. \quad (10)$$

Вычитаніе векторовъ.

Положимъ, что изъ вектора OA нужно вычесть векторъ OB (черт. 4). Изъ точки A проводимъ отрѣзокъ AC , равный и параллельный BO ; по опредѣленію векторовъ имѣемъ

$$AC = BO = -OB;$$

слѣдовательно

$$OA - OB = OA + AC = OC. \quad (11)$$

Умноженіе векторовъ.

Введемъ единицу—векторъ, т. е. примемъ за единицу нѣкоторый отрѣзокъ, имѣющій опредѣленную длину и опредѣленное направленіе. Пусть длины векторовъ OB и OC будутъ соответственно b и c ; углы, образуемые этими векторами съ единицей—векторомъ, пусть будутъ β и γ . Если OA есть единица—векторъ, то произведеніе $OB \cdot OC$ можетъ быть представлено такъ:

$$\frac{OB}{OA} OC.$$

Разсматривая по предыдущему отношеніе $OB : OA$, какъ извѣстное дѣйствіе (черт. 1), заключаемъ, что векторъ OC нужно поворотить на уголъ BOA , т. е. на уголъ β , и увеличить его длину въ отношеніи $b : 1$. Въ результатѣ мы получимъ векторъ, длина котораго будетъ bc , а уголъ, обра-

зубый этимъ векторомъ съ единицею—векторомъ, будетъ $\beta + \gamma$. Если обозначимъ этотъ новый векторъ чрезъ OD , то будемъ имѣть

$$OB \cdot OC = OD. \quad (12)$$

Такимъ образомъ приходимъ къ правилу: при умноженіи векторовъ нужно ихъ длины перемножить, а углы наклоненія сложить.

Дѣленіе векторовъ.

Пусть длины векторовъ OC и OD будутъ c и d ; пусть углы наклоненія этихъ векторовъ къ единицѣ—вектору будутъ γ и δ . Если единицу—векторъ означимъ чрезъ OA , то частное $OD:OC$ можетъ быть представлено въ видѣ

$$\frac{OD}{OC} OA.$$

Разсматривая отношеніе $OD:OC$, какъ извѣстное дѣйствіе, заключаемъ, что векторъ OA нужно поворотить на уголь DOC (черт. 1), т. е. на уголь $\delta - \gamma$, и измѣнить длину вектора OA въ отношеніи $d:c$. Если обозначимъ полученный такимъ образомъ векторъ чрезъ OB , то будемъ имѣть

$$OD:OC = OB. \quad (13)$$

Отсюда выводимъ правило: длина вектора—частнаго равна длине вектора—дѣлимаго, раздѣленной на длину вектора—дѣлителя; уголь наклоненія вектора—частнаго равенъ углу наклоненія вектора—дѣлимаго безъ угла наклоненія вектора—дѣлителя.

Дѣйствія надъ векторами, какъ легко убѣдиться, подлежатъ тѣмъ же основнымъ законамъ, какъ и дѣйствія надъ числами—перемѣстительному и сочетательному законамъ при сложеніи, перемѣстительному, сочетательному и распредѣлительному законамъ при умноженіи.

На доказательствѣ послѣдняго положенія мы останавливаться не будемъ; желающихъ ознакомиться съ теоріей векторовъ на плоскости отсылаемъ къ простому и ясному изложенію *В. П. Ермакова*.

Отъ векторовъ перейдемъ къ комплекснымъ количествамъ.

Разсмотримъ отношеніе двухъ векторовъ $OB:OA$. Изъ точки B (черт. 5) опустимъ перпендикуляръ BC на векторъ OA или на его продолженіе; будемъ имѣть:

$$\frac{OB}{OA} = \frac{OC}{OA} + \frac{CB}{OA}. \quad (14)$$

Такъ какъ векторы OC и OA расположены на одной прямой, то отношеніе между ними, какъ мы видѣли выше, равно нѣкоторому обыкновенному положительному или отрицательному количеству x :

$$\frac{OC}{OA} = x. \quad (15)$$

Далѣе, такъ какъ векторы CB и OA перпендикулярны, то отношеніе между ними будетъ таково:

$$\frac{CB}{OA} = yi, \quad (16)$$

гдѣ i есть символъ вращенія на прямой уголъ, а y нѣкоторое обыкновенное положительное или отрицательное число, равное отношенію длины вектора CB къ длинѣ OA .

Итакъ имѣемъ:

$$\frac{OB}{OA} = x + yi; \quad (17)$$

принявъ векторъ OA за единицу и обозначивъ OB чрезъ z , получимъ:

$$z = x + yi. \quad (18)$$

Отсюда заключаемъ, что векторъ выражается комплекснымъ количествомъ, и обратно—комплексное количество можетъ быть представлено въ видѣ вектора.

Для геометрическаго представленія комплексныхъ количествъ поступаемъ слѣдующимъ образомъ. Беремъ на плоскости нѣкоторую прямую Ox (черт. 5) и на ней откладываемъ опредѣленный по величинѣ отрѣзокъ OA , который принимаемъ за единицу: это будетъ *обыкновенная единица*. На прямой Oy , перпендикулярной къ Ox , откладываемъ отрѣзокъ OA_1 , равный по величинѣ OA ; онъ называется *боковой единицей* и обозначается символомъ i . Зависимость между боковой и обыкновенной единицей по предыдущему (6) будетъ $i^2 = -1$. На сторонахъ прямого угла AOA_1 откладываемъ отрѣзки OC и OD такъ, чтобы длины ихъ, измѣренныя единицею OA , равнялись соответственно x и y . Диагональ OB прямоугольника, построеннаго на OC и OD , выразитъ комплексное количество $x + yi$.

Если число x отрицательно, то нужно отложить отрѣзокъ OC отъ точки O въ противоположную сторону; точно также, если число y отрица-

тельно, то отръзокъ OD долженъ быть отложенъ въ противоположную сторону. Поэтому, если отложимъ отръзки OC_1 и OD_1 , по величинѣ равные соответственно OC и OD , и построимъ четыре прямоугольника, то діагонали этихъ прямоугольниковъ выразятся чрезъ комплексныя количества слѣдующимъ образомъ:

$$\begin{aligned} OB &= x + yi, & OB_1 &= x - yi, \\ OB_2 &= -x + yi, & OB_3 &= -x - yi. \end{aligned} \tag{19}$$

При неподвижномъ началѣ O и данной системѣ координатъ x и y , комплексное количество вида $z = x + yi$ можетъ быть представлено точкою на плоскости; положеніе этой точки опредѣляется координатами x и y относительно данной системы осей.

Указанное геометрическое представленіе приводитъ насъ къ слѣдующему положенію: *если два комплексныхъ количества равны между собою, то отдѣльно должны быть равны ихъ обыкновенныя x и y изъ боковая части.*

Въ самомъ дѣлѣ, если комплексное количество обращается въ нуль, то діагональ OB (черт. 5) также обращается въ нуль; но это возможно только тогда, когда стороны прямоугольника $CODB$ обращаются въ нули.

Итакъ уравненіе

$$x + yi = 0$$

удовлетворяется только въ томъ случаѣ, когда

$$x = 0, \quad y = 0.$$

Положимъ теперь, что два комплексныхъ количества равны:

$$x + yi = x' + y'i; \tag{20}$$

перенося всѣ члены въ одну часть, имѣемъ

$$(x - x') + (y - y')i = 0.$$

Пользуясь предыдущимъ разсужденіемъ, заключаемъ:

$$x = x', \quad y = y'. \tag{21}$$

Комплексныя количества могутъ быть также выражены въ другой

формѣ. Пусть отношеніе длины вектора OB (черт. 5) къ длинѣ вектора OA равно ρ , т. е.

$$\frac{|OB|}{|OA|} = \rho;$$

означимъ уголъ BOA чрезъ φ . Изъ прямоугольнаго треугольника COB слѣдуетъ:

$$|OC| : |OB| = \cos \varphi, \quad |CB| : |OB| = \sin \varphi;$$

(скобочками по предыдущему отличаемъ длины векторовъ отъ самихъ векторовъ).

Пользуясь соотношеніемъ (14) и замѣтивъ, что по положенію векторовъ

$$\frac{OC}{OA} = \frac{|OC|}{|OA|}, \quad \frac{CB}{OA} = \frac{|CB|}{|OA|} i,$$

будемъ имѣть:

$$\frac{OB}{OA} = \frac{OC}{OA} + \frac{CB}{OA} i = \frac{|OC|}{|OB|} \cdot \frac{|OB|}{OA} + \frac{|CB|}{|OB|} \cdot \frac{|OB|}{OA} i.$$

Послѣднее равенство, при введеніи величинъ ρ и φ , даетъ

$$\frac{OB}{OA} = \rho (\cos \varphi + i \sin \varphi). \quad (22)$$

Принявъ OA за единицу и обозначивъ OB чрезъ z , получимъ:

$$z = \rho (\cos \varphi + i \sin \varphi) = \rho e^{i\varphi}. \quad (23)$$

Сравнивъ два выраженія (18) и (23) для z , найдемъ:

$$z = x + yi = \rho (\cos \varphi + i \sin \varphi); \quad (24)$$

отсюда слѣдуетъ:

$$\rho = +\sqrt{x^2 + y^2}, \quad \tan \varphi = \frac{y}{x}. \quad (25)$$

Положительное количество ρ — длина вектора — называется *модулемъ* или *абсолютнымъ содержаніемъ* (absoluter Betrag) комплекснаго переменнаго z ; во всемъ дальнѣйшемъ изложеніи будемъ обозначать его по *Вейерштрассу* такъ:

$$|z| = \rho. \quad (26)$$

Уголъ φ — уголъ между даннымъ векторомъ и векторомъ—единицей—называется *аргументомъ* комплекснаго переменнаго; будемъ отсчитывать его отъ единицы—вектора по направленію обратному движенію часовой стрѣлки. При неподвижномъ началѣ и данномъ положеніи вектора—единицы, *комплексное количество вида $z = \rho (\cos \varphi + i \sin \varphi)$ можно представить точкой на плоскости; положеніе этой точки определяется модулемъ ρ и аргументомъ φ .*

Въ заключеніе займемся четырьмя дѣйствіями надъ комплексными количествами. Мы замѣтили выше, что дѣйствія надъ векторами подчиняются тѣмъ же основнымъ законамъ, какъ и дѣйствія надъ обыкновенными числами; мы видѣли, что результатами дѣйствій надъ векторами являются также векторы. Комплексныя количества выражаются векторами; слѣдовательно дѣйствія надъ комплексными количествами подчинены пяти основнымъ законамъ алгебры и въ результатахъ приводятъ также къ количествамъ комплекснымъ.

Сложеніе и вычитаніе комплексныхъ количествъ.

Пусть ρ_1 и ρ_2 модули двухъ комплексныхъ количествъ, φ_1 и φ_2 —ихъ аргументы; обозначивъ чрезъ ρ модуль и чрезъ φ аргументъ суммы или разности этихъ количествъ, будемъ имѣть:

$$\rho_1 (\cos \varphi_1 + i \sin \varphi_1) \pm \rho_2 (\cos \varphi_2 + i \sin \varphi_2) = \rho (\cos \varphi + i \sin \varphi).$$

Отсюда легко найдемъ:

$$\operatorname{tang} \varphi = \frac{\rho_1 \sin \varphi_1 \pm \rho_2 \sin \varphi_2}{\rho_1 \cos \varphi_1 \pm \rho_2 \cos \varphi_2}; \tag{27}$$

$$\rho^2 = \rho_1^2 + \rho_2^2 \pm 2 \rho_1 \rho_2 \cos (\varphi_1 - \varphi_2).$$

Такъ какъ $\cos (\varphi_1 - \varphi_2)$ заключается между $+1$ и -1 , то ρ^2 заключается между $(\rho_1 + \rho_2)^2$ и $(\rho_1 - \rho_2)^2$. Отсюда слѣдуетъ, что *модуль суммы или разности двухъ комплексныхъ количествъ всегда меньше суммы модулей и больше ихъ разности.*

Умноженіе комплексныхъ количествъ.

Обозначимъ чрезъ ρ_1 и ρ_2 модули, а чрезъ φ_1 и φ_2 аргументы двухъ комплексныхъ количествъ, чрезъ ρ и φ —модуль и аргументъ ихъ произведенія, тогда:

$$\rho_1 (\cos \varphi_1 + i \sin \varphi_1) \cdot \rho_2 (\cos \varphi_2 + i \sin \varphi_2) = \rho (\cos \varphi + i \sin \varphi).$$

Установивъ равенства между обыкновенными и боковыми частями, легко получимъ:

$$\rho = \rho_1 \rho_2 \quad , \quad \varphi = \varphi_1 + \varphi_2 . \quad (28)$$

Отсюда слѣдуетъ, что при умноженіи комплексныхъ количествъ ихъ модули перемножаются, а аргументы складываются.

Правило это распространяется и на случай какого угодно числа производителей.

Дѣленіе комплексныхъ количествъ.

Разсмотримъ частное

$$\frac{\rho_1 (\cos \varphi_1 + i \sin \varphi_1)}{\rho_2 (\cos \varphi_2 + i \sin \varphi_2)} = \rho (\cos \varphi + i \sin \varphi) .$$

Умноживъ числителя и знаменателя лѣвой части на $\cos \varphi_2 - i \sin \varphi_2$, мы послѣ упрощеній будемъ имѣть:

$$\frac{\rho_1}{\rho_2} \left[\cos (\varphi_1 - \varphi_2) + i \sin (\varphi_1 - \varphi_2) \right] = \rho (\cos \varphi + i \sin \varphi) .$$

Отсюда легко получить:

$$\rho = \frac{\rho_1}{\rho_2} \quad , \quad \varphi = \varphi_1 - \varphi_2 ; \quad (29)$$

т. е. модуль частнаго равенъ модулю дѣлимаго, раздѣленному на модуль дѣлителя; аргументъ частнаго равенъ аргументу дѣлимаго безъ аргумента дѣлителя.

§ 2. Понятіе о функціяхъ комплекснаго переменнаго.

Коши опредѣляетъ функцію комплекснаго переменнаго слѣдующимъ образомъ: пусть $z = x + iy$ — комплексное переменное; если обозначимъ чрезъ u и v двѣ какія либо дѣйствительныя функціи двухъ дѣйствительныхъ независимыхъ переменныхъ x и y , то количество $w = u + vi$ можно разсматривать, какъ функцію z . Въ самомъ дѣлѣ, каждому опредѣленному значенію комплекснаго переменнаго z , другими словами, каждой системѣ значеній дѣйствительныхъ переменныхъ x и y соответствуетъ своя система значеній u и v , слѣдовательно, и свое значеніе (или нѣсколько значеній)

w . Когда количество w измѣняется непрерывнымъ образомъ при непрерывномъ измѣненіи z , то w называется *непрерывной* функціей z .

Условимся изображать переменное z на одной плоскости точкою z съ координатами x и y , а функцію w на другой плоскости точкой w съ координатами u и v ; въ простѣйшемъ случаѣ (однозначныхъ функцій) каждой точкѣ z на плоскости xy будетъ соответствовать совершенно опредѣленная точка w на плоскости uv ; кромѣ того, если мы будемъ непрерывно измѣнять переменное z , т. е. двигать точку z по нѣкоторой кривой, то будетъ непрерывно измѣняться и функція z , т. е. точка w опишетъ свою кривую (черт. 6).

Общее опредѣленіе функцій комплекснаго переменнаго. данное Коши, требуетъ только того, чтобы u и v были извѣстными функціями двухъ дѣйствительныхъ переменныхъ x и y , хотя бы алгебраическая зависимость между w и z оставалась неизвѣстной. Это опредѣленіе подверглось въ наукѣ ограниченію; изъ функцій комплекснаго переменнаго разсматриваются только тѣ функціи, которыя могутъ быть представлены какимъ нибудь аналитическимъ выраженіемъ комплекснаго количества: если $z = x + iy$, то $w = u + vi$ должна быть опредѣленной функціей отъ $x + yi$:

$$w = f(x + yi) = f(z).$$

Функціи, обладающія этимъ свойствомъ, называются *монотенными* (по Ливиллю—хорошо опредѣленными).

Возьмемъ монотенную функцію $w = f(z)$ комплекснаго переменнаго $z = x + yi$. Пусть z и z' двѣ смежныя точки плоскости; когда отношеніе

$$\frac{f(z') - f(z)}{z' - z}$$

стремится къ одному и тому же предѣлу, при неопредѣленномъ сближеніи z и z' по какой угодно кривой, то этотъ предѣлъ носитъ названіе *производной* функціи; обозначимъ ее чрезъ $f'(z)$. Въ дальнѣйшемъ мы будемъ заниматься только функціями, допускающими производныя.

Пусть $w = u + vi$, гдѣ u и v дѣйствительныя функціи двухъ дѣйствительныхъ независимыхъ переменныхъ x и y .

Будемъ измѣнять x , полагая $y = \text{const.}$, т. е. $\Delta z = \Delta x$; тогда получимъ:

$$\frac{\Delta w}{\Delta z} = \frac{\Delta u}{\Delta x} + i \frac{\Delta v}{\Delta x} \dots \dots \dots (1)$$

Если отношеніе $\frac{\Delta w}{\Delta z}$ стремится къ предѣлу, то отношенія $\frac{\Delta u}{\Delta x}$ и $\frac{\Delta v}{\Delta x}$

должны также стремиться соответственно къ опредѣленнымъ предѣламъ, т. е.

$$\lim \frac{\Delta u}{\Delta x} = \frac{\partial u}{\partial x} \quad , \quad \lim \frac{\Delta v}{\Delta x} = \frac{\partial v}{\partial x} .$$

Изменяя y и полагая $x = \text{const.}$, т. е. $\Delta z = i\Delta y$, находимъ:

$$\frac{\Delta w}{\Delta z} = \frac{\Delta u}{i\Delta y} + i \frac{\Delta v}{i\Delta y} = \frac{\Delta v}{\Delta y} - i \frac{\Delta u}{\Delta y} . \quad (2)$$

Чтобы въ предѣлѣ $\frac{\Delta w}{\Delta z}$ получило опредѣленное значеніе, мы, очевидно, должны имѣть:

$$\lim \frac{\Delta u}{\Delta y} = \frac{\partial u}{\partial y} \quad \text{и} \quad \lim \frac{\Delta v}{\Delta y} = \frac{\partial v}{\partial y} .$$

Сопоставляя равенства (1) и (2), мы видимъ, что для существованія опредѣленной производной

$$\lim \frac{\Delta w}{\Delta z} = f'(z)$$

необходимо имѣть мѣсто уравненіе

$$\frac{\partial u}{\partial x} + i \frac{\partial v}{\partial x} = \frac{\partial v}{\partial y} - i \frac{\partial u}{\partial y} , \quad (3)$$

или уравненія

$$\frac{\partial u}{\partial x} = \frac{\partial v}{\partial y} \quad , \quad \frac{\partial v}{\partial x} = - \frac{\partial u}{\partial y} . \quad (4)$$

Дифференцируемъ первое изъ уравненій (4) по x , второе по y и складываемъ; затѣмъ дифференцируемъ первое по y , второе по x и вычитаемъ. Тогда получимъ:

$$\frac{\partial^2 u}{\partial x^2} + \frac{\partial^2 u}{\partial y^2} = 0 \quad , \quad \frac{\partial^2 v}{\partial x^2} + \frac{\partial^2 v}{\partial y^2} = 0 , \quad (5)$$

и слѣдовательно

$$\frac{\partial^2 w}{\partial x^2} + \frac{\partial^2 w}{\partial y^2} = 0 . \quad (6)$$

Обратно, когда двѣ дѣйствительныя и непрерывныя функціи u и v двухъ независимыхъ переменныхъ x и y , имѣютъ частныя производныя, удовлетворяющія соотношеніямъ (4), то выраженіе $w = u + vi$ можно разсматривать, какъ такую функцію $z = x + yi$, которая допускаетъ производную.

Будемъ измѣнять переменное $z = x + yi$ по опредѣленной кривой; тогда x и y на протяженіи этой кривой не останутся независимыми, а будутъ функціями нѣкотораго дѣйствительнаго переменнаго t ; пусть

$$z = \varphi(t) + i\psi(t), \tag{7}$$

гдѣ $\varphi(t)$ и $\psi(t)$ дѣйствительныя функціи переменнаго t , допускающія производныя. Дифференцируя при указанныхъ условіяхъ выраженіе

$$w = u + vi = f(z) = f(x + yi),$$

будемъ имѣть:

$$\frac{dw}{dt} = \left(\frac{\partial u}{\partial x} + i \frac{\partial v}{\partial x} \right) \frac{dx}{dt} + \left(\frac{\partial u}{\partial y} + i \frac{\partial v}{\partial y} \right) \frac{dy}{dt}.$$

Воспользовавшись соотношеніями (4), получимъ:

$$\frac{dw}{dt} = \left(\frac{dx}{dt} + i \frac{dy}{dt} \right) \left(\frac{\partial u}{\partial x} + i \frac{\partial v}{\partial x} \right);$$

отсюда

$$\Delta w = \left(\frac{dx}{dt} + i \frac{dy}{dt} \right) \left(\frac{\partial u}{\partial x} + i \frac{\partial v}{\partial x} \right) \Delta t (1 + \epsilon), \tag{8}$$

гдѣ ϵ стремится къ нулю одновременно съ Δt .

Такъ какъ

$$\frac{dz}{dt} = \frac{dx}{dt} + i \frac{dy}{dt},$$

то

$$\Delta w = \left(\frac{dz}{dt} + i \frac{dy}{dt} \right) \Delta t (1 + \epsilon'), \tag{9}$$

гдѣ ϵ' обращается въ нуль одновременно съ Δt . Изъ двухъ послѣднихъ выраженій имѣемъ:

$$\frac{\Delta w}{\Delta z} = \left(\frac{\partial u}{\partial x} + i \frac{\partial v}{\partial x} \right) \frac{1 + \epsilon}{1 + \epsilon'}$$

а въ предѣлѣ:

$$\frac{dw}{dz} = \frac{\partial u}{\partial x} + i \frac{\partial v}{\partial x}. \tag{10}$$

Итакъ мы видимъ, что производная отъ w не зависитъ отъ $\frac{dz}{dt}$, т. е. отъ того направленія, по которому мы измѣняемъ z ; производная эта будетъ вполне опредѣленной.

§ 3. Функции монотропныя и политропныя.

Функции комплекснаго переменнаго дѣлятся на функции *однозначныя* и *многозначныя*, или *монотропныя* (по Коши—*монокропныя*) и *политропныя*.

Монотропными называются такія функции, которыя имѣютъ только одно значеніе для каждаго значенія комплекснаго переменнаго. *Политропными* называются такія функции, которыя могутъ имѣть по нѣсколько значеній для одного значенія переменнаго.

Разсмотримъ теперь геометрическое представленіе тѣхъ и другихъ функций.

Если комплексное переменное z будемъ измѣнять по какой либо непрерывной кривой, то точка w , изображающая данную функцию, какъ мы видѣли, будетъ описывать тоже непрерывную кривую. Функция монотропная характеризуется тѣмъ свойствомъ, что, по какой бы кривой мы ни перемѣщали точку z отъ z_0 до Z , точка w , двигаясь на своей плоскости w отъ точки w_0 (черт. 6) по разнымъ кривымъ, въ концѣ своего движенія приходитъ въ одну и ту же точку W . Иначе говоря, по какой бы кривой мы ни переходили изъ точки z_0 въ Z , мы придемъ все къ тѣмъ же значеніямъ функции w . Отсюда слѣдуетъ, что при измѣненіи z по сомкнутой кривой z_0abZz_0 функция w тоже опишетъ сомкнутую кривую и вернется въ точку w_0 .

Справедливо также и обратное заключеніе, если при измѣненіи переменнаго по любой сомкнутой кривой, функция w въ началѣ и концѣ этого измѣненія приобретаетъ одно и то же значеніе, то она монотропна. Разсмотримъ два пути комплекснаго переменнаго z_0aZ и z_0bZ и соответствующіе имъ пути функции $w_0\alpha W$ и $w_0\beta W$. Пусть w_0 значеніе функции въ началѣ движенія, W —значеніе функции, когда точка z пройдетъ путь

дѣлая рядъ обходовъ въ направленіи возрастающаго угла. Когда точка z сдѣлаетъ одинъ обходъ около a_1 и вернется въ свое начальное положеніе, аргументъ φ_1 приобрѣтетъ приращеніе 2π ; поэтому аргументъ функціи w получитъ приращеніе π , а w будетъ имѣть слѣдующій видъ:

$$(r_1 r_2 \dots r_n)^{\frac{1}{2}} \left[\cos \left(\pi + \frac{\varphi_1 + \varphi_2 + \dots + \varphi_n}{2} \right) + i \sin \left(\pi + \frac{\varphi_1 + \varphi_2 + \dots + \varphi_n}{2} \right) \right] = -w,$$

т. е. измѣнить знакъ. Послѣ второго обхода w приметъ начальное значеніе, послѣ третьяго получитъ значеніе $-w$, и т. д.

Обходъ точки z по пути, содержащему двѣ точки a_1 и a_2 , равносильнъ двумъ обходамъ около одной точки, поэтому не измѣняетъ значенія w . Вообще обходъ z по сомкнутой кривой, обнимающей четное число точекъ $a_1, a_2, \dots$, не измѣняетъ значенія w ; если же число точекъ нечетно, то w мѣняетъ знакъ.

Разсмотримъ два пути комплекснаго переменнаго $z_0 a Z$ и $z_0 b Z$, между которыми находится точка a_1 (черт. 6). Пусть w_0 значеніе функціи въ началѣ движенія; W —значеніе функціи, когда точка z пройдетъ путь $z_0 a Z$. Заставимъ теперь точку z пройти путь $Z b z_0$; согласно предыдущему, функція измѣнитъ свой знакъ и для значенія z_0 будетъ имѣть значеніе $-w_0$. Обратнo, если мы будемъ двигаться по пути $z_0 b Z$ и дадимъ функціи значеніе $-w_0$, то функція будетъ принимать значенія соотвѣтственно равныя предыдущимъ и для Z будетъ имѣть значеніе W . Но, если бы мы описали путь $z_0 b Z$, давъ функціи начальное значеніе $+w_0$, то, благодаря измѣненію знака радикала, въ точкѣ Z функція имѣла бы значеніе $-W$. Такимъ образомъ два пути $z_0 a Z$ и $z_0 b Z$, описанные при одномъ и томъ же начальномъ значеніи функціи, приводятъ въ точкѣ Z къ различнымъ значеніямъ функціи, т. е. нарушается характеръ монотропности.

Замѣтимъ, что политропность функціи обусловливается существованіемъ особыхъ точекъ—*критическихъ* (или точекъ *разветвленія*), каковы въ нашемъ случаѣ точки $a_1, a_2, \dots, a_n$.

Разберемъ болѣе общій случай политропной функціи, взявъ функцію

$$w = (z - a_1)^{\frac{p_1}{q_1}} (z - a_2)^{\frac{p_2}{q_2}} \dots (z - a_n)^{\frac{p_n}{q_n}},$$

въ которой показатели неприводимыя дроби.

Введе предыдущія обозначенія, получимъ:

$$w = r_1^{\frac{p_1}{q_1}} r_2^{\frac{p_2}{q_2}} \dots r_n^{\frac{p_n}{q_n}} \left[\cos \left(\frac{p_1}{q_1} \varphi_1 + \frac{p_2}{q_2} \varphi_2 + \dots + \frac{p_n}{q_n} \varphi_n \right) + i \sin \left(\frac{p_1}{q_1} \varphi_1 + \frac{p_2}{q_2} \varphi_2 + \dots + \frac{p_n}{q_n} \varphi_n \right) \right].$$

Послѣ одного обхода z около точки a_1 , аргументъ φ_1 измѣнится на 2π , $z - a_1$ приобрететъ значеніе

$$r_1 \left[\cos (\varphi_1 + 2\pi) + i \sin (\varphi_1 + 2\pi) \right],$$

такъ что w приобрететъ факторъ

$$j_1 = \left(\cos 2\pi \frac{p_1}{q_1} + i \sin 2\pi \frac{p_1}{q_1} \right),$$

гдѣ j_1 есть первообразный корень двучленного уравненія $x^{q_1} = 1$.

Послѣ второго обхода w еще приобрететъ факторъ j_1 , такъ что приметъ значеніе $w j_1^2$, и т. д.

Если совершимъ m_1 обходовъ z около точки a_1 , m_2 обходовъ около точки a_2 , то функція w приобрететъ два фактора $j_1^{m_1}$ и $j_2^{m_2}$ т. е. обратится въ $w j_1^{m_1} j_2^{m_2}$; j_2 есть корень двучленного уравненія $x^{q_2} = 1$.

Во всемъ пространствѣ, содержащемъ критическія точки, функція будетъ политропной. Для представленія такихъ функцій Риманъ въ своей *Theorie der Abelschen Functionen* предложилъ поверхности, состоящія изъ нѣсколькихъ плоскостей, или листовъ, непосредственно лежащихъ одинъ на другомъ. Число листовъ равно числу значеній данной функціи; всѣ эти листы соединены между собою въ точкахъ развѣтвленія. Каждый изъ листовъ соотвѣтствуетъ одному опредѣленному и непрерывному продолженію значеній функціи. Такъ напримѣръ, для функціи

$$w = \sqrt{(z - a_1)(z - a_2) \dots (z - a_{2n})}$$

Римановская поверхность будетъ состоять изъ двухъ листовъ, соединенныхъ въ точкахъ $a_1, a_2, \dots, a_{2n}$. На первомъ листѣ распространяются значенія функціи, соотвѣтствующія положительному значенію радикала, на второмъ—отрицательному значенію радикала. Для перехода съ одного листа на другой дѣлаются разрѣзы по линиямъ $a_1 a_2, a_2 a_4, \dots, a_{2n-1} a_{2n}$; линіи эти носятъ названіе *линій перехода*.

§ 4. *Функція голоморфная и мероморфная.*

Когда функція въ извѣстной части плоскости непрерывна, монотропна и имѣетъ опредѣленную производную, то мы будемъ говорить, что она *голоморфна* въ этой части плоскости (по Коши—*синектична*). Этимъ названіемъ мы будемъ указывать на то, что функція подобна цѣлой, которая обладаетъ этими свойствами во всемъ пространствѣ плоскости.

Значенія переменныхъ, для которыхъ функція становится нулемъ, будемъ называть *корнями* или *нулями* функціи.

Когда функція w голоморфна въ извѣстной части плоскости, исключая точки z_1 , гдѣ она становится безконечною, и притомъ функція $\frac{1}{w}$ голоморфна въ смежности съ этой точкой, то говорятъ, что точка z_1 есть *полюсъ* или *безконечность* функціи w . Если функція голоморфна въ к. л. части плоскости, за исключеніемъ опредѣленныхъ полюсовъ, то, мы будемъ называть ее *мероморфной* въ этой части плоскости, т. е. подобной раціональнымъ дробямъ, такъ какъ послѣднія, допуская нули знаменателя въ качествѣ полюсовъ, остаются голоморфными во всемъ остальномъ пространствѣ плоскости.

Разберемъ нѣсколько примѣровъ.

Примѣръ 1. Цѣлая функція

$$w = A_0 + A_1z + A_2z^2 + A_3z^3 + \dots + A_mz^m$$

обращается въ безконечность только при $z = \infty$. Чтобы не имѣть дѣла съ безконечными значеніями переменнаго, мы введемъ новое переменное z_1 , полагая $z = \frac{1}{z_1}$, и будемъ изслѣдовать функцію w при $z_1 = 0$.

Подставляя вмѣсто z новое переменное, будемъ имѣть:

$$w = \frac{A_0z_1^m + A_1z_1^{m-1} + \dots + A_m}{z_1^m}.$$

Функція w при $z_1 = 0$ обращается въ безконечность; чтобы знать, будетъ ли точка $z_1 = 0$ *полюсомъ* функціи w , мы должны посмотрѣть, сохранимъ ли функція $\frac{1}{w}$ характеръ голоморфности въ смежности съ этой точкой.

Такъ какъ

$$\frac{1}{w} = \frac{z_1^m}{A_0z_1^m + A_1z_1^{m-1} + \dots + A_m}$$

то очевидно функція $\frac{1}{w}$ будетъ приближаться къ нулю съ приближеніемъ z_1 къ нулю, оставаясь все время голоморфной.

Примѣръ 2. Дана дробная функція

$$w = \frac{A_0 z^m + A_1 z^{m-1} + \dots + A_m}{B_0 z^n + B_1 z^{n-1} + \dots + B_n}.$$

Если положить $z = \frac{1}{z_1}$, то будемъ имѣть:

$$w = z_1^{n-m} \frac{A_0 + A_1 z_1 + \dots + A_m z_1^m}{B_0 + B_1 z_1 + \dots + B_n z_1^n}.$$

Чтобы опредѣлить характеръ функціи въ смежности съ точкой $z = \infty$, или $z_1 = 0$, мы очевидно должны рассмотретьъ два случая:

- 1) $n > m$ и 2) $n < m$.

Въ первомъ случаѣ значеніе $z_1 = 0$ будетъ *кормемъ* w , ибо, когда z_1 будетъ приближаться къ нулю, w будетъ равняться безконечно малой величинѣ въ положительной степени, умноженной на конечное отношеніе $\frac{A_0}{B_0}$, и слѣдовательно въ предѣлѣ при $z = \infty$ функція наша обратится въ нуль.

Во второмъ случаѣ, съ приближеніемъ z_1 къ нулю, w будетъ равняться безконечно малой величинѣ въ отрицательной степени, умноженной на конечную величину $\frac{A_0}{B_0}$, и слѣдовательно въ предѣлѣ обратится въ ∞ . Точка $z = \infty$ будетъ очевидно *полюсомъ* функціи w , такъ какъ

$$\frac{1}{w} = z_1^{m-n} \frac{B_0 + B_1 z_1 + \dots + B_n z_1^n}{A_0 + A_1 z_1 + \dots + A_m z_1^m}$$

обращается въ предѣлѣ въ нуль, оставаясь все время голоморфной.

При $m = n$ точка $z = \infty$ будетъ обыкновенной точкой функціи w .

Примѣръ 3. Рассмотримъ, наконецъ, политропную функцію

$$w = \sqrt{(z-a_1)(z-a_2)\dots(z-a_n)}.$$

Если положить $z = \frac{1}{z_1}$, то

$$w = \frac{\sqrt{(1-a_1 z_1)(1-a_2 z_1) \dots (1-a_n z_1)}}{z_1^{\frac{n}{2}}}$$

Несомненно, что w обращается въ безконечность въ точкѣ $z_1 = 0$, но чтобы изслѣдовать характеръ функции w въ смежности съ этой точкой, мы должны взять $\frac{1}{w}$ и посмотреть, сохраняетъ ли послѣдняя функция голоморфность въ смежности съ $z_1 = 0$.

Если $n = 2m$, гдѣ m какое нибудь цѣлое число, то $z_1^{\frac{n}{2}}$ есть цѣлая степень; $\frac{1}{w}$ будетъ стремиться къ нулю, оставаясь голоморфной при приближеніи z_1 къ нулю; слѣдовательно въ этомъ случаѣ $z_1 = 0$ есть *полюсъ* функции w . Если же $n = 2m + 1$, то точка $z_1 = 0$ будетъ *критической* точкой w , ибо около этой точки для функции $\frac{1}{w}$ имѣются два безконечно малыхъ значенія, отличающіяся по знаку, а слѣдовательно и функция w въ смежности съ точкой $z = \infty$ имѣетъ два значенія, очень большія по величинѣ и противоположныя по знаку.

§ 5. *Сфера Неймана.*

Для изученія измѣненій функции, когда переменное z становится безконечно большимъ, полагають, какъ мы видѣли, $z = \frac{1}{z_1}$ и переменному z_1 даютъ безконечно малые значенія. Съ геометрической точки зрѣнія этому преобразованію соответствуетъ новое представленіе функций комплекснаго переменнаго—представленіе на *сферѣ* и *плоскости антиподовъ*.

Пусть xOy есть плоскость комплекснаго переменнаго $z = x + yi$. Вообразимъ сферу діаметра OO_1 , равнаго единицѣ, и касательную къ xOy въ точкѣ O (черт. 8).

Соединивъ точку z , которая изображаетъ комплексное переменное на плоскости xOy , съ точкою O_1 , будемъ считать точку Z пересѣченія прямой O_1z съ сферой за изображеніе комплексной величины на сферѣ. Проведемъ теперь вторую плоскость касательную къ сферѣ въ точкѣ O_1 ; въ этой плоскости, называемой *плоскостью антиподовъ*, выбираемъ оси O_1x_1 и O_1y_1 такъ, чтобы онѣ были соответственно параллельны Ox и Oy , и ось O_1y_1 была направлена прямо противоположно оси Oy . Соединивъ точку O съ

З прямой, найдемъ точку z_1 пересѣченія этой прямой съ плоскостью $x_1O_1y_1$.

Такъ какъ точки z и z_1 находятся въ одинаковыхъ условіяхъ построенія, то та же точка Z будетъ изображеніемъ комплекснаго переменнаго z_1 на сферѣ. Будемъ опредѣлять положеніе прямыхъ Oz и O_1z_1 углами φ и φ_1 , которые онѣ соответственно образуютъ съ осями Ox и O_1x_1 , расположенными въ одной меридіональной плоскости, проходящей чрезъ діаметръ OO_1 ; модули Oz и O_1z_1 обозначимъ соответственно чрезъ r и r_1 . Условимся считать углы φ и φ_1 положительными, если наблюдатель, помѣщенный на той или другой плоскости въ положеніяхъ ON или O_1N_1 и смотрящій по направленію осей Ox или O_1x_1 , увидитъ движеніе векторовъ Oz и O_1z_1 совершающимся справа налѣво. Тогда, съ одной стороны, понятно, что наблюдателю, смотрящему изъ O и видящему въ плоскости xOy движеніе Oz въ положительномъ направленіи, движеніе O_1z_1 въ плоскости $x_1O_1y_1$ будетъ казаться совершающимся въ отрицательномъ направленіи, и наоборотъ; съ другой стороны, очевидно, что двѣ линіи Oz и O_1z_1 , которыя находятся въ одной меридіональной плоскости, имѣютъ аргументы φ и φ_1 , сумма которыхъ равняется 2π . Кромѣ того, можно видѣть, что замкнутой кривой переменнаго z на одной касательной плоскости соответствуетъ также замкнутая кривая переменнаго z_1 въ другой касательной плоскости; эти двѣ кривыя могутъ быть замѣнены одной, которую описываетъ точка Z на сферѣ.

Нетрудно показать, что, если точка Z опишетъ экваторъ, то ему на плоскости xOy или $x_1O_1y_1$ будетъ соответствовать кругъ радіуса $OO_1=1$. Въ самомъ дѣлѣ, вообразивъ конусъ съ вершиною въ O_1 , разсѣкающій сферу по экватору (черт. 9), мы замѣтимъ, что онъ пересѣчетъ плоскость xOy по кругу радіуса OD , но $OD \parallel EB$, а потому $\frac{|BE|}{|OD|} = \frac{|OE|}{|OO_1|} = \frac{1}{2}$, откуда $|OD| = 2|BE| = |OO_1| = 1$.

Если мы будемъ уменьшать отверстіе нашего конуса, то будутъ уменьшаться и круги на плоскости xOy . Въ предѣлѣ, когда отверстіе конуса будетъ бесконечно малымъ, кругъ плоскости xOy будетъ бесконечно близко приближаться къ полюсу O . Если будемъ увеличивать уголъ между образующими конуса, то будетъ увеличиваться и кругъ на плоскости xOy , и въ предѣлѣ, когда уголъ между образующими сдѣлается равнымъ π , этотъ кругъ уйдетъ въ бесконечность. Отсюда заключаемъ, что бесконечно удаленнымъ точкамъ на плоскости xOy соответствуетъ одна опредѣленная точка на сферѣ и на плоскости $x_1O_1y_1$, а именно O_1 .

Видя тѣсную связь между геометрическими изображеніями z и z_1 , естественно искать аналитической зависимости между этими величинами.

Покажемъ, что между z и z_1 существуетъ простая зависимость: $z = \frac{1}{z_1}$.

Въ прямоугольныхъ треугольникахъ OO_1z и OO_1z_1 (черт. 8) углы zO_1O и z_1OO_1 суть углы взаимно дополнительные, такъ какъ треугольникъ OZO_1 прямоугольный; слѣдовательно углы OzO_1 и Oz_1O_1 также взаимно дополнительные до $\frac{\pi}{2}$, и треугольники OO_1z и OO_1z_1 подобны.

Поэтому имѣемъ:

$$\frac{|Oz|}{|OO_1|} = \frac{|OO_1|}{|O_1z_1|} \quad \text{или} \quad r = \frac{1}{r_1}, \quad \text{но}$$

$$z = r(\cos \varphi + i \sin \varphi), \quad z_1 = r_1[\cos(2\pi - \varphi) + i \sin(2\pi - \varphi)];$$

слѣдовательно $zz_1 = rr_1 = 1$, откуда $z = \frac{1}{z_1}$.

Поэтому, когда радиусъ векторъ кривой, описанной на плоскости xOy и содержащей начало O , неопредѣленно возрастаетъ, радиусъ векторъ второй кривой, описанной на плоскости $x_1O_1y_1$ и содержащей O_1 , стремится къ нулю. Кроме того, части первой плоскости, внѣшней относительно первой кривой, будутъ соответствовать часть второй плоскости, внутренняя относительно второй кривой, и наоборотъ.

Итакъ для геометрическаго представленія *монотропныхъ* (однозначныхъ) функций *Нейманъ* пользуется сферой и двумя плоскостями: первая изъ нихъ—горизонтальная плоскость—касательна къ сферѣ въ ея верхнемъ полюсѣ, вторая—плоскость антиподовъ—касательна къ сферѣ въ противоположномъ полюсѣ. Если разсматривать горизонтальную плоскость, какъ представителя значеній функции, распространенной на ней однозначно и непрерывно, то такими же представителями являются сфера и плоскость антиподовъ, и притомъ ихъ можно понимать, какъ различныя состоянія одной и той же поверхности. Къ послѣднему заключенію мы приходимъ при помощи *принципа непрерывнаго преобразования*. Подъ непрерывнымъ преобразованиемъ поверхности нужно понимать такое измѣненіе ея, при которомъ примѣнимы только растяженіе и сгибаніе, но избѣгаются разрывъ и сшиваніе. Основной законъ непрерывнаго преобразования заключается въ томъ, что при этомъ преобразованіи сохраняются свойства однозначности, непрерывности и полярной прерывности функций.

Функции *политропная* (многозначныя) распространяются, какъ мы замѣтили выше, однозначно на многолистной Римановской поверхности; и здѣсь возможенъ переходъ къ представленію на сферѣ, которая будетъ состоять изъ столькихъ же тонкихъ слоевъ, какъ Римановская поверхность,

имѣть то же число точекъ развѣтвленія и такое же опредѣленное соединеніе слоевъ другъ съ другомъ. Введя принципъ непрерывнаго преобразованія, *Нейманъ* сдѣлалъ изученіе функцій политропныхъ простымъ и вполнѣ доступнымъ; желающихъ ознакомиться съ этими вопросами отсылаемъ въ прекрасному изложенію *Neumann'a* въ его сочиненіи *Vorlesungen über Riemann's Theorie der Abelschen Integrale*.

§ 6. Функції комплекснаго переменнаго, опредѣляемая рядами.

Конечный или бесконечный рядъ, расположенный по цѣлымъ степенямъ дѣйствительнаго переменнаго и сходящійся въ данной области, какъ извѣстно, представляетъ собой для этой области аналитическую функцію взятаго переменнаго *). Разберемъ три теоремы, при помощи которыхъ положеніе это распространяется и на случай комплекснаго переменнаго.

Теорема I—Абеля.

Пусть данъ рядъ, расположенный по цѣлымъ, положительнымъ и возрастающимъ степенямъ комплекснаго переменнаго; если для значенія переменнаго, модуль котораго есть r_1 , модули членовъ ряда будутъ меньше опредѣленнаго количества, то рядъ будетъ сходящимся для всѣхъ значеній переменнаго, модуль которыхъ меньше r_1 .

Пусть

$$u_0 + u_1z + u_2z^2 + \dots \quad (1)$$

предложенный рядъ, въ которомъ z обозначаетъ комплексное переменное, коэффициенты $u_0, u_1 \dots$ дѣйствительны или комплексны; назовемъ модули коэффициентовъ чрезъ $a_0, a_1, a_2 \dots$. Предположимъ, что модули

$$a_0, a_1r_1, a_2r_1^2 \dots$$

различныхъ членовъ ряда для значенія z , модуль котораго есть r_1 , будутъ меньше опредѣленнаго количества B . Дадимъ переменному z значеніе, модуль котораго r менше r_1 , и рассмотримъ сходящійся рядъ

$$1 + \frac{r}{r_1} + \left(\frac{r}{r_1}\right)^2 + \dots \quad (2)$$

*) Для желающихъ ознакомиться съ основами теоріи аналитическихъ функцій можемъ рекомендовать сочиненіе *Tannery-Introduction à la théorie des fonctions d'une variable* (Paris, 1881).

если члены этого ряда умножить соответственно на числа

$$a_0, a_1 r_1, a_2 r_1^2, \dots,$$

меньшія B , то получимъ новый рядъ

$$a_0 + a_1 r + a_2 r^2 + \dots \quad (3)$$

Рядъ этотъ будетъ сходящимся: дѣйствительно, пусть S_n сумма n членовъ ряда (2), S'_n —сумма n членовъ ряда (3), тогда $S'_n < BS_n$; но сумма S_n стремится къ предѣлу S , поэтому $S'_n < BS$. Такимъ образомъ для всѣхъ значеній z , модуль которыхъ менѣе r_1 , рядъ (3) будетъ сходящимся, а вслѣдствіе этого и предложенный рядъ (1) также сходящійся.

Остановимся вкратцѣ на разсмотрѣннй области сходимости нашего ряда (1). Пусть модули членовъ ряда сохраняютъ конечныя значенія, другими словами—остаются менѣе опредѣленнаго количества, при возрастающихъ значеніяхъ модуля переменнаго z ; эти послѣднія значенія въ своемъ возрастаніи или увеличиваются до бесконечности, или стремятся къ предѣлу R . Въ первомъ случаѣ, рядъ (1) будетъ сходящимся для всѣхъ значеній z : въ самомъ дѣлѣ, пусть r модуль для в. л. значенія z ; модули членовъ ряда сохраняютъ конечныя значенія для всякаго модуля r_1 большаго r , поэтому рядъ будетъ сходящимся для взятаго значенія переменнаго z . Во второмъ случаѣ, рядъ будетъ сходящимся внутри круга, описаннаго изъ начала, какъ изъ центра, радіусомъ равнымъ R . Окружность радіуса R раздѣлитъ плоскость на двѣ части: для всѣхъ точекъ внутри круга рядъ будетъ сходящимся, для всѣхъ точекъ внѣшнихъ онъ расходящійся; по этой причинѣ сказанному кругу дано названіе *круга сходимости*.

Итакъ рядъ, расположенный по цѣлымъ, положительнымъ и возрастающимъ степенямъ переменнаго, опредѣляетъ функцію *конечную и монотронную* въ предѣлахъ круга сходимости.

Что касается самой окружности радіуса R , то рядъ нашъ можетъ быть сходящимся или расходящимся для всей окружности, или сходящимся въ однихъ точкахъ окружности, расходящимся въ другихъ.

Перейдемъ теперь къ дальнѣйшему изслѣдованію свойствъ функций, опредѣляемыхъ рядами.

Теорема II.

Функция, опредѣляемая рядомъ, расположеннымъ по цѣлымъ, положительнымъ и возрастающимъ степенямъ переменнаго, непрерывна въ кругѣ сходимости.

Пусть рядъ

$$u_0 + u_1 z + u_2 z^2 + \dots \quad (1)$$

будеть сходящимся въ кругѣ радіуса R ; обозначимъ чрезъ $f(z)$ сумму членовъ этого ряда для к. л. значенія z , помѣщающагося внутри круга сходимости. Если $\varphi(z)$ есть сумма n первыхъ членовъ ряда, а $\psi(z)$ —остатокъ, то будемъ имѣть:

$$f(z) = \varphi(z) + \psi(z). \quad (4)$$

Изъ начала, какъ центра, радіусомъ R_1 , немного меньшимъ R , опишемъ кругъ; можно приписать числу n такое значеніе, чтобы для него и для всѣхъ бѣльшихъ значеній модуль остатка былъ менѣе заданнаго какъ угодно малаго количества $\frac{\alpha}{3}$, независимо отъ положенія z внутри круга R_1 . Съ указанною цѣлью возьмемъ n такимъ, чтобы имѣть:

$$a_n R_1^n + a_{n+1} R_1^{n+1} + \dots < \frac{\alpha}{3}; \quad (5)$$

последнее возможно, такъ какъ рядъ

$$a_0 + a_1 R_1 + a_2 R_1^2 + \dots$$

сходящійся. Для всякаго модуля r меньшаго R_1 а fortiori будемъ имѣть:

$$a_n r^n + a_{n+1} r^{n+1} + \dots < \frac{\alpha}{3}; \quad (6)$$

модуль остатка $\psi(z)$, будучи менѣе этой суммы, конечно, менѣе $\frac{\alpha}{3}$.

Дадимъ теперь переменному два смежныя значенія z и z_1 , помѣщенныя внутри круга R_1 ; функція $f(z)$ приметъ два значенія, разность которыхъ такова:

$$f(z_1) - f(z) = \varphi(z_1) - \varphi(z) + \psi(z_1) - \psi(z). \quad (7)$$

Такъ какъ цѣлый многочленъ $\varphi(z)$, степени $n-1$, будетъ непрерывной функціей переменнаго z , то можно найти такое количество ρ , чтобы для всѣхъ положеній точки z_1 внутри круга, описаннаго изъ центра z радіусомъ равнымъ ρ , измѣненіе $\varphi(z_1) - \varphi(z)$ имѣло модуль меньшій, чѣмъ $\frac{\alpha}{3}$. Модули остатковъ $\psi(z_1)$ и $\psi(z)$ менѣе, чѣмъ $\frac{\alpha}{3}$; поэтому разность $f(z_1) - f(z)$ будетъ имѣть модуль меньшій α для всѣхъ указанныхъ положеній точки z_1 , чѣмъ и доказывается непрерывность функціи $f(z)$.

Лемма. Если взять производныя различныхъ членовъ ряда, то образуемъ новый рядъ, сходящійся въ томъ же кругѣ, какъ и первый.

Пусть рядъ

$$f(z) = u_0 + u_1 z + u_2 z^2 + \dots \tag{1}$$

будетъ сходящимся въ кругѣ радіуса R . Рассмотримъ рядъ

$$u_1 + 2u_2 z + 3u_3 z^2 + \dots, \tag{8}$$

который получится, если взять производныя отъ каждаго изъ членовъ ряда (1). Изъ начала, какъ центра, радіусомъ R_1 , немного меньшимъ R , опишемъ кругъ и дадимъ z значеніе, модуль котораго r меньше R_1 . Если умножить члены сходящагося ряда

$$1 + 2 \frac{r}{R_1} + 3 \frac{r^2}{R_1^2} + \dots \tag{9}$$

соотвѣтственно на числа

$$a_1, a_2 R_1, a_3 R_1^2, \dots \tag{10}$$

которыя въ предѣлѣ стремятся къ нулю и слѣдовательно остаются меньше опредѣленнаго количества B , то получится (срв. теорему I) сходящійся рядъ

$$a_1 + 2a_2 r + 3a_3 r^2 + \dots \tag{11}$$

Такимъ образомъ рядъ (8) будетъ сходящимся въ томъ же кругѣ, какъ и рядъ (1); въ предѣлахъ круга радіуса R онъ опредѣляетъ функцію непрерывную и монотропную, которую мы обозначимъ чрезъ $f'(z)$. Взявъ затѣмъ производныя отъ членовъ ряда (8), получимъ третій рядъ, сходящійся въ томъ же кругѣ R ; непрерывную и монотропную функцію, которая опредѣляется послѣднимъ рядомъ, обозначимъ чрезъ $f''(z)$ и т. д.

Теорема III.

Функция, опредѣляемая сходящимся рядомъ, имѣетъ производную.

Пусть рядъ

$$f(z) = u_0 + u_1 z + u_2 z^2 + \dots$$

будетъ сходящимся въ кругѣ радіуса R . Изъ точки z , какъ центра, опишемъ кругъ, касательный къ кругу R ; для точки $z + h$, помѣщенной внутри этого послѣдняго круга, рядъ остается сходящимся, и мы будемъ имѣть:

$$f(z + h) = u_0 + u_1 (z + h) + u_2 (z + h)^2 + \dots \tag{12}$$

Разложивъ степени бинорма $z + h$, расположимъ члены въ таблицѣ слѣдующимъ образомъ:

$$\begin{array}{cccccc}
 u_0 + & 0 + & 0 + & 0 + & \dots & \\
 u_1 z + & u_1 h + & 0 + & 0 + & \dots & \\
 u_2 z^2 + & 2u_2 zh + & u_2 h^2 + & 0 + & \dots & \\
 u_3 z^3 + & 3u_3 z^2 h + & 3u_3 z h^2 + & u_3 h^3 + & \dots & \\
 \dots & \dots & \dots & \dots & \dots &
 \end{array} \tag{13}$$

(недостающіе члены таблицы заполняемъ нулями). Такъ какъ сумма членовъ одной и той же горизонтальной линіи составляетъ одинъ изъ членовъ ряда (12), то сумма членовъ, содержащихся въ m первыхъ горизонтальныхъ линіяхъ таблицы, равна суммѣ m первыхъ членовъ ряда (12); послѣдняя сумма, какъ легко убѣдиться изъ самаго состава таблицы, выражается также чрезъ сумму m первыхъ членовъ m первыхъ вертикальныхъ столбцовъ. Если будемъ группировать члены таблицы по вертикальнымъ столбцамъ и обозначимъ полученныя суммы соотвѣтственно чрезъ $v_0, v_1 h, v_2 h^2, \dots$, то можно показать, что рядъ

$$v_0 + v_1 h + v_2 h^2 + \dots \tag{14}$$

будетъ сходящимся и имѣть ту же сумму, какъ рядъ (12).

Обозначимъ чрезъ r модуль z и чрезъ ρ модуль h ; ρ , благодаря положенію точки $z + h$ внутри круга радіуса $R - r$, будетъ менѣе $R - r$, слѣдовательно $r + \rho$ будетъ менѣе R и рядъ

$$a_0 + a_1 (r + \rho) + a_2 (r + \rho)^2 + \dots \tag{15}$$

будетъ сходящимся. Разложивъ степени бинорма $r + \rho$, расположимъ члены въ таблицѣ, аналогичной (13):

$$\begin{array}{cccccc}
 a_0 + & 0 + & 0 + & 0 + & \dots & \\
 a_1 r + & a_1 \rho + & 0 + & 0 + & \dots & \\
 a_2 r^2 + & 2a_2 r \rho + & a_2 \rho^2 + & 0 + & \dots & \\
 a_3 r^3 + & 3a_3 r^2 \rho + & 3a_3 r \rho^2 + & a_3 \rho^3 + & \dots & \\
 \dots & \dots & \dots & \dots & \dots &
 \end{array} \tag{16}$$

Обозначимъ чрезъ S_m сумму m первыхъ членовъ ряда (15); чрезъ S —предѣлъ, къ которому стремится эта сумма при безграничномъ возрастаніи m . Если взять изъ таблицы (16) m членовъ к. л. вертикальнаго столбца, принадлежащихъ къ m первымъ горизонтальнымъ линіямъ, то сумма ихъ будетъ менѣе, чѣмъ сумма m первыхъ горизонтальныхъ линій, т. е. S_m , а слѣдовательно и менѣе предѣла S . Разсматриваемая сумма стремится къ предѣлу, когда m безгранично возрастаетъ; такимъ образомъ каждый вертикальный столбецъ, взятый въ отдѣльности, представляетъ собой сходящійся рядъ. Обозначимъ чрезъ $b_0, b_1\rho, b_2\rho^2 \dots$ суммы различныхъ вертикальныхъ столбцовъ и рассмотримъ рядъ

$$b_0 + b_1\rho + b_2\rho^2 + \dots; \tag{17}$$

пусть S_n' будетъ суммой n первыхъ членовъ этого ряда. Если изъ n первыхъ вертикальныхъ столбцовъ таблицы (16) возьмемъ по m членовъ, принадлежащихъ къ m первымъ горизонтальнымъ линіямъ, то полученная сумма, при условіи m болѣе n , будетъ менѣе, чѣмъ сумма m первыхъ горизонтальныхъ линій, т. е. S_m , а потому и менѣе S . Не измѣняя n , заставимъ m безгранично возрастать, разбираемая нами сумма стремится къ предѣлу, который менѣе S ; этотъ предѣлъ въ точности равенъ S_n' , слѣдовательно количество S_n' менѣе S . Съ другой стороны, количество S_n' болѣе, чѣмъ сумма n первыхъ членовъ n первыхъ вертикальныхъ столбцовъ, т. е. болѣе, чѣмъ S_n . Сумма S_n' , заключааясь между S_n и S , стремится при безграничномъ возрастаніи n къ предѣлу S . Такимъ образомъ рядъ (17) будетъ сходящимся и имѣетъ ту же сумму, какъ рядъ (15).

Возвратимся теперь къ таблицѣ (13). Мы видимъ, что члены одного и того же вертикальнаго столбца, имѣя модулями соотвѣтствующіе члены таблицы (16), образуютъ сходящійся рядъ. Суммы различныхъ вертикальныхъ столбцовъ обозначимъ по предыдущему чрезъ $v_0, v_1h, v_2h^2 \dots$; благодаря тому обстоятельству, что модули послѣднихъ количествъ меньше членовъ сходящагося ряда (17), рядъ (14) будетъ сходящимся. Обозначимъ чрезъ Σ_n сумму n первыхъ членовъ ряда (12), чрезъ Σ_n' —сумму n первыхъ членовъ ряда (14); разность $\Sigma_n' - \Sigma_n$ равна суммѣ членовъ n первыхъ вертикальныхъ столбцовъ таблицы (13), начиная съ $n + 1$ горизонтальной линіи; модуль этой разности менѣе, чѣмъ сумма модулей сказанныхъ членовъ, т. е. менѣе $S_n' - S_n$, послѣдняя же разность стремится къ нулю при безграничномъ возрастаніи n . Такъ какъ сумма Σ_n имѣетъ предѣломъ $f(x + h)$, то и сумма Σ_n' должна стремиться къ тому же предѣлу.

Обозначивъ коэффициенты $v_0, v_1, v_2 \dots$ въ выраженіи (14) суммы Σ_n соответственно чрезъ $f(z), f'(z), \frac{f''(z)}{2!} \dots$, находимъ:

$$f(z + h) = f(z) + f'(z)h + f''(z)\frac{h^2}{2!} + \dots \quad (18)$$

а отсюда получаемъ:

$$\frac{f(z + h) - f(z)}{h} = f'(z) + f''(z)\frac{h}{2!} + \dots \quad (19)$$

Вторая часть равенства есть непрерывная функция h , при h весьма маломъ она мало отличается отъ $f'(z)$, а когда h какимъ либо способомъ приближается къ нулю, вторая часть стремится къ $f'(z)$. Такимъ образомъ отношеніе приращенія функции къ приращенію переменнаго стремится къ одному и тому же предѣлу, независимо отъ того, какимъ образомъ приращеніе переменнаго приближается къ нулю; другими словами, функция $f(z)$ допускаетъ производную $f'(z)$, которая опредѣляется рядомъ (8).

Всѣ предыдущія разсужденія приводятъ насъ къ заключенію, что рядъ, расположенный по цѣлымъ, положительнымъ и возрастающимъ степенямъ комплекснаго переменнаго, опредѣляетъ собой функцию *голоморфную* въ предѣлахъ круга сходимости.

Двойной (конечный или бесконечный) рядъ, расположенный по цѣлымъ отрицательнымъ и положительнымъ степенямъ переменнаго z , будемъ считать *сходящимся*, если рядъ, составленный изъ модулей соответственныхъ членовъ, будетъ сходящимся (см. *Briot et Bouquet* §§ 67—68). Такой сходящийся рядъ опредѣлитъ собой *аналитическую* функцию переменнаго z .

Примѣръ.

Ряды

$$1 + \frac{z}{1} + \frac{z^2}{2!} + \dots$$

$$\frac{z}{1} - \frac{z^3}{3!} + \frac{z^5}{5!} - \dots$$

$$1 - \frac{z^2}{2!} + \frac{z^4}{4!} - \dots$$

имѣютъ кругъ сходимости безконечно большаго радіуса, поэтому они опредѣляютъ собой функции z голоморфныя во всемъ пространствѣ плоскости. Эти три функции обозначимъ соответственно чрезъ e^z , $\sin z$ и $\cos z$, такъ какъ для случая действительнаго переменнаго z наши ряды представляли бы собой разложенія показательной и двухъ тригонометрическихъ функций.

Мы будемъ вообще пользоваться для функций комплекснаго переменнаго тѣми же обозначеніями, какія имѣли бы мѣсто, если бы переменное было действительнымъ.

гораздо болѣе соответствовало бы содержанию работы, ибо илась у него изъ очерковъ объ отдѣльныхъ писателяхъ.

Зывая эти замѣчанія, мы не рискуемъ подвергнуться удиркѣ къ заглавію. Указаніемъ на несоответствіе содержания мы произносимъ оцѣнку многихъ отдѣловъ книги, отъ впечатлѣніе чего-то неполнаго, односторонняго, тное и существенное совершенно устранено изъ и тѣмъ какъ-бы признано несущественнымъ и неваж- другой стороны, авторъ въ свое изслѣдованіе о концѣ язы- и писателяхъ IV вѣка внесъ очень много такихъ вопросовъ, которые врядъ-ли могутъ быть сюда отнесены. Такъ, онъ подробно останавливается на литературной дѣятельности Тертулліана и Минуція Феликса (I, pp. 259—337). Оба эти очерка написаны прекрасно и читаются съ живымъ интересомъ, самое помѣщеніе ихъ въ этой связи имѣетъ свое основаніе, какъ на то будетъ уазано въ дальнѣйшемъ; но въ работѣ, цѣль которой обнять духовное содержание IV вѣка и нарисовать намъ картину смерти язычества, вмѣсто этихъ полныхъ и обстоятельныхъ очерковъ о христіанскихъ писателяхъ времени борьбы христіанства за самое существованіе, естественно было-бы ожидать отвѣта на многое другое, такъ, напримѣръ, каково было религиозное содержаніе тогдашняго язычества и притомъ не только въ высшихъ сферахъ (что отчасти есть въ книгѣ), но и въ низшихъ слояхъ древняго общества. Авторъ самъ настолько не чувствуетъ этого существеннаго недочета своей картины паденія язычества, что ни разу даже не оговорилъ его и не счелъ нужнымъ хотя-бы сослаться на какія либо ученныя работы, гдѣ можно почерпнуть или пополнить знакомство съ этимъ важнымъ элементомъ общаго содержанія духовной жизни IV вѣка.

Непосредственный интересъ къ произведеніямъ христіанскихъ писателей IV вѣка былъ исходнымъ пунктомъ въ этой работѣ Буассье. Выпуская теперь отдѣльные этюды объединенными въ одной книгѣ, авторъ, для цѣльности впечатлѣнія своихъ очерковъ, присоединилъ историческое введеніе, а вслѣдъ за нимъ обстоятельно развилъ идею о литературномъ преемствѣ между языческими и христіанскими писателями. Такимъ образомъ возникъ первый томъ, имѣющій значеніе введенія ко второму, спеціальному.

Итакъ, общій характеръ работы Буассье историко-литературный, хотя самое заглавіе какъ-бы обѣщаетъ полную исторію культуры IV вѣка. Слѣдуетъ прибавить еще одно ограниченіе: интересъ автора сосредоточенъ на христіанскихъ писателяхъ. Выясняя ихъ литературный обликъ, онъ старается выразумѣть тѣ общія идеи, которыя направляли литературную дѣятельность тѣхъ людей и въ ней выражались, опредѣлить ихъ политическій кругозоръ, и въ заключительныхъ главахъ своего труда онъ даетъ мастерски сгруппированную картину постепеннаго расширенія ихъ политическаго сознанія отъ преклоненія передъ римской идеей до универсальнаго идеала, осуществленнаго римской церковью въ дальнѣйшіе вѣка.

Мы не станемъ останавливаться на первой книгѣ, озаглавленной „побѣда христіанства“ (pp. 1—175); гдѣ авторъ предложилъ характеристику Константина Великаго и Юліана, сосредоточивая свой интересъ на отношеніяхъ ихъ къ христіанству. Чуждый всякой тенденціозности въ исторической оцѣнѣ дѣятелей того далекаго прошлаго, онъ остался свободенъ отъ симпатіи къ Юліану. Въ его изложеніи этотъ мечтатель предстаетъ человѣкомъ, непонимавшимъ своего вѣка, не въ мѣру благочестивымъ читателемъ боговъ прошедшаго, доходившимъ даже до мистицизма, человѣкомъ школы, который остался такимъ весь свой вѣкъ, политическимъ дѣятелемъ, не удовлетворившимъ своими начинаніями даже своихъ единомышленниковъ, сухимъ педантомъ. Этотъ очеркъ, равно какъ и предшествующій о Константинѣ Великомъ, написанъ живо и изящно, съ постояннымъ указаніемъ на факты, приведеніемъ историческихъ свидѣтельствъ, сопоставленіемъ ихъ и критикой.

Во второй книгѣ авторъ ближе подходитъ къ своей непосредственной темѣ. Начинаетъ онъ съ общаго очерка школьнаго дѣла у Римлянъ. Факты, которые здѣсь группируетъ авторъ, не новы и всѣмъ извѣстны. Воспроизвести ихъ здѣсь понадобилось автору для ясности общей картины. Школьное обученіе у Римлянъ, какъ то извѣстно, сходилось къ изученію риторики и въ ней завершалось. Своею цѣлью имѣло оно владѣніе словомъ, краснорѣчіе, какъ принято у насъ передавать латинскій терминъ eloquentia. Въмѣстѣ съ административной централизаціей, которую постепенно водворила имперія, распространила и утвердила она во всей широтѣ своихъ предѣловъ этотъ идеаль образованія и тѣ формы школьнаго обуче-

нія, которыя выработаны были для его достиженія. Процессъ этотъ предшествовалъ распространенію христіанства въ имперіи. Когда христіанство стало уже общественной религіей, оно не подняло вопроса о реформѣ школы, которая была и оставалась языческой. Такой строгій ревнитель христіанства, каковъ былъ Тертуліанъ, признаетъ необходимость литературнаго образованія, которое проходило въ школахъ съ ея языческимъ содержаніемъ¹⁾.

Христіанская церковь, признававшая многія занятія и ремесла несомвѣстными съ вѣрой во Христа, не подымала протеста противъ того, чтобы христіанинъ занимался ремесломъ школьнаго учителя. Если Тертуліанъ и считалъ неудобнымъ для христіанина это занятіе въ виду связанныхъ съ нимъ общественныхъ обязанностей, имѣвшихъ отношеніе къ языческому культу; то общій взглядъ былъ иной, и уже въ III вѣкѣ были среди христіанъ извѣстные и славные риторы. Однимъ изъ стѣсненій, которыя предпринялъ имп. Юліанъ противъ христіанъ, было запрещеніе христіанину являться толкователемъ языческихъ писателей. Эта мѣра на практикѣ оказывалась запрещеніемъ быть школьнымъ учителемъ, и въ нашемъ историческомъ преданіи отмѣчена она какъ весьма стѣснительное ограниченіе правъ гражданина. Эдиктъ Юліана былъ отмѣненъ Валентиніаномъ, и христіанскіе грамматикѣ и риторы возвратились къ обученію христіанской молодежи по языческимъ книгамъ. Священное писаніе не было въ глазахъ самихъ христіанъ книгой, по которой можно учить слову. Такой видный представитель церкви, какимъ былъ блаженный Августинъ, признавалъ и доказывалъ необходимость для развитія и образованія молодаго ума пройти курсъ языческаго обученія (стр. 244). Такъ было въ IV, такъ осталось и въ V вѣкѣ. Современникъ Теодориха Великаго, павійскій епископъ Эннодій,

---

¹⁾ На стр. 235 Буассье приводитъ, какъ выраженіе мнѣнія Тертуліана, слѣдующую выдержку изъ десятой главы его трактата *De idolatria*.—*Quo modo quis institueretur ad prudentiam interim humanam vel ad quemcunque sensum vel actum, cum instrumentum sit ad omnem vitam litteratura?* (Какимъ же инымъ способомъ можно довести человѣка до разумнаго направленія своихъ мыслей и поступковъ, когда единственное орудіе для всей жизни человѣка есть литература?)—Но слѣдуетъ замѣтить, что это сужденіе Тертуліанъ вводитъ въ свое изложеніе, какъ общее мнѣніе, предваряя его словами: *Scimus dici posse*. Онъ самъ только допускаетъ для христіанина языческое обученіе въ школахъ, въ надеждѣ, что молодой христіанинъ самъ отъ многого уберется.

тврдо вѣрилъ въ необходимость для будущаго члена христіанскаго вѣира прохожденія курса въ школѣ съ ея традиціонными грамматикой, риторикой и декламаціей. А эта послѣдняя умѣла вращаться только въ древнихъ темахъ изъ міра міеовъ и языческихъ преданій.

Опредѣляя самымъ своимъ матеріаломъ умственный кругозоръ человекѣа, школа сближала и нерасторжимо связывала людей переходящаго язычества и новаго, замѣнявшаго его, христіанства. На примѣрѣ ригориста и ревнителя чистоты христіанства Тертуллиана (время Септимія Севера) поясняетъ Буассье эту мысль. Онъ предлагаетъ сначала общую характеристику возрѣвній Тертуллиана преимущественно на основаніи его творенія: *De idolatria* (стр 259—280). Въ Тертуллианѣ выступаетъ предъ нами ярый противникъ и отрицатель языческаго міра въ рѣзкомъ противоположеніи ему пламенно исповѣдуемаго имъ христіанства. Яростно отрицаетъ онъ древнихъ боговъ, требуетъ исчезновенія самыхъ именъ этихъ боговъ съ языка христіанина, настаиваетъ на открытомъ и явномъ протестѣ противъ языческаго общества и его обычаевъ, радуется и торжествуетъ самымъ клеветамъ и насилію, когда они постигаютъ христіанъ, и наконецъ даже формально отрекается отъ римскаго государства—*pobis nulla res magis aliena quam publica*. Но этому ригористу и ревнителю принадлежитъ также и трактатъ: *De pallio*. Его сюжетъ—изъясненіе того, почему Тертуллианъ отрекся отъ одѣянія римскаго гражданина, тоги, и обратился къ греческому плащу. Подробный анализъ этого произведенія, предложенный Буассье, приводитъ его къ выводу, что Тертуллианъ въ этомъ своемъ сочиненіи является самымъ типичнымъ риторомъ того времени. Онъ соблюдаетъ всѣ вынесенныя изъ школы наставленія учебниковъ риторики, остается ученикомъ школы какъ въ манерѣ мышленія, такъ и въ самомъ выраженіи своихъ мыслей и можетъ служить образцомъ тогдашней манерности.

Къ аналогичному выводу приходитъ Буассье и въ своемъ анализѣ творенія, принадлежащаго половинѣ III вѣка, извѣстнаго діалога „Октавій“ Минуція Феликса. Здѣсь предъ нами ученикъ древнихъ философовъ. Онъ хорошо знакомъ съ произведеніями Платона, Аристотеля, Зенона, Цицерона, Сенеки. Въ нихъ онъ живетъ, ими думаетъ, въ нихъ ищетъ оправданія исповѣдуемаго и отстаива-

емаго имъ христіанства¹⁾. Третій знаменитый писатель, на которомъ останавливается Буассье, желая выяснитъ вліяніе языческаго образованія на христіанство, уже непосредственно входитъ въ рамки его темы, это—блаженный Августинъ. Сынъ благочестивой христіанки матери и отца язычника, Августинъ получилъ языческое образованіе и воспринялъ его цѣликомъ. Ставъ учителемъ краснорѣчія, онъ достигъ извѣстности и даже славы, съ честью занимая кафедры риторики послѣдовательно въ Карфагенѣ, Римѣ и Миланѣ. Грамматика, риторика и философія были сферой его духовной жизни, и въ своихъ произведеніяхъ, каковы: *De vita beata*, *De ordine*, *Contra Academicos*,—онъ живетъ съ Цицерономъ, въ его обстановкѣ, въ его литературномъ и ученомъ кругозорѣ.

Сочетаніе воедино христіанскаго и языческаго элементовъ слѣдить Буассье въ литературной дѣятельности блаженнаго Іеронима. Ученіеъ языческой школы, онъ пылалъ любовью къ языческой литературѣ. Удалившись отъ міра въ пустыни Сиріи, проводя дни въ постѣ и молитвѣ, читалъ онъ и тамъ Цицерона и Плавта. Сознывая грѣховность своихъ литературныхъ вкусовъ, отрекался онъ отъ нихъ не разъ; но не былъ въ силахъ устоять отъ искушенія вернуться къ этимъ привязанностямъ дѣтства и юности. Онъ признаетъ невозможность сочетать Евангеліе и языческихъ писателей, и однако по всякому поводу у него въ мысли и на языкѣ стихъ изъ Вергілія или реминисценція изъ какаго нибудь классическаго писателя. Въ одномъ изъ своихъ писемъ разрѣшаетъ онъ свое внутреннее противорѣчіе, прибѣгнувъ къ слѣдующему сравненію для объясненія своего отношенія къ языческой литературѣ. Въ книгѣ Второзаконія сказано, что если израильтянинъ желаетъ жениться на плѣнницѣ изъ чужаго народа, то сначала долженъ онъ обстричь ей волосы на головѣ, брови и ногти, а потомъ можетъ вступить съ нею въ бракъ. Такъ и онъ самъ, плѣненный красотой языческой мудрости, желаетъ сдѣлать изъ нея израильтянку, предварительно очистивъ ее отъ всякой скверны язычества (ер. 83). Блаженный Августинъ въ своемъ знаменитомъ трактатѣ *De civitate Dei* выражаетъ сродныя мысли и

¹⁾ Написаніе этого діалога авторъ приурочиваетъ къ 215 году. Быть можетъ, болѣе вѣроятна другая датировка, по которой онъ относится къ эпохѣ празднованія 1000-лѣтія Рима въ 248 году. См. Neumann, *Der röm. Staat u. die allgemeine Kirche*. I, p. 241, n. 6.

похожимъ образомъ Не желая и не считая возможнымъ отказаться отъ того многаго прекраснаго и возвышеннаго, что заключаетъ въ себѣ языческая литература, онъ уподобляетъ свое къ ней отношеніе съ тѣмъ поступкомъ Евреевъ, когда они унесли съ собою изъ Египта великолѣпныя золотыя вазы, посвятивъ ихъ на служеніе истинному Богу. Третій знаменитый отецъ церкви того-же времени, св. Амвросій Медиоланскій, охотно пользуется философскими мыслями и поэтическими образами древней литературы. Но у него есть иное оправданіе: онъ вѣритъ, что языческіе мудрецы заимствовали многое отъ Моисея и пророковъ.

„Если люди,— заключаетъ Буассье свой первый томъ,— какъ св. Амвросій, блаженный Иеронимъ и блаженный Августинъ, великіе епископы, славные учителя, высказывали такіе принципы и давали примѣръ примѣненія языческой древности къ установленію релігіозныхъ истинъ, то отсюда можно судить о томъ, что должны были дѣлать христіане менѣ ревностные, простые міряне. При такихъ условіяхъ было естественно, что между этими элементами различнаго происхожденія произошло своего рода сліяніе. Конечно, не обошлось безъ протеста со стороны людей съ тревожной совѣстью, каковы бывали въ монастыряхъ, и такихъ, чѣмъ всегда ищутъ повода себя мучить. Но ихъ жалобамъ не внимали; и такъ какъ онѣ не доходили до устраненія старой системы образованія, и способъ давать образованіе юношеству оставался тотъ-же самый, пока жива была имперія; то можно сказать, что воздѣйствія школы непрестанно укрѣпляли и увеличивали чуждые элементы, которые въ теченіи пяти вѣковъ проникали въ христіанство и которые оно пыталось себѣ ассимилировать“.

Во второмъ томѣ, какъ и въ первомъ изложеніе раздѣлено также на три книги. Первая изъ нихъ озаглавлена: „Христіанская поэзія“. Отмѣтивъ въ нѣсколькихъ словахъ проявленіе христіанскаго поэтическаго творчества на Востокѣ, авторъ обращается къ первому христіанскому поэту, излагавшему свои произведенія на латинскомъ языкѣ, Коммодіану. Этотъ *mendicus Christi*, какъ онъ себя называетъ, пишетъ въ гексаметрахъ. Но эти гексаметры далеки отъ традиціонной формы этого стиха у классическихъ поэтовъ. Коммодіану чужды старыя литературныя традиціи и не только въ метрѣ, но и въ самыхъ формахъ и способахъ поэтическаго выраженія мысли. Писа-

тедѣ болѣе позднѣй, Веттій Ювенъ (ок. 328 г.), въ своей *Historia Evangelica* стремится уже сочетать формы древняго искусства съ новыми вѣрованіями. Но эти элементы не слагаются еще у него въ стройное единство. Христіанская мысль овладѣваетъ формами стараго искусства въ лицѣ двухъ поэтовъ второй половины IV вѣка, Павлина Ноланскаго и Пруденція. Авторъ посвящаетъ обоимъ поэтамъ подробные этюды (стр. 57—121 и 123—177). Мы не дослѣдуемъ за нимъ въ его изложеніи, укажемъ только общій выводъ. Поэты эти принадлежали къ высшему слою общества по своему происхожденію, они прошли и усвоили себѣ древнюю школу и въ своихъ твореніяхъ обращались къ людямъ своего круга и своего образованія. Своимъ творчествомъ они примиряли христіанство съ образованными слоями древняго общества. А такъ какъ никакое ученіе не можетъ довольствоваться тѣмъ, что за него стоитъ простой народъ, и для полноты побѣды и увѣренности въ ней оно должно побѣдить и образованные классы общества; то правъ Пруденцій въ своей поэтической надеждѣ, что Богъ въ день страшнаго суда зачтетъ ему, бѣдному грѣшнику, въ великую заслугу его стихи, въ которыхъ онъ воспѣлъ Христа.

Отъ христіанскихъ поэтовъ авторъ обращается къ характеристикѣ языческаго общества въ концѣ IV вѣка, что и составляетъ содержаніе пятой книги его произведенія (стр. 181—264). Книга эта раздѣлена на двѣ главы. Въ первой авторъ предлагаетъ характеристику высшаго аристократическаго общества въ Римѣ по письмамъ Симмаха; вторая озаглавлена: „противники христіанства“¹⁾. Малосодержательныя и въ большинствѣ очень краткія письма Симмаха, одного изъ самыхъ видныхъ представителей высшей римской аристократіи того времени, даютъ подъ искуснымъ перомъ Буассье достаточно матеріала для того, чтобы составить общее представленіе о характерѣ жизни высшаго свѣтскаго круга въ Римѣ въ ту пору. Мелкое, тщеславное, поработенное традиціонными воззрѣніями и идеями общество это вовсе не было такъ развращено, какъ изображаютъ его люди ему чуждые, св. Амвросій Медиоланскій, блаж.

¹⁾ Этюдъ о письмахъ Симмаха былъ помѣщенъ года три тому назадъ въ *Journal des Savants* и вызванъ былъ тогда появленіемъ новаго изданія Симмаха въ серіи *Monumenta Germaniae Historica*, исполненнаго Зеекомъ (Otto Seeck. Berolini. 1883).

Иеронимъ. Симмахъ искренно вѣрилъ, что въ его время процвѣтаютъ добродѣтели, что таланты и дарованія находятъ должную оцѣнку и признаніе, если только съ ними соединяется достаточно энергія. Отдаваясь въ теченіи цѣлаго года самымъ напряженнымъ и оживленнымъ сношеніямъ со множествомъ лицъ, жившихъ въ разныхъ концахъ имперіи, въ заботѣ о томъ, чтобы падавшая на него обязанность постановки игръ нашла великолѣпное осуществленіе, Симмахъ сознаниемъ и сердцемъ живетъ въ настоящемъ съ любовью и уваженіемъ къ прошлому. Не сознаетъ и не чувствуетъ онъ, а съ нимъ и его общество, внутренней пустоты и слабости скуднаго настоящаго, остается чуждъ всякаго предвидѣнія грядущихъ бѣдствій, вѣрить въ незыблемость вѣчнаго Рима и его великой Имперіи.

Въ обществѣ того времени были противники побѣдоноснаго христіанства. Они оставили свой слѣдъ въ тогдашней литературѣ. Таково твореніе „Диалогъ Асклепія“, мистическое произведеніе, переведенное неизвѣстнымъ съ греческаго языка. (Дошелъ онъ до насъ въ числѣ произведеній Апулея). Таково твореніе Рутілія Нумаціана. Этотъ Галлъ по крови, пламенный римлянинъ по идеямъ и настроенію, оставилъ небольшую поэму, содержаніе которой дали впечатлѣнія прощанія съ Римомъ и возвращенія на родину. Въ этихъ стихахъ нашла себѣ мѣсто и ярая нападкa на монаховъ, которая, по мысли автора, обобщается въ выраженіе негодованія противъ христіанства. Другіе писатели, какъ Макробій, Аврелій Викторъ, Евтропій, выражаютъ свой протестъ противъ христіанства тѣмъ, что совершенно о немъ молчатъ. Макробій, искренній приверженецъ язычества, прославившій древнюю религію въ своихъ твореніяхъ *Somnium Scipionis*¹⁾ и *Saturnalia*, не обмолвился ни однимъ словомъ на счетъ современнаго положенія язычества. Историки Аврелій Викторъ и Евтропій не помянули въ своемъ изложеніи о томъ, что Константинъ Великій обратился къ новой вѣрѣ. Тоже умолчаніе о христіанствѣ отличаетъ и тотъ особый видъ литературы, образцы котораго дошли до насъ изъ этого времени, а именно: панегирики. Эти образчики оффиціального краснорѣчія, прославленія императоровъ, произносившіяся предъ ними лично, стоятъ на почвѣ древней государственной религіи и какъ-бы не признаютъ великаго, совершив-

¹⁾ Толкованіе на сочиненіе Цицерона, носившее этотъ заголовокъ.

шагося уже, переворота въ религіозныхъ воззрѣніяхъ и самомъ исповѣданіи императоровъ.

Въ послѣдней книгѣ, озаглавленной „Послѣднія боренія“, авторъ съ подробностью останавливается на самомъ видномъ эпизодѣ борьбы новаго со старымъ, а именно: столкновеніи побѣжденнаго язычества съ восторжествовавшимъ христіанствомъ въ дѣлѣ о статуѣ и жертвенникѣ богини Побѣды въ куріи римскаго сената. Жертвенникъ этотъ, стоявшій тамъ искони, символизировалъ собою римское міродержавіе. При входѣ въ залу засѣданій, сенаторы возжигали на немъ оміамъ. Такъ было при Августѣ, такъ осталось при Константинѣ Великомъ и его ближайшихъ преемникахъ. Когда на тронѣ цезарей сидѣлъ слабый юноша, Граціанъ, поднятъ былъ вопросъ объ удаленіи изъ залы сената, этого жертвенника какъ оскорбляющаго религіозное чувство христіанъ. Долго длилось дѣло и рѣшено было, конечно, въ смыслѣ требованія христіанъ. Вопросъ этотъ вызвалъ борьбу на почвѣ слова, на него отозвались такіе видные представители той эпохи, каковы были Симмахъ, съ одной стороны, и св. Амвросій Медиоланскій, съ другой.

Изложеніе этого эпизода служитъ для автора поводомъ дать отчетъ о тогдашнихъ отношеніяхъ къ язычеству представителей государственной власти. Римъ въ ту пору оставался центромъ язычества. Оно имѣло здѣсь весьма важную привилегію, а именно: въ Римѣ не примѣнялись существовавшіе тогда запретительные указы противъ язычества и его священнодѣйствій. Такой фанатикъ христіанства, какимъ былъ императоръ Констанцій, оказался вполнѣ терпимымъ къ языческимъ храмамъ и религіознымъ церемоніямъ въ Римѣ, когда онъ посѣтилъ его въ 365 году. Амміанъ Марцеллинъ поминаетъ (23, 3, 7) о ежегодномъ совершеніи церемоніи омовенія статуи метери боговъ, Мауробій говоритъ о ежедневныхъ жертвоприношеніяхъ въ честь Геркулеса на знаменитой ага тахіа. Въ надписяхъ найдены свидѣтельства о сооруженіи многихъ языческихъ святилищъ, именно въ правленіе Граціана и Θεодосія, а равно о процвѣтаніи священнодѣйствій тавроболій (вращеніе кровью быка), обычныхъ въ культѣ Митры. Сенатъ былъ центромъ язычества, и въ его составѣ было много представителей древнихъ фамилій, остававшихся вѣрными старой вѣрѣ. Высшее общество того времени нашло выразителя своего настроенія въ поэтѣ Клавдіанѣ. Александрійскій Грекъ по

происхожденію, прибывшій въ Римъ въ концѣ правленія Θεодосіа, славилъ Клавдіанъ въ своихъ произведеніяхъ величіе Рима, его міродержавіе, его памятники, его священную почву. Не выступалъ онъ противъ новой вѣры, которую исповѣдывалъ и глава государства, не нападалъ открыто на христіанство, но косвенно задѣвалъ онъ нерѣдко это нововведеніе въ римское народное сознание.

Стѣсненіе свободы языческихъ культовъ въ Римѣ началось при Граціанѣ. Въ 382 году изданъ былъ указъ о прекращеніи отпуска изъ казны суммъ на содержаніе весталовъ, жрецовъ, а равно и на совершеніе языческихъ церемоній, имѣвшихъ доселѣ значеніе государственнаго культа. Въ то же время были объявлены собственностью фиска всѣ поземельныя имущества храмовъ и языческихъ религиозныхъ обществъ. За этими мѣрами послѣдовалъ новый ударъ язычеству: повелѣно было вынести изъ зданія сената жертвенникъ богини Побѣды. Наиболѣе видными представителями языческой партіи въ сенатѣ были въ ту пору Претевстатъ, Флавіанъ и Симмахъ. Посольство сенаторовъ съ Симмахомъ во главѣ къ императору, находившемуся въ ту пору въ Медиоланѣ, съ цѣлью просить о пощадѣ старой вѣры, при которой выросло римское міродержавіе, не было имъ принято. Два года спустя, уже по смерти Граціана, послалъ сенатъ вторично посольство къ императору Валентиніану II. До насъ дошелъ докладъ (relatio) по этому дѣлу, представленный тѣмъ-же Симмахомъ, занимавшимъ тогда высокій постъ префекта города Рима. Въ докладѣ этомъ Симмахъ, прославляя Побѣду, какъ символъ міродержавія Рима, настаиваетъ на необходимости чтить старину и, допуская возможность разныхъ религій и различныхъ вѣрованій, требуетъ уваженія въ той, съ которой совершилъ Римъ свою великую исторію. Живая полемическая отвѣдь на докладъ Симмаха дана была знаменитымъ епископомъ медиоланскимъ, св. Амвросіемъ. Изобличая тщету языческихъ вѣрованій, издѣваясь надъ ихъ кровавыми жертвоприношеніями, понося ихъ культы, доказываетъ Амвросій полную ненадобность расходовъ изъ государственной казны на эту отжившую свое время ложную религію.

Въ своемъ анализѣ обоихъ полемистовъ, Буассье становится на сторону Амвросія. Въ немъ онъ видитъ представителя идеи свободы совѣсти. Тогда какъ Симмахъ стоитъ за принципъ государственной церкви, Амвросій не хочетъ, чтобы церковь и религія жи-

ли отъ государства и государствомъ. Отстаивая необходимость сохранить въ сенатѣ стацию и жертвенникъ Побѣды, Симмахъ стоитъ за привилегію одной религіи. Требуя удаленія ихъ изъ мѣста обсужденія государственныхъ дѣлъ, Амвросій является борцомъ за принципъ свободы совѣсти.

Послѣдняя полемика между язычествомъ и христіанствомъ стоитъ въ связи съ событіемъ, имѣвшимъ преходящій характеръ, но глубоко потрясшимъ сознание тогдашняго культурнаго міра, событіе это—взятіе Рима Аларихомъ ночью 24 августа 410 года. Этотъ страшный ударъ идеѣ римскаго міродержавія глубоко отозвался въ сердцахъ населенія всей римской имперіи. Онъ возвѣстилъ собою начало конца великаго прошлаго...

Язычество, уже гонимое и преслѣдуемое въ ту пору, подняло голову. Оно признало причиной этого несчастія отверженіе старыхъ боговъ, при помощи и подѣ охраной которыхъ создалась и выросла римская міровая держава. Въ борьбѣ съ этимъ настроеніемъ задумалъ блаж. Августинъ свое сочиненіе *De civitate Dei*. Отвергая виновность христіанства въ бѣдствіи, постигшемъ римское государство, изобличаетъ онъ тщету языческихъ вѣрованій, изъясняетъ жизнь челоуѣчества, какъ подготовленіе къ пришествію царствія Христова и заканчиваетъ грядущимъ пришествіемъ послѣдняго суда.

Въ заключеніе своего обзора „конца язычества“ и въ непосредственной связи съ анализомъ сочиненія блаж. Августина Буассье ставитъ вопросъ о томъ, виновато ли христіанство въ гибели имперіи. Знаменитый Гиббонъ рѣшалъ этотъ вопросъ въ утвердительномъ смыслѣ, и Буассье полагаетъ, что большинство историковъ нашего времени придерживается такого именно взгляда. Раздѣливъ этотъ общій вопросъ на частные, авторъ выясняетъ, во первыхъ, что христіане не были мятежниками противъ государства. Самые принципы христіанства не были несогласимы съ даннымъ государственнымъ строемъ. Это доказано было фактически тѣмъ, что, когда христіанство восторжествовало, христіане уживались съ язычниками во всѣхъ общественныхъ учрежденіяхъ. Далѣе, экономическое разстройство имперіи, паденіе благосостоянія муниципій и обнищаніе ихъ, всѣ эти симптомы разложенія великаго государства начались задолго раньше торжества христіанства и не имѣли въ нему отношенія. Оправдываетъ Буассье христіанство и отъ обвиненія въ томъ, что

оно содѣйствовало паденію духа римской арміи. Не повинно оно также въ упадѣ литературы и словеснаго творчества. Итакъ, паденіе имперіи имѣло болѣе глубокія причины, дѣйствіе которыхъ началось задолго до торжества христіанства. Не христіанство погубило имперію, но одно слѣдуетъ прибавить: оно не отсрочило ея паденія, не дало ей новыхъ силъ.

Достигнувъ преобладанія и господства въ государствѣ, христіанство было вѣрно римской идеѣ. Блаж. Августинъ, который умеръ въ тяжкую годину осады его города Гиппона врагами имперіи, Вандалами, до конца дней своихъ остался вѣрнымъ сыномъ отечества. Онъ до самой своей смерти поддерживалъ духъ осажденныхъ, боролся вмѣстѣ съ ними, не признавалъ паденія древняго политическаго идеала. *Romanum imperium afflictum est potius quam mutatum* (*De civ. Dei* IV, 7), — такъ судилъ онъ о бѣдствіяхъ настоящаго и его скорбяхъ. Близкій къ нему по времени христіанскій писатель, Орозій, видѣвшій уже разложеніе единой римской державы и начало новыхъ царствъ, снисходительнѣе смотритъ на варваровъ, чѣмъ его предшественникъ и учитель, Августинъ. Самъ испытавшій на себѣ бѣдствія отъ варварскихъ нашествій и утвержденія ихъ на развалинахъ единой имперіи, Орозій не питаетъ враждебности къ новымъ владыкамъ римскихъ провинцій. Онъ вѣритъ, что съ ними и при нихъ останется жить въ мірѣ идеаль имперіи, если не въ видѣ единаго административно сконцентрированнаго государства, то какъ единеніе народовъ, говорящихъ однимъ и тѣмъ-же языкомъ, живущихъ подъ одними и тѣми-же законами и господствомъ одинаковыхъ нравовъ. Этотъ свой политическій идеаль зоветъ онъ новымъ словомъ *Romania*.

Тридцать лѣтъ спустя послѣ Орозія, писалъ Сальвианъ. Событія быстро шли впередъ, измѣнялись съ ними и воззрѣнія. Въ своемъ трактатѣ *De gubernatione Dei* Сальвианъ уже совсѣмъ иначе смотритъ на варваровъ, разрушившихъ имперію, чѣмъ его литературные предшественники. Онъ громитъ развращенность древней римской культуры, онъ славитъ варваровъ за чистоту ихъ нравовъ, онъ утверждаетъ, что они должны были остаться побѣдителями въ силу своей правды. Онъ чувствуетъ себя за одно съ тѣмъ, кто хочетъ отказаться отъ древняго римскаго имени и слиться съ этими обновителями стараго міра.

Такимъ образомъ, христіанская церковь, остававшаяся вѣрной имперіи, пока та была жива, отказывается отъ нея и, спасая старую культуру, вступаетъ въ союзъ съ новымъ міромъ. Она дѣйствовала такъ въ своихъ интересахъ, но ея дѣло оказалось заслугой предъ цѣлымъ міромъ. „Если-бы духовенство,—такъ заключаетъ Буассье свое изложеніе,—оставаясь вѣрнымъ старому, сохранило-бы положеніе недовольныхъ по отношенію къ новымъ владыкамъ, то эти послѣдніе оказались-бы внѣ его вліянія. Соединяясь съ ними, церковь ихъ одолѣла. Въ совершившемся сочетаніи побѣда оказалась, какъ то всегда бываетъ, за болѣе просвѣщенными и болѣе умѣлыми, и элементъ латинскій оказался преобладающимъ. Я очень сомнѣваюсь, чтобы Орозій и Сальвіанъ ясно понимали возможные послѣдствія. Но ихъ не обманывалъ инстинктъ, предваравшій ихъ, что церковь должна была въ наступавшемъ разрушеніи отдѣлить свое дѣло отъ дѣла имперіи. Первый, отмѣчая, что варвары были доступны культурѣ и словно успѣли уже за немногіе протекшіе годы усвоить новые нравы и привычки, другой, преувеличивая ихъ добродѣтели и подымая ихъ сравненіемъ съ пороками древняго общества, побуждали оба церковь протянуть имъ руку. Церковь сдѣлала это, но только послѣ того, какъ всякое сопротивленіе оказалось бесполезнымъ. Церковь не измѣнила имперіи, какъ утверждали это иные историки, потому что имперія сама удалила изъ провинцій свои легіоны и предоставила врагу несчастныя области. Покидая Римъ въ ту пору, когда онъ погибъ и самъ оставялъ сопротивленіе, церковь спасла отъ римской цивилизаціи то, что могло его пережить“.

Въ предшествующемъ была представлена общая канва, въ предѣлахъ которой держится изложеніе въ обширномъ сочиненіи Буассье. Самостоятельное въ постановкѣ вопроса и по манерѣ разработки литературнаго матеріала сочиненіе это, какъ было на то указано въ началѣ, во первыхъ, мало соответствуетъ обѣщаніямъ, возбуждаемымъ его заглавіемъ. Далѣе, оно страдаетъ, думается намъ, другимъ весьма существеннымъ недостаткомъ. Оно гораздо поверхностнѣе по своему выполненію, нежели прежнія работы знаменитаго ученаго. Авторъ вращается преимущественно въ вопросахъ литературныхъ. Но почти ни одинъ изъ нихъ не разработанъ съ до-

статочной глубиной и последовательностью. Все писатели, творения которых касается автор, заданы им такъ или иначе съ одной стороны. Цѣльной, полной и объективной оцѣнки ихъ литературной дѣятельности нѣтъ въ этой книгѣ, за исключеніемъ развѣ мало относящагося въ самой ея темѣ діалога Октавія Минуція Феликса. Высказанное въ заключеніе утвержденіе, что христіанская церковь спасла въ разрушеніи имперіи древнюю литературу для грядущаго, есть вовсе не выводъ изъ изложенія, а лишь положеніе, которое нуждается въ доказательствахъ фактами дальнѣйшихъ судебъ христіанскаго Запада Европы. Правда, писатели, въ которыхъ-бы авторъ долженъ былъ искать доказательствъ своего положенія, принадлежать V и VI вѣкамъ (разумѣемъ прежде всего Боэція и Кассиодорія), а онъ ограничилъ себя предѣлами IV вѣка. Но вѣдь эту грань не считалъ авторъ связывающею его въ смыслѣ подрисовки предшествующаго развитія, предъидущихъ событій и данныхъ литературы III вѣка. Расширивъ рамки своего изложенія подъ влияніемъ широкаго заглавія, избраннаго имъ для своего труда, авторъ лишилъ своего читателя возможности дать себѣ ясный отчетъ въ томъ, къ какой части его творенія слѣдуетъ предъявлять болѣе строгія научныя требованія и въ чемъ видѣть центръ его ученой работы. Есть ли это личность и труды блаженнаго Августина, которому отведено такъ много мѣста въ обоихъ томахъ этого сочиненія, или вопросъ о преемствѣ языческой школы въ христіанскомъ обществѣ?—мы не умѣемъ рѣшить этого вопроса.

Позволивъ себѣ высказать эти осужденія, мы должны вернуться къ тому, о чемъ сказано было въ началѣ. Сочиненіе имѣетъ огромныя литературныя достоинства. Написанное не для специалистовъ, оно въ изящной и легкой формѣ знакомитъ читателя со многими темными и неясными вопросами, которые въ изложеніи такого мастера, какимъ давно признанъ Буассье, предстаютъ въ полномъ свѣтѣ и въ прозрачной ясности очертаній. Въ немъ выведенъ цѣлый рядъ писателей, мало или вовсе неизвѣстныхъ, и ко всѣмъ имъ авторъ умѣетъ возбудить вниманіе и интересъ. Блескъ литературной отдѣлки ученыхъ работъ, это достояніе французской ученой литературы, отличаетъ новое произведеніе Буассье, какъ и всѣ предшествующія его работы.

Въ заключеніе нашего отчета объ этой книгѣ, намъ остается

помянуть о приложеніи, которое прибавилъ авторъ въ своему первому тому. Оно озаглавлено: „гоненія“. Здѣсь дано резюме вопроса на основаніи спеціальной разработки данныхъ о гоненіяхъ въ сочиненіяхъ такихъ авторитетныхъ изслѣдователей, каковы de Rossi, Le Blant, Aubé, Allard, Renan, Havet и др. Вопросъ этотъ не стоитъ въ органической связи съ общей темой сочиненія и авторъ нисколько не претендуетъ на самостоятельность или новостъ выводовъ въ этой части своего труда. Цѣль его—подвести итоги. Онъ начинается съ возраженій противъ крайностей скептическаго направленія въ постановкѣ вопроса о гоненіяхъ. Съ Dodwell'я началось оно, Вольтеръ его продолжалъ, многихъ представителей имѣетъ оно и въ настоящее время. Не признавая возможности дать точную статистику христіанскихъ мучениковъ (стр. 443—459), авторъ съ полной ясностью и опредѣленностью ставитъ вопросъ о юридической сторонѣ преслѣдованія христіанъ и разрѣшаетъ его на основаніи свидѣтельствъ Тертуліана (стр. 414—424). Указаніе на форму процесса извлекаетъ онъ изъ показаній Автовъ мучениковъ (стр. 425—430). Не будучи достовѣрны въ своемъ цѣломъ, какъ свидѣтельствоваль о томъ еще въ V вѣкѣ папа Геласій, Аеты мучениковъ заключаютъ въ себѣ огромное число подлинныхъ историческихъ свидѣтельствъ, какъ показано то въ трудахъ Росси и Le Blant.

Юліанъ Кулаковскій.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Ежемѣсячный журналъ

„ЮРИДИЧЕСКАЯ ЛѢТОПИСЬ“

подъ редакціей ординарнаго профессора С.-Петербургскаго Университета Н. Д. Сергѣевскаго.

„Юридическая Лѣтопись“ заключаетъ въ себѣ:

I. Научныя статьи по вопросамъ права и государствовѣдѣнія; II. Хроники: законодательную, судебную и научную; III. Обзоръ кассационной практики въ формѣ тезисовъ, извлеченныхъ изъ рѣшеній Правительствующаго Сената; IV. Указатель вновь выходящихъ книгъ и журнальныхъ статей русской и иностранной юридической литературы; V. Указатель узаконеній и распоряженій правительства съ изложеніемъ содержанія важнѣйшихъ законовъ.

„Юридическая Лѣтопись“ выходитъ въ началѣ каждаго мѣсяца книжками отъ 4 до 6 листовъ. Каждая шесть книжекъ образуютъ собою одинъ томъ, къ которому прилагается общее оглавленіе.

Подписная цѣна 5 рублей въ годъ съ доставкою и пересылкою.

Подписка принимается въ Главной конторѣ „Юридической Лѣтописи,“ С.-Петербургъ, Вас. Остр., по 5-й линіи, д. № 28, книжный складъ М. Стасюлевича, и въ другихъ книжныхъ магазинахъ.

1—3

Еженедѣльная медицинская газета

„В Р А Ч Ъ,“

посвященная всѣмъ отраслямъ клинической медицины и гигиѣны и всѣмъ вопросамъ врачебнаго быта, будетъ выходить и въ будущемъ 1892 году подъ тою-же редакціею и по той-же программѣ, какъ и въ истекающемъ году, а именно:

- 1) Статьи по всѣмъ отраслямъ клинической медицины и по такимъ вопросамъ неклиническихъ медицинскихъ наукъ, которые имѣютъ практическій интересъ.
- 2) Статьи по общественной и частной гигиенѣ.
- 3) Статьи объ образованіи, бытовыхъ условіяхъ и общественной дѣятельности врачей.
- 4) Біографіи и некрологи врачей и статьи по исторіи медицины, преимущественно русской.
- 5) Критическія статьи и рецензіи нѣкоторыхъ иностранныхъ и русскихъ книгъ, касающихся программы „Врача.“
- 6) Отчеты о засѣданіяхъ ученыхъ и другихъ обществъ, могущихъ интересовать врачей.
- 7) Рефераты о главнѣйшихъ работахъ изъ текущей журнальной печати, какъ иностранной, такъ и русской.
- 8) Хроника всѣхъ явленій русской и заграничной жизни, поскольку эти явленія представляютъ тотъ или иной интересъ для врачей; слухи, правительственныя сообщенія.
- 9) Всякаго рода объявленія, за исключеніемъ рекламъ и объявленій о тайныхъ средствахъ.

Статьи (въ заказныхъ письмахъ) высылаются на имя редактора В. А. Манассеина (Петербургъ, Симбирская, д. 12, кв. 6).

Цѣна за годовое изданіе, какъ съ пересылкой въ другіе города, такъ и съ доставкой въ Петербургъ, 9 р., за полгода 4 р. 50 коп., за 3 мѣсяца 2 р. 25 к. Подписка принимается у издателя — К. Л. Рибкера (Петербургъ, Невскій, 14). Къ нему же исключительно слѣдуетъ обращаться и по всѣмъ хозяйственнымъ вопросамъ вообще (относительно высылки гонорара, отдѣльныхъ оттисковъ, полученныхъ №№ и т. д.).

Открыта подписка на 1892 годъ.

Двѣнадцатый годъ изданія.

„Ю Ж Н Ы Й К Р А Й“

газета общественная, политическая и литературная
выходить ежедневно:

Программа газеты: I. Правительственныя распоряженія. II. Руководящія статьи по вопросамъ внутренней и внѣшней политики и общественной жизни. III. Обзорніе газетъ и журналовъ. IV. Телеграммы спеціальныхъ корреспондентовъ „Южнаго Края“ и „Сѣвернаго телеграфнаго агенства.“ V. Послѣднія извѣстія. VI. Городская и земская хроника. VII. Вѣсти съ юга: корреспонденціи „Южнаго Края.“ VIII. Со всѣхъ концовъ Россіи (корреспонденціи „Южнаго Края“ и извѣстія другихъ газетъ). IX. Внѣшнія извѣстія: заграничная жизнь, послѣдняя почта. X. Наука и искусство. XI. Фельетонъ: научный, литературный и художественный. Беллетристика. Театръ. Музыка. XII. Судебная хроника. XIII. Критика и библіографія. XIV. Смѣсь. XV. Биржевая хроника и торговый стдѣль. XVI. Календарь. XVII. Справочныя свѣдѣнія. Дѣла, назначенныя къ слушанію и резолюціи по нимъ округа Харьковской судебной палаты. XVIII. Стороннія сообщенія. XIX. Объявленія.

Редакція имѣетъ собственныхъ корреспондентовъ во многихъ городахъ и торговыхъ пунктахъ Южной Россіи.

Кромѣ того, газета получаетъ постоянныя извѣстія изъ Петербурга и Москвы.

Въ „Южномъ Краѣ“ помѣщаются портреты Особъ Императорской Фамиліи, историческихъ лицъ, выдающихся современныхъ дѣятелей и политичажи, имѣющія отношенія къ текущимъ событіямъ.

Подписная цѣна:

	На годъ.	На 6 м.	На 3 м.	На 1 м.
Безъ доставки . .	10 р. 50 к.	6 р. — к.	3 р. 50 к.	1 р. 20 к.
Съ доставкою . .	12 р. — к.	7 р. — к.	4 р. — к.	1 р. 40 к.
Съ перес. иногор.	12 р. 50 к.	7 р. 50 к.	4 р. 50 к.	1 р. 60 к.

Допускается разсрочка платежа за годовой экземпляръ по соглашенію съ редакціей.

Подписка и объявленія принимаются въ Харьковѣ—въ главной конторѣ газеты „Южный Край,“ на Николаевской площади, въ домѣ Питры.

У Ч Е Н Ы Я   З А П И С К И

ИМПЕРАТОРСКАГО КАЗАНСКАГО УНИВЕРСИТЕТА

на 1892 годъ.

Въ Ученыхъ Запискахъ помѣщаются:

I. Въ отдѣлѣ наукъ: ученныя изслѣдованія профессоровъ и преподавателей; сообщенія и наблюденія; публичныя лекціи и рѣчи; отчеты по ученымъ командировкамъ и извлеченія изъ нихъ; научныя работы студентовъ, а также рекомендованные факультетами труды постороннихъ лицъ.

II. Въ отдѣлѣ критики и библиографіи: профессорскія рецензіи на магистерскія и докторскія диссертации, представляемыя въ Казанскій Университетъ, и на студентскія работы, представляемыя на соисканіе наградъ; критическія статьи о вновь появляющихся въ Россіи и за границей книгахъ и сочиненіяхъ по всѣмъ отраслямъ знанія; библиографическія отзывы и замѣтки.

III. Университетская лѣтопись: извлеченія изъ протоколовъ засѣданій Совѣта, отчеты о диспутахъ, статьи, посвященныя обзорнѣю коллекцій и состоянію учебно-вспомогательныхъ учрежденій при Университетѣ, біографическіе очерки и некрологи профессоровъ и другихъ лицъ, состоявшихъ близко къ Казанскому Университету, обзорнѣю преподаванія, распредѣленія лекцій, актовъ отчетъ и проч.

IV. Приложенія: университетскіе курсы профессоровъ и преподавателей: памятники историческіе и литературные съ научными комментаріями и памятники, имѣющіе научное значеніе и еще не обнаруженные.

Ученныя Записки выходятъ періодически шесть разъ въ годъ книжками въ размѣрѣ не менѣе 15 листовъ, не считая извлеченій изъ протоколовъ и особыхъ приложеній.

Подписная цѣна въ годъ со всѣми приложеніями 6 р., съ пересылкою 7 р. Отдѣльныя книжки можно получать въ редакціи по 1 руб. 50 к. Подписка принимается въ Правленіи Университета.

1—3

Редакторъ **Ө. Мищенко.**

Объ изданіи въ 1892 году Журнала

ГРАЖДАНСКАГО И УГОЛОВНАГО ПРАВА.

Журналъ выходитъ ежемѣсячно (за исключеніемъ вакантныхъ іюля и августа), въ количествѣ 10 книгъ въ годъ, отъ 15 до 20 листовъ каждая.

Цѣна за годовое изданіе:

въ С.-Петербургѣ безъ доставки 8 р.   съ перес. въ другіе гор. 9 р.
съ дост. въ С.-Петербургѣ 8 р. 50 в.   за границей . . . 10 р.

отдѣльно книга журнала 2 р.

Подписчики, желающіе получать, сверхъ того, Рѣшенія Кассационныхъ Департаментовъ Сената, платятъ за журналъ и за рѣшенія съ доставкой въ С.-Петербургѣ и съ пересылкой въ другіе города 13 р. 50 в.

Рѣш. Касс. Деп. Сената выходятъ и рассылаются одинъ разъ въ мѣсяцъ.

Лица, несостоящія въ числѣ подписчиковъ на журналъ, могутъ подписываться въ редакціи отдѣльно на кассационныя рѣшенія по 5 руб. съ доставкою въ С.-Петербургѣ и съ перес. въ иные города.

Допускается разсрочка подписной платы въ слѣдующіе сроки: въ январѣ 5 р., съ кассац. рѣш. 8 р., и въ іюнѣ остальная до подписной цѣны сумма. Гг. дѣйствительные члены С.-Петербургска юридическаго общества пользуются правомъ подписки на журналъ за половинную цѣну, т. е. 4 р. 50 в., а съ кас. рѣш. 9 р. 50 коп. Тоже право представляется студентамъ университетовъ и вообще учащимся и кандидатамъ на судебныя и военно-судебныя должности, удостовѣрившимъ свое званіе.

Гг. иногородные благоволятъ обращаться со своими требованіями исключительно въ редакцію „Журнала Гражданскаго и Уголовнаго Права,“ С.-Петербургѣ, уголъ Мойки и Фонарнаго, д. № 1, кв. 38.

Подписка принимается: въ конторахъ журнала—при книжныхъ магазинахъ въ С.-Петербургѣ: Анисимова, рядомъ съ Публичною Библиотекою, Мартынова, Б. Морская 30, и Чичинадзе, Невскій, 67; въ Москвѣ: Анисимова, на Никольской улицѣ, а равно въ конторѣ редакціи.

Оставшіеся (въ количествѣ четырехъ комплектовъ) экземпляры журнала продаются: за 1879, 81, 83, 84, 85, 86, 87, 88, 89, 90 и 1891 гг. по 9 р., за каждый годъ, съ пересылкою и по 7 р. безъ пересылки. Отдѣльныя книги журнала за означенные годы по 2 р. съ пересылкою.

Объ изданіи
ПРАВОСЛАВНАГО СОБЕСѢДНИКА

въ 1892 году.

ПРАВОСЛАВНЫЙ СОБЕСѢДНИКЪ

будеть издаваться по прежней программѣ, въ томъ же строго православномъ духѣ и въ томъ же ученомъ направленіи, какъ издавался доселѣ, съ 1-го января, ежемѣсячно, книжками отъ 10 до 12 печатныхъ листовъ въ каждой.

Журналъ Православный Собесѣдникъ рекомендованъ Святейшимъ Синодомъ для выписыванія въ церковныя бібліотеки, „какъ изданіе полезное для пастырскаго служенія дууховенства.“ (Синод. опред. 8 сент. 1874 г. № 2792).

Цѣна за полное годовое изданіе, со всѣми приложениями къ нему, остается прежняя: съ пересылкою во всѣ мѣста Имперіи—

СЕМЬ РУБЛЕЙ СЕРЕБРОМЪ.

При журналѣ: „Православный Собесѣдникъ“ издаются „Извѣстія по казанской епархіи,“ выходящія два раза въ мѣсяцъ, нумерами, по 2 печатныхъ листа въ каждомъ, убористаго шрифта.

Причты казанской епархіи, выписывающіе „Православный Собесѣдникъ,“ получаютъ за ту же цѣну и „Извѣстія,“ съ приплатою 1 руб. за пересылку по почтѣ.

Цѣна „Извѣстій“ для мѣстъ и лицъ другихъ епархій и другихъ вѣдомствъ, за оба изданія вмѣстѣ десять руб. сер.—съ пересылкою.

Подписка принимается въ Редакціи Православнаго Собесѣдника, при Духовной Академіи, въ Казани.

Въ той же редакціи продаются по пониженнымъ цѣнамъ:

А. Православный Собесѣдникъ въ полномъ составѣ книжекъ (т. е. съ приложениями): за 1855 г. 4 р. за годъ, за 1860, 61, 65 и 66 годы по 5 р. за годъ, за 1872—79 гг. по 6 р. сер. 1880—91 годы по 7 р. сер. Можно получать и отдѣльныя книжки Собесѣдника за 1855, 56 и 57 гг. по 1 р., а за остальные годы по 80 к. за книжку.

Б. Отдѣльно отъ приложеній одинъ Православный Собесѣдникъ: за 1855 и 56 годы цѣна по 1 р.; за 1877 г. цѣна 2 р.; за 1859—66, по 3 руб. за годъ, 1871—74, 76, 82 и 83 годы, по 3 тома въ каждомъ, по 5 р. за годъ.

2—2

Въ 1892 году
ПРИ КІЕВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ

будутъ издаваться

по прежде утвержденной программѣ:

„ТРУДЫ КІЕВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ,“

Журналъ научнаго содержанія и характера.

Въ немъ будутъ помѣщаться научныя статьи по всѣмъ отраслямъ наукъ, преподаваемыхъ въ духовной Академіи, по предметамъ общезанимательнымъ, по изложенію доступнымъ большинству читателей.

При журналѣ будутъ помѣщаться переводы твореній блаженнаго Іеронима и блаж. Августина, которые въ отдѣльныхъ оттискахъ будутъ служить продолженіемъ изданія, подъ общимъ названіемъ: „Библиотека твореній св. отцевъ и учителей церкви западныхъ.“

Указомъ Св. Синода отъ $\frac{5}{19}$ февраля 1884 г. подписка какъ на журналъ „Труды Кіевской Духовной Академіи,“ такъ и на „Библиотеку твореній св. отцевъ и учителей ц. западныхъ“ рекомендована для духовныхъ семинарій, штатныхъ мужскихъ монастырей, каедральныхъ соборовъ и болѣе достаточныхъ приходскихъ церквей.

„Труды Кіевской Духовной Академіи“ будутъ выходить ежемѣсячно книжками отъ 10 до 12 листовъ.

Цѣна за годъ съ пересылкою „Трудовъ Кіевской Духовной Академіи“—7 р.

Адресъ: въ Редакцію Трудовъ, при Кіевской Духовной Академіи, въ Кіевѣ.

Можно также подписываться въ книжныхъ магазинахъ 1) Н. Я. Оглоблина, въ Кіевѣ, на Крещативѣ,—2) Игн. Л. Тузова, въ С.-Петербургѣ.

Въ редакціи можно получать „Воскресное Чтеніе“ за слѣдующіе годы существованія журнала при Академіи: I (1837—38), V (1841—42), XI (1847—48), XII (1848—49), XV (1851—52), XVII (1853—54), XVIII (1854—55), XIX (1855—56), XX (1856—57), XXI (1857—58), XXIV (1860—61), XXV (1861—62), XXVII (1863—64), XXVIII (1864—65), XXIX (1865—66), XXX (1866—67), XXXI (1867—68), XXXII (1868—69), XXXIII (1869—70), XXXIV (1870—71). Цѣна 3 р. за годъ съ пересылкою. В. Чтеніе за 1879—83 гг. по 4 рубля за экземпляръ съ пересылкою.

Епарх. Вѣдомости за 1880, 81 и 82 гг. (въ сброшюрованномъ видѣ) по 3 р. 50 к., а за 1883, 84, 85 и 86 г. по 4 р. за экземпляръ съ пересылкою.

„Труды Кіевской Духовной Академіи“ продаются по уменьшенной цѣнѣ: 1860—66 и 68 гг. по 3 р.; за 1869—73 гг. по 4 руб.; за 1874—78 гг. по 5 р. съ пересылкою, за 1879—82 гг. по 6 р., за 1883—90 гг. по 7 р. съ перес. Экземпляры „Трудовъ“ за 1884 годъ всѣ распроданы.

Мѣсячныя книжки „Трудовъ“ 1860—73 гг. отдѣльно продаются по 65 к., съ пересылкою 80 к.; 1874—1891 гг. по 1 р. 2—2

Въ 1892 году

17 г. РУССКАЯ МЕДИЦИНА 17 г.

Газета, посвященная всёми отраслямъ врачебной науки и вопросамъ быта врачей.

Выходитъ 4 раза въ мѣсяць, по Воскресеньямъ.

Подъ ред. проф. Н. П. Ивановскаго и д-ра П. А. Илинскаго.

Отдѣлы изданія: 1) Самостоятельныя научныя сообщенія и клиническія лекціи. 2) Врачебная казуистика. 3) Успѣхи медицины а) изъ русской печати и б) за границую. 4) Критическія и библиографическія статьи. Библиографическій указатель. 5) Больничные отчеты и медицинскія общества. 6) Хроника. Новости и извѣстія за недѣлю. 7) Отъ редакціи. Статьи по вопросамъ быта, образованія и проч. 8) Корреспонденціи и фельетонъ. 9) Официальныя извѣстія. 10) Объявленія о вакансіяхъ и проч.

Въ виду готовящихся преобразованій врачебной части Имперіи, редакція въ 1891 г. устремила особое вниманіе на вопросы быта и врачебной практики и дала рядъ статей по нѣкоторымъ изъ нихъ, какъ то: о степени доктора медицины, о врачебномъ гонорарѣ и пр. И на будущее время „Русская Медицина“ продолжитъ разработку этихъ жизненныхъ вопросовъ. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, заручившись обѣщаніями почтенныхъ своихъ сотрудниковъ, помѣщавшихъ свои клиническія работы въ „Русской Медицинѣ“, редакція убѣждена, что и въ этомъ направленіи будутъ удовлетворены интересы читателей. Въ истекающемъ году помѣщены были работы изъ клиникъ и кабинетовъ проф. Л. В. Попова, И. Р. Тарханова, Н. П. Ивановскаго, А. И. Пospѣлова, В. И. Кузьмина, И. К. Зарубина, И. П. Скворцова, Н. Ф. Толочинова, А. А. Раевского, Н. В. Ястребова, А. Д. Павловскаго и др. Равно также многія земскія больницы и военные госпитали дѣлили свои наблюдениями.

Расширяя изданіе, редакція оставляетъ ту же цѣну изданія, т. е. 8 руб. въ годъ и 5 руб. въ полгода.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи „Русской Медицины:“ С.-Петербургъ, Еватерингофскій просп., д. № 19. 1—3

Подписка на 1892 годъ.

„З А П И С К И“

Кіевскаго Отдѣленія Императорск. Русскаго Техническаго Общества
по свеклосахарной промышленности.

Программа „Записокъ:“ протоколы общихъ собраній Отдѣленія, засѣданій Совѣта Отдѣленія и назначаемыхъ Отдѣл. комиссій, правительственныя распоряженія, оригинальныя изслѣдованія, разныя статьи, замѣтки, извѣстія и корреспонденціи, касающіяся разныхъ сторонъ свеклосахарной промышленности; обзоръ литературы по тому же предмету. Кромѣ того, въ „Запискахъ“ будутъ печататься статистическія свѣдѣнія о свеклосахарной промышленности въ Россіи, составляемыя по отчетамъ, обязательно доставляемымъ въ Департаментъ неокладныхъ сборовъ.

„Записки“ выходятъ два раза въ мѣсяцъ, 24 выпуска въ годъ.

Подписная цѣна „Записокъ“ для подписчиковъ внутри и внѣ Россіи 10 р. въ годъ, а для гг. членовъ Отдѣленія—5 р.

Подписка принимается въ Бюро Кіевскаго Отдѣленія Императорскаго Русскаго Техническаго Общества (Кіевъ, Крещатики, домъ Барскаго, № 40).

1—2

Открыта подписка на 1892 годъ

(т. IX, годъ девятый).

У Ч Е Н Ы Я   З А П И С К И

Казанскаго Ветеринарнаго Института
издаются

Казанскимъ Ветеринарнымъ Институтомъ по слѣдующей программѣ:

- I. Отдѣлъ естественно-историческій.
- II. Отдѣлъ гигиеническій и сельско-хозяйственный.
- III. Отдѣлъ нормальной и патологической зоотоміи, гистологіи и физиологіи
- IV. Отдѣлъ клинической (клиники терапевтическая, хирургическая и акушерство).
- V. Отдѣлъ инвазіонныхъ и инфекціонныхъ болѣзней.
- VI. Отдѣлъ ветеринарно-полицейскій и судебный.
- VII. Отдѣлъ критики и бібліографіи.
- VIII. Отдѣлъ научно-практическихъ свѣдѣній.
- IX. Извѣстія и замѣтки.

„Ученыя Записки“ выйдутъ въ 1892 году въ количествѣ 6 вып., составивъ томъ болѣе 20 печатн. листовъ (томъ IX). Цѣна 2 р. съ пересылкой.

Съ требованіями на журналъ и авторовъ, желающихъ помѣстить свои статьи въ журналъ, просятъ обращаться въ Казанскій Ветеринарный Институтъ на имя редактора.

Статьи, не напечатанныя въ „Ученыхъ Запискахъ“, возвращаются авторамъ въ томъ только случаѣ, если на пересылку ихъ будутъ приложены марки. Для отвѣтовъ на письма также должна быть приложена марка.

Въ редакціи имѣются въ незначительномъ количествѣ экземпляры „Ученыхъ Записокъ“ за 1886 годъ (т. III) по 2 рубля за экземпляръ съ пересылкой.

Въ редакціи имѣется незначительное количество экземпляровъ журнала за 1891 годъ (томъ VIII).

Мѣсяць: (новый ст.). **Май.**
 Monat: (neuer, St.). **Mai.**

Число Tag.	Направление и сила вѣтра Метры въ секунду. Richtung und Stärke des Windes. Meter pro secunde.			Направ. облак. Wolken- zug.	Обла. Bewc	
	7	1	9		1	7
1	W ₂	NW ₇	NW ₁	NW ₁	10S	80
2	0	SSW ₅	SSE ₂	?	4 Ccu, cs	3C ₁
3	S ₂	SSW ₇	SW ₁	—	3 C, Cs	
4	W ₃	SW ₃	NE ₃	?	1 Ccu	1C ₁
5	NE ₄	NE ₄	NE ₄	?	2 Cs, S	2 ₁
6	N ₄	NNE ₇	NNE ₃	N ₁	10 Cus	2C ₁
7	ENE ₅	ENE ₁	E ₁	?	2 Cu, Cs	1 ⁰
8	ESE ₃	ENE ₃	ESE ₂	NW ₁ ?	2 Cs	5C ₁ B _E
9	SE ₂	ENE ₂	E ₂	?	9 S	10S ₁ to
10	SSE ₃	SSE ₄	SSE ₂	NW ₁	1Ccu, S	2Ccu
11	W ₄	WNW ₂	NNE ₃	NW ₂	4Ccu, Cs	8C ₁
12	NE ₆	NNE ₇	NNE ₁	?	2Cu	0B0
13	NNW ₃	NNE ₃	0	?	0	0Q ₁
14	W ₁	SW ₃	0	?	8 ⁰ Cir, Cs	0 Ci J
15	NW ₄	WSW ₃	0	?	8 ⁰ Cir, Cs	0Ci
16	S ₇	SW ₄	SE ₂	SW ₂ ?	7Cs, Cus	8Cu ₁
17	SSE ₄	SSE ₅	S ₄	?	3Cu	0C
18	SE ₇	S ₉	S ₇	S ₂	0Cs	8 ¹
19	W ₇	NW ₈	NE ₃	WNW ₂ W ₁	10N	5Cu, 1
20	NE ₁	SSW ₂	WNW ₂	SW ₂	1Cs	5C ₁ зем
21	WNW ₂	SSW ₄	SSE ₂	SW ₁	1C, Cs	7 ⁰ C ₁ ня
22	S ₁	SSW	S	?	1C Cs	0C

рологическихъ наблюдений и т. п.

Г. КІЕВЪ.

БЛИЦА

ЕСКНХЪ ПАВЛЮДЕШІЙ.

K I E W.

OROLOGISCHE
TUNGS - TABELLE.

Бібліотека Університета Св. Володиміра.
Bibliothek der Universität St. Wladimir.

$\varphi = 2^h 2' 0''$

*Яничкій.
anizky.*

183, ^m 1

ЛН: 3, ^m 5

183, ^m 1 — 3, ^m 5

183, ^m 1

О Б Ъ И З Д А Н І И

УНИВЕРСИТЕТСКИХЪ ИЗВѢСТІЙ

въ 1892 году.

Цѣль настоящаго изданія остается прежнею: доставлять членамъ университетскаго сословія свѣдѣнія, необходимыя имъ по отношеніямъ ихъ къ Университету, и знакомить публику съ состояніемъ и дѣятельностію Университета и различныхъ его частей.

Согласно съ этою цѣлью, въ Универс. Извѣстіяхъ печатаются:

1. Протоколы засѣданій университетскаго Совѣта.
2. Новыя постановленія и распоряженія по Университету.
3. Свѣдѣнія о преподавателяхъ и учащихся, списки студентовъ и постороннихъ слушателей.
4. Обзорнія преподаванія по полугодіямъ.
5. Программы, конспекты, и библиографическіе указатели для учащихся.
6. Библиографическіе указатели книгъ, поступающихъ въ университетскую бібліотеку и въ студенческой ея отдѣлъ.
7. Свѣдѣнія и изслѣдованія, относящіяся къ устройству и состоянію ученой, учебной, административной и хозяйственной части Университета.
8. Свѣдѣнія о состояніи коллекцій, кабинетовъ, музеевъ и другихъ учебно-вспомогательныхъ заведеній Университета.
9. Годичные отчеты по Университету.
10. Отчеты о путешествіяхъ преподавателей съ учеными цѣлями.
11. Разборы диссертаций, представляемыхъ для полученія ученыхъ степеней, соисканія наградъ, pro venia legendi и т. п., а также и самыя диссертаци.
12. Рѣчи, произносимыя на годичномъ актѣ и въ другихъ торжественныхъ собраніяхъ.
13. Вступительныя, пробныя, публичныя лекціи и полныя курсы преподавателей.
14. Ученые труды преподавателей и учащихся.
15. Матеріалы и переводы научныхъ сочиненій.

Указанныя статьи распределяются на двѣ части—1) —оффициальную и протоколы, отчеты и т. п. 2) —неофициальную (статьи научнаго содержанія), съ отдѣлами—*критико-библиографическимъ*. посвященнымъ критическому обзорнію выдающихся явленій ученой литературы (русской и иностранной), и *научной хроники* заключающимъ въ себѣ извѣстія о дѣятельности ученыхъ обществъ, состоящихъ при Университетѣ, и т. п. свѣдѣнія. Въ *прибавленіяхъ* печатаются матеріалы, указатели бібліотеки, списки, таблицы метеорологическихъ наблюденій и т. п.

S.

Университетскія Извѣстія въ 1892 году будутъ выходить въ концѣ каждаго мѣсяца, книжками, содержащими въ себѣ до 20 печатныхъ листовъ. Цѣна за 12 книжекъ Извѣстій безъ пересылки шесть рублей пятьдесятъ копѣекъ, а съ пересылкой семь рублей. Въ случаѣ выхода приложеній (большихъ сочиненій), о нихъ будетъ объявлено особо. Подписчики Извѣстій, при выпискѣ приложеній, пользуются уступкою 20%.

Подписка и заявленія объ обмѣнѣ изданіями принимаются въ канцеляріи Правленія Университета.

Студенты Университета Св. Владиміра платятъ за годовое изданіе Университетскихъ Извѣстій 3 руб. сер., а студенты прочихъ Университетовъ 4 руб.; продажа отдѣльныхъ книжекъ не допускается.

Гг. иногородные могутъ обращаться съ требованіями своими къ комиссіонеру Университета Н. Я. Оглоблину въ С.-Петербурзь, на Малую Садовую, № 4-й, и въ Кіевѣ, на Крещатикѣ, въ книжный магазинъ его же, или непосредственно въ Правленіе Университета Св. Владиміра.

Редакторъ В. Шконниковъ.

S.

